

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

на коне бледном

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ на коне бледном

ПИРС ЭНТОНИ

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

ВОПЛОЩЕНИЯ
БЕССМЕРТИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

НА КОНЕ БЛЕДНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

Миры Пирса Энтони. На коне бледном /
Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 377 с.

Эту книгу составил первый роман фантастической эпопеи о Воплощениях Бессмертия — сверхъестественных силах, правящих нашей жизнью. Главным героем романа станет Смерть, скачущая на бледном коне и собирающая жатву душ.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

ISBN 5-88132-330-0

On a Pale Horse
Copyright © 1983 by Piers Anthony Jakob
На коне бледном
© Р. Шитфар, перевод, 1997
© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

От издательства

«**M**

иры Пирса Энтони» — собрание сочинений одного из самых интересных, плодовитых и любимых читателями фантастов Америки — открывает первый роман семитомного цикла «Воплощения бессмертия» «На коне бледном».

Несмотря на свою огромную известность на родине, для российских любителей фантастики автор «Ксанта» и «Голубого адепта» (а также еще доброго десятка сериалов) долгое время оставался в тени, а его произведения, сочетающие в себе изящество стиля, буйную фантазию и тугу закрученный сюжет, почти не публиковались в нашей стране. Теперь это упущение будет в некоторой мере исправлено.

Пирс Энтони с одинаковым успехом работает и в области более респектабельной научной фантастики, и в легкой фэнтези. Сериал «Воплощения бессмертия» сочетает в себе признаки обоих жанров. В созданном воображением писателя причудливом мире, очень похожем на наш, автомобили конкурируют с коврами-самолетами, по улицам свободно разгуливают призраки, магия сочетается с технологией, а Сатана разворачивает рекламную кампанию по привлечению в ад новых грешников, причем делает это согласно лучшим американским канонам — расставляя плакаты вдоль автострад и предлагая потенциальным клиентам грешные

наслаждения «в кредит» за проценты от бессмертной души. И клиенты находятся — впрочем, немногие из людей способны противостоять *дьявольски* назойливой рекламе.

Равновесие Вселенной, ставшей полем боя между Добром и Злом, поддерживают Воплощения Бессмертия — люди, занимающие *должности* вселенских сил. Но Бог устранился от вмешательства в дела мирские, и теперь только пятеро Воплощений — Смерть, Время, Судьба, Война и Природа — противостоят Сатане, стремящемуся сорвать большую часть населения планеты, а затем развязать армагеддон третьей мировой.

И первой в ряду Воплощений стоит Смерть, скачущая на бледном коне и пожинающая души. Место Воплощения занимает ничем не примечательный фотограф Зейн Грей. Но, одев плащ Смерти, он оказывается вынужден сражаться с самим Князем Ада, стремящимся похитить отягощенную чужим злом душу возлюбленной Зейна... и погубить все человечество!

НА КОНЕ БЛЕДНОМ

Глава 1

Вещий камень

-А это — смерть, — отчетливо произнес владелец лавки, демонстрируя незамысловатое золотое кольцо с ярко-красным рубином, сверкающим множеством граней. — Хороший камень, и довольно большой — целый карат.

Зейн вздрогнул и мотнул головой:

— Спасибо, мне такого не надо!

Его собеседник снисходительно улыбнулся. Подобное выражение на лице хозяин лавки явно приберегал для колеблющихся простаков, которых надо раскрутить, чтобы они не ушли с пустыми руками. Он был элегантно одет, но впечатление портил болезненно-желтоватый цвет кожи; так выглядят люди, редко выходящие на солнце.

— Вы меня неправильно поняли, уважаемый сэр. Этот великолепный камень не приносит гибель своему владельцу. Совсем наоборот, он помогает избежать ее!

Зейна слова торговца не успокоили.

— Тогда почему он называется...

— Камнем смерти? — И снова противная снисходительная усмешка — опытный делец успокаивает нервного подозрительного покупателя. — Он всего лишь извещает того, кто его носит, о близости кончины. Чем больше и быстрее рубин темнеет, тем сильнее и явственнее опасность. А значит, у вас будет масса времени, чтобы избежать ее.

— Но ведь это парадокс! — Зейн видел рекламу таких колец — как правило, стоили они очень и очень

недешево, — однако всегда считал, что их магические свойства — скорее плод буйной фантазии создателей роликов, чем реальность. — Если предсказание не сбывается, тогда...

— Никаких парадоксов, сэр, — голос продавца звучал по-профессиональному убедительно. — Просто своеевременное предупреждение о смертельной угрозе. Трудно найти более ценного помощника. Что может быть дороже жизни, верно?

— Если она стоит того, чтобы дорожить ею, — мрачно пробурчал Зейн.

Он производил впечатление неприметного и довольно невзрачного молодого человека. Лицо, словно лунки, усеивали следы от угрей, против которых оказались бессильны и медицина, и магия. Блекло-каштановые волосы всегда выглядели растрепанными, а зубы, вопреки моде, были неровными. Классический ипохондрик.

— Предположим, рубин потемнеет, я построю жизнь по-другому, и со мной ничего не произойдет. Может, мне помог камень, а может, и нет. Что, если он просто меняет цвет? Таких элементарных заклинаний сколько угодно! Как вы докажете, что предсказание сбылось? А если, скажем, ваш талисман вовремя не предупредит об опасности и я умру, то уже никому не пожалуюсь на обман. Я ведь буду на том свете! — Зейн рассеянно поскреб щеку. — Если кольцо не сработает, как я смогу получить компенсацию?

— Вы мне не доверяете? — Владелец лавки нахмурился, демонстрируя, что покупатель оскорбил его в лучших чувствах. Ему было лет сорок с небольшим, и, несмотря на нездоровий цвет кожи, он казался довольно импозантным. Благодаря простому заклинанию тщательно уложенные волнистые каштановые волосы всегда выглядели так, словно он только что побывал у парикмахера. — У меня весьма респектабельный салон. Уверяю вас, все здесь подлинное!

— В «Откровениях Иоанна» сказано, что Смерть — всадник на коне бледном, за которым следует Ад, — произнес Зейн, поддавшись мрачному настроению. Он явно питал какое-то извращенное пристрастие к этой теме. — Неужели обычный цветной камешек способ-

бен так просто остановить всепобеждающую силу разрушения? А поскольку здесь проверить что-то очень сложно, вряд ли талисман принесет реальную пользу владельцу. Ведь убедиться в силе кольца можно лишь одним способом: когда рубин потемнеет, ничего не предпринимать. Если он все предсказывает правильно, ты обречен, а если нет — стал жертвой надувательства. Стало быть, как бы дело ни обернулось, покупатель проигрывает в любом случае. Шансов на победу никаких. Я уже играл в такие игры. Нет, с меня хватит!

— Хорошо. Я дам вам возможность убедиться, что никакого обмана тут нет, — заявил хозяин. Отметив присущую посетителю болезненную впечатлительность, он решил, что напористость принесет успех и есть смысл повозиться. — Вы правы, в подобных делах полезно проявлять недоверие. Такого, как вы, нельзя превести, подсунув фальшивку. Проверьте его сами.

— Бесплатно? — Зейн пожал плечами, старательно изображая полное безразличие. — Боюсь, на самом деле ваш камень стоит столько же, сколько демонстрация его фантастических достоинств.

На сей раз улыбка хозяина была искренней. Как рыбка ни старалась ускользнуть, она вот-вот попадется на крючок — клиенты, которые не собираются ничего покупать, не утружддают себя рассуждениями и спорами.

Торговец открыл стеклянный стенд, заговоренный против воров, вытащил кольцо и протянул потенциальному покупателю.

Ухмыльнувшись, Зейн взял талисман и осторожно надел на самый кончик большого пальца.

— Ну вот. Если только мне сейчас не угрожает какая-нибудь смертельная опасность, как мы убедимся...

Он оборвал себя на полуслове: камень сразу начал темнеть! Ярко-алый цвет сменился бордовым, рубин потускнел, стал матово-темным, почти черным.

Пораженный, Зейн на мгновение забыл, где находится. Смерть... Неотвязное чувство вины за гибель близкого человека преследовало его с тех пор, как не стало матери. Он бросил взгляд на левую руку. Палец горел, будто сверкающая капля крови прожгла кожу.

Перед глазами возникло ее лицо, с которого уже стерлась гримаса боли. Как он мог забыть такое?

— Внезапная кончина через несколько часов! — ошеломленно воскликнул хозяин лавки. — Камень стал совсем черным! Ни разу не видел, чтобы он так быстро темнел!

Зейн пришел в себя. Нет, он просто не имеет права верить талисману!

— Что ж, раз в ближайшее время меня не станет, камень смерти мне уже ни к чему.

— Совсем наоборот, уважаемый сэр! — настойчиво заговорил торговец. — Мое кольцо даст вам возможность бросить вызов судьбе! Подумайте о том, как можно изменить свою жизнь, и если цвет вернется, вы на верном пути. Вы в состоянии спастись! Но чтобы отвести смерть, необходимо иметь при себе этот уникальный вещий камень. Он станет вашим неизменным спутником и верным помощником. В противном случае сегодня вы умрете! Таким пророчеством нельзя пренебрегать! Талисман ясно указывает на близость неминуемой гибели!

Зейн заколебался. Теперь он смотрел на камень с невольным уважением. Значит, все это не просто болтовня! Рубин действительно предупреждает об опасности. Но, надев кольцо, он думал о смерти; может быть, талисман изменил цвет, отреагировав на настроение своего временного владельца? Простые и дешевые заклинания-индикаторы эмоций даже не заслуживают, чтобы их называли магическими. Наверное, существует масса мелких хитростей, способных заморочить голову таким, как он, простакам. И все-таки...

— Сколько вы за него хотите?

— Как дорого можно оценить жизнь? — В глазах владельца лавки появился хищный блеск.

— Ну, если камень не ошибается, моя сейчас стоит не больше двух центов, — мрачно отозвался Зейн. Однако, хотя в голосе молодого человека звучала безнадежность, сердце его учащенно билось, не желая остановиться навеки.

— Хорошо, два цента. В минуту. — Продавец готовился нанести последний удар. — Но вам сказочно повезло! Сегодня этот прекрасный камень с неверо-

ятными свойствами можно купить со скидкой в пятьдесят процентов! Я продам его всего за цент в минуту. Сумма включает бесплатное обслуживание до истечения срока гарантии, проценты, а также...

— Сколько получается за месяц? — Зейн чувствовал, что, помимо воли, поддается нажиму.

Владелец лавки вынул карманный калькулятор и стал торопливо нажимать на кнопки.

— Четыреста тридцать два доллара.

Зейн осталబенел. Он ожидал, что сумма окажется внушительной, но такое!.. За эти деньги семья может купить неплохой дом.

— Как долго он будет работать?

— Пятнадцать лет или чуть меньше.

— Чуть меньше?

— Если камень даст сбой, вам выплатят компенсацию.

— Ну разумеется! — хмыкнул Зейн. «Сбой», то есть ошибка талисмана, означал смерть владельца. Предприимчивые торговцы намеревались заработать, даже если камень смерти не в силах защитить хозяина. Зейн быстро прикинул в уме, сколько стоят услуги магического рубина за время его службы. Всего придется заплатить чуть больше семидесяти пяти тысяч! Сумма внушительная, очень внушительная! Камень был в буквальном смысле дороже жизни — по крайней мере, жизнь самого Зейна сейчас стоила неизмеримо меньше...

Он молча протянул кольцо продавцу. Едва тот взял его, как рубин вернул себе прежний кроваво-красный цвет и стал прозрачным. Прекрасный камень, даже если у него нет никаких магических свойств.

— Что еще вы можете предложить? — Несмотря на недавнее потрясение, Зейн хотел найти что-то, способное ему помочь.

— Любовь! — с готовностью отозвался хозяин лавки и извлек откуда-то такое же золотое кольцо, укрупненное голубым матовым сапфиром.

Зейн осмотрел камень.

— Любовь? Как в какой-нибудь мыльной опере, что ли? Романтическое знакомство? Девушка, внезапная страсть, а потом свадьба?

— Да, что-то в этом роде.

Лучезарная улыбка продавца заметно потускнела. Очевидно, неудачный первый заход серьезно поколебал его энтузиазм. Кому понравится, если рыбка скользнет с крючка! Новый камень скорее всего стоил не так дорого, а стало быть, меньше возможная прибыль.

— Камень светлеет, когда появляется шанс завязать роман. Знаете, сапфир по химическому составу практически ничем не отличается от рубина, но, поскольку он не такой редкий, стоит гораздо дешевле. Выгода налицо! Талисман приведет вас к девушке вашей мечты.

Зейн недоверчиво покачал головой:

— Разве можно найти себе пару с помощью какого-то подобия компаса? В таких делах нельзя игнорировать социальные аспекты и тем более проблему совместимости...

— Камень любви учитывает это, сэр. Он взвешивает весь комплекс факторов и, исходя из общего знаменателя, ориентирует вас единственно верным образом. Действуя на свой страх и риск, вы рискуете ошибиться, сделать неудачный выбор со всеми вытекающими последствиями. Это может обернуться трагедией. Мой талисман предотвратит беду.

— Но ведь часто возникают не одна, а несколько прекрасных возможностей, — возразил Зейн. — Нужели обычный драгоценный камень способен выбрать наилучший вариант?

— Все зависит от обстоятельств, уважаемый сэр. Есть женщины, которые станут идеальной спутницей жизни любого. Они красивы, талантливы, умны, способны хранить верность. Каждый мужчина мечтает о такой. Увы, подобное сокровище в свое время наверняка разглядел и смог заполучить какой-нибудь счастливчик, друг детства, так что практически все подобные девушки уже благополучно вышли замуж. Существуют те или иные причины, как бы уменьшающие привлекательность; скажем, болезнь или серьезные проблемы в семье. Камню любви открыто все. Он обращает внимание владельца лишь на наиболее достойную из доступных в данный момент дам. Ошибка исключена. Просто поверните кольцо так, чтобы сапфир

засиял в полную силу, и он, как магнит, приведет вас к цели. Вы не будете разочарованы!

Продавец протянул Зейну новый талисман:

— Бесплатная демонстрация способностей камня. Попробуйте!

— Ну, не знаю... Если получится так же, как в прошлый раз...

— Но ведь это любовь! Как тут можно остаться в убытке?

Зейн вздохнул и взял кольцо. Да, красивый камень, ничего не скажешь, вдвое больше рубина. Его возможности не могут не заинтриговать. Настоящее любовное приключение — какой мужчина не мечтает о таком!

Как только Зейн прикоснулся к талисману, сапфир начал светиться и стал прозрачным, как ясное небо.

И вновь сердце сжалася старая боль. Любовь... Еще один грех, не дающий покоя до сих пор. Когда-то он встретил девушку. У нее было все — доброта, ум, привлекательность. Она хотела связать с ним свою судьбу. Девушка ему нравилась, наверное, даже не просто нравилась, и она несомненно любила его. Слишком пылко любила. Единственный минус, хотя его оказалось достаточно...

— Идеальный роман не позже чем через час! — В голосе продавца слышались искреннее изумление и зависть. Зейн отвлекся от своих мыслей. — Да вы настоящий счастливчик, уважаемый сэр! Никогда не видел, чтобы камень светился так ярко!

Идеальный роман? Но ведь в его жизни уже было такое. Откуда талисману знать, что именно ему нужно?

Зейн вернул кольцо:

— Мне очень жаль, я не могу себе это позволить.

— Не можете позволить себе найти свое счастье? —

Владелец лавки всем своим видом выразил крайнее недоумение.

— Любовью сыт не будешь.

Собеседник наконец сообразил, что к чему. В глазах его появился холодный блеск.

— Значит, вас не удовлетворяет материальное положение?

Зейн глубоко вздохнул:

— Да. Наверное, я только зря трачу здесь время и морочу вам голову.

Он повернулся к выходу.

Владелец схватил молодого человека за руку. Страх упустить свой шанс заставил его забыть о солидности.

— Постойте! У меня есть именно то, что вам нужно!

— Но я не смогу заплатить за товар!

— Сможете,уважаемый сэр.

Зейн освободился.

— Знаете, почему камень смерти почернел, когда я надел его? Потому что очень скоро я умру от голода! Сам не знаю, как я оказался здесь. Просто шел куда глаза глядят... На самом деле мне не по карману даже самый дешевый из этих талисманов. Простите, что невольно ввел вас в заблуждение.

— Ни в коем случае,уважаемый сэр! Я повесил над входом камень продаж. Когда вы появились, он стал светиться. Вы обязательно что-нибудь здесь купите! — Продавец торопливо схватил один из выставленных на стенде образцов. — Вот то, что вам нужно!

— Вы, наверное, не поняли. У меня нет ни гроша!

— Это камень богатства!

— То есть?

— Он решит все проблемы с деньгами. Убедитесь сами!

— Но ведь...

Невзирая на протесты, продавец заставил Зейна взять камень. Тот продавался без оправы. Огромный, больше ста карат, звездчатый сапфир, однако очень низкого качества. Цвет колебался от дымчато-серого до мутно-коричневого, кое-где виднелись мелкие черные вкрапления, а концентрические круги делали его похожим на мишень. Зато звезда в середине просто завораживала; шесть ее тонких лучей, словно длинные пальцы, охватывали овальный талисман, а центр, где они сходились, будто парил над блестящей отшлифованной поверхностью.

Зейн потряс головой, моргнул, пытаясь избавиться от наваждения... Нет, ему не почудилось. Звезда действительно нависала над сапфиром: камень и впрямь обладал магической силой!

— Согласен, он не очень-то красив, но мой товар ценится не столько за внешний вид, сколько за фантастические свойства, — произнес продавец. — Талисман действует не хуже тех, силу которых вы уже проверили, хотя у него несколько иные способности. Именно такой помощник вам сейчас необходим. Бессценный экземпляр!

— Я уже пытался вам объяснить, что не смогу...

— Я сказал «бессценный», уважаемый сэр! Его нельзя приобрести за доллары.

— Ну да, ведь камень сам их приносит, — кивнул Зейн, вновь заинтригованный ситуацией.

— Именно! Он даст вам столько денег, сколько потребуется — теоретически может обогащать владельца на тысячу долларов ежедневно.

— Опять у вас получается парадокс. Зачем тогда продавать такое сокровище? Оставьте его себе, и все тут!

Владелец лавки нахмурился:

— Должен признаться, подобное искушение не раз посещало меня. Но тогда я нарушу наши правила и должен буду понести наказание. Если мне придет в голову использовать какой-нибудь из выставленных здесь чудодейственных талисманов, другие перестанут работать. По крайней мере я не смогу на них полагаться. Они аннулируют воздействие друг друга. Поэтому я очень осторожно и редко пользуюсь такими средствами, не считая камня продаж, без которого работа просто не пойдет. Мой доход составляют комиссионные. Ничем иным я не пользуюсь.

Зейн обдумал его слова. Владелец лавки может скрывать, что его товар «заряжен» с помощью черной магии, то есть талисманы помогают Дьяволу получить души их владельцев. Торговцы наркотиками часто сами не употребляют таковые, чтобы их плоть и душу не разрушило зелье, которым они ради наживы травят других. А ведь черная магия гораздо страшнее, чем травка. Что ж, по крайней мере такое вполне логично. Торговцы редко сами пользуются своим товаром.

— Хорошо, тогда как вы оцениваете камень?

— Обратите внимание, как четко выделяется тут звезда, — произнес хозяин лавки. — Когда вы обращаетесь к магическим способностям талисмана, она

поднимается в воздух и не возвращается на свое место, пока не исполнит то, что ей предназначено. Можно легко определить, когда камень «работает».

Торговец явно уклонялся от прямого ответа на вопрос.

— Да, если он и вправду способен работать, — резко произнес Зейн.

Владелец лавки решил, что на сей раз сделка может состояться.

— Бесплатная демонстрация! Смотрите на камень и думайте о деньгах. Вот и все, что нужно, чтобы талисман начал действовать.

Зейн сосредоточил все внимание на сапфире. Через несколько мгновений звезда действительно «вспыхнула» с камня и, свесив лучи, точно лапки, медленно облетела комнату. Магия действует!

Перед глазами вновь встали картины недавнего прошлого. Рулетка, безудержный азарт, пущенные на ветер деньги... Каким же он был идиотом! Неудивительно, что сейчас он оказался почти нищим. Если бы только...

Звезда подлетела к ноге Зейна. Молодой человек невольно отступил, однако талисман словно преследовал его.

— Смотрите внимательно, куда он указывает, — произнес продавец.

— А если камень приведет к чужому бумажнику?

Собеседник сделал вид, что предположение его шокировало.

— Ну что вы! Он указывает лишь на деньги, которые можно получить совершенно честным путем! Никаких махинаций или, упаси Господи, воровства! Это составная часть магической формулы. В конце концов, вещи, о которых вы говорили, у нас преследуются законом. **ФСКК** — Федеральная служба контроля за колдовством — проверяет сигналы о злоупотреблениях...

— А сигналы об использовании черной магии?

Хозяин лавки старательно изобразил ужас:

— Уважаемый, я никогда ни при каких обстоятельствах не стану прибегать к запретным методам! Мои заклинания — чистейшая белая магия! Зачем нарушать законы Божеские и человеческие?

— Черные колдуны признают только свои правила, — пробормотал Зейн.

— Нет, нет! — воскликнул торговец. — Все товары в этом салоне прошли проверку на соответствие нормам. Мне выдан сертификат, удостоверяющий, что в формулах талисманов использована только белая магия.

Впрочем, Зейн знал, что цена такого сертификата прямо пропорциональна степени порядочности и не-подкупности чиновника, который ее выдал. Белая магия не приемлет обмана, ведь ее источник — сам Господь, но черная часто маскируется под нее. Естественно, породившая ее сила, Сатана — Отец Лжи, стремится перехитрить людей, всучить свой товар под чужой маркой. Непосвященному порой бывает трудно пройти четкую грань между двумя противоположными видами колдовства. Конечно, можно отдать камень богатства на оценку специалисту, который определит, кроме всего прочего, использовалась ли при его создании черная магия. Однако, во-первых, придется заплатить немалые деньги, а во-вторых, надо сначала купить кольцо. Если результаты проверки окажутся неутешительными, покупатель все равно проиграет!

Тем временем звезда добралась до ботинка Зейна и замерла, словно ожидая чего-то.

— Приподнимите ногу, сэр, — посоветовал продавец.

Он повиновался, и талисман, словно насекомое, скользнул по полу. Странно! Охваченный любопытством, молодой человек пригляделся. К сношенной подметке прилипла монетка. Звезда приникла к ней, обхватив лучами находку. Зейн отковырнул медный пенс, и она тут же вернулась на свое место, в сапфир.

Сработало! Как и говорил продавец, камень указал на «ничьи» деньги, взять которые можно, не нарушив закон. Конечно, сумма ничтожная, но вряд ли в такой лавке покупатели часто теряют наличность... Важно то, что он убедился в действенности заклинания.

Какие тут открываются возможности! Расплатиться с долгами, сделать свое существование намного более сносным. Спасти от нищеты и голода и, кто знает, может, даже найти любовь? Для богатого ведь это не

проблема! Господи, неужели он наконец освободится от тяжкого бремени бедности?

— Сколько? — спросил Зейн, боясь услышать ответ. — Я понимаю, что расплачиваться придется не деньгами...

Владелец усмехнулся, уверенный, что теперь-то наконец сделка состоится:

— Нет, конечно, в данном случае деньги меня не устраивают. Я хочу взамен кое-что не менее ценное.

Зейн почему-то не сомневался: ему не понравится то, что он сейчас услышит. Но как бы там ни было, камень богатства необходим! Неважно даже, использовалась при его создании черная магия или нет. Кто об этом узнает?

— Что же вам тогда нужно?

— Возможность познакомиться с девушкой моей мечты. — Продавец облизнул пересохшие губы, впервые выказав нервозность, неприсущую человеку его профессии. — Камень любви ясно показал, что примерно через час вам суждено встретить свою избранницу.

— Но ведь я не собираюсь покупать талисман, а стало быть, романтическое знакомство не состоится.

— Верно, однако вместо вас ее может встретить кто-то другой.

Зейн снисходительно посмотрел на собеседника — как ему хочется найти идеальную спутницу жизни!

— Ведь вы владелец камня. Что вам мешает самому испробовать его магическую силу? Зачем понадобился я?

— Без вас никак не обойтись, уважаемый сэр, — быстро произнес хозяин магазина. — Я же говорил, что не могу сам использовать талисманы — это пагубно повлияет на бизнес. Но даже если я и решусь, в обозримом будущем мне все равно не суждено найти любовь. Мне предстоит долгая жизнь, я доволен своим положением, но в личном плане — вы меня понимаете? — полная неопределенность. Я бы многое отдал, чтобы познакомиться с хорошей девушкой, которой можно доверять, которой нужны от меня не только деньги. Именно такой, как та, с которой вы сегодня встретились бы, купи вы сейчас камень любви и используй к своей вящей выгоде.

— Вы только что сказали, что сами не прибегаете к услугам талисманов, которыми торгуете, — недоверчиво произнес Зейн, — однако, кажется, отлично осведомлены о своем будущем.

— Есть иные способы узнать, что тебе суждено, — неохотно отозвался собеседник. — Я регулярно обращаюсь к гороскопам и предсказаниям; все они говорят, что мне повезет в бизнесе, но не в любви.

— Как же мои потенциальные возможности принесут пользу вам? Вы ведь знаете, что не обретете счастливой любви?

— Ничего подобного! У меня не будет своего шанса, но я могу воспользоваться вашим — если, конечно, мы договоримся. Человек способен перехитрить свою судьбу. Женщина предназначена для вас, однако может достаться и мне. По тому, как сейчас вел себя талисман, видно, что она прекрасно подходит разным типам мужчин, в том числе и такому, как я. Весьма привлекательная особа... привлекательная во многих отношениях. И хотя она не такой идеальный вариант для меня, как для вас, все равно подобную возможность упускать просто грешно. Ведь прочными бывают не только союзы, которые, так сказать, заключаются на небесах, правда?

— Это ваш камень, — упрямо повторил Зейн. — Используйте его сами. Нанесет урон торговле? Что ж, ради личного счастья стоит пожертвовать бизнесом. Вы ведь так хотите найти истинную любовь...

Предчувствие, что сейчас он потеряет что-то очень ценное, не давало покоя. Может, все-таки надо воспользоваться услугами талисмана? Если то, что его ожидает, и вправду так заманчиво...

Именно этого от него и ждет хозяин лавки. Он собирается всучить непомерно дорогой камень, так что и сам Зейн, и его будущая жена станут должниками ловкого дельца до конца жизни. Поэтому надо не поддаваться и отвергать сомнительное соглашение, которое ему так ловко пытаются навязать. Но в то же время он будет всячески подыгрывать хозяину в его стремлении найти настоящую любовь.

Зейн всегда любил игры подобного рода, когда надо использовать не мускулы, а разум; он вообще питал

склонность к интеллектуальным занятиям. До того как жизнь пошла наперекосяк, он получил приличное образование, любил искусство, поэзию. Но все усилия пошли насмарку, природные данные остались невостребованными.

— Камень действительно мой, однако шанс найти любовь с его помощью есть только у вас, — торговец казался абсолютно искренним. — Даже если бы я решился пожертвовать своим положением — а я не готов к такому, — то все равно не смог бы использовать камень. Вам, и только вам предназначено судьбой встретиться с девушкой. Я тут просто ни при чем. Не так-то просто изменить свое будущее.

— Прискорбно. — На самом деле Зейн не испытывал ни капли сочувствия. Он не питал симпатии к зажиточным господам, желающим приобрести еще и любовь. Попробуйте найти человека, который не мечтал бы получить и то и другое!

— А вы можете разыскать ее. И когда мы определим, кто она...

— Но мне не на что купить камень! — Зейн не сбирался брать на себя какие-либо обязательства.

— Вы не поняли,уважаемый сэр. Вам вовсе не нужно ничего приобретать. Найдите с его помощью ту, которую вам предназначила судьба, а встречусь с ней вместо вас я.

— Понятно. — До Зейна наконец дошло, чего от него хочет продавец. Значит, это все-таки серьезно... Надо выяснить, где тут скрыт подвох.

— Да, очевидно, ваш план может сработать. Но с чего бы мне оказывать вам такую крупную услугу?

— За камень богатства, — объяснил владелец лавки, осторожно забирая у Зейна бесценный сапфир.

Теперь все встало на свои места. Он по собственной глупости оказался в ловушке, недооценив умение и хитрость опытного деляги.

— Вы уступите мне один талисман за то, что я помогу вам использовать другой. Мне нужны деньги, вам — любовь. — Зейн помолчал, собираясь с мыслями. Оставался неясным только один момент. — А будет кольцо действовать, если я не настоящий владелец?

— Талисман помогает любому, кто его носит. Собственность — институт, присущий человеческому обществу, камень в подобных условиях не разбирается. Строго говоря, нашу сделку вообще нельзя четко зафиксировать. Но не беспокойтесь, я выдам свидетельство об оплате за камень богатства, если мы договоримся. В подобных делах деньги роли не играют. Такая возможность дается раз в жизни. — Владелец магазина небрежно выписал квитанцию.

Что ж, вполне приемлемые условия, если, конечно, тут все чисто. Он получает камень богатства в обмен на возможность знакомства, которую сам же только что отверг.

Зейн отличался импульсивным — может быть, даже взрывным — характером. Что тут раздумывать?

— Идет!

Квитанцию оформили за считанные секунды. Камень богатства (одна штука) передается такому-то в качестве уплаты за некую услугу, вышенназванное лицо вступает в права владения талисманом после оказания таковой... Зейн засунул бумажку в карман, взял кольцо, невольно залюбовавшись дивным голубым сиянием сапфира, и направился к открытой двери, сквозь которую в полутемное помещение врывались солнечные лучи.

Яркий свет ослепил его. Зейн немного постоял, а когда глаза снова стали видеть нормально, обнаружил, что стоит прямо перед вывеской лавки. Он пригляделся. «Чечевичная похлебка». Как символично! В Библии говорится, что Исаев продал свое первородство Иакову за чечевичную похлебку...

Так, теперь посмотрим, как действует талисман... Зейн направлял кольцо во все стороны, пока камень не стал похож на ослепительную голубую звездочку. Значит, надо идти на север. Хозяин заведения последовал за ним.

Но свечение постепенно угасало. Зейн повернулся. Бесполезно — сапфир лишь слабо мерцал.

— Думаю, пока холодно.

Однако его спутника такое вовсе не встревожило.

— Дело не только в том, чтобы узнать направление. Талисман указывает на специфическое стече-

обстоятельств. Вы должны действовать определенным образом, и тогда сбудется то, что он предсказывает. Камень укажет место встречи.

— Но раз он не говорит мне, что надо делать, как тогда...

— Просто гуляйте. Следите за кольцом. Тут может быть столько всяких вариантов... — В голосе владельца магазина все же слышались тревожные нотки. Если не удастся найти девушку, сделка, разумеется, не состоится.

Зейн повернулся направо. Он миновал павильон дешевых киноавтоматов, где подростки сгрудились вокруг старомодных чудовищ, не отрывая жадных взглядов от экранов и мерзко гогота. Судя по всему, их так привлекли все же не детские комиксы. На большой вывеске красовалось довольно нелепое название с не-приличным подтекстом, «Ночные бдения», и был изображен паровозик, из трубы которого вырывались кругленькие облачка дыма.

— Попробуйте пойти в другом направлении, — сказал торговец. — Камень никак не реагирует.

Сейчас он уже явно нервничал.

Зейн повернулся и отправился к лавке, откуда только что вышел. Миновал ее, подошел к книжному магазинчику.

— Никакого результата.

— Дайте-ка подумать, — отозвался его спутник, останавливаясь перед витриной, где красовались издания по научной магии. — Куда вы направлялись?

— Просто шатался по улице, уставившись на ваш чертов камешек, тщетно надеясь увидеть хоть какой-то знак, — сухо ответил Зейн.

— Вот в этом-то и проблема. Нужно действовать целенаправленно. Здесь знакомство не должно состояться. Встреча произойдет там, куда вы собирались отправиться, когда в первый раз надели талисман.

— Я шел домой, — недоуменно произнес Зейн. — Очень сомневаюсь, что там меня ждет любовь. Я живу один, в бедном районе.

— Тогда идите к себе.

— С вашим камнем?

— Считайте, что одолжили его на время. Пойдем вместе. Произведем обмен, когда увидим вашу даму.

Зейн пожал плечами:

— Как вам угодно.

Он уже сомневался в успехе, но любопытство пересилило скептицизм. К тому же очень хотелось получить заветный источник богатства.

Молодой человек вновь повернулся вниз по улице, к торговому центру, с помощью магии парящему в небе над городом, где оставил взятый напрокат ковер-самолет.

Камень стал светиться. Значит, все верно! Он идет навстречу своей судьбе! Впрочем, своей ли?

Владелец лавки немного замешкался у витрины книжной лавки — его внимание, кажется, привлек свежий выпуск ежеквартального сатанинского журнала «Серные известия», — затем поспешил за Зейном.

Они вновь прошли мимо павильона, где дети-перестки с упоением вкушали космический секс-бое-вик. Зейну как-то предлагали сделать обложку для подобного шедевра, но он ответил отказом, хотя очень нуждался в деньгах. Он просто не желал растрачивать на такие вещи свой талант, пусть даже небольшой.

Господи, как вкусно пахнет! Они проходили мимо магазина, торгувшего сладостями. От голода внезапно свело желудок — Зейн давно не ел. С нищими такое частенько бывает... На витрине красовалось что-то вроде эмблемы заведения, настоящий шедевр кондитерского искусства: женщина с роскошными формами, вылепленная из леденцов. Ее соблазнительные выпуклости сделали из засахаренных дынь, прикрытых искусно сделанным «пеньюаром». Вокруг были разложены пончики, булочки, сладкие пирожки, кексы, пастилки, конфеты, пирожные. Венчали великолепие торты, украшенные разноцветными листьями, цветами, человеческими фигурками, корабликами, машинами. Все это выглядело и пахло так замечательно, что трудно было пройти мимо.

— Надо идти, — тихонько произнес владелец лавки.

Зейн с трудом оторвался от созерцания витрины. Ничего, когда у него окажется камень богатства, он купит магазин и наестся до отвала!

Неожиданно все вокруг стало кисельно-мутным. Торговый центр замаскировали под облако, нависшее над городом. Иллюзию создавали мощные генераторы, благодаря которым клубы тумана закрывали огромное сооружение, но время от времени порыв шального ветра задувал их внутрь. Впрочем, воздух тогда приобретал приятный цветочный аромат.

Они подошли к пункту проката ковров-самолетов. Над ним развевался флаг с надписью: «То, что надо!» Зейн предъявил обратный билет замотанному апатичному служителю, тот вытащил его магическое средство передвижения из хранилища. Из потертого выцветшего узенького ковра, свернутого в рулон, сыпалась пыль, но ничего лучшего Зейн не мог себе позволить. Владелец «Чечевичной похлебки» взял себе новый, щеголявший яркими красками, широкий, с прикрепленными к нему подушками.

Они вытащили их на специальную площадку, расстелили, уселись, скрестив ноги, пристегнулись ремнями безопасности, подали сигнал и взлетели.

Ковер хозяина лавки двигался плавно, а вот ковер Зейна, прежде чем подчиниться заклинанию, несколько раз сильно дернулся. Молодой человек терпеть не мог таких штучек — а вдруг чертовой тряпке вздумается встать на дыбы в воздухе?

Повороты туловища изменяли направление, наклоны заставляли снижаться и подниматься. Устными командами можно было управлять скоростью. Зейн выбрал стандартную среднюю, опасаясь, что, если он слишком сильно разгонится, магическая формула даст осечку. Кроме того, движение здесь было довольно интенсивным; гораздо удобнее и безопаснее действовать так же, как все.

Зейну нравилось летать на ковре, однако он не мог приобрести его или даже часто брать напрокат. Покупка и уход за модным средством передвижения не по карману таким беднякам, как он, а расценки за милю налета росли день ото дня. Инфляция тяжким бременем легла на плечи каждого. Естественно, ведь Сатана, который без всякого сомнения придумал ее, из шкуры вон лез, чтобы Ад показался роду чело-

веческому не таким страшным, как жизнь на Земле. Сплошь и рядом ему почти это удавалось...

Стоило подумать о нечистом, и он тут как тут! Вдоль трассы неподвижно висели облачка, и к каждому был прикреплен рекламный плакат: «**ОТПАД? БЫСТРЕЙ НАЙДИ ОТВЕТ: ГДЕ ЭТО МОЖНО ПОСМОТРЕТЬ?**» За ним виднелось большое, в человеческий рост, изображение раздевающейся красотки. В углу красовался торговый знак сатанинского агентства «Веселые дьяволята». Крохотные фигурки мужского и женского пола держали симпатичные вилы. При этом фигурка мужского пола заглядывала под юбку подружке и доверительно сообщала зрителям: «Что для нас с тобой здорово, для святоши — смерть!» Внизу язычки пламени сливались в надпись «Адский огонь, инкорпорейтед».

Зейн покачал головой. В рекламном отделе Сатаны работали лучшие специалисты своего дела, но только круглый дурак мог поверить такому. «Счастливчик», попавший в лапы к дьяволу и его подручным, ощутит огонь по-настоящему, а бесы и их вилы будут реальными. Однако великолепно организованная пропагандистская компания в средствах массовой информации отличалась таким завидным упорством и так умело затрагивала самые примитивные инстинкты, что заслоняла в сознании людей подлинную сущность Ада и его повелителя. Зейн сам с удовольствием досмотрел бы до конца процесс раздевания! На Небесах, где все помыслы чисты, такое и в самом деле означает духовную гибель. Даже Сатана не всегда лжет.

Они уже покинули скрытый в огромном облаке торговый центр и по спиральному проходу, отмеченному парящими в небе указателями, спускались в город Кильваро. Близился вечер, движение было оживленным. Рядом по отведенному для механических аппаратов воздушному коридору стрекоча летели несколько вертолетов, а чуть подальше какой-то счастливчик гарцевал по воздуху на крылатом коне.

Что ж, получив камень богатства, он, возможно, решит приобрести такого же скакуна. Зейну приходилось ездить на обычных лошадях, так что останется только изучить, как управлять полетом. Хорошего «наземного» коня можно купить примерно за тысячу

долларов, плавающие «морские» шли по пять, а вот летающие стоили минимум десять тысяч. Они к тому же требовали особого ухода, ведь ни одно простое пастбище им не подходило. На самом деле такие со-здания...

Чей-то ковер, летевший впереди, внезапно начал вибрировать и остановился. Чтобы не врезаться в него, пришлось резко затормозить. И тут же полыхнул голубым пламенем сапфир.

— Эй, вы что там, с ума...

Зейн поднял глаза и увидел девушку. Все ясно. Женщина в воздухе — настояще бедствие! Очевидно, как часто случается с представительницами прекрасного пола, она вдруг решила полететь в другую сторону, не подумав, как опасно внезапно менять направление.

Ее ковер прогнулся, собрался в складки и стал па-даться. Незнакомка в ужасе закричала. Неожиданно Зейн понял, в чем тут дело: закончилось действие заклинания! С такой дорогой, судя по внешнему виду, моделью это не должно было случиться, но контроль за качеством во всех сферах производства сейчас серьез-но ухудшился.

Он случайно посмотрел на кольцо и на мгновение отвлекся от трагедии, разворачивающейся перед гла-зами: сапфир сиял, словно звездочка!

— Моя! — хищно вскрикнул хозяин «Чечевичной по-хлебки» и рванул вперед. В тот момент когда ковер девушки камнем рухнул вниз, он сумел дотянуться до нее, крепко обхватил и втащил к себе.

Не успев как следует понять, что произошло, Зейн полетел следом. Только сейчас он смог как следует рассмотреть незнакомку. Очень привлекательная, по-жалуй, даже красивая. Развевающаяся копна бело-курых волос, стройная фигурка. Вполне могла бы по-зировать для рекламного плаката Сатаны, но, в отли-чие от той развеселой модели, в ней не чувствовалась порочность. Девушка доверчиво прильнула всем телом к своему спасителю и всхлипывала, еще не прияя в себя от пережитого волнения, а нежная девичья грудь бурно вздымалась. Зейн разглядел, как элегантно и модно она одета: пальто из волшебной норки, на шее сверкает бриллиантовое ожерелье.

Тем временем камень любви потемнел и вновь стал матовым. Девушка предназначалась ему, но теперь потеряна навсегда. Он продал ее за камень богатства.

Они добрались до посадочной площадки в центре города. Приземлившись, Зейн обернулся к хозяину лавки.

— Познакомьтесь, это Анжелика, — гордо объявил торговец, демонстрируя свою прекрасную добычу. Как видно, за несколько минут, проведенных вместе, они успели найти общий язык. Мужчина спас ей жизнь, и девушка от всей души хотела его отблагодарить должным образом. — Она принадлежит к семейной династии Твинклстар. Дама любезно пригласила меня в свои апартаменты на скромный ужин с нектаром и икрой. Давайте быстрее обменяемся талисманами и закончим с нашим делом.

Он вытащил камень богатства и протянул его Зейну.

Тот молча отдал кольцо. Что еще оставалось делать? Все условия соблюдены. Голубой сапфир, попав к счастливчику, вновь ярко засветился. Ловкий торговец сумел обмануть судьбу, совершил, наверное, самую выгодную сделку в своей жизни. Доставшийся Зейну талисман выглядел блеклым и мутным, звезда в середине едва проглядывала.

Он сделал колossalную ошибку. Надо было заложить хоть себя самого, но купить камень любви. А единственная дочь богача с легкостью ликвидировала бы все долги своего избранника. Кроме всего прочего, она просто красавица!

Он мог получить любовь и богатство в придачу...

Анжелика крепко сжала руку владельца лавки. Ее переполняли эмоции — благодарность к своему спасителю, нежность.

— Мы должны идти, — объявил сияющий торговец, помахав рукой. Они направились к стоящему рядом роскошному лимузину.

Зейн застыл на месте, глядя им вслед. Душу терзала боль безнадежной утраты. Какой же он идиот! Безропотно уступить, отказаться от своего счастья! Второго шанса судьба уже не представит. Он чувствовал такое горе, словно только что потерял свою единственную любовь.

Хватит жалеть себя! Он ведь не в первый раз упускает прекрасную возможность исправить положение; на его совести масса грехов и роковых ошибок, а жизнь он себе уже давно и, очевидно, безнадежно испортил. По крайней мере теперь у Зейна появился бесценный талисман, который сделает его миллионером. Богачу ничего не стоит заполучить любую женщину и обладать ею, пока не надоест, или, на худой конец, купить покорную рабыню-androида либо волшебную соблазнительницу-нимфу. Зачем ему какая-то Анжелика!

Зейн изо всех сил пытался убедить себя в этом, чтобы преодолеть отчаяние.

Да, он упрямый капризный осел, возомнивший себя эстетом и альтруистом. Сколько раз его благие порывы оборачивались во зло и ему самому, и близким! Так он потерял мать, любимую женщину, влез в долги. Прекрасных намерений недостаточно, надо уметь их осуществлять.

У Зейна не осталось денег даже на метро, только медяшка, добытая талисманом. Как он доберется домой? Использовать камень богатства здесь, на безлюдной темной улице, Зейн боялся. Вечером по городу болтается столько подозрительных типов!.. Он сжал заветное сокровище, засунул руку в карман и направился к кварталу для бедных.

Долгий путь располагает к раздумьям — забываешь об усталости. Но ничего ободряющего в голову не приходило. Сегодня, в эпоху существования науки и магии, когда люди имеют возможность пользоваться реактивными лайнераами или коврами-самолетами, он путешествует древнейшим способом: на своих двоих!

Конечно, эти отрасли знания развивались с незапамятных времен (что принесло мало пользы обнищавшим неудачникам вроде Зейна). Однако до Ньютона их фундаментальные основы по-настоящему не изучали. В первый период своей деятельности великий ученый сделал для науки, наверное, больше, чем кто-либо другой. Позднее он так же обогатил человечество в области магии. И все же по причинам, оставшимся для Зейна неясными — он никогда не отличался прileжанием, — сначала прогресс был достигнут лишь в точных науках.

Только относительно недавно произошел невероятный прорыв в области прикладной магии. До прошлого столетия ни наука, ни магия не оказывали особого влияния на развитие общества, в котором существовали стойкие предрассудки. Науке удалось преодолеть их первой. А сейчас стремительное совершенствование магии вернуло к жизни многих вымерших чудовищ, например драконов. Никто не знал, каким окажется результат соперничества двух способов совершенствования цивилизации.

Заморосил мелкий дождь, возможно, из огромного облака, в котором прятался воздушный торговый центр. Он, конечно, не освежит воздух и не смоет пыль с улиц, просто превратит ее в жидкую грязь, так что придется хлюпать по мерзкой скользкой жиже. Машины игнорировали светофоры, каким-то чудом избегая столкновений — впрочем, водителям скорее всего помогали антиаварийные чары, в обязательном порядке накладываемые на все транспортные средства.

Смеркалось. Улицы опустели. В такое время в этой части города люди старались не гулять без особой необходимости. Стены старых домов выцвели, став однообразно-серыми. Район прозвали Город Призрака, здесь действительно с наступлением темноты иногда появлялось привидение девушки. Лучше не встречать ее, потому что...

А вот и она! По тротуару загремели деревянные колеса тачки. Зейн отступил в тень у подъезда, чтобы не потревожить бедняжку.

Человек может смотреть на жителя потустороннего мира, даже сфотографировать, но вот если последний увидит нас с вами...

Молли Мэлоун катила по улице свою ручную тележку, доверху наполненную моллюсками. Героиня знаменитой ирландской баллады, несмотря на лохмотья, в которые превратилось ее платье, и тяжелые деревянные башмаки, была очень хорошенькой. Женщины считают, что высокие каблуки и нейлоновые чулки делают их неотразимыми, но такие ножки, как у Молли, прекрасно выглядели без всяких ухищрений.

— Моллюски, моллюски! Покупайте, добрые люди! — нараспев призывала она. — Живые моллюски!

Зейн усмехнулся, его настроение немного улучшилось. Возможно, то, чем торговала девушка, было живым, но она сама давно скончалась. Привидение с помощью заклинания вызвали из Ирландии столетие назад, чтобы прославить Кильваро. Шум вокруг новой достопримечательности быстро сошел на нет; призраков с тех пор развелось много, и они всем надоели. Отцы города ни разу не побеспокоились о своей потусторонней собственности. Заклинание не аннулировали, поэтому Молли все так же катила свою тележку по улицам, хотя Кильваро не был портовым городом. Впрочем, появлялась она лишь при определенных обстоятельствах.

— Ну-ка, замри на месте! — раздался чей-то грубый голос. — Это ограбление! Ограбление, поняла?

От испуга Молли тихонько вскрикнула.

— Не трогайте меня, добрый сэр! — умоляюще произнесла девушка.

— Не дергайся, мне нужна только твоя тачка, — прорычал грабитель. — Антиквар отвалит за нее пару долларов. Как раз хватит на двухдневное заклинание счастья. — Ногой грабитель пнул тележку; в грязную сточную канаву посыпались моллюски.

— Но, добрый сэр! — запротестовала Молли. — Это мое единственное пропитание! Мне нужна тачка, чтобы возить свой товар, иначе я умру от голода! — За сто лет ирландский акцент сгладился, девушка набралась современных выражений, но в таком наряде ее нельзя спутать ни с кем.

— Да ты уже сдохла, замарашка поганая! — Грабитель грубо оттолкнул ее.

Такого Зейн вытерпеть не смог. Он не испытывал особых чувств по отношению к привидениям, а этого даже слегка опасался, однако спокойно наблюдать, как оскорбляют женщину!.. Он вышел из своего укрытия.

— А ну, оставь ее в покое!

Грабитель развернулся и направил пистолет на Зейна. Тот мгновенно отреагировал на угрозу, изо всех сил ударив по руке, сжимавшей оружие. Зейн не отличался особенной храбростью, не умел драться, но сознавал, что сейчас, чтобы спасти себя и Молли, надо

действовать, и действовать быстро. Безрассудство заменило смелость и опыт.

Прогремел выстрел. Молли взвизгнула. Зейн отнял пистолет у нападавшего.

— Возьми тачку, — скомандовал он, направив оружие на неудачливого громилу. Зейн не мог понять, откуда взялись решительность и быстрота. Сейчас его должно трясти от нервного стресса после стычки. Но возмущение, которое он испытал, когда грабитель поднял руку на символ города, его талисман, вывело молодого человека из обычного состояния, заставило поступить вопреки характеру. — Складывай моллюски обратно.

— Да ты что, совсем... — начал было ошалевший грабитель, однако, взглянув на перекошенное лицо Зейна, подчинился. Он стал молча подбирать и неловко укладывать на тачку мокрые, покрытые грязью ракушки.

— А теперь убирайся отсюда.

Тот стал было спорить, но палец Зейна лег на спусковой крючок. Бандит повернулся и быстро зашагал прочь.

Только сейчас Зейн заметил, что обидчик Молли ранен. По одежде растеклось алое пятно. Ему нужен врач, но такой тип вряд ли обратится в больницу, ведь он рискует привлечь внимание полиции. Он может умереть от потери крови... Впрочем, особой жалости Зейн не испытывал.

Молодой человек засунул револьвер в карман. Правда, стрелять ему ни разу не доводилось, но Зейн решил, что, если не нажимать на спусковой крючок, ничего не случится.

Сейчас он уже раскаивался в своей жестокости. Зейн всегда переживал после недолгих приступов ярости.

— Мне очень жаль, что так получилось, — обратился он к Молли. — У нас хороший город, однако здесь, как и везде, есть свои выродки.

— Не знаю, как вас отблагодарить, мой спаситель! — восхликало привидение. — Вы так галантны и добры.

— Я? Да что вы! Просто не могу спокойно смотреть, как обижают женщину, особенно такую красивую и

знаменитую. Честно говоря, если было бы время подумать, вряд ли бы я посмел вмешаться.

Возможно, какую-то роль сыграла потеря Анжелики. Что ж, он доказал себе, что чего-то стоит.

— Быть может, если вы сочтете меня достойной внимания... — Молли распахнула свою разноцветную кофту и глубоко вдохнула. — Я призрак, но в такие часы приобретаю плоть.

Да, ее формы поистине достойны внимания! Девушка умерла совсем молодой и навеки сохранила свежесть и прелест юности. Но горькие воспоминания о потерянной любви приглушили возбуждение. Кроме того, если он примет такую плату, то будет не многим благороднее ее обидчика.

— Спасибо тебе, Молли, ты очень привлекательна. Просто я не хочу пользоваться ситуацией. Там, в загробном мире, у тебя, наверное, есть свой дом, муж.

— Нет, благородный сэр, мужа до сих пор нет, — грустно произнесла девушка. — У нас так мало достойных мужчин. Увы, мне...

В этот момент из-за угла показался автомобиль. Слепящий свет фар на мгновение превратил ночь в день, и Молли исчезла. Призраки не выносили современной техники.

Автомобиль проехал мимо, забрызгав Зейна грязью. Вокруг снова воцарилась темнота, но девушка не возвращалась. Привидения непредсказуемы, а потрясение от внезапного яркого света, наверное, заставит Молли поискать район поскромнее. Немного разочарованный, Зейн отправился домой.

На двери его убогого жилища висело предупреждение о выселении. Он не заплатил за жилье вовремя, и хозяин сразу принял меры. Хотя его домовладелец — по сравнению с другими представителями этого особого вида двуногих — сохранил остатки совести: дал Зейну двадцать четыре часа, чтобы убраться вон или найти деньги.

Вот тут и пригодится камень богатства! Талисман должен учитывать бедственное положение владельца. Скоро он добудет столько денег, что Зейн не только рассчитается с хозяином лачуги, но и найдет себе место получше!

Молодой человек достал камень.

Он уже не выглядел так впечатляюще. Наверное, виновато освещение. Какая разница? Ведь заклинание работало!

— Ищи! — скомандовал Зейн и, прикрыв глаза, подумал о сундуках, доверху наполненных золотом...

Звезда отделилась от камня и поплыла в воздухе, словно прозрачный паук.

Она подлетела к полуразвалившемуся массивному шкафу и проникла за него.

Не обращая внимания на протестующий скрип, Зейн отодвинул шкаф от стены. Звезда опустилась на пол. Зейн просунул руку в щель, пошарил. Пальцы нащупали что-то холодное, металлическое. Он с трудом выкатил монетку наружу и разглядел добычу. Потертый пятицентовик.

Что ж, неплохо для начала! Талисман указал на то, что лежало ближе всего. Теперь пора найти настоящие деньги.

Звезда вернулась в камень.

— Ищи! — снова приказал Зейн, представив себе подвал банка, ломящийся от серебра.

Она стала подниматься, но медленнее, как будто предыдущая попытка ее утомила. Лениво проплыла по комнате и бессильно рухнула в щель пола. Там виднелся десятицентовик. С помощью кухонного ножа Зейн извлек монету. Медяшка была покрыта толстым слоем грязи — наверное, валялась тут не один год. Как только молодой человек взял монетку, звезда юркнула, словно мышка, в свою каменную норку.

Значит, она возобновляет поиски только после того, как хозяин извлечет очередную находку. Не очень-то удобно! Если под рассыпанной мелочью закопан какой-нибудь клад, придется сначала подобрать все монетки, а потом заняться крупной добычей.

Зейн сделал вторую попытку:

— Ищи! На этот раз найди мне что-нибудь получше, например золотой дублон или очень редкую и ценную монету. Хватит подсовывать всякую дрянь.

Звезда медленно и неохотно подчинилась приказу. Заклинание явно истощается при частом использовании. Наверное, требовалось время, несколько часов

или сутки, чтобы магические свойства талисмана восстановились. Это тоже очень неудобно, хотя сейчас Зейна вполне удовлетворила бы одна-единственная, но по-настоящему ценная находка. А потом пусть камень отдыхает сколько хочет!

Звезда достигла выхода и нерешительно замерла. Сжимая камень в руке, Зейн открыл дверь и позволил ей выплыть наружу. Надо надеяться, что этот светящийся паук не потеряется, иначе он вместе с любой, самой ценной добычей, совершенно бесполезен.

Заклинание явно заканчивало свое действие. Зейн потратил уже двадцать минут, а нашел всего пятнадцать центов, не считая пенни из лавки. Не густо, так даже с долгами не расплатишься!

Звезда скользнула в коридор, прижалась к полу. Там, в плотном слое грязи, лежало видавшее виды пенни. Зейн поднял его, и звезда устало вернулась в камень. Вот тебе и клад!

Зейн прошел в комнату и подытожил. Камень богатства действительно находил деньги, однако лишь жалкие гроши. Если так пойдет дальше, понадобится вся ночь, чтобы наскрести пару долларов, да и звезда не выдержит. Она и сейчас едва ползает.

Конечно, талисман действовал, но как? Только сейчас до Зейна дошло, что он получил в сущности бесполезную диковинку. Сапфир «реагировал» на любые деньги, не принадлежащие никому, но почти все они — жалкая мелочь, которую люди, уронив, часто даже не удосуживались поднять. Конечно, если бы где-то рядом лежал кусок золота, камень указал бы на него, но вокруг рассыпаны одни медяки. Попробуйте представить себе слиток, лежащий на улице! Теоретически камень богатства способен найти тысячи долларов, но в реальной жизни это так же плодотворно, как добыча золота из морской воды. Затраты будут намного больше, чем прибыль!

Молодой человек оглядел комнату, заставленную оборудованием для художественной фотографии. Он мечтал принадлежать к миру искусства. Зейн и впрямь обладал чертами, присущими представителям артистической богемы, но, не имея задатков художника или скульптора, занялся фотографией. Он умел ценить

прекрасное, а камера позволяла запечатлеть естественную красоту мира.

Увы, в Кильваро все интересное уже обессмертили другие. Даже симпатичный призрак, встреченный сегодня, не избежал внимания его коллег. Неправда, что привидение нельзя сфотографировать. Молли, например, принимала эффектные позы, увидев нацеленную на нее камеру; при этом она частенько услаждала служащих пением своей любимой песни, особенно выделяя фразу «Где девушки так хороши». К сожалению, полученные в загробном мире специфические особенности не позволяли бедняжке пользоваться заслуженной популярностью.

И все-таки Зейну удалось найти свою нишу. Он освоил так называемую технику Кирлиан, улучшенную магическими приемами. Но в последнее время возникли проблемы со спросом, и все надежды на удачу испарились. Для того чтобы продолжать работу, требовалось новейшее дорогое оборудование. Отчасти это заставило его пожертвовать последним долларом, чтобы нанять ковер и посетить воздушный торговый центр — подобные перелетные птицы не слишком долго задерживались на одном месте, мгновенно исчезая, как только местная полиция начинала по-настоящему мешать бизнесу. Зейн боялся опоздать.

Итак, он зверски голоден, а еды в доме нет. Через сутки его выбросят на улицу, но идти некуда. Надо срочно добывать деньги, однако Зейн прекрасно понимал, что собрать нужную сумму не удастся.

Он опустил глаза на огромный сапфир, зажатый в руке. Попробовать еще раз? Что еще остается делать?

— За работу! Найди мне какое-нибудь сказочное сокровище!

Звезда, словно источенный болезнью человек, очень медленно поднялась в воздух, мгновение спустя задрожала — и рухнула в свое ложе. Действие заклинания кончилось!

Да и на что способен камень? Обогатить хозяина еще на пару медяков?

Подобно Исаю, отдавшему первородство за чечевичную похлебку, он променял свой единственный шанс начать новую жизнь на эту пустышку. И хотя

формально условия сделки были соблюдены, на самом деле Зейна попросту надули. Ведь он мог встретить Анжелику и без камня любви!

— Дурак, пустоголовый болван! — проклинал себя молодой человек.

Он зашагал по комнате, пытаясь придумать какой-нибудь выход из ситуации. Нет, ничего не приходит в голову. Положение безнадежно. С той минуты как Зейн согласился на предложение торговца, все шло по наклонной. Вечно он из-за своей проклятой импульсивности сначала что-то сделает, а потом сам расхлебывает последствия. И вот закономерный итог! Даже если бы удалось найти немного мелочи и заплатить домовладельцу, на что жить дальше? Ни денег, ни возможности встретить девушку, самой судьбой пред назначенную ему...

Вот что мучает больше всего! Украденное счастье! Сейчас Зейну казалось, что он безнадежно влюбился в живое воплощение всех его надежд и желаний. Такие, как она, сделав выбор, не изменяют, отдают себя всю, без остатка, своему избраннику, и этот бесценный дар достался наглому самозванцу...

Даже если бессовестный торговец сейчас внезапно умрет, Анжелика навсегда потеряна для Зейна. Зачем продолжать бессмысленное существование?

Он вновь взглянул на камень. Мутный, мерзкого блекло-коричневого оттенка, с множеством черных вкраплений и трещин. Отвратительной, как его хозяин, такой же ненужный, бесполезный, как сам Зейн.

Чтобы дать выход охватившему душу отчаянию, молодой человек с размаху ударил себя по бедру. В кармане что-то лежало. Отобранный у грабителя пистолет!

Зейн вытащил его, осмотрел. В огнестрельном оружии он не разбирался, но тут, кажется, все очень просто. Одной пули в магазине не хватало. Механизм уже дослал ее в патронник; достаточно слегка нажать на спусковой крючок, и прогремит выстрел. Надо лишь приложить дуло к виску, и...

Он вспомнил первый из предложенных ему в лавке талисманов, предсказавший, что временный владелец скоро умрет. Роковой час настал. Камень любви ис-

правно работал; нет оснований сомневаться в силе магического рубина. Ведь, что ни говори, даже доставшаяся ему пустышка кое-как действует. Через несколько минут ему суждено погибнуть.

Зейн медленно поднял оружие. Что ж, наверное, ничего другого не остается. Лучше уйти из жизни достойно, чем влачить жалкое существование, скитаясь по грязным закоулкам. Считалось, что встреча с привидением Молли — дурная примета, знак скорой гибели. Прими Зейн предложение призрака, он уже стал бы жителем потустороннего мира. Такова плата за любовь мертвеца. Возможно, милая девушка ничего об этом не знала, но она так хотела выйти замуж! Обнаружив, что мужчина, сжимавший ее в объятиях, превратился в...

Призрак способен заметить лишь того, кто скоро сам лишится жизни. Любой может сколько угодно глязеть на Молли, но если привидение увидит человека, значит, тот недолго задержится на этом свете. Желающие удостовериться, что им не грозит смерть, скажем, от какой-то болезни, находили Молли и, если девушка проходила мимо, спокойно шли домой в полной уверенности, что бояться нечего. Все это почему-то выскоцило из головы во время встречи с Молли — возможно, от волнения. Скорее всего грабитель, которого она, несомненно, видела, не выживет.

Все сходится! Не сумев прожить жизнь как следует, надо по крайней мере проявить мужество и достойно уйти. Не тянуть, иначе сработает инстинкт самосохранения. Быстрая безболезненная смерть. Ну, по крайней мере, быстрая...

Убедив себя, Зейн решительно поднес оружие к голове. Приставил дуло к правому уху, чтобы не превращать лицо в кровавое месиво. Все. Пора.

Палец, лежащий на спусковом крючке, напрягся, но Зейн медлил.

В этот момент в комнату кто-то вошел.

Молодой человек сразу замер. Что делать? Быстрее покончить счеты с жизнью, пока не помешали, или подождать, надеясь на чудо? Вдруг Анжелика передумала и решила найти его? Какая глупость!.. А может, это домовладелец?

Зейн не угадал. Неизвестный был облачен в темный плащ, голова закрыта широким капюшоном. Он бесшумно прикрыл дверь и повернулся к молодому человеку.

Под непроницаемо-черной тканью скрывался голый череп. Вместо глаз — зияющие провалы.

Сама Смерть явилась, чтобы забрать его.

Зейн попытался закричать, но не смог. Попробовал разогнуть палец, лежащий на курке, но тот словно онемел. Казалось, время замедлило свой бег. Ему уже не остановить того, что предопределено.

Однако, увидев перед собой зримое воплощение не-бытия, Зейн потерял всякое желание покончить счеты с жизнью. Палец, игнорируя приказы рассудка, напрягся, но мускулы руки все еще повиновались своему хозяину. В последний момент Зейн отвел оружие в сторону. Дуло уткнулось прямо в череп, не прикрытый капюшоном, и в этот момент прогремел выстрел.

Отдача была такой сильной, что ему показалось, будто пистолет взорвался.

Пуля попала в самый центр черепа.

Из раны хлынула кровь. Закутанный в плащ скелет рухнул на пол.

Зейн стоял над ним, пораженный ужасом. Он только что убил Смерть!

Г л а в а 2

Вопросы и ответы

Дверь снова открылась. На этот раз появилась незнакомая женщина средних лет. Она взглянула на безжизненное тело и одобрительно промолвила:

— Отлично.

Зейн посмотрел на нее дикими глазами:

— Я убил Смерть!

— Именно. И сейчас должны занять его место.

— Я... Что?!

Мысли путались, Зейн с трудом соображал.

— Вы теперь будете выполнять его обязанности, — терпеливо продолжила незнакомка. — Так у нас принято. Тот, кто уничтожает Смерть, сам ею становится.

— Наказание... — Зейн изо всех сил пытался уловить смысл того, что услышал.

— Господи, конечно, нет! Случившееся вообще нельзя назвать убийством. Обычная самооборона. Либо вы его, либо он вас, так сказать. Однако теперь придется занять его место и трудиться не покладая рук!

— Но я ничего не знаю...

— Ничего, научитесь в процессе работы. Мы все так начинали. Определенные заклинания помогут освоиться, не наделать слишком много ошибок, хотя найти свое место вы должны сами.

Женщина наклонилась и стала стаскивать с безжизненного тела черный плащ.

— Помогите мне, пожалуйста. У нас не так уж много времени, да и пачкать кровью форменную одежду не годится!

— Кто вы? — Происходящее казалось кошмарным сном, но Зейн смог взять себя в руки.

— В данный момент — Лахесис. Немолодая и не особенно привлекательная женщина. — Действительно, лицо незнакомки покрывала сеть морщинок, скрученные в тугой пучок волосы время уже обесцветило. Она была слегка полновата, но двигалась легко и уверенно. — Я определяю длину нитей. А сейчас, приподнимите-ка его, не хочу порвать ткань.

Зейн, внутренне содрогнувшись, подчинился.

— Какая Лахесис? Что еще за нити? Зачем вы пришли?

Незнакомка вздохнула:

— Что ж, думаю, вы вправе требовать, чтобы вас посвятили в суть дела. Снимайте с него плащ, а я объясню кое-какие детали. Не все, конечно, у меня есть свои профессиональные секреты, так же, как и у вас. Вы это скоро обнаружите. Лахесис — воплощение Судьбы в среднем возрасте. Она...

— Судьбы?

— Вряд ли наш разговор принесет пользу, если вы будете постоянно меня перебивать. — В голосе женщины послышались металлические нотки. Сейчас она походила на строгую учительницу.

— Извините, — пробормотал Зейн. Может, все это просто сон?

— А теперь — ботинки. Они предохраняют от жары, холода, радиации, непроницаемы для любого ино-родного тела, и прочее, и прочее. Так же, как и плащ. Вы всегда должны носить их во время работы, иначе станете уязвимы, как простой смертный. Такого не должно случиться.

Ваш предшественник в последнее время часто проявлял беспечность и, как видите, поплатился за подобное отношение к собственной безопасности. Стоило надвинуть капюшон на лицо, и пуля не причинила бы ему никакого вреда. Никогда не теряйте бдительности! У вас для этого гораздо больше причин, чем у него.

— Но...

— Бессмысленные восклицания мешают мне не меньше, чем вопросы.

Зейн замолчал. В этой женщине с внешностью обычной домохозяйки, которая возится с детьми и стоит у плиты, ощущалась какая-то пугающая сила. Такая спряталась с самым трудным подростком!

— Я — Судьба, у меня три ипостаси, — продолжила Лахесис, убедившись, что реплика возымела действие. — Я определяю длину нитей жизни. Моя задача — проследить, чтобы вы как можно быстрее приступили к выполнению служебных обязанностей. Очень важно, чтобы на своем посту вы преуспели больше, чем в качестве простого смертного. А сейчас, пожалуйста, встаньте так, чтобы я могла надеть на вас плащ.

Зейн выпрямился. Хотя ткань не была тяжелой, чувствовалось, что она гораздо плотнее и массивнее, чем выглядит. Странная женщина говорила о магии; по крайней мере одеяние Смерти словно соткано из чистого волшебства!

— Кажется, сидит нормально. А теперь ботинки. Кстати, они, кроме всего прочего, позволят вамходить по воде. Ничто не должно мешать Танатосу в его нелегком труде.

— Нелепица какая-то! Я только что хотел застрелиться, вместо этого стал убийцей...

— Да-да. Мне пришлось особенно тщательно отмерить длину нити... С формальной точки зрения вы мертвы. Смотрите!

Лахесис перевернула безжизненное тело.

Знакомое лицо!.. Зейн содрогнулся. Это же он сам, только с простреленной головой!

— Вы будете заниматься своим делом до тех пор, пока в один прекрасный день не забудете об осторожности и не позволите клиенту занять ваше место...

— Или пока не умру от старости, — продолжил за нее Зейн.

— О нет, старость вам не грозит, как и гибель, если, конечно, не допустите ошибок. Спросите любого смертного, о чем он мечтает, и наверняка услышите: «Житьечно». Трудно придумать большую глупость! В свое время вы сможете осознать особую ценность того, что несете людям. Величайшее из всех дарованных человеку прав — не земное существование, а возможность умереть.

— Я не понимаю...

— Жизнь — просто инстинкт самосохранения в действии. Природа использует его, чтобы постоянно подстерегать нас; если она позволит своим подопечным расслабиться, человечество как биологический вид исчезнет. Это вечное бремя, а не благо.

— Но если я не состарюсь...

— Хронос приостанавливает естественное течение времени для всех представителей высших сил, и в первую очередь для нас, инкарнаций, воплощений вечных начал. Когда-нибудь вы умрете, но до этого мгновения, сколько бы дней, лет или веков ни прошло, будете выглядеть точно так же, как сейчас. — Лахесис подвела его к зеркалу.

— Представители высших сил? — Отчаявшись понять, во что его втягивают, Зейн пытался по крайней мере уяснить детали. — Инкарнации?

— Воплощения вечных начал: Время — Хронос, Смерть — Танатос, Судьба в трех ипостасях, Война — Марс и Природа — наша Зеленая Мать. Работаем с людьми, за души которых борются высшие силы, но не подчиняемся последним. Если бы мы умирали, как наши клиенты, то пришлось бы думать о том, куда мы попадем после кончины. Налицо личная заинтересованность, что в конечном итоге нарушает равновесие, предусмотренное Конвенцией между Господом и Сатаной. Но мы бессмертны, а следовательно, обладаем реальной независимостью от главных ведомств. Если мы перестанем выполнять свои обязанности, возникнет хаос.

— Свои обязанности, — повторил молодой человек прерывающимся голосом. — Послушайте, я не убийца! По крайней мере до сих пор им не был.

Судьба молча посмотрела на него. Неожиданно Зейн осознал, что ей известно все, в том числе и правда о том, что случилось с матерью. Снова привычная боль и чувство всепоглощающей вины сжали сердце... Но Лахесис не стала напоминать ему о старых грехах.

— Конечно, нет, — согласилась она, глядя на распостертое на полу тело. — Это всего лишь неудачная попытка покончить счеты с жизнью. Успокойтесь, Та-

натос никого не убивает! Он лишь забирает души тех умирающих клиентов, дальнейшая участь которых остается неясной — иначе они будут потеряны и станут вечно бродить неприкаянными.

Наконец-то незнакомка перешла от неясных общих рассуждений к более или менее конкретным вопросам! Зейн решился возразить своей строгой собеседнице:

— Но на Земле пять миллиардов жителей! Каждый год умирает примерно сто миллионов. Получается, что я должен забирать в разных частях света несколько душ в секунду. Это невозможно!

— Вернее, невыполнимо. Посмотрите-ка хорошенько на свое отражение.

Он повиновался. Из зеркала на него глядел, отвесив челюсть от изумления, прикрытый капюшоном череп. На месте рук и ног белели кости. Зейн превратился в скелет, настоящего всадника на коне бледном!

— В этой рабочей одежде вы, разумеется, невидимы для большинства. Смерть способны заметить только клиенты и те, кто близок к ним по своему эмоциональному состоянию, а также истинно верующие люди. Для остальных вы попросту исчезнете, пока сами не привлечете их внимание.

— Но ведь я стал скелетом! Прохожие будут падать в обморок!

— Наверное, я неправильно выразилась. Вы исчезнете не в прямом смысле, а как общественная единица. Смертные, конечно, заметят вас, но их рассудок попросту проигнорирует информацию. Люди не придадут встрече никакого значения и сразу же забудут об увиденном.

Но запомните: стоит снять одеяние Смерти, и все особые способности исчезают. Вы вновь становитесь уязвимым, сразу начинаете стареть. Так что не советую слишком часто, так сказать, менять свою роль.

— А зачем такое Смерти?

Женщина чуть улыбнулась:

— Вам наскучит общество себе подобных. Говорят, моя юная ипостась Клото довольно привлекательна.

Внезапно Лахесис стала молодой и красивой — потрясающая фигура, молочно-белая кожа, волосы такого золотисто-янтарного оттенка, что, казалось, в полутьме комнаты ее головку окружает нимб. Только глаза не изменились: пронизывающий взгляд, от которого сразу становилось неуютно.

Но через несколько сотен — а может, и десятков — лет даже общение с такой, как она, перестанет приносить удовлетворение. Так что иногда полезно проводить досуг среди смертных.

Зейн попробовал представить себе, какой немыслимо долгий срок должен пройти, чтобы его пресытила связь с такой красавицей. Что и говорить, приятная тема для размышлений... Впрочем, придется отложить это до лучших времен.

Он вернулся к волновавшей его проблеме:

— Как способен один-единственный человек, вернее, воплощение Смерти, забирать несколько душ в секунду? Пока мы с вами беседуем, на Земле умерли сотни людей! Я ведь ничего не делал, а мой предшественник явно лишился такой возможности, — Зейн указал на неподвижное тело.

— Я вижу, придется объяснить подробнее. — Судьба вновь превратилась в немолодую даму и присела на лучший стул Зейна. Окинула взглядом стол, на котором лежал злополучный сапфир. — А, приобрели по дешевке, чтобы не мучиться, когда понадобится мельочь для телефона?

Зейн почувствовал, что краснеет.

— Ну да, примерно так, — пробормотал он.

— Я их видела раньше. Такие камни очень низкого качества большими партиями поставляют из Индии, а потом сбывают на оптовых распродажах по пятьдесят центов за карат. В принципе это корунд, однако он не в силах удержать сильное заклинание. Удивительно, еще находятся идиоты, которым проходимцы продают их по цене настоящих драгоценностей.

— Да, — промямлил Зейн, надвигая капюшон, чтобы скрыть красное от стыда лицо.

— Кстати, в качестве недорогой безделушки они бывают полезны. Иногда попадаются экземпляры чуть получше, которые способны добывать долларовые банк-

ноты! Но каждому ясно, что подобный камень никогда не окупит своей стоимости.

Перед глазами снова встала прекрасная Анжелика — богатая, чувственная, красивая, преданная...

— Да, конечно.

— Теперь деньги вам не понадобятся, разве что станете часто проводить досуг среди обычных людей без одеяния Смерти и проголодаетесь. Для таких случаев лучше приобрести небольшой рог изобилия. Должна заметить, что, пока не освоитесь, свободного времени будет оставаться немного.

— Я все еще не понимаю, каким образом...

— Да, я как раз собиралась объяснить специфику работы. Только ничтожный процент клиентов нуждается в вашей персональной помощи, чтобы совершить переход. Абсолютное большинство делает это самостоятельно, хотя сам процесс, безусловно, является выражением воли Смерти и, таким образом, происходит под вашим непрямым контролем.

— Воли Смерти?

— Господи, вы совсем еще зеленый! Что ж, для простоты приведем аналогию. Вы ведь почти никогда не контролируете свое дыхание, делаете это словно автоматически. Легкие работают, даже когда сознание отдыхает, например во время сна. Понимаете? Примерно то же самое и в нашем случае. Власть Смерти проявляется не только в прямых действиях с конкретными лицами, она распространяется на любое расстояние и на всех, кто так или иначе находится на ее попечении. Персональное обслуживание клиента можно уподобить человеку, который контролирует свое дыхание. Если же вы не вмешиваетесь и просто разрешаете душе перейти в новую фазу, это напоминает организм, поддерживающий свое существование самостоятельно, без вмешательства сознания.

Но когда вы уходите из жизни, прекращается любая деятельность тела. Когда погибает Танатос, все, что связано с действием его воли, временно прекращается. Никто на Земле не умрет, пока в эту должность не вступит его преемник. Например, ваш неудачливый коллега, лежащий здесь, на самом деле еще не в состоянии предстать перед Всевышним. Его душа находится

в теле. Он не может умереть, пока вы не займете его место, хотя уже никогда не встанет. Вот почему так важно ускорить процесс. Вообразите, что произойдет, если безвластие продлится долго!

— Ну, не понимаю, что тут страшного. Если люди станут жить вечно...

— Нет времени на глупые споры! — резко произнесла Судьба. — Сейчас вам достаточно знать одно: первая душа, которую вы извлечете, освободит остальные, и, как я уже говорила, они совершают переход сами, каждая в соответствии с отмеренным мной сроком. Я устроила так, что полчаса промедления не приведут к катастрофе, но потом нити спутаются и возникнет ужасная неразбериха.

— Каких клиентов, как вы их называете, я, то есть Танатос, должен обслужить лично? Извините, я действительно не могу понять...

— Все зависит от соотношения между добром и злом в конкретной душе. Каждый добрый поступок и мысль облегчают душу, дурные дела — отягощают. К тому, что называется истинной непорочностью, ближе всех новорожденный; только когда у ребенка появляется право выбора, в его поступках и мыслях может угнездиться зло. Вспомните строки из стихотворения Уильяма Хенли*: «Я господин своей судьбы, я — капитан своей души». Следовательно, чем моложе покойный, тем больше вероятность, что его душа осталась невинной и, освободившись от бренной оболочки, попадет на Небеса. Как сказал Уильям Вордсворт**: «Не в забытии кромешном, не нагими, но благодатью вечной осияны, приходим мы от Бога в этот мир. Да, Небеса наш дом, и при рождении открыты всем нам Райские врата!» Взрослея, человек постоянно пользуется свободой выбора. Зло имеет тенденцию накапливаться, все больше и больше отягощая души слабых и порочных, пока не перевешивает полностью. Освобождаясь от тела в момент смерти, они идут вниз, к своему гос-

* Уильям Эрнест Хенли (1849—1903) — английский поэт, критик и издатель. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Уильям Вордсворт (1770—1850) — выдающийся английский поэт-романтик.

подину Сатане, как свинцовые грузила. Но в некоторых душах — их очень немного — имеется равное количество доброго и дурного, и устанавливается полное равновесие. Поскольку ни одна из тенденций не доминирует, они не возносятся на Небеса, но и не спускаются в Ад, оставаясь там, где прошло их земное существование — в мертвом теле. Именно этой категории и нужна помощь.

Наконец-то ясно, что от него требуется!

— Так вот что делает Смерть! — воскликнул Зейн. — Собирает неопределившиеся души!

— И тщательно их проверяет, чтобы потом направить по назначению, — закончила за него Судьба. — Те, что пребывают в идеальном равновесии, должны доставляться в Чистилище, где ими займутся профессионалы.

— Значит, я буду извлекать спорные души?

— Верно, а еще облегчать процесс перехода у всех остальных. Сначала вам это покажется сложным, однако альтернатива, я думаю, менее заманчива. — Лахесис опустила глаза на бездыханное тело, которое в буквальном смысле еще не рассталось с душой.

Зейн содрогнулся:

— Но почему выбрали именно меня? Я совершенно не подхожу, ничего не умею! Или все произошло случайно?

Судьба встала:

— На этот вопрос я отвечу в другое время. Не могу больше задерживать вас и мешать работе.

— Я даже не знаю, как находить моих... клиентов!

— Где-то у вас должна быть подобная инструкция. Морт поможет вам.

— Кто такой Морт?

Лахесис огляделась:

— Ох, чуть не забыла! Вам надо обязательно забрать у предшественника все атрибуты Смерти. Не знаю, как они работают, но поверьте, без них вам не обойтись!

— Атрибуты?

— Ну да — магические приборы, камни...

— Мой талисман? Не понимаю...

— Да нет, конечно, не эту дешевку! Оставьте все, что связано с земным существованием, особенно ее. Даже самый лучший сапфир вряд ли поможет разбогатеть, а уж такого низкого качества — тем более. Не берите с собой старые часы, кольца. Вы навсегда расстались с прежней жизнью.

Женщина направилась к двери.

— Но мне еще так много надо узнать! — жалобно воскликнул Зейн.

— Тогда за работу, Смерть! — С этими словами она захлопнула за собой дверь.

В отчаянии, Зейн шарил глазами по комнате. Зловещий всадник на бледном коне из Апокалипсиса? Такое даже представить трудно!

Он заметил какое-то мерцание. Это были часы на запястье его предшественника. Массивные, солидные и, судя по всему, дорогие. Подобный признак респектабельности смотрится нелепо на мертвеце с обликом Зейна, ведь он настолько обнищал, что так и не выкупил свои, дешевые. Наверняка, один из атрибутов... Надо их забрать!

Зейн нагнулся, преодолевая отвращение, стащил часы с трупа и надел. Довольно тяжелые, но подошли ему идеально, как будто их специально подбирали. Мерцание мгновенно прекратилось. Часы явно привлекали внимание своего нового владельца, чтобы их не забыли. Наверное, передаются вместе с должностью. Механические, с подзаводом; не очень красивые, но явно недешевые. Цвет корпуса, естественно, черный.

Интересно, почему Смерть пользуется таким архаичным механизмом, пусть даже самого лучшего качества? Разве не удобнее электронные, с массой самых разных функций, или модные сейчас миниатюрные магические солнечные часы? Возможно, прежний владелец отличался консерватизмом. Наверное, прожил не один век, прежде чем допустил промах, стоивший ему жизни. Такой вряд ли станет обращать внимание на мимолетные веяния в мире смертных.

Странно, Зейн не испытывал сейчас особого раскаяния. Потрясение, охватившее его в первые минуты

после трагедии, исчезло, остался лишь ужас от того, что произошло убийство, словно он увидел страшную сцену по телевизору. Возможно, пугающая бесчувственность, безразличие объяснялось тем, что Зейн представлял себе Смерть как нечто неодушевленное. Но ведь он сам теперь превратился в это «нечто»!

Еще один сияющий огонек — украшение на левом ухе трупа. Зейн никогда бы сам не заметил его, мертвец лежал, прижавшись щекой к полу. Очевидно, одно из магических драгоценностей, о которых говорила Судьба. Пришлось снова прикоснуться к мертвому телу.

Зейн выпрямился, разглядывая находку. Серьга с необработанным красным гранатом, закругленным с одной стороны и плоским — с другой. Красивый камень светился, словно крошечная лампочка.

Как ее надеть? Не прокалывать же ради этого ухо!.. Подумав, он сунул серьгу в объемистый карман плаща.

В коридоре прозвучали шаги, затем раздался настойчивый стук в дверь.

— Мистер Зейн, с вами все в порядке?

Это была его пожилая соседка — довольно любопытная, но в остальном славная женщина.

Зейн застыл в нерешительности. Что делать? Если она войдет...

— Мистер Зейн! — беспокойная соседка повысила голос.

— Все в порядке! — крикнул он в ответ.

— Мистер Зейн, я слышала звук выстрела. Пожалуйста, ответьте!

— Все в порядке! — заорал он во весь голос.

Дверь приоткрылась. Она просунула в щель голову:

— Мистер Зейн, в чем дело, почему вы не отвечаете? Вы должны быть дома. Я видела, как вы пришли. Скажите, что с вами? Может, ранил бандит...

— Да, я дома! Здесь нет никаких бандитов! — кричал Зейн. — Пожалуйста, уходите!

Набравшись храбрости, женщина вошла.

— Извините, но я уверена, что кто-то стрелял, и... — Тут она увидела труп, на котором была одежда Зейна, хотя он сам не переодевал мертвеца. Наверное, Судьба

все устроила, когда он еще не пришел в себя от потрясения.

— Мистер Зейн! Вам плохо? — Соседка поспешила к неподвижному телу, миновав новую Смерть, словно невидимку. — Господи, да вы мертвы!

— Весьма похоже, — мрачно произнес Зейн. При виде перекошенного лица соседки на него вновь накатила волна ужаса. Он хотел покончить с собой, а вместо этого отнял жизнь у незнакомого человека. Убийца!

То, что произошло сразу после трагедии, до такой степени ошеломило, что он просто не успел осмыслить и по-настоящему прочувствовать страшную истину. Сейчас все встало на свои места, и Зейна прошиб холодный пот. Да, много плохого совершил он раньше, но то, что натворил сегодня... Сегодня он стал убийцей!

Ну, если честно, он не в первый раз отнял жизнь. Но тогда был особый случай, а его мать... Зейн проигнал от себя эту мысль. Да, он несет на себе бремя вины, бесчисленные несправедливости и невзгоды сделали его черствым, но не...

Услышав, что сказал Зейн, соседка сразу повернулась к нему. Теперь она его заметила.

— О, господин полицейский! — сказала она. — Слава Богу, вы пришли! Мистер Зейн мертв! Боюсь, что это было самоубийство. Я услышала выстрел, а он не отвечал...

Интересно, почему она так долго ждала, прежде чем начала суетиться? Все произошло полчаса назад. Очевидно, ровно столько потребовалось, чтобы любопытство разыгралось настолько, что пересилило страх.

— Да, я вижу, благодарю вас, — важно произнес Зейн, нахмурившись. — Теперь я займусь этим делом. Можете быть свободны!

— Ну, слава Богу! — дама испарилась.

Он позволил себе расслабиться. Значит, Судьба говорила серьезно: в своей «рабочей» одежде он становился незаметным. Соседка приняла его за полицейского, то есть за того, кого больше всего хотела уви-

деть здесь. Скоро она расскажет об этом остальным жильцам.

Зейн вышел из комнаты, миновал узкий коридор и спустился к выходу. На улице наверняка ждет машина. По дороге он еще раз вспомнил о предсказании камня смерти, с которого началось его удивительное приключение. Формально оно сбылось, однако итог оказался совершенно неожиданным. Талисман лишь предсказал его скорую встречу со Смертью, но в результате Зейн сам стал Танатосом. Вместо того чтобы погибнуть, он получил вечную жизнь. Вечная проблема с пророчествами — они указывают на некий факт, не раскрывая его истинного значения.

Он остановился на пороге. Откуда такая уверенность, что здесь стоит машина? Никто ему не говорил о таком, а своей у Зейна никогда не было, да и откуда она могла появиться у нищего! Он почему-то решил, что у Смерти есть какое-то средство передвижения.

Действительно, как Танатос добирается до своих клиентов? Обычным способом — на автомобиле, например, или прилетает, потешно размахивая руками, будто крыльями? Как бы там ни было, теперь он должен делать то же самое.

Зейн неторопливо осмотрелся — поначалу в темноте трудно что-то разглядеть. Что ж, предположения оказались верными! Возле подъезда стоял лимузин неопределенного цвета, аккуратно припаркованный на стоянке домовладельца. Если бы тот увидел такое безобразие, страшно возмутился бы и потребовал отбуксировать нарушителя. Но по странному стечению обстоятельств хозяин сегодня куда-то ушел. Наверное, удача всегда на стороне... как там их называла Судьба? — инкарнаций. Действительно, как могла Смерть работать, если бы ее заставили подчиняться правилам, придуманным для смертных!

Зейн понял, что он — новый владелец машины, потому что фары лимузина сразу призывающе замигали. Что ж, найти «атрибуты», необходимые для выполнения его новых обязанностей, не так уж трудно. Может, он зря волнуется и сама работа окажется вовсе не сложной?

Он подошел к автомобилю. Вместо номерного знака красовалась надпись «МОРТ». Так вот о чем говорила Судьба! Зейн почему-то решил, что его помощник — живое существо, а не обычная машина. На бампере красовалась наклейка: «СМЕРТЬ — ЭТО СПОСОБ ПРИРОДЫ ЗАСТАВИТЬ ВАС ПРИТОРМОЗИТЬ». Что ж, верно!

Он открыл дверь и забрался в роскошную кабину.

Такого комфорта и элегантной роскоши Зейну еще не приходилось видеть. Каждая мелочь продумана, все говорит о высочайшем уровне исполнения. Кресла обиты настоящей крокодиловой кожей, металлические детали хромированы. Даже до того, как создатели оснастили машину подобными излишествами, она стоила не меньше тридцати пяти тысяч. Зейн не представлял себе, как осмелится вести такое чудо...

Часы замерцали, привлекая внимание хозяина. Они действовали скорее как магический талисман, хотя показывали точное время: пять минут девятого. Зейн приглядился. Кроме двух светящихся стрелок теперь по циферблату поползла третья — большая, красного цвета, — которая раньше оставалась неподвижной. Не понятно, зачем она вообще? Секунды отсчитывались слева, справа находились окошки для числа и дня недели.

Тем временем таинственная стрелка миновала полуденную отметку, а та, что находилась на миниатюрном циферблате, передвинулась с девятки на восьмерку. Судя по всему, это секундомер, но ведь шел обратный отсчет! Впрочем, красная тоже двигалась против хода. В чем тут дело?

Таймер обратного отсчета! Часы сообщали: остается меньше восьми минут, чтобы что-то сделать или прибыть куда-то. Но что именно от него требуется?

От напряжения Зейн покрылся холодным потом. Постыдная слабость! Кто он на самом деле — могучий всадник на бледном коне или слабонервный нытик? Надо извлечь свою первую душу!

Тут Зейн разозлился. Разве он просил принять его на такую работу? Никому и ничего он не должен! Только из-за чистого совпадения пришлось стать воплощением Смерти.

Впрочем, совпадения ли? Если женщина, которая назвала себя Лахесис, действительно была Судьбой, то наверняка исследовала нить его жизни; именно она привела его к такому финалу и сделала это намеренно. Тогда милая дама фактически убила предыдущую Смерть, убила руками Зейна! Но почему, зачем?

Часы настойчиво посверкивали. Оставалось шесть минут. Зейн понятия не имел, что произойдет, если он опоздает, но на собственном опыте убедился, что так называемые инкарнации плетут свои интриги, как заправские политики. С подобными типами опасно связываться. Возможно, его предшественник отказался что-то сделать, и Судьба решила его убрать. Непохоже было, что ее потрясла кончина коллеги. Если Зейн откажется выполнять благоприобретенные обязанности, с ним могут поступить так же. Он понятия не имел, что собой представляет новая работа, зато точно знал, что не хочет внезапно умереть! Поэтому пока надо входить в суть дела, потом же, не торопясь, осмыслять все.

Да, а инструкция, о которой упоминала Судьба? Ее нигде не видно, а времени на поиски уже не осталось. Возможно, бывший Танатос потерял ее лет эдак сто назад.

Зейн взялся за баранку, поставил ногу на педаль акселератора. Где ключ зажигания? Неужели остался у мертвеца?

Зейн содрогнулся. Пусть он подчинился обстоятельствам, шел по пути, который выбрали для него другие, но возвращаться к началу своего страшного путешествия не хотелось. Он обследовал приборную панель, надеясь, что проблема отпадет — сейчас многие машины управлялись с помощью магии, а магические предметы оснащали механическими деталями. После недолгого поиска Зейн нашел обыкновенную кнопку, на которой значилось «ВКЛ/ВЫКЛ», и нажал на нее.

Автомобиль мгновенно ожил. Панель осветилась, заиграло радио, ремни безопасности мягко обхватили плечи. В еле слышном гудении мотора угадывалась скрытая мощь. Мечта любого водителя!

Ну что ж, будь что будет!.. Зейн включил заднюю передачу и выехал со стоянки. Машина шла изумительно ровно, словно живое существо угадывая малейшее желание того, кто сидел за рулем. Да, Смерть жила отнюдь не в спартанских условиях!

Предупреждающее запищал зуммер, зеркало заднего вида замигало — там было препятствие. Загораживающая дорогу машина промчалась мимо, Зейн дал задний ход и выехал на улицу. Автомобиль по-прежнему двигался плавно, выполняя все маневры так точно и аккуратно, как будто читал его мысли. Хотя Зейн совсем не разбирался в машинах, он понял, что стал владельцем уникальной модели. Его автомобиль даст сто очков вперед любому ковру. Смерть просто купалась в роскоши!.. Однако его предшественник стал трупом, а убийца унаследовал все это вместе с делом.

Он переключил передачу и осторожно двинул вперед, приоравливаясь к машине, легко влился в общий поток транспорта. Окна и зеркала обеспечивали превосходный круговой обзор, а колеса, казалось, катились сами. Возможно, автомобиль Смерти окутывали чары, предохраняющие от столкновений. Так или иначе, Зейн управлял им неизмеримо лучше, чем следовало ожидать: за последние несколько лет он ни разу не садился за руль.

Он бросил взгляд на часы. Осталось только четыре минуты. Куда ехать?

Зейн огляделся. Сейчас машина двигалась на запад. Но как узнать, правильно он выбрал направление или нет? Каким образом Смерть находит свои жертвы?

Жертвы? Жуткое понятие! Судьба использовала слово «клиенты»; звучит намного лучше.

Ну, термины — не самое важное. Главное, как их разыскать? Внезапно Зейн вспомнил, что в плаще есть карманы; во внутреннем он нашупал какой-то предмет и извлек его, продолжая вести машину.

Браслет со сломанной дужкой. Поэтому, наверное, предшественник не носил его на руке. Как видно, экс-Танатос вообще не отличался вниманием и аккуратностью. Но для чего нужно обычное украшение?

В браслет были вставлены три камня. Самый большой, оранжево-желтый, похожий на настоящий кошачий глаз, словно следил за Зейном. Средний — розовый, его пересекала линия, имевшая что-то вроде стрелки-указателя на конце. Последний, бледно-зеленый кварц, возможно, с примесью титана, имел прямоугольную форму. Его немного портили вкрапления, четко выделявшиеся на поверхности: одно светлое, другое — черное. Кроме того, в глубине камня змеились какие-то извилистые линии.

Вряд ли он сможет понять, как пользоваться находкой. А часы неумолимо тикали. Осталось только две минуты. Времени на раздумья уже нет! Зейн свернулся за угол, случайно бросил взгляд на браслет и увидел, что стрелка на поверхности розового камня теперь указывает в другую сторону! На самом деле не миниатюрный компас, а автомобиль изменил направление. Стало быть, ехать надо на северо-запад.

Зейн вклинился на скоростную полосу шоссе. Какой-то водитель возмущенно загудел, но был вынужден уступить место. Он снова повернулся, и стрелка немедленно отреагировала. Да, никакой ошибки; именно так Танатос определяет, куда должен ехать.

Зейн повернулся на север, потом снова на восток, постоянно сверяясь с камнем. Стрелка не двигалась, зато «кошачий глаз» стал увеличиваться, явно показывая, что цель становится все ближе и ближе.

И все же, если предположить, что размер зависит от расстояния, которое осталось преодолеть, Зейн ни за что не успеет вовремя. Это очень беспокоило его. Считается опоздание у инкарнаций таким же тяжелым проступком, как и отказ от выполнения работы, или нет?

Зейн еще раз свернулся. Третий камень, зеленый, заметно посветел. Почему? Он снова крутанул руль. На приборной панели загорелась какая-то кнопка. Проведем эксперимент? Он резко изменил направление, игнорируя хор протестующих гудков, и нажал на нее.

Машину дернуло. Силуэты зданий расплылись, словно машина летела со сверхзвуковой скоростью

над Землей. Через несколько мгновений все прекратилось, вокруг снова возникли городские улицы.

Пораженный, Зейн огляделся по сторонам и сразу понял, что перенесся на северо-запад, за многие километры от Кильваро, возможно, через весь континент, и мог оказаться даже в Анкоридже — большом портовом городе.

Времени, чтобы выяснить это точно, уже не было. Удлиненный зрачок в центре оранжевого камня резко увеличился, темная и светлая отметки на зеленом квартце слились воедино, а часы показывали, что осталась только минута. Цель совсем рядом!

Прежние сомнения в своих силах развеялись. Зейн мало-помалу учился пользоваться атрибутами Смерти и уже знал, что если «кощачий глаз» заполнит всю поверхность камня, значит, он добрался до нужного места. И когда стрелка на розовом талисмане начала вращаться, хотя он никуда не сворачивал, Зейн понял, что путешествие закончено. Слава Богу, он успел во время: осталось всего тридцать секунд. Глаз стал огромным, указатель на «компасе» описывал полный круг. Но здесь обычновенный перекресток!

Неужели ложный вызов?

Он притормозил и, сбитый с толку, направил машину к обочине. Прежние сомнения снова начали терзать душу.

Указатель замер. Судя по тому, куда он теперь направлен, следует вернуться назад. Нелепица!

Большая красная стрелка на часах остановилась на полуденной отметке.

Внезапно раздался грохот. На перекрестке произошла авария. Делая левый поворот, небольшой грузовик на полном ходу столкнулся с идущей со средней скоростью крошечной японской малолитражкой.

Зейн заглушил мотор, не думая о том, можно ли здесь парковаться, выскочил из машины и поспешил к месту происшествия.

Водителя грузовика оглушило, однако он серьезно не пострадал. А вот женщина в маленьком автомобиле повезло куда меньше. Огромный осколок ветрового стекла (реклама уверяла, что никакая сила не способна его разбить) вонзился ей в горло. Из раны, заливая

приборную доску, хлестала кровь, но несчастная все еще была жива.

Ошеломленный, Зейн застыл. Он видел, что женщину не спасти, но что ему делать?

Вокруг, скрипя тормозами, останавливались машины, приземлялись ковры, постепенно собиралась толпа.

В глазах женщины, уже начинаящих стекленеть, появился проблеск сознания. Увидев Смерть, ее зрачки сузились, став крошечными, как булавочные головки. Она попыталась закричать, но не смогла.

Кто-то слегка подтолкнул его. От неожиданности Зейн вздрогнул. Рядом стояла Судьба.

— Не мучай ее, Смерть, — сказала она. — Скорее делай свое дело.

— Но несчастная еще жива!

— Она покинет этот мир только после того, как ты извлечешь душу из тела. Ужасная агония будет тянуться, пока ты не избавишь ее от мучений. То же самое происходит сейчас с остальными клиентами. Так что не тяни, Танатос, выполняя свои обязанности.

Зейн неуверенно шагнул к искореженной груде железа, в которую превратилась малолитражка. Женщина не отрывала от него расширившихся от ужаса глаз, следила за каждым движением. Возможно, она уже не видела ничего вокруг, кроме приближающейся смерти. Зейн хорошо помнил, как это страшно. Но он до сих пор не знал, как прекратить ее страдания и позволить навсегда успокоиться.

Одежда разорвана осколком, пропахавшим тело от правой груди до шеи, так что плоть превратилась в кровавое месиво. Страшное испытание, и его необходимо прекратить как можно быстрее. Однако женщина из последних сил пыталась сопротивляться. Отогнав смерть, несчастная вытянула здоровую левую руку, словно принадлежавшую другому человеку, так резко она контрастировала с изуродованным туловищем. Никогда еще Зейн не видел таких физических и душевных страданий. Даже когда умирала его мать...

Он наклонился, так и не решив, что надо сделать. Его рука должна была натолкнуться на залястье умирающей, но, к изумлению Зейна, легко прошла сквозь

ее плоть! Он проник в голову и нащупал что-то мягкое, напоминающее паутину.

Зейн отпрянул; за пальцами тянулась какая-то прозрачная радужная пленка, похожая на мыльный пузырь или слизь. Охваченный отвращением, он попытался сгребнуть ее на землю, но она намертво пристала к ладони. Зейн стал отдирать ее другой рукой, все еще сжимавшей браслет.

— Стыдись, Смерть! — осуждающе произнесла Лахесис. — Нельзя так измыватьсь над душой.

Так это душа!.. В глазах у Зейна помутнело, словно он сам вот-вот лишится жизни. Он отпрянул; лохмотья превратились в упругую серебристую нить, но не покидали истерзанную плоть, словно не желая навсегда расставаться с земной оболочкой.

Внезапно с легким треском они отделились от тела. Зейн держал пленку, похожую на сброшенную змеиную кожу. Женщина наконец была мертва. На лице застыла гримаса боли и ужаса. Смерть забрала душу и избавила ее от страданий. Все кончено.

Или не все?

— Что теперь? — спросил Зейн Судьбу. Его била дрожь, он чувствовал тошноту и головокружение.

— Аккуратно складываешь душу, опускаешь в сумку и отправляешься к следующему клиенту. А когда появится возможность сделать небольшой перерыв, определишь, куда ее следует направить.

— Куда направить? — Перед глазами все еще стояла страшная картина — залитая кровью одежда, расширившиеся от страха глаза, изуродованная плоть... Зейн плохо соображал.

— Да, на Небеса или в Ад.

— Как я могу оценивать души?!

— Можешь и должен! Постарайся пореже ошибаться. — Судьба удалилась.

Зейн уставился на переливающиеся полупрозрачные обрывки. Вокруг сутились люди, но никто даже не взглянул в его сторону. Фактически сейчас он остался совсем один...

Он стал неуклюже складывать тончайший материал, словно обыкновенную простыню. Сделать это аккуратно мешали разорванные края, но Зейн упорно

трудился, и наконец усилия увенчались относительным успехом. Получился очень маленький и легкий сверток; казалось, душа вообще невесома. В одном из необъятных карманов плаща оказалась полотняная сумка; в нее Зейн и запихнул свой первый трофей. Руки тряслись, перед глазами все кружилось. Если бы его сейчас вывернуло наизнанку, сразу полегчало бы. К сожалению, он до сих пор ничего не ел. Первый блин — комом... Но провалиться до такой степени!

Прибыла полиция, «скорая помощь», вокруг сутились люди. Труп вытащили из искореженного автомобиля. Опрашивали свидетелей, однако на Зейна внимания не обращали. Теперь он понимал: никто не потревожит Танатоса, пока он сам того не пожелает.

Итак, он обслужил первого клиента. Да, работа сделана из рук вон плохо. Испугал умирающую, продлил ее агонию, а потом чуть не разодрал в клочья душу. Не очень-то блестящее начало, что и говорить!

Часы снова замигали, красная стрелка начала двигаться. Семь минут, чтобы добраться до нового клиента.

— Лучше бы я сам окочурился! — пробормотал Зейн угрюмо. Хотя в глубине души понимал, что все это только слова. Такая жизнь, конечно, ужасна, и то, что приходится делать, — тоже, но все-таки смерть гораздо страшнее!

Так или иначе, выбора ему не предоставили. Зейн торопливо зашагал к своей машине. Он не знал, как часто придется «ездить по вызовам». Очевидно, пока шел процесс передачи должности, если так можно назвать недавние события, накопилась масса нерешенных дел. С другой стороны, Судьба могла устроить так, что все произошло, когда образовался перерыв в работе.

Он определил, куда ехать, и пустился в путь. Как только зеленый камень замерцал, Зейн коснулся знакомой кнопки на приборной доске, и машина перешла на сверхзвуковую скорость. На этот раз он попал куда-то на юг. Как только вокруг возникли улицы незнакомого города, Зейн использовал талисманы-ориентиры. Все шло, как в первый раз. Его внезапного появления никто не заметил.

Зейну, конечно, не нравилось это занятие, но пока он не знал, стоит ли отказываться от него. Сколько бы еще пришлось страдать женщине, не освободи он ее душу? Страшно даже подумать...

Машина стремительно двигалась по улице, легко маневрируя в дорожном потоке; управлять ею было одно удовольствие! Следуя указаниям камней на браслете, Зейн уже почти добрался до цели.

Где он оказался? Может, в Южной Америке, скажем, в Бразилии? Нет — впереди показалось здание Центральной больницы Феникса, штат Аризона. Выходит, он здорово ошибся в своих расчетах. Ну ничего, времени на то, чтобы научиться правильно ориентироваться, предостаточно!

Он припарковал машину на стоянке для посетителей, надвинул капюшон на лицо и отправился в палату, на которую указывали талисманы.

Шагая по коридорам, Зейн не мог избавиться от неприятного ощущения. Он не любил больницы, особенно с тех пор как слегла мать. Ничего не поделаешь, Смерти наверняка приходится часто навещать такие заведения. Сколько людей проводят здесь свои последние часы!

Хотя он явился в неурочный час, персонал не обращал внимания на посетителя. Очевидно, его принимали за врача или санитара. Что ж, возможно, они не так уж далеки от истины. Во всяком случае, его работа гораздо важнее!

Зейн разыскал клиента — старика, лежавшего в палате вместе с тремя такими же пожилыми пациентами. Каждого опутывали какие-то трубки, провода, соединенные с мудреной аппаратурой. Очевидно, безнадежные случаи.

Господи, как он ненавидит все это! Зейн с великим удовольствием сбежал бы отсюда.

Он опасался, что появление Танатоса сильно испугает клиента, но остаться незамеченным тут никак нельзя. В довершение всего он пришел рано: оставалось еще две минуты.

На сей раз Зейн решил действовать прямо. В конце концов, сработать хуже, чем в прошлый раз, просто невозможно. Он решительно подошел к кровати:

— Привет.

Слово прозвучало как-то странно, словно его повторили второй раз.

Поскольку ни один из больных не отреагировал, Зейн решил посмотреть, откуда исходит звук. В кармане лежала серьга, которую он взял у своего предшественника. Неужели дело в ней?

— Привет, — повторил он. Да, все верно.

Старик медленно повернулся к нему и с трудом произнес:

— Ну наконец-то! Я уж заждался тебя, Смерть!

Он говорил на другом языке, но Зейн его прекрасно понимал, потому что крошечная драгоценность, которую он держал на ладони, повторяла каждое слово по-английски. Магический синхронный переводчик!

В самом деле, без него Танатосу никак не обойтись, ведь ему надо постоянно путешествовать по всему земному шару. Зейн торопливо засунул серьгу в ухо; когда выдастся свободное время, следует подумать, как пристроить ее поудобнее. Увлеченный своим маленьким открытием, он забыл о работе.

Во взгляде клиента читалось облегчение. Странно!

— Вы ждали меня? Не боитесь?

— Ждал? Я ищу тебя уже целых полгода! Боюсь? Ха! Я уж решил, что никогда не вырвусь из этой клетки!

— Вы о госпитале? По-моему, здесь не так плохо.

— О своем теле.

Ясно... А серьга, оказывается, помогает не только ему, но и собеседнику. Клиент прекрасно понимал Зейна.

— Значит, вы хотите умереть?

Старик искоса посмотрел на него:

— Что, сынок, новенький, верно?

От неожиданности Зейн чуть не поперхнулся.

— Откуда вы знаете?

Его собеседник растянул бескровные губы в улыбке:

— Однажды я уже столкнулся со Смертью. Тот был старше вас — на черепе гораздо больше морщин. Зрелище так потрясло меня, что я как бы воскрес, и операция, вопреки всем прогнозам, прошла успешно. На первый раз пронесло. А вот сейчас...

— Я знаю, как страшно увидеть такое. — Перед глазами Зейна снова возникло искаженное лицо матери.

— В то время мне очень хотелось жить, и это придало сил. Но сейчас все скверно, очень скверно. Медицина, магия — ничто не помогает. Чтобы снять боль, приходится постоянно использовать средства, от которых отключается мозг, — последнее дело! Думаю, для таких, как я, смерть — просто переход к иной форме существования, где душу не обременяет тело. Говорят, некоторые даже не осознают, когда прекращают дышать. Мне-то все равно, как отдать концы, лишь бы боль прекратилась. За жизнь я уже не цепляюсь, готов уйти. Надеюсь, ты знаешь свое дело.

Зейн взглянул на часы. За разговором он не заметил, что упустил нужное время и опоздал на целую минуту!

— Я тоже на это надеюсь. Я беседовал с вами дольше, чем следовало.

Старик снова улыбнулся:

— Ты меня поддержал, Смерть. И дал небольшую отсрочку. Хочешь совет? Если когда-нибудь увидишь, что человек уже не желает жить, освободи его! Наверное, мне пора...

Зейн снова вспомнил мать.

— Я так и поступил однажды, — вполголоса произнес он. — Каждый имеет право уйти из жизни, когда захочет. Так я считаю. Хотя многие назовут это убийством.

— Да, — кивнул клиент. — Но они просто дураки! — Неожиданно его лицо исказилось от боли. — Пора, Смерть, — прошептал он, задыхаясь. — Скорее, скорее!

Зейн протянул руку. Его пальцы прошли сквозь плоть и дотянулись до шелковистой паутинки — души. На сей раз удалось аккуратно вытащить ее. Глаза клиента потускнели; старик наконец получил то, что хотел.

Остальные обитатели палаты никак не отреагировали. То ли они не сообразили, кто пришел навестить их товарища по несчастью, то ли поняли, что бедолага уже умер и незачем звать сестру.

Зейн сложил душу и опустил ее в сумку. Он спрятался с задачей намного лучше, чем в первый раз. Да и чувствовал себя теперь совершенно по-другому, сознавая, что сделал доброе дело, избавил несчастного от лишних страданий. Возможно, в подобной работе есть и светлые стороны.

Он посмотрел на часы. Красная стрелка снова двигалась, но у него в запасе целых полчаса! Удлиненный зрачок на оранжевом камне был большим, значит, цель где-то недалеко. В кое-то веки не придется спешить.

Зейн направил машину в пустынный парк за городом и остановился на обочине. Открыл сумку, вытащил одну из душ, аккуратно развернул ее, положил на ветровое стекло и осторожно расправил. «Пленка» не разорвана; значит, это второй клиент.

Переливающаяся под светом фар, душа представляла собой сложное переплетение светлых и матово-темных участков и узелков, образующих настоящий лабиринт, словно предназначалась для тестов, которые так любят психоаналитики. Зейн с трудом оторвал взгляд от завораживающей загадочной картины. Но сколько ее ни рассматривай, делу это не поможет. Как определить, в царство Бога или Сатаны должна отправиться душа?

Странный образ неожиданно выплыл из глубин подсознания. Словно по наитию, Зейн отогнул краешек полупрозрачной «пленки» и открыл панель приборов. Предчувствие не обмануло: внутри лежало еще несколько талисманов. Как только Зейн вступил в должность, хроническая нехватка средств к существованию сменилась переизбытком предметов роскоши!

Камни слабо мерцали. Он вытащил их и рассмотрел. Две гладкие полусфера: тускло-коричневая и бледно-желтая. Зейн сложил их, и они образовали круг, немного напоминавший спутник Земли, со светлой и темной сторонами. Возможно, это были лунные камни. Понятно, что они должны работать вместе, но как их использовать?

Снова повинуясь интуиции, он разъединил талисманы и поднес коричневый к распростертой душе. Тот замерзал, словно впитывая исходящую от нее

эманацию. Зейн медленно исследовал всю поверхность. Камень светился над каждым темным участком.

Понятно! Настал черед желтого талисмана. Как Зейн и думал, он реагировал на светлые части.

Итак, если предположить, что черное — накопившееся зло, а белое — добро, у него в руках приспособление для оценки неопределившихся душ. Он способен теперь проводить строго объективный научный анализ с помощью магических приборов. Неясно одно: как определить, каков результат?

Возможно, аккумулируя информацию, камни становятся тяжелее? Тогда где-то в машине должны быть весы.

Он еще раз обшарил панель, но ничего не обнаружил. Что ж, остается надеяться, что все прояснится в нужный момент. Сейчас нет времени на раздумья.

Зейн начал равномерно водить коричневым камнем по полупрозрачной пленке. Талисман отзывался вспышкой на каждую темную область. Когда он проходил над какой-то частью души второй раз, то никак не реагировал — любой совершенный грех учитывался лишь единожды. Камень постепенно темнел, хотя, кажется, не тяжелел. Впрочем, Зейн мог просто не почувствовать изменений.

Когда он закончил, камень стал почти черным.

Сколько грехов! Интересно, что именно он совершил, но как узнать подробности? До того как рак уложил его в больницу, клиент прожил сложную жизнь. Вероятно, больше Смерти знать ничего не положено.

Зейн отложил темный талисман, взял желтый. По мере того как тот впитывал все добрые дела, камень становился все ярче, а в конце сиял, будто полная луна.

Что теперь? Как определить, какой из двух изменился больше? Черный стал тяжелее; значит ли это, что зло в душе превалирует? Светлый теперь казался намного легче. Возможно, добро, которое впитала желтая полусфера, стремится воспарить к Небесам. Первый тянет вниз, в Ад, второй — в заоблачную высь, в Райские сады... Наверное, нужно подвести окончательный итог. Но как?

И тут Зейна осенило. Он соединил полусферы. Они прилипли друг к другу, как магниты, а линия соприкосновения причудливо изогнулась, превратив окружность в символ китайской философии, противоположные начала «инь» и «янь». Иссиня-черная и янтарно-желтая половинки слились воедино.

Он разжал руку, и сияющий как миниатюрная луна шар повис в воздухе. Почти идеальное равновесие... Куда же отправится старик?

Наконец, очень медленно, шар начал подниматься. Добро все-таки перевесило! Зейн с трудом перевел дыхание. Он только сейчас осознал, что волновался не столько о том, как освоить свою работу, сколько о судьбе симпатичного клиента.

Симпатичного? Не так уж он хорош, если на его совести столько дурных поступков!

Сверкающий шар между тем достиг верха кабины и уткнулся в обивку. Ничего страшного, окна закрыты, наружу вылететь он не мог.

Теперь надо отправить душу на Небеса. Как?

Зейн снова открыл приборную панель. Там лежал рулон прозрачной клейкой ленты и два пакета шариков. Одни просто рвались из рук, грозя улететь, как маленькие ракеты; другие были словно налиты свинцом.

Теперь все ясно! Зейн вновь сложил душу, так что получился совсем маленький сверток, обернул его лентой и прикрепил к легкому шарику. Потом открыл окно и выпустил драгоценную посылку из рук. Та поднялась в воздух и через несколько секунд скрылась из виду.

Зейн от всей души надеялся, что старик благополучно доберется до Рая. Вообще такой примитивный способ доставки совсем не подходил для самой драгоценной субстанции на Земле. В эпоху магических ковров и роскошных авиалайнеров следовало изобрести более надежный и безопасный метод. Но так работал его предшественник; может быть, ему, новому Танатосу, удастся придумать что-нибудь пооригинальнее, когда он освоится.

Слившиеся в единое целое камни распались, к ним вернулись блеклые цвета. Что ж, дело сделано! Зейн положил их на прежнее место.

До следующего задания осталось всего десять минут. Перерыв кончился, пора в путь.

Он определил направление и нажал на кнопку, сообщавшую автомобилю сверхзвуковую скорость. Полет длился намного дольше, чем предыдущие. Зейн выглянул в окно. Внизу расстилались бесконечные океанские просторы. Судя по показаниям компаса (он лишь сейчас разглядел его на приборной доске), цель находится на востоке.

Только что на небе мерцали звезды, а теперь сияло утреннее солнце. Зейн вдруг вспомнил, что стал Смертью поздним вечером, первого клиента — несчастную женщину — разыскал в полдень, а когда добрался до госпиталя в Фениксе, снова наступил вечер! Мир продолжал жить по своим законам, но Зейн, словно кузнец, перескакивал из одного времени суток в другое...

Через несколько мгновений показалось побережье. Автомобиль стал резко снижаться и приземлился на пляже, узкой полоской опоясывавшем море. Он миновал стройку, группу гигантских ультрасовременных двадцатиэтажных строений, тускло-коричневые отроги горного хребта, поселок с аккуратными, словно игрушечными белыми домиками, уютно примостившийся в небольшой долине, проехал мимо оливковой рощи, мирно пасущихся лошадей и оказался в открытом поле.

Клиент где-то близко. Странно, почему нельзя нажать на кнопку и сразу очутиться в нужном месте? Возможно, магические приборы на большом расстоянии не способны точно определить цель?.. Нет, скорее причина в том, что появление Смерти не должно привлекать внимания. Внезапное появление таинственной машины возле места катастрофы или другого инцидента с трагическими последствиями обязательно породит всевозможные слухи. Даже самая мощная магия не совершенна. Тот, кто придумывает правила, решил на всякий случай подстраховаться.

С помощью «кошачьего глаза» и талисмана со стрелкой Зейн быстро сориентировался и прибыл даже раньше срока, имея в запасе целую минуту.

Он остановился возле полуразвалившейся фермы, окруженной запущенными полями. Люди, живущие здесь, наверняка бедствуют.

Зейн открыл дверь и вошел в дом. Сказались старые привычки, и он чуть было не постучал, но потом сообразил, что скорее всего никто на него не обратит внимания. Здесь уже наступил рассвет; сонные члены семейства натыкались друг на друга, бралились и кричали, шаркая по ледяному полу — печку еще не растопили. Конечно, они говорили на незнакомом языке, однако серыг, которую Зейн так и не вытащил из уха, мгновенно переводила каждую фразу. Проклинали судьбу, ненастное промозглое утро, скучный завтрак, крысу, нагло бегающую возле стола...

Магические камни привели Зейна в спальню. На кровати сидела женщина и, закусив губу, пыталась натянуть на себя слишком узкие теплые чулки. Она задрала ногу, согнула колено, так что Зейну открылась весьма интимная картина... Нет, скорее ужасная: вся кожа на бедрах покрыта красной сыпью. Да и в остальном бедняжка выглядела очень скверно — на щеках горят лихорадочные пятна, волосы спутаны и неухожены, зубы гнилые. И хотя это была молодая и недурно сложенная женщина, болезнь превратила ее в настояще страшилище. Круги под запавшими глазами казались кровоподтеками. Нет, ее и в самом деле кто-то избил: всюду синяки и ссадины.

Что ж, смерть станет для такой избавлением от страданий.

Но стрелка на камне не показывала на несчастную! Она была направлена в дальний угол комнаты, где стояли ясли со спящим младенцем.

Ребенок? Разве можно забрать невинную душу?

Зейн прошел мимо женщины, даже не повернув-шшей голову в его сторону, склонился над маленьким тельцем. За ночь узенькое одеяло сползло с ребенка, и теперь он лежал раскрытым, лицом вниз, с посиневшей кожей. На пеленках расплылось мокрое пятно.

Неужели это существо должно умереть, даже не научившись говорить?

Но как же правило, о котором говорила Судьба? Ведь именно из-за него приходится «обслуживать» людей, чья судьба после смерти не определена! Большинство душ совершили переход без прямого вмешательства Танатоса. Лишь тот, кто накопил столько зла, что его Спасение становилось проблематичным, нуждался в персональной помощи. Новорожденный безгрешен, поэтому его душа должна направиться на Небеса. Он ведь еще не «капитан своей души», как выразилась Лахесис! Какие злые дела мог совершить младенец?

Все верно, однако именно он через несколько мгновений станет клиентом Зейна: ребенок угасал прямо на глазах.

Пора! Он протянул руку, осторожно потянул...

Мать была так поглощена возней с чулками, что ничего не заметила. Зейн прошел мимо нее и быстро покинул мрачное жилище. Он чувствовал себя так, словно сам заболел.

В машине он с помощью камней исследовал маленькую душу — совершенно непохожую на ту, которую приходилось рассматривать раньше. Странная структура, точнее, полное отсутствие таковой. Вместо причудливого сплетения белых и черных узелков, составляющих светлые и темные участки, — одинаковый серый цвет. Очевидно, при полном отсутствии жизненного опыта душа просто еще не сформировалась.

Талисманы, благодаря которым Зейн решил судьбу предыдущего клиента, тоже никак не помогли. Маленький шар завис в центре салона, словно крошечная модель луны, отказываясь подняться или опуститься.

Что произошло? Какое зло сотворил младенец? И как он вообще мог совершить что бы то ни было, прикованный к своей колыбели, на попечении большой матери?

Ответа Зейн пока не знал. Он аккуратно сложил душу и опустил ее в сумку.

Красная стрелка вновь начала двигаться. Господи, когда наконец это кончится? Когда он получит хотя

бы небольшую передышку, чтобы спокойно обдумать все, что с ним произошло?

Увы, ответ напрашивался сам собой. На Земле каждую минуту кто-то умирает, в том числе и те, кому нужно помочь. Рано или поздно случится так, что клиенты, живущие на разных полушариях планеты, должны будут скончаться в одно и то же время. И что тогда делать?

Зейн начал понимать, почему его предшественник утратил бдительность. При такой спешке легко забыть об осторожности. Чтобы успеть вовремя, приходится не думать о частностях, иначе можно опоздать. Что происходит с Танатосом, если он допускает слишком большое отставание от графика?

Зейн стал внимательно разглядывать часы. С одной стороны находились три кнопки. Очевидно, здесь они выполняют те же функции, что и у обычных секундомеров: одна служит для пуска и остановки таймера, другая — для его обнуления, а с помощью вот этой небольшой, посередине, при желании можно установить обычное время и календарь.

Но ведь механизм каким-то непонятным, магическим способом настраивал сам себя, откликаясь на исходящий откуда-то сигнал. Быть может, часы впрямую связаны с Раем, Адом или еще каким-то местом, куда попадают после смерти души?

Наверное, тут замешана и Судьба, ведь именно она измеряет длину нитей жизни. В любом случае Танатос не определял, когда происходят события; скорее наоборот, они определяли его действия. Зачем тогда нужны лишние кнопки? Чем они управляют?

Проверить?

Он почти рещился на эксперимент, однако в последний момент заколебался — опасно играть с непредсказуемым. Впрочем, как иначе узнать все премудрости новой работы? Зейн всегда, вплоть до почти свершившейся смерти, действовал под влиянием настроения. Так что надо по крайней мере оставаться верным себе.

Он нажал на нижнюю кнопку. Ничего не произошло. Она легко утопилась в металлический корпус и выскоцила наружу. Может, ни с чем не соединена?

Вовсе не обязательно. Хороший секундомер должен быть защищен от ошибок. Бывает, на скачках зритель, не в силах оторвать взгляда от скакунов, которые через несколько мгновений завершат очередной забег, тычет пальцем не на ту кнопку. Наверное, она служит для контроля обнуления и действует лишь в определенное время, скажем, только после финиша...

Теперь он нажал на верхнюю. Щелчок. Обратный отсчет мгновенно прекратился.

Зейн взялся. Перестали двигаться стрелки на двух миниатюрных циферблатах, в том числе большая красная, показывающая, сколько осталось жить очередному клиенту. Хотя третья по-прежнему отсчитывала секунды. Зейн остановил обратный отсчет, а реальное время текло по-прежнему.

Как это понимать? От таймера зависело, когда расстанутся с душой подопечные Танатоса. Значит, сейчас все они не могут уйти в мир иной? Трудно поверить!.. А разве не выглядит невероятным все, что с ним произошло после визита к продавцу талисманов? Судьба говорила, что, пока он не приступит к своим обязанностям, ни одна душа не расстанется с телом. Кстати, вот и ответ на вопрос, казавшийся неразрешимым. Если его присутствие потребуется в двух местах одновременно, надо просто «заморозить» смерть одного из клиентов, пока он будет работать с другим.

И, конечно, использовать эту кнопку можно, когда захочется отдохнуть: в буквальном смысле отключиться, чтобы выпасть, поесть или обдумать что-то важное.

Ну и часики! Они не просто показывали, когда что-то случится, но замедляли или ускоряли события по желанию хозяина.

До следующего задания оставалось только две минуты двадцать три секунды; зеленый камень показывал, что клиент находится на другом конце Земли. Так не годится! Зейн нажал на среднюю кнопку, и стрелка таймера немного сдвинулась. Теперь в его распоряжении десять минут: вполне достаточно, чтобы не торопясь добраться до цели. Его чудо-автомобиль успеет долететь до любого места на земном шаре.

Но зачем тогда нужен циферблат, показывающий часы? Если время сдвигается только до десяти минут...

Ладно, не все сразу. Над этой проблемой он подумает позднее. Сейчас надо наметить порядок действий. Как, например, поступить с душой младенца? Нельзя дарить ее Сатане, но и ангелы скорее всего не примут такое послание. Наверное, ее следует доставить в Чистилище, а там пусть решают профессионалы. Ведь если Ад и Рай — реальность, значит, где-то должно быть и вместилище для «спорных» случаев. Но как его найти?

Поглощенный своими мыслями, Зейн горько вздохнул:

— Господи, я ведь совсем ничего не знаю!

— И в этом тебе поможет только время, — раздался совсем рядом незнакомый голос.

Г л а в а 3

«Овцы» и «крольчики»

3

Зейн подпрыгнул от неожиданности. Рядом сидел мужчина лет пятидесяти. У него были проницательные голубые глаза, усы, небольшая бородка. В руке незнакомец держал странное приспособление — небольшой прибор в форме восьмерки.

— Вы, должно быть, бессмертный, — выдавил из себя Зейн, когда к нему вернулась способность соображать.

— В некотором роде, — согласился мужчина. — Точнее, инкарнация, подобно Судьбе и Смерти.

Зейн внимательно изучил собеседника. Очевидно, следует самому догадаться, за что отвечает его коллега. Но после напряженных размышлений он сдался.

— А кто...

— Я Хронос, или, попросту, Время. — Мужчина наклонил свое приспособление. Из одного стеклянного конуса в другой посыпался чистый мелкий порошок. Да это обычные песочные часы!

— Но вы так молоды! По крайней мере, не седовласый старец, — быстро добавил Зейн, сообразив, что юношей собеседника назвать никак нельзя.

— Я не имею возраста, — поправил его Хронос. — С легкой руки невежественных ремесленников меня представляют древней развалиной; мне удобнее работать в таком облике.

— Значит, это из-за моей возни с часами...

— Да, Смерть, вы вынудили меня явиться, когда переставили обратный отсчет на десять минут и «за-

морозили» свои вызовы. Хронос отмечает все манипуляции со временем, особенно если их источник — одно из воплощений вечных начал. Как правило, Смерть либо останавливает таймер, либо переставляет его, чтобы успеть обслужить клиента, но делать одновременно и то и другое не принято. Естественно, я пришел узнать, в чем причина — ведь мы, инкарнации, стараемся всегда согласовывать свои действия. В конце концов, живем на одном небе!

— Но я понятия не имел, что вызываю вас, — смущенно произнес Зейн. — Я только что приступил к работе и многое не знаю... Честно говоря, всегда думал, что время — абстракция, а не существо из плоти и крови.

— Инкарнация, — поправил его Хронос. — Воплощение одного из важнейших начал бытия. Персонификации приходят и уходят, но сущность остается неизменной.

— К этому я тоже пока никак не могу привыкнуть. Время и Смерть — обычные должности, а не физические законы или что там еще... Просто уму непостижимо!

— Инкарнации — это и законы, и должности, и многое-многое другое, — объявил Хронос. — Кстати, мы, кроме прочего, обычные люди, что также очень важно!

— Я не хотел никого отрывать от дела, только пытался выяснить, как работает механизм. Непонятно, зачем понадобился циферблат для часов на таймере.

— Он фиксирует задержку графика работы. — Хронос короткой фразой объяснил загадку, над которой тщетно ломал голову Зейн. — Вы перенесли смерть очередного клиента на семь минут тридцать семь секунд и заморозили все, что относится к вашей деятельности. Это, конечно, ваше право, вы ведь Смерть. Можете даже остановить само время, если вытащите вот эту кнопку в центре. Однако, если отставание превысит тридцать минут, оно будет отмечено на часовых делениях циферблата. Его потом необходимо ликвидировать. Когда оно составит больше двенадцати часов, уполномоченные лица в Чистилище проведут служебное расследование инцидента, что может серьезно снизить общие показатели работы.

— А что произойдет, если они ухудшатся?

— Подобные вещи приравниваются к грехам и при окончательном расчете отягощают душу, увеличивая шансы попасть после смерти в Ад. Конечно, пока вы осваиваетесь на новом месте, соотношение добра и зла будет абсолютно одинаковым; каждому из нас дается время для проб и ошибок. Когда же этот период закончится, оплошности станут фиксировать, и как только вы по той или иной причине расстанетесь с должностью, плохие показатели могут очень навредить!

Ясно. Хоть он и стал инкарнацией, но продолжал жить, словно обыкновенный смертный, а значит, подводить какие-то итоги еще рано.

— А мой предшественник — куда он попал?

— В целом он выполнял свои обязанности добросовестно. Я уверен, что его душа сейчас там, где находят приют все порядочные и старательные — в Раю.

У Зейна отлегло от сердца.

— И если я буду работать добросовестно, смогу попасть на Небеса, когда придет время?

— Если оно вообще придет. Почему же нет? Поскольку, когда вы стали Танатосом, соотношение добра и зла в вас было равным, не так уж трудно изменить положение в свою пользу.

— Как вы узнали о состоянии моей души?

— Разве к вам не явилась Смерть?

Зейн рассмеялся:

— Знаете, мне почему-то это раньше в голову не приходило! Действительно, моя судьба в загробном мире оставалась неясной, и когда я решил покончить счеты с жизнью, то стал клиентом вроде тех, которых обслуживаю сам. Сейчас лежал бы в гробу — если бы не увидел перед собой живой скелет. Нелепо!

— Необычная ситуация, — согласился Хронос. — И в то же время вполне нормальная для вашей работы. Каждый Танатос убивает своего предшественника, отягощая душу новым злом, однако откладывает собственную кончину на неопределенное время и получает возможность исправить ситуацию. Да, вам не завидуешь. С таким порядком вступления в должность...

— А у вас иначе?

— Несомненно. У каждой инкарнации свои правила; где-то они мягче, где-то, как у вас, более жесткие. Но все мы сотрудничаем и с должным уважением относимся к обязанностям коллег. Я в долгу перед вашим предшественником, он в свое время оказал мне важную услугу. Очень жаль, что ему пришлось оставить службу. Теперь я постараюсь помочь новому Танатосу. Уверен, бедняга хотел этого.

— Разве он не ненавидит меня?
— На Небесах нет места ненависти.
— Но ведь я убил его!
— Вам предстоит испытать то же самое. Вы ненавидите своего будущего преемника?
— Да я его даже не знаю!
— Он тоже не знал вас. Иначе принял бы меры предосторожности.

Зейн решил сменить тему.
— Я только что забрал душу младенца. Она вся серая, ни единого светлого участка. Не понимаю, откуда там столько греха, почему зло распределилось равномерно. Что с ним делать, тоже неясно. Вы мне можете что-то подсказать?

— Да, конечно. Ребенок, вероятно, печальный результат кровосмесления или изнасилования, поэтому несет на себе печать особо тяжкого первородного греха. Такие дети не начинают жизнь с чистого листа.

— Первородный грех! — воскликнул Зейн. — А я-то думал, что от этой доктрины давно отказались!

— Увы, нет. Возможно, она не имеет силы в нехристианских областях мира, но здесь, несомненно, действует. Вера — одна из основ человеческого существования, а понятие греха — важная часть религии, поэтому он передается из поколения в поколение.

— Это несправедливо! — воскликнул Зейн. — У ребенка нет свободной воли, тем более если он еще не появился на свет. Он не может выбирать, как произойдет зачатие.

— К несчастью, вы не творец, а всего лишь составная часть системы. У всех нас есть свои возражения по поводу отдельных аспектов, однако наше влияние весьма ограничено.

— Но куда отправить душу ребенка? Я не знаю, как добраться до Чистилища, если, конечно, подобными случаями занимаются именно там.

Хронос рассмеялся:

— Разумеется, там, а добраться до него проще простого. Вы живете в Чистилище, Танатос!

— Живу?

— Да, отдохаете от нелегкого труда по ловле душ. Великолепный особняк на Небесах, резиденция Смерти.

— Я никогда там не был, — немного задетый, произнес Зейн. — А как до нее...

— Добраться? На своем прекрасном бледном скакуне, естественно.

— Скакуне?

— Смерть ездит на коне бледном. Неужели не знали? Морт всегда при вас.

— Конечно, знаю! Но где добыть этого коня?

— Не где, а как, мой друг. — Хронос покровительно улыбнулся и похлопал по приборной панели. — Он перед вами!

— Автомобиль? — Зейн совсем запутался. — Да, на номерном знаке написано «МОРТ». Но при чем здесь машина?

— Нажмите вот сюда, — Хронос указал на одну из кнопок на приборной доске, которую Зейн раньше не замечал. На ней красовалось стилизованное изображение головы шахматного коня.

Зейн повиновался.

Он сидел верхом на великолепном жеребце. Шкура жеребца была светлой, словно выбеленный дождями и ветром череп, а грива походила на переливающиеся серебряные нити; сверкающие копыта казались стальными. Конь поднял красивую голову, насторожил уши и фыркнул, выпустив клубы пара.

Как давно Зейн мечтал приобрести летающую лошадь! Сегодня грезы стали явью. Правда, у его скакуна не было крыльев, но при таких возможностях они не понадобятся.

— Хотите узнать еще что-нибудь? — сухо осведомился Хронос. Он теперь примостился на крупе жеребца позади Зейна.

— У меня столько вопросов, что, боюсь, нам не хватит даже вечности, — ответил Зейн, ошарашенный мгновенной трансформацией уже ставшего привычным автомобиля в живое существо. Да, наука и магия сейчас стали союзниками, однако такое и представить себе невозможно!.. Он чувствовал, как подрагивают могучие мускулы волшебного жеребца, и был взволнован будто ребенок, неожиданно получивший невероятный подарок. — Но сейчас почему-то все кажется не таким уж важным. В это мгновение я понял...

— Кстати, «это мгновение» в каком-то смысле мы остановили, — напомнил ему собеседник и слез с коня. — Я должен идти. — Песочные часы в руке Хроноса сверкнули; он исчез.

— Время летит, — меланхолично заметил Зейн и, стряхнув с себя грусть, потрепал по холке жеребца. — Я знаю, мы подружимся, Морт. Только я не очень-то ловко езжу верхом, поэтому для обычных вызовов в город удобнее использовать тебя как автомобиль. Так что, если нам не надо срочно в Чистилище... Или стоит отправиться туда прямо сейчас?

Жеребец фыркнул. Он явно не одобрил предложение хозяина. Что ж, ему виднее.

Зейн опустил глаза на седло, обнаружил там кнопку и нажал на нее.

— Наверное, это снова превратит тебя в лимузин?

В то же мгновение он оказался в кресле водителя. Неплохо! Конечно, он с удовольствием поговорил бы с волшебным конем, но дело не ждет.

Зейн нажал на часах кнопку «Старт», отметив про себя, что они педантично зафиксировали задержку на полчаса и ее потом придется ликвидировать. Что ж, время не прошло напрасно; по крайней мере стало понятно, каковы правила работы.

Он определил направление и включил сверхзвуковую скорость. Лошадь превращается в автомобиль... Довольно необычно, зато очень удобно. Интересно, кто из них машина, а кто — живое существо? Надо потом выяснить. Теперь ясно, почему вести Морт-мобиль было так легко. Водитель может зазеваться и, скажем, врезаться в дерево, но разве такое когда-нибудь случится с всадником? Лошадь соображает не

хуже хозяина. Все хорошо, только чувствуешь себя человеком, который едет не верхом на своем скакуне, а внутри его!

Морт доставил Зейна на место для парковки возле большого стадиона. Уже стемнело, но арена была освещена так ярко, что вокруг нее вечер превратился в день. Зейн присмотрелся к талисманам на браслете. Может, произошла ошибка? Нет, «кошачий глаз» стал огромным, а стрелка уверенно указывала на спортивный комплекс.

— Что же, значит, все правильно, — произнес Зейн, вышел из машины и подошел к входу. Контролер, проверявший билеты, молча пропустил его; наверное, принял за здешнего служащего. Зейн зашагал вперед, сверяясь со стрелкой.

Он появился в кульминационный момент матча. Играли в американский женский футбол. Над полем реяли флаги с названиями команд: «Крольчики» против «Овец». Мяч находился на девяностофутовой линии «Овец», и девушки как раз вводили его в игру.

Талисман указывал на поле. Игра, впрочем, пока шла на другой его половине.

Зейн, с трудом проталкиваясь сквозь возбужденную толпу, обошел трибуны. Наконец стрелка на камне дрогнула, повернувшись к отметке рядом с пятидесятифутовой линией «Крольчих». Там никого не было.

Неужели произошел сбой? Но тут Зейн сообразил, что изменил график и поэтому прибыл слишком рано; до смерти клиента оставалось еще целых три минуты. Что ж, придется немного подождать.

Он опустился на удобную скамейку возле стоянки пятидесятифутовой линии. На ней сидели игроки команды «Овец» — рослые, крепко сбитые девушки, по-своему привлекательные, особенно для любителя мускулистых сильных дам. Их непомерно развитые выпуклости выпирали из узких маек и щорт. Та, что сидела рядом, взглянула на Зейна и, увидев скелет, в страхе отпрянула. Потом, сообразив, что ей почудилось, отвернулась и вновь принялась следить за игрой. Ни один из многотысячной толпы болельщиков не обратил внимания на Смерть, сидящую на скамейке запасных.

«Крольчихи», облаченные в синюю форму, яростно атаковали. Многочисленные защитные накладки подчеркивали их формы, увеличивая до невероятных размеров. Это уж слишком: такого вымени не бывает даже у дойных коров... Возможно, Зейн просто сидел слишком близко. Когда он наблюдал за подобным зрелищем по телевизору (пока тот не забрали в счет долгов), невероятные габариты спортсменок даже возбуждали.

Полузашитница «Крольчих» подхватила мяч и изогнулась, приготовившись к броску. Она успела метнуть его, но к ней, сломя голову, уже неслись две «Овцы». Яркая вспышка: заклинание мяча пробило блокирующую магию обороны, и он устремился к цели.

Принимающий игрок левитировал, поднявшись в воздух под углом, чем спутал защитника, уже предвкушавшего возможность применить сбивающее заклинание. «Крольчиха», радостно завопив, поймала мяч, прижала к своей массивной груди, а затем пущечным ударом послала в зону.

Ударившись о дерн, он вырвал из него добрый кусок. Красивая игра!.. Трибуны содрогнулись от восторженного рева зрителей.

И вдруг взвился черный флаг. Судьи, одетые в полосатую форму, похожую на шкуру скунса, посовещались между собой и решили, что было применено незаконное заклинание, ослепившее оборону «Овец». Игру остановили и назначили пенальти. Поскольку «Крольчихи» оставались в голевой зоне, капитан «Овец» предпочла удару по мячу магический прием — призывала ветер, дующий в лицо соперницам. Действие заклинания продлится две минуты — достаточно, чтобы атака провалилась.

Команда «Крольчих», сомкнув ряды, продолжала наступать. Их болельщики ободряли своих любимиц, скандируя:

— Кроли! Кроли! Кроли!

Зейн сначала решил, что они так переиначили для краткости название команды, затем увидел на большом плакате инициалы и имя полузашитницы: Кроли. Он вспомнил, что, когда еще был смертным, видел ее по телевизору.

Лучший игрок «Крольчих» подхватила мяч и выполнила финальную пробежку, умело, как и подобает настоящему профессиональному, удерживая своих блокировщиков на расстоянии вытянутой руки при помощи серии разрешенных магических приемов. Но как только она пересекла линию, футбольистка попала в зону действия раздевающего заклинания, ловко запущенного кем-то из недругов. Неожиданно девушка оказалась обнаженной, по крайней мере выглядела таковой. Форма, конечно, осталась на ней, защищая от травм, просто стала невидимой. Без всех своих уродливых обезличивающих накладок она оказалась вполне привлекательной, даже соблазнительной. Трибуны словно взбесились.

Кроли опустила глаза и поняла, чем вызван ажиотаж болельщиков. Она густо покраснела чуть ли не до пояса, но не от смущения, а от праведного гнева. Поравнявшись с очередной защитницей, девушка схватила ее за волосы и развернула на сто восемьдесят градусов.

Игрок «Овец» не осталась в долгу, вцепившись в грибу Кроли, пытаясь бросить ее через плечо приемом дзюдо. Однако та вовремя повернулась и теперь изо всех сил тянула противницу в противоположную сторону.

Две женщины закружились по арене в некоем подобии танца, спиной к спине. Зрители взвыли от восторга при виде нового неожиданного представления; подыгрывая настроению толпы, оркестр заиграл ритмичную танцевальную мелодию.

Глядя на них, другие игроки чуть было не включились в этот неспортивный поединок, но вмешались служители и, к немалому разочарованию болельщиков, пустили в ход усмиряющие чары. Судьи растащили соперниц в стороны.

Когда над полем битвы рассеялась пыль, все увидели штрафной флагок арбитра. Неудивительно! Внос мяча был признан неправильным. Команда «Крольчих» потеряла часть территории.

Полузашитница ушла с поля, чтобы получить контрзаклинание и вновь сделать видимой одежду. Хихикающие соперницы провожали ее насмешливыми взгля-

дами. По-видимому, подобное применение магии было не запрещено, поскольку не причиняло игроку физического, а в случае с Кроли — и морального ущерба: у многих болельщиков плотоядно горели глаза.

— Наша Кроли хороша во всякой роли! — выкрикнул какой-то фанат.

Волшебный ветер унял атакующий порыв «Крольчих». Их соперницы получили мяч на пятидесяти-футовой линии и не теряли времени даром: удачная пробежка через центр игрового поля дала лишних тридцать пять футов пространства. Никакой магии, просто правильная тактика и слаженные действия, но они принесли успех, а вот противницы, не разгадав замысел вовремя, даром расходовали свои контрзаклинания.

Оборона «Крольчих» стала более жесткой. Заклинания отражали волшебные блоки, и атака «Овец» завязла. Казалось, нападавшие только имитируют движение, а тут еще прошли две минуты и стих ветер, который помогал нести мяч. Их болельщики на трибунах притихли.

Неожиданно в игре наступил перелом. Полузашитница «Овец» в последней отчаянной попытке, подкрепленной заклинанием левитации, послала мяч на сто двадцать футов. Принимающая почти дотянулась до него, но защитница под номером 69 буквально смела противника со своего пути и перехватила добычу.

Болельщики «Крольчих» разразились восторженными воплями, а дирижировавшие ими люди из группы поддержки едва не обезумели от радости, потому что удачно наложенные отвлекающие чары скрыли нарушение от судейской бригады. Но «Овцы», зарычав от ярости как волки, развернулись; сразу несколько игроков со всего разгона врезались в соперницу. От мощного удара ту подбросило в воздух. Пролетев несколько метров, девушка камнем рухнула на землю.

Воцарилась тишина — защитница под номером 69 каталась по траве, не в силах подняться. К ней поспешил врач команды.

Внезапно Зейн вспомнил про свою работу. Таймер часов стоял на нуле, стрелка указывала на упавшего игрока.

Он устремился к ней, сознавая, что несчастная обречена. Не останавливаясь, растолкал «Крольчих», обступивших тело подруги, и быстро извлек душу.

Никто ничего не заметил. Номер 69, которая только что корчилась от нестерпимой боли, вдруг успокоилась. Смерть стала для нее избавлением, потому что у девушки был сломан позвоночник.

Зейн повернулся и зашагал к Морту, на ходу складывая свой драгоценный груз. Он снова проявил непрофессионализм, позволил себе увлечься игрой. Из-за него бедняжка мучилась на целую минуту дольше.

Непрофессионализм? Кто он такой, чтобы вообразить себя специалистом? И все-таки, взявшись за эту страшную работу, надо делать ее как следует. По крайней мере его долг — облегчать страдания умирающих, а не продлевать их!

Часы снова вели обратный отсчет. В его распоряжении пять минут. Зейн поспешил к машине, завел двигатель, покинул стоянку, определил, куда ехать. Он нервничал и, переходя на сверхзвуковую скорость, ткнул в кнопку так сильно, что заболел палец.

Да, Зейн злился на себя! Никогда больше он не отвлечется от работы.

Он решил проверить новую душу, однако никак не мог собраться и уронил один из талисманов. Теперь все придется начать с начала, а времени уже не оставалось.

Подняв коричневый камень, он случайно поднес его к себе. Талисман засветился. Он работал даже с живыми!

А почему бы и нет? Ведь предназначение атрибута Смерти — подсчитывать количество зла, все остальное его не касается. На самом деле душа нетленна, гибнет только плоть. Так что можно определить соотношение добрых и дурных поступков независимо от того, умер человек или жив.

Интересно проверить самого себя... Зейн хлопнул ладонью по лбу. Какой же он идиот, ведь до конца «испытательного срока» его душа пребывает в полном равновесии! Сейчас он, подобно несчастному младенцу, ставшему жертвой чужих грехов, не господин своей судьбы!

Да, у него имеется более чем веская причина старательно выполнять обязанности! Над Зейном нависла угроза вечных мук. Раньше он особенно не беспокоился, но, узнав, что Ад существует реально, постоянно думал об этом. Надо сделать все, чтобы после смерти не попасть к Сатане в лапы!

Выход один — добросовестно работать, накапливать добро в душе, чтобы получить право войти в Райские кущи. Но тогда он перестанет бояться вечного проклятия, в какой-то момент проявит беспечность и разделит судьбу своего предшественника...

Морт-мобиЛЬ остановился возле школы. Зейн вошел в здание и, следуя указаниям талисмана, зашагал по длинным извилистым коридорам. Была перемена; подростки десяти—двенадцати лет сломя голову носились вокруг, не обращая внимания ни на Зейна, ни на грозные плакаты «Не бегать!». Неожиданно из-за угла выскочил мальчишко и как маленькая ракета понесся прямо навстречу.

Столкновение было весьма ощутимым! У Зейна даже перехватило дыхание.

Паренек задрал голову и уставился на неожиданно возникшую преграду.

— Ух ты, классно! — воскликнул он. — Череп, как в «Байках из склепа»! Хэллоуин! — и умчался прочь.

Хэллоуин? Да, действительно... Мальчик даже представить себе не мог, насколько он близок к истине. Наверное, какой-нибудь юный гений.

Зейн миновал классную комнату, где скучающим ребятам рассказывали о компьютерах. На стенах в алфавитном порядке развесили плакаты, расписывавшие достоинства разных моделей. Хорошо жить в век электроники! Зейн даже не мечтал приобрести такое чудо. Насколько он знал, умные машины использовались и в магических целях, например, для того, чтобы, не рискуя, вызывать могущественных демонов. Ведь компьютер, в отличие от человека, никогда не ошибается, активируя целый комплекс сложных заклинаний, которые нужны, чтобы существо повиновалось и не стало опасным.

Жаль, что ему никогда уже не быть простым смертным. Сколько интересного он так и не узнал!

Рядом изучали технические аспекты использования магии в современном обществе. И тут ученики не слушали преподавателя. На плакатах красовались образцы амулетов, любовных снадобий, заклятий, магических зеркал, волшебных ракушек для беспроводной связи, рогов изобилия, кукол для вудуизма, привидений, которых можно заказать по почте, подробных справочников заклинаний и волшебных камней. В пользу последних Зейн убедился на личном опыте!

Талисманы привели его в школьный медпункт — комнату без окон. На кушетке неподвижно лежал парнишка, как две капли воды похожий на того, который только что столкнулся с Зейном. Он умирал. Рядом медсестра раздраженно с кем-то спорила по телефону:

— ...Не можем ждать разрешения родителей! Я пытаюсь связаться с ними в течение всего дня, но безуспешно. Нам немедленно нужен ковер «скорой помощи»! Парня надо немедленно доставить в больницу, иначе...

Она скользнула взглядом по страшной фигуре в темном плаще и онемела. Потом со стоном положила трубку.

— Господи, какой ужас! Уже поздно, да?

Зейн взглянул на часы. Секунда в секунду.

— Да, — произнес он, подошел к мальчику и извлек душу.

Медсестра прикрыла рукой глаза.

— У меня, должно быть, галлюцинации, — упавшим голосом произнесла она. — Ужасно, когда уходят такие юные...

Зейн стоял у кушетки, неловко держа в руке маленькую душу. Он чувствовал себя виноватым. Почему несчастный ребенок должен умереть?

— Я просто делаю свое дело, — сказал он сестре. — Объясните мне, пожалуйста, что это за мальчик?

— Я, должно быть, сошла с ума, — промолвила она, глядя на Смерть расширявшимися от страха глазами. — Разговариваю с видением! Ладно, какая разница? Он был самым молодым наркоманом из всех, которых я знала. Ну, может, не самым... По крайней мере так далеко в его возрасте не заходил никто! Он потреблял все, что только мог заполучить: марихуану, героин,

клей, волшебную пыль, — любое зелье, лишь бы получить кайф и отвлечься от скучной реальности! Парнишка лгал, воровал и даже... ну знаете, провоцировал мужчин на всякие мерзости — что угодно, лишь бы получить деньги и купить очередную дозу отравы. А вот сегодня принял что-то чудовищное — должно быть, всучили неочищенную адскую пыль, а он не поверил и попробовал, — и попал в лапы к Сатане.

— Почему вы так в этом уверены? — сказал Зейн. — В его душе накопилось столько же добра, сколько зла. Возможно, ей еще удастся спастись.

— Надеюсь... Он ведь на самом деле был добрым мальчиком. Время от времени, когда он лежал здесь, спасаясь от ломки, мы разговаривали. Он хотел порвать с порочной привычкой, но уже не мог себя сдерживать. Думаю, виноват не он, а какая-то врожденная аномалия в организме, химический дисбаланс, вызывающий страшную депрессию, от которой мальчик спасался любыми способами. Я-то знаю, что он так поступать не хотел. Я несколько раз выдавала парня — для его же блага! — а он никогда не обижался. На малолеток там смотрят сквозь пальцы — мол, образумятся... Ох, я должна была принять к нему более жесткие меры. Каждый раз надеялась, что он выправится, что...

Дверь распахнулась, вошли люди, и Зейн счел за лучшее удалиться. Что ж, он получил достаточно пищи для размышлений. Оказывается, не только клиенты и те, кто верит в его существование, способны видеть Танатоса. Возможно, необходимо особое стече-
ние обстоятельств; нервы медсестры, например, были напряжены до предела, она по-настоящему переживала за пациента и ожидала, что к нему придет Смерть, пусть и не во плоти. Во-вторых, даже дети способны накопить в душе немало зла. Чтобы получить очередную дозу наркотика, его последний клиент совершил ужасные вещи. Страшно даже подумать, конечно, но он умер очень вовремя: сейчас у него оставался шанс спастись. Еще немногого, и Сатана получил бы очередного грешника. Выходит, бедняге повезло, что он ушел из жизни сегодня.

Зейну не давали покоя слова медсестры о врожденной причине наркомании. Он по собственному опыту знал, какая страшная и коварная штука депрессия. Она проявлялась по-разному; вполне вероятно, корни недуга — не психическая, а органическая аномалия. Разве справедливо считать грехом порок организма, от которого человек при всем желании не способен избавиться? Зейн пока не знал ответа на этот вопрос.

Таймер снова вел обратный отсчет. Так будет, пока новый Танатос не ликвидирует отставание. Однако именно сейчас Зейн чувствовал потребность снова сделать паузу и нажал на кнопку «Стоп».

Он попытался сформулировать проблему, которая его терзает. Смерть — пограничный этап существования. Нельзя целую вечность бездумно собирать души, надо хоть как-то осмыслить то, что приходится делать.

Зейн устроился на сиденье Морт-мобиля. Чтобы узнать ответ, нужно верно задать вопрос. Чего он хочет? Зейн знал одно — что-то он сейчас делает не так...

Его отвлекла передача по радио, доносящаяся из проезжавшей мимо машины. Очередное творение рекламного агентства Ада, наложенное на мелодию рождественского гимна «Слышишь, ангелы трубят?».

— Слышишь, ангелы орут: десять лет ты будешь тут! Жить — что срок мотать в тюрьме. Смерть, скорей приди ко мне!

Слуги Сатаны работают не покладая рук! Зейн не считал себя святым, однако такое вульгарное издевательство над небесным соперником ему активно не нравилось. А вдруг подобные мерзости и вправду действуют на колеблющихся, неуверенных и слабых? Ведь совсем недавно он сам был одним из тех, на кого все это рассчитывалось.

Не узнай Зейн ничего о равном соотношении добра и зла в своей душе, все равно сознавал бы, что положение у него весьма шаткое. Есть много вещей, которые нельзя исправить, смыть с совести, как грязное пятно. Теперь нужно признаться в том, что он понимал всегда, но боялся произнести даже про себя: фактически он совершил убийство и когда-то даже считал, что попадет в Ад, хотя раньше не верил всерьез в его существование. И такой осмеливается судить дру-

гих? Да, парнишка употреблял наркотики, но сам-то он разве лучше?

Хотя выбора нет. Все рассуждения сводятся к одному и тому же выводу. Если Зейн не будет выполнять свою работу, никому не полегчает. Танатосом назначат кого-то другого, и все продолжится.

— Уж лучше тогда ничего не менять, — сказал Зейн, нажимая кнопку, чтобы прервать паузу. Но душу по-прежнему терзали сомнения. Ведь ответ так и не найден. Придется смирииться, потому что иной выход из ситуации не найден; кроме того, он не готов расстаться с жизнью (если существование в роли инкарнации можно назвать таковой), которую ему навязали. Ведь в свой мир он уже не вернется! Он решил убить себя в момент отчаяния, секунду истеричной слабости, которая затем прошла; на самом деле он не хотел умирать. А сейчас покорно выполняет все, что требует работа, потому что боится высших сил. Да, не очень-то красиво!

Как ни горько, приходится признать — он ничтожество. Посредственность, только засоряющая собой Вселенную. Мир ничего не потерял бы, если бы человек по имени Зейн вообще не появился на свет. И по иронии судьбы (а может, по прихоти воплощающей ее женщины?) именно его сделали воплощением одного из главных начал бытия!

Двигатель тихонько зарычал. Зейн сверился с талисманами и через несколько мгновений полетел над Землей. Кажется, это уже шестой клиент. Что ж, он потихоньку свыкается с работой. Конечно, многое еще предстоит выяснить...

За обманчиво бесконечной океанской гладью показалась суша. Внизу мелькнула полоска пляжа, зеленая прибрежная зона, затем машина промчалась над горами и углубилась в пустыню. Вокруг, словно застывшие морские волны, выселились дюны.

Все дальше и дальше на юг... Наконец Мортмобиль перешел на обычную скорость. Под ними раскинулся огромный остров... нет, целый материк!

Автомобиль спустился на землю и замер. Зейн осмотрелся. Здесь кончалась грунтовая дорога. Вокруг

были горы. На таймере оставалось четыре минуты. Где же клиент?

Впервые стрелка на талисмане не могла сориентироваться. Как Зейн ни поворачивал браслет, она каждый раз указывала новое направление. Ни жилья, ни других примет цивилизации нигде не было. Казалось, сюда не ступала нога человека.

Только сейчас он заметил, что на панели приборов что-то светится. Мерцала кнопка с изображением лошадиной головы. Зейн не колеблясь нажал на нее.

Он снова сидел верхом на могучем жеребце; сильный бриз разевал полы плаща.

— Куда теперь, друг?

Конь стал быстро подниматься по крутым откосам горы. Он легко проходил там, где не смогла бы сделать и шага обычная лошадь. Показалась вершина. К скале, словно птичье гнездо, прилепилась убогая хижина.

Они добрались до цели. Внизу стрелка могла обозначить ее, только если наклонить талисман, а он держал браслет прямо. Автомобиль не приземлился здесь, потому что, оказавшись в недоступном для обычной машины месте, привлек бы внимание, а Смерть всегда появлялась и уходила незаметно.

Пока они пересекали уступ горы, Зейна снова одолели мысли о своем нынешнем положении. Инстинктивное чувство страха, возникшее, когда они карабкались по склону, пробудило самые мрачные предчувствия. Если он считает, что не подходит для должности Танатоса, не имеет права судить других, зачем нести непосильное бремя? Очевидно, после добровольного ухода его ожидает запоздалая смерть. Наверное, это справедливо. Если он попадет в Ад, то тоже по заслугам. В конце концов, человек, убивший собственную мать, вряд ли может надеяться повстречать ее в Раю! Да, лучше понести наказание, чем цепляться за жизнь, как сейчас.

— Я ухожу! — крикнул Зейн, как всегда, повинуясь настроению. — Отправьте меня в Ад!

Но ничего не произошло: Морт, не обратив внимания на слова хозяина, рысью скакал к хижине.

Ну конечно! Он не может просто отказаться. Кто-то должен убить его — скорее всего клиент, который об-

ратит оружие против символа вечного забвения, как поступил сам Зейн, — и стать новым Танатосом.

Что ж, отлично! Совсем рядом его ждет очередной подопечный. Он передаст ему должность и покончит со всем этим раз и навсегда.

Они добрались до домика, когда оставалось еще две минуты. Дверь со скрипом открылась, навстречу вышла женщина.

— Я готова, Смерть, — произнесла она. — Посади меня на своего волшебного коня и доставь на Небеса!

Досадно! Зейн почему-то надеялся, что увидит мужчину, сжимающего в руке какое-нибудь оружие. Захочет ли женщина взвалить на себя такое бремя? Наверняка придется ее долго убеждать...

— Не обещаю, что вы попадете именно в Рай, — ответил он. — Сейчас в вашей душе почти равное соотношение добрых и дурных поступков. Так что пока неясно, куда ее следует отправить.

— Но я выпила яд специально, чтобы самой выбрать время! — протестующе воскликнула незнакомка. — Меня ждет вечное блаженство!

— Скорее примите противоядие!

Правда, Зейн сомневался в том, что женщина может спастись. Разве его вызвали бы к человеку, смерть которого не предопределена? И как она убьет Танатоса? Даже отравы, наверное, уже не осталось. Его план рассыпался, как карточный домик.

— Продлите себе жизнь хоть ненадолго, и мы поговорим.

Женщина колебалась:

— Ну, не знаю...

— Скорее! — воскликнул Зейн. Он должен использовать свой шанс, даже если надежды на успех почти нет. Если она умрет, придется отложить задуманное; кто знает, хватит ли у него смелости на вторую попытку?

— У меня, конечно, есть исцеляющий бальзам, но...

— Примите его немедленно!

Она повиновалась.

— А сейчас найдите револьвер или хотя бы нож.

— Что?! Значит, тебе не понравилось, что я выбрала яд, и теперь, в угоду Смерти, придется покончить

счеты с жизнью каким-нибудь жутким и кровавым способом?

— Нет! Я хочу, чтобы вы убили меня.

У нее отвисла челюсть.

— Убила? За кого ты меня принимаешь?

Да, конечно, она не способна на такое. Зейн спешился, взял ее за руку и повел во внутренний дворик, где стояли раскладные стулья и стол.

— Почему вы решили умереть?

— А тебе какое дело, Смерть? — спросила женщина настороженно, хотя в ней уже проснулось любопытство. Говорила она с сильным австралийским акцентом.

— Не так давно я тоже пытался покончить с собой, а потом передумал... В двух словах трудно объяснить почему. Сейчас я снова хочу умереть.

— Ты же Смерть! Как ты можешь...

— Поверьте мне, могу. Это всего лишь должность. Сейчас ее занимаю я, но она может перейти к вам, если...

— Бред какой-то! Не хочу даже слушать!

Зейн вздохнул:

— Расскажите, что с вами стряслось. — Он, конечно, не психиатр, просто как-то надо выйти из неловкого положения, в которое сам себя поставил.

— Мой муж бросил меня, — мрачно промолвила женщина. — Пятнадцать лет вдвоем! Нашел себе молодую девку... Ну, теперь он у меня попляшет!

— Разве согласно вашей религии самоубийство не грех?

Она нахмурилась, помолчала.

— Да, наверное. Ну и что...

— И вы пошли на такое, только чтобы насолить ему? Муж поступил с вами дурно; в ответ вы решили причинить себе еще больший вред! Подумайте, какой в этом смысл?

— Я ведь женщина, — сказала она, усмехнувшись, заметно нервничая. — Я подчиняюсь чувствам, а не логике.

Зейн улыбнулся в ответ. Ни одна представительница прекрасного пола, какой бы эмоциональной она ни была, в действительности не считает себя существом

нерациональным, однако, повинуясь моде, постоянно подчеркивает алогичность женской натуры.

— В вашей душе сейчас почти поровну добра и зла. Любой дурной поступок нарушит баланс, и вы угодите прямиком к Сатане. Мой совет — поступите правильно, сейчас вам нельзя ошибаться! Вы знаете, что я имею в виду. Тогда обязательно попадете на Небеса.

— Господи, об этом я не подумала! Я не хочу в Ад!

— Поверьте мне, вы сейчас на волоске от него. В жизни вы совершили немало плохого. Добавьте еще один грех, и...

Она вздохнула:

— Все верно. Я столько раз поступала как ведьма... Я ведь его выгнала. Да что тут рассказывать! Наверняка сам знаешь, какой стервой может быть баба, когда захочет.

— Честно говоря, нет. Всегда думал, что женщины — чистые и непорочные создания, — признался Зейн. — Большая часть зла гнездится в мужчинах. Вас всех после смерти надо отправлять в Рай!

Она горько рассмеялась:

— Вот идиот! В нас куда больше пакости, чем в вашем брате! Мой муж просто дурит, как все мужики, а я делала все нарочно. С чего я взяла, что мне светит Рай? Просто обманывала себя!

— Вовсе нет, — горячо возразил Зейн. — Я ведь не утверждал, что вы обречены; сказал только, что еще один грех — и уже ничего не исправишь. Вы можете спасти себя от вечных мук! Поверьте, это не пустые слова. Я ведь собираю именно такие души, как ваша. Посвятите остаток жизни добрым делам, и вы попадете в Рай. Согласитесь, такая цель заслуживает некоторого самопожертвования.

— А как же! Но с чего Смерть вдруг решила помочь мне? Если ты не заберешь мою душу, разве это не повредит карьере, или как там у вас принято?

— Понятия не имею, — признался Зейн. — Я ведь совсем недавно начал работать. Просто не могу равнодушно смотреть, как бездумно губят себя навеки человек, которого можно спасти.

— Но ты хотел, чтобы я тебя убила!

— Теперь я понимаю, что был не прав. Давайте договоримся: вы отказываетесь от своего замысла, а я — от своего.

Женщина широко улыбнулась и сразу словно помолодела, стала привлекательной.

— Идет! Плевать я хотела на мужа! На черта он мне сдался!

Зейн встал:

— К сожалению, меня ждут другие клиенты. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся. — Он протянул ей руку.

Она сжала костлявые пальцы скелета:

— Сделка со Смертью! Кто бы мог подумать!

Зейн рассмеялся:

— Наверное, это все-таки лучше, чем то, что вы чуть было не совершили.

— И то, что предлагал мне ты!

Он кивнул, подошел к Морту. Перед тем как отправиться в обратный путь, помахал ей на прощание рукой.

Г л а в а 4

Маг

Т

аймер снова вел обратный отсчет.
Осталось всего полторы минуты.

— Нет времени, Морт, — сказал Зейн коню. — Доставь меня прямо к клиенту!

Жеребец заржал, встал на дыбы и взмыл в воздух. Внизу, под рваным покрывалом облаков, мелькали скалы, морские просторы, побережье, леса... Невероятная скорость! Всего несколько секунд — и они снова оказались в Америке.

Зейн огляделся. Он прожил в Кильваро всю жизнь и сразу узнал свой родной город. Что ж, здесь, как и в любом другом месте, умирают тысячи людей, в том числе те, кто нуждается в помощи Танатоса.

Морт доставил хозяина к большому особняку. Участок окружал частый забор из заостренных металлических прутьев, за оградой бродили поджарые молодые грифоны, днем и ночью охраняющие поместье: наделенные магическими свойствами великолепные существа с могучими мускулами, мощными клювами и когтями. Выведенные путем скрещивания орла и льва, по-собачьи преданные хозяину, они стали идеальными сторожами. Держать грифонов мог себе позволить только очень богатый человек, так что они свидетельствовали о высоком положении в обществе даже больше, чем сам роскошный дом.

Заметив непрошеных гостей, звери напряглись, приготовившись к прыжку, однако Морт угрожающе поднял сверкающее стальное копыто, и они отступили.

Грифоны, конечно, не боялись лошадей, но почуяли, что перед ними не обычный конь и лучше держаться от него подальше.

Зейн не хотел остаться без своего защитника, но Морт не сможет войти внутрь, так что деваться некуда. А если они нападут, чем отбиваться?

Он огляделся. К седлу было что-то приторочено.

Зейн изучил странный предмет — длинное изогнутое древко с двумя короткими ручками, расположеными перпендикулярно друг другу. Он взялся за них. Негромкий щелчок, блеск стали. Коса с выкидным лезвием!

Зейн получил кое-какие навыки обращения с ней еще в школе, на практических занятиях по старинным методам земледелия. Некоторые магические растения теряли свои свойства, когда их убирали с помощью современных машин, поэтому порой все еще использовались древние сельскохозяйственные приспособления. Но одно дело — знать, что такое коса, как ею работать, и совсем другое — использовать для устрашения или убийства. И все же, держа ее в руках, Зейн почему-то не сомневался в своих силах. Здесь чувствовалась магия; если придется туто, волшебство поможет ему, пригодятся и полученные в детстве навыки. В конце концов, коса издавна ассоциируется со Смертью, собирающей свою страшную жатву.

Зейн спешился. Теперь он почувствовал себя настоящим Танатосом. Он справится!

Осталось тридцать секунд. Зейн быстро зашагал к дому. Грифоны расправили крылья и встали на дыбы, подобно геральдическим зверям со старинных гербов. На передних лапах, словно кинжалы, блеснули криевые когти, щелкнули клювы, послышалось глухое рычание.

Зейн надвинул капюшон и поднял косу. Грифоны отпрянули; он продолжал уверенно идти вперед, следя за грозными противниками сквозь узкую прорезь в зачарованной ткани.

Получилось! Твари не боялись никого на свете, но, как и все смертные существа, трепетали перед воплощением небытия. Стоило им увидеть, кто нарушил покой хозяина дома, и они отступили.

Зейн вошел в гостиную; в этот момент последние секунды истекли.

В удобном кресле с подлокотниками сидел благообразный старик.

— Подожди, Танатос, — произнес он спокойно. — Я хотел бы побеседовать с тобой.

— Время не ждет, — возразил Зейн, уже не удивляясь, что его увидели. Ясно, что каждый, кто действительно этого хочет, может говорить с воплощением Смерти.

Старик улыбнулся:

— Должен предупредить, что перед тобой маг высшего, тридцать второго ранга, имя которого для тебя останется тайной, ибо мое искусство скроет его. Я могу бороться с тобой — да, даже с тобой, инкарнация! — правда, недолго. Но я хочу только поговорить. Отложи оружие, предоставь мне всего несколько лишних минут, и за такую малость ты получишь нечто неизмеримо более ценное.

— Хотите подкупить Смерть? — Зейн разозлился, однако ему любопытно было услышать предложение таинственного клиента. Он сложил лезвие, поставил косу возле двери. — Интересно, чем же?

— Я уже дал тебе больше, чем ты можешь вообразить. Ладно, пустое... Позволь мне изложить суть сделки. Останови часы, и если после пяти минут беседы не захочешь продолжать разговор, я без малейшего сопротивления позволю забрать свою душу. Взамен я предоставлю тебе возможность получить мою дочь.

Слова старика ничуть не вдохновили Зейна. Он до сих пор еще не забыл о прекрасной Анжелике, которую так нелепо потерял. Проклятый торгаш!

— Зачем Танатосу обыкновенная женщина?

— За маской инкарнации скрывается обыкновенный мужчина. Даже самая прилежная Смерть не может существовать одной лишь работой.

— Как я должен относиться к человеку, который предлагает свою дочь, как проститутку, за несколько лишних минут жизни? — Зейна переполняло презрение.

— Тем более если учесть, что он продает единственное чадо тому, кто убил собственную мать, — подхватил маг.

Зейн остановил отсчет времени.

— Хорошо, показывайте свой товар, — глухо произнес он.

— Я позову ее, — отозвался собеседник и постучал согнутым пальцем по подлокотнику. Раздался мелодичный звук, словно старик позвонил в маленький колокольчик.

Зейн смущился. Он вовсе не это имел в виду! Но он счел за лучшее промолчать. Маг оказался крепким орешком: хорошо подготовился к встрече, сумел узнать все секреты Зейна. Непонятно, зачем клиенту понадобилось вовлекать в свои дела дочь, но, в конце концов, какое ему дело! Возможно, она так непривлекательна, что других шансов получить кавалера у нее попросту нет.

В гостиную вошла девушка лет двадцати. Она была обнажена; скрученные в пучок волосы спрятаны под резиновой шапочкой. Наверное, только что вылезла из ванны. Стройное, гибкое тело, ничего сверхъестественного. Довольно привлекательна, но никак не красавица.

— Что случилось, отец? — осведомилась она мягким приятным голосом.

— Луна, я предложил нашему гостю твое сердце, — сказал маг, показав на Зейна.

Девушка недоуменно огляделась по сторонам:

— Какому гостю? Мы одни!

— Ты можешь его увидеть, если постараешься. Познакомься: новая Смерть.

— Смерть! — воскликнула она испуганно. — Так рано?

— Моя дорогая девочка, не бойся, он пришел за мной, и вскоре нам придется покинуть тебя. Прежде чем обучить молодого человека любовному заклинанию с твоим именем, мне хотелось вас познакомить.

Девушка, прищурившись, посмотрела на Зейна. Она увидела его!

— Но ведь я не одета!

— Что ж, тогда накинь на себя что-нибудь, прихорошись, — заявил старик. Судя по всему, его совер-

шенно не волновало, что дочь стоит голой перед посетителем. — Я хочу, чтобы ты произвела на него впечатление.

— Как скажешь, отец, — покорно кивнула девушка. — Я еще не встречала мужчину, которого не сумела бы очаровать. Сомневаюсь, правда, что мой союз с таким, как Танатос, станет счастливым.

Она повернулась и вышла, плавно покачивая бедрами. Соблазнительно, однако ничего особенного...

И маг, и его дочь отличались изрядным самомнением. Неужели они и впрямь вообразили, что в состоянии купить Смерть с помощью таких немудреных средств?

А может, не новые обязанности, а навсегда врезавшийся в память облик прекрасной Анжелики отвратил его от других женщин?

— Я должен сообщить вот что, — отрывисто произнес маг. — Существует весьма опасный план определенных сил, представляющий смертельную угрозу для моей дочери. До сих пор я защищал ее, но теперь, как ты понимаешь, не смогу. Поэтому прошу тебя позаботиться о ней.

— Я, наверное, плохо расслышал. Кажется, только что вы предлагали мне благосклонность своей дочери в обмен на лишние пять минут жизни.

Маг рассмеялся:

— Что ж, немного цинично, зато справедливо. Действительно, я слегка схитрил. Расчет прост. Клюнешь на приманку — красивую женщину — и постепенно привяжешься к ней. А ты — идеальный охранник!

— Но я ведь Смерть! Я не смогу обеспечить ее безопасность! — Зейн нервничал. Его снова хотят втравить в какую-то неприятную историю.

— Напротив, ты, и только ты способен спасти ее, — настаивал собеседник. — Когда я с помощью черной магии узнал о заговоре и понял, что он направлен против дочери, сразу стал искать идеального телохранителя, который справится лучше меня. Я забросил все, испортил здоровье, но в конце концов нашел такого человека. Тебя.

— Меня? Как Танатос я способен устроить как раз то, что вы пытаетесь предотвратить. Ну а простой

смертный по имени Зейн вообще не в состоянии что-либо сделать. Вы не можете не знать этого!

— Да, яркой личностью тебя не назовешь, — кивнул маг. — И все же ты обладаешь уникальными качествами, благодаря которым должен разрушить зловещие планы... Нам остается лишь надеяться, что, став инкарнацией, ты изменишься и в конце концов обретешь черты, которых сейчас лишен.

Зейна насторожила последняя фраза старика.

— Вы что-то знаете о том, как я стал новой Смертью?

— Именно я убедил Судьбу устроить так, чтобы должность досталась тебе.

— Убедили Судьбу?..

— Кажется, ты до сих пор не осознал, какую роль призван сыграть.

— Ну почему же, каждый когда-нибудь умрет, так что...

— Верно. Но подумай, в принципе любой может более или менее успешно работать на твоей должности. Тем не менее, исходя из сложившейся ситуации, выбрали именно тебя!

— Ничего не понимаю! Все произошло совершенно случайно. Никто меня не выбирал...

Зейн оборвал фразу: в комнату вновь вошла дочь мага. Теперь Луна была одета, что сделало ее намного более привлекательной и даже соблазнительной. Она распустила волосы, искусно наложила макияж. Всего несколько штрихов — и какой эффект! Прекрасные темно-каштановые локоны, спускавшиеся до плеч, блестели так, словно сделаны из шелка. Зейн не сомневался, что девушка использовала лучшее косметическое заклинание. Странно, раньше он не заметил, какие у нее удивительные глаза: огромные, темно-серые, как озера или как волшебная шерсть его бледного скакуна. Она немного подрумянила щеки; между яркими лепестками припухлых чувственных губ блестела ровная белая полоска зубов. Камни в серьгах отбрасывали разноцветные блики, и на гладкой коже сверкали сотни огоньков.

С той же тщательностью девушка подобрала наряд. Серая блуза с длинными рукавами мягко подчеркива-

ла линию плеч и выделяла бюст, так что он казался больше. Талию плотно охватывал украшенный камнями широкий пояс — очевидно, левитационный. Коричневая, к тону волос, юбка облегала стройные ноги. Зейн никогда не думал, что миниатюрная хрупкая женщина может выглядеть так эффектно: элегантно и волнующе-сексуально одновременно. Даже ножки, обутые в изящные зеленые тапочки с крыльышками, как у ночной «лунной» бабочки — ее тезки, — были прелестны. На шее блестела изящная золотая цепочка; в центре ее, уютно примостившись в ложбинке между грудей, красовался большой лунный камень. Такие талисманы меняли свечение в зависимости от фаз спутника Земли, всегда считавшегося олицетворением непостоянного женского начала.

Луна не хвасталась! Она стала просто неотразимой и могла сейчас соперничать с любой фотомоделью.

Не надо забывать, что перед ним дочь могущественного волшебника. Все, что он сейчас видит и чувствует, — наверняка иллюзия. Выполняя волю отца, девушка прибегла к магическим средствам. Но Зейн все равно не мог не восхищаться. Он словно смотрел на нее другими глазами. Так драгоценный камень зачастую кажется тусклой стекляшкой, но вот его коснулся луч света, и он засверкал, завораживая своей неземной красотой.

Удивительно: когда она предстала перед ним обнаженной, Зейн не смог разглядеть ее по-настоящему. Даже Анжелика не способна сравниться...

— Потанцевать для вас? — произнесла девушка с маниящей улыбкой.

— Даже не верится, — пробормотал Зейн.

— Почему? — В ее голосе послышались озорные нотки. — Полно, вы ведь видели меня раздетой!

Зейн покачал головой:

— Не верится, что такую, как вы, запросто предлагают ничем не примечательной личности вроде меня.

— О нет, тебе ее не дарят, — вмешался маг. — Луну еще нужно завоевать, и это будет не просто! Я даю тебе фору, так сказать.

— Не хочу никого завоевывать! — В Зейне снова проснулись подозрения. Хитрый старик только что

предлагал гораздо больше, но, увидев, какое впечатление произвела Луна, сразу поменял условия. Нельзя позволить собой манипулировать!

— Как угодно. Камень любви лежит там. — Маг указал на небольшой голубой талисман.

— Такими штуками я не пользуюсь! — резко ответил Зейн. Зачем только он встретил Анжелику! Скольких переживаний удалось бы избежать!

— Ты, наверное, неправильно понял, — сказал маг. — Перед тобой не обычный талисман, показывающий, где владелец может встретить свою любовь; он сам ее вызывает. Возьми его, посмотри на предмет твоей страсти, и в ней сразу пробудится ответное чувство. Такие камни не продаются в какой-нибудь лавочке!

Да, это не дешевка, которой торговал хозяин «Чечевичной похлебки»! Стоит сделать так, как сказал маг, и Луна станет его послушной рабой. Время заклинания наверняка ограничено; иначе как избавиться от надоевшей женщины? В любом случае обладатель камня получает огромную власть над любым, стоит только пожелать. Как относиться к человеку, который предлагает подвергнуть такому воздействию собственную дочь? А Луна, зная все, спокойно ждет, когда произойдет надругательство! Что подумать о ней?

— Нет, спасибо.

Девушка слегка наклонила голову — похоже, в знак одобрения. Неужели это проверка? Маг сказал, что ее благосклонность придется завоевать, а прибегать к помощи камня — нечестный прием. Скорее всего талисман вызывал страсть, а не любовь. В любом случае Зейн выбрал бы второе.

Старик повернулся:

— Время не ждет: продлевающее жизнь заклинание слабеет, а я не могу применить еще одно.

— Не можете? — подозрительно спросил Зейн. — Почему? Разве вашего искусства недостаточно...

— Чародейство как наркотик — притягивает к себе снова и снова. Белая магия, которая так популярна сейчас, безвредна, но со временем может привести к знакомству с более могущественной — черной, а она шаг за шагом утяжеляет душу грехом и в конце концов обрекает ее на вечные муки. Все мало-мальски серь-

е зные специалисты используют нечистое искусство из-за неисчерпаемых возможностей и власти, которую оно дает. Я уже обрек себя на адское пламя и не могу усугублять положение.

— Но соотношение добра и зла у вас равное, иначе не понадобилась бы моя помощь!

— Формально, да. Я должен был поговорить с тобой. А другого способа вызвать воплощение Смерти, не привлекая внимания того, кого нельзя назвать, нет.

— Того, кого нельзя...

— Не произноси его имя, он сразу почувствует это! Мои чары скрывают нас, но стоит ему обратить сюда свой взор, и ничто уже не поможет. Разговор должен остаться в тайне. Что со мной произойдет потом, неважно. Главное, как можно дольше избегать Ада, иначе мой план провалится. Тот, чье имя нельзя назвать, исследует мысли всех, кто к нему поступает. Чтобы не возникло никаких подозрений, наша встреча должна выглядеть как обычный визит Танатоса к клиенту.

— Вы организовали собственную смерть только для того, чтобы поговорить со мной, не привлекая внимания Са... некоей высшей силы? И это учитывая, что именно вы убедили Судьбу устроить меня на должность?

— Да, ситуация со стороны действительно выглядит забавно. Но затевается адская интрига, ставки очень высоки, так что приходится многим жертвовать...

— Например, своей жизнью и непорочностью дочери?

Луна улыбнулась, не выказав никакой обиды:

— Да, уж таков отец. Вот почему он стал великим магом, перед искусством которого преклоняются даже инкарнации.

В последнем Зейн не сомневался.

— Какая интрига?

— Этого я раскрыть тебе сейчас не вправе, — ответил старик.

— Как же я помогу, если не знаю, чего вы хотите?

— Я уже сказал: спасти свою дочь.

— Странный способ вы избрали! — Зейн ткнул пальцем в камень любви. — То, что вы просите, — наверняка лишь предлог, за которым скрываются какие-то хитрые планы. Чего вы добиваетесь на самом деле?

Маг опустил глаза, как будто обдумывал ответ.

— Того же, что и любой мало-мальски уважающий себя человек: сознавать, что жизнь прошла не напрасно, что я хоть ненамного обогатил Вселенную. Использование черной магии настолько увеличило количество зла в душе, что дочери пришлось взять на себя часть грехов отца, иначе я бы отправился прямиком в Ад и наша встреча не состоялась. Теперь ей тоже грозят вечные муки. Но если мой план сработает, у Луны останется достаточно времени, чтобы исправить положение и попасть в Рай.

— Она смогла принять часть ваших грехов? — удивился Зейн. — Я думал, что такое невозможно, каждый отвечает за собственные злые дела.

— Так оно и есть. Однако высшая магия помогает обойти это правило. Сейчас у нас равное соотношение добра и зла.

Зейн снова посмотрел на девушку. На лице ее не было заметно и тени порока. Он облегченно вздохнул. Ведь грехи, отяготившие душу, сформировала не она. Нравственная красота довольно редко сопутствует физической; Луна обладала и тем и другим.

Девушка склонилась над стариком, поцеловала его:

— Пора, отец. Я никогда не найду равного тебе. — Потом выпрямилась и пристально посмотрела на Зейна. — Смерть, делай свое дело, — сказала она и отвернулась.

Он снова запустил таймер. Маг запрокинул голову, тело его изогнулось в агонии. Зейн подошел к умирающему, извлек душу, быстро сложил ее и спрятал в сумку.

Все еще не глядя на него, Луна произнесла:

— Отец договорился с вами. Я выполню его волю, не прибегая к помощи камня любви. Вы, я думаю, сами понимаете, что особой радости по этому поводу я не испытываю. Я вас провожу.

Часы уже показывали, сколько минут осталось до встречи с очередным клиентом, но Зейн не торопился уйти.

— Только что умер ваш отец, которого, судя по всему, вы очень любили, — изумленно произнес он. — Как можно сейчас говорить о подобных вещах? Где ваше горе?

Девушка остановилась, но не стала оборачиваться.

— Я поступлю так, как велел отец, потому что доверяю ему больше, чем любому другому. Осознав, что он скоро умрет, я активировала заранее приготовленное им заклинание. А еще надела талисман, который приглушает чувства. Когда вы уйдете, я сниму его и не использую снова, пока душевные муки не станут невыносимыми. Так будет продолжаться, пока я не свыкнусь с тем, что его нет. Но мое горе останется со мной; я не собираюсь делить его с вами.

Зейн покачал головой, ошарашенный таким объяснением:

— Никогда не считал себя идеальным человеком или хорошей Смертью. В основном я довольствовался тем, что не требовало особых усилий. Совсем недавно как последний дурак упустил возможность жениться на прекрасной девушке, которая...

— Все устроила Судьба по просьбе отца, — прервала его рассуждения Луна. — Так что не терзайтесь, тут вы ни при чем.

Так, значит, и это не случайность! Невероятно!

— Вот и сейчас собираюсь поступить как идиот. Насколько я знаю, ваш отец мне ничем не обязан. В любом случае я не заслуживаю такой жертвы с вашей стороны и не хочу...

Луна наконец повернулась к нему. Ее красота ослепила Зейна. Глаза как темные жемчужины... Она обладает уникальным даром производить впечатление!

— Да, разумеется, вы правы. Вам не нужен фальшивый экстаз. Воспользуйтесь камнем любви — и получите настоящую страсть. Я совершенно напрасно пыталась избежать этого. Если хотите, я тоже примению его, и ваши колебания исчезнут.

— Вы меня неправильно поняли! — возмущенно воскликнул Зейн. — Я не заслуживаю внимания и тем более любви женщины, подобной вам. Заберите талисман, я не собираюсь насиливать вашу волю! Раньше я, наверное, поддался бы искущению, но Танатос, призванный играть важную роль в мироздании, не вправе порочить свой пост. Не хочу мешать вам в такое время.

Он повернулся к двери, в душе кляня себя за упрямство. Вся сцена нехарактерна для него; надо

было просто воспользоваться представившейся возможностью!

— Но почему? — произнесла девушка.

Они замерли, стоя спиной друг к другу. Между ними распростерся на стуле мертвый маг.

Зейн и сам задавал себе тот же вопрос. Он разглагольствовал о важности своей работы, но совсем недавно пытался избавиться от нее. Где тут смысл?

— Послушайте, как раз такие женщины мне нравятся. Да что я говорю, вы понравитесь любому! Хотели произвести впечатление? Что ж, вам это удалось. В первый раз — то есть когда я увидел вас гол... В общем, тогда я не очень-то вдохновился, зато сейчас вы — воплощение всего, о чем только можно мечтать. Но... Наверное, дело в том, что сказал ваш отец. Помните? Я тоже хочу, пока еще не поздно, оставить свой след, сделать что-то важное, по крайней мере как инкарнация. Каждый должен к чему-то стремиться, приносить пользу, иначе какой смысл в существовании? Раньше мне это не удавалось, поэтому, очевидно, я так быстро пришел к решению покончить с собой. Я стараюсь хорошо делать свое дело, чтобы убедить себя, что способен хоть на что-то стоящее. Воспользоваться тем, что вы попали в трудное положение, особенно сейчас, почти так же плохо, как... Я когда-то совершил страшный грех, он лег несмыываемым пятном на душу, и... В общем, Смерти такое не пристало, вот и все! Постараюсь вписаться в отведенную мне роль, хотя, наверное — нет, наверняка! — исполнитель из меня никудышный.

— Вы идете против воли отца, — произнесла девушка. — Он организовал собственную смерть только для того, чтобы вы явились и смогли встретиться со мной. Судьба лишила вас той женщины, чтобы у меня не было соперницы. Теперь я ваша должница.

— Что ж, во-первых, свидание состоялось, так что он добился своего. Во-вторых, вы ничего мне не должны за то, что сделала другая инкарнация. Вероятно, я переживаю из-за навсегда потерянной любви. Или просто разозлился, потому что чувствую себя марионеткой. Наверное... Нет, не знаю. А если ваш отец ошибся во мне?

— Возможно, — кивнула Луна. — И все же я должна постараться выполнить его волю. Иначе буду чувствовать себя виноватой. Давайте договоримся так: еще одно свидание. Идет?

— Если я стану часто встречаться с вами, появятся непозволительные желания...

— Почему же непозволительные? Стоит только захотеть, и вы их осуществите.

— Я не могу... то есть Смерть не вправе отвлекаться от своих обязанностей.

— Тогда приходите, когда свободны.

Не в силах противиться желанию увидеть Луну снова, Зейн кивнул головой:

— Хорошо. Еще одна встреча.

— Да.

Продолжать разговор не имело смысла. Он распахнул дверь, взял косу и подошел к коню.

— К следующему клиенту, Морт!

Жеребец взмыл в воздух. Близился рассвет, и гряда облаков на востоке начинала светлеть. Волшебный скакун бежал по мутно-белым небесным островам, словно по песчаным дюнам, потом снова прыгнул, и они очутились там, где уже ярко сияло солнце.

Но внизу расстилались бесконечные просторы Атлантики. Копыта Морта чуть касались воды; необыкновенный конь мог скакать по волнам!

Темная полоска на небе разрасталась, пока не превратилась в гигантское облако, которое словно слилось с океаном — шторм! Жеребец направился прямо в его черную пасть. Зейн с тревогой осматривался по сторонам. Он бессмертен, одеяние защищает его от пуль и ударов. А утонуть Танатос может? Океан будто кипел, волны становились все больше.

— Что-то мне это не нравится... Кто заменит меня, если я здесь утону?

На самом деле последнее обстоятельство не волновало Зейна. Неважно, кто займет место Смерти; сейчас он не хотел освобождать его!

Но зачем он тогда пытался уговорить клиента убить его? Чего он добивается?

Очевидно, ключ к разгадке — возможность выбора. Одно дело добровольно передать должность опреде-

ленному человеку, и совсем другое — стать случайной жертвой слепой стихии. Вот почему он сейчас боится.

На изгибе седла замигала маленькая кнопка. Зейн нажал ее, и конь стал скоростным катамараном, легко скользившим по огромным волнам.

Чудеса да и только!

— Молодец, Морт!

Однако шторм разыгрался не на шутку, и его судно начало крениться. Оно умело маневрировало, пытаясь обмануть стихию, но океан, очевидно, твердо решил заполучить добычу.

— Лучше снова стань лошадью! — закричал Зейн, когда, оказавшись на гребне волны, кораблик зачерпнул воды и чуть не перевернулся. Он торопливо нажал на кнопку, замерцающую на приборной панели.

Морт превратился в коня, скакавшего по бушующему океану. Зейн оказался прав; так гораздо удобнее и безопаснее, ведь катамаран раскачивался, его то и дело заливало.

— Без тебя я бы пропал, — с трудом произнес Зейн, изо всех сил стараясь удержаться в седле.

Неожиданно он увидел клиента, юношу, цеплявшегося за какой-то обломок — все, что осталось от корабля. Тот тоже заметил его, слабо взмахнул рукой, и тут несчастного накрыла очередная волна-великан.

— Но почему он должен умереть? — негодующе воскликнул Зейн, наверняка выражая чувства и своего подопечного, не способного сейчас спорить о своей участии...

Морт неодобрительно фыркнул. Что ж, его можно понять: с такими трудностями доставил хозяина, чтобы тот сделал свое дело — извлек душу, — и все наスマрку!

— Я должен спасти его, — решительно сказал Зейн. — Спокойно наблюдать, как человек тонет, — обыкновенное убийство!

Конь молча остановился за спиной юноши. Зейн осторожно слез и обнаружил, что, как и его скакун, способен ходить по воде. Судьба говорила ему что-то об особых свойствах обуви, но только сейчас он принял ее слова всерьез.

Он нагнулся, сжал протянутую руку и вытащил утопающего.

Зейн спокойно стоял на воде, а клиент по-прежнему барахтался, держась за него; пальцы Танатоса не проникли сквозь плоть, потому что он не пожелал этого. Магия действовала сообразно обстоятельствам.

Однако их тут же захлестнула волна. Юноша скрылся под кипящей водой; он вот-вот отпустит руку, и тогда... Неужели все напрасно? Ну нет! Придется остановить время. Зейн торопливо ткнул в центральную кнопку на часах. Ничего не произошло. Да, ведь кнопку надо не нажать, а вытянуть! Так он и сделал.

Беснующийся океан мгновенно замер. Клочья пены, косые струи дождя, буруны — все вокруг застыло, как на фотографии. Воцарилась полная тишина.

Зейн крепче сжал руку утопающего и вытащил его. По-видимому, на Морта, Танатоса и того, кого он касался, не распространялось действие магических часов. Какую могучую власть вложил ему в руки Хронос! Но и она, к сожалению, уже не поможет — клиент угасал на глазах, вода попала ему в легкие.

Зейн опустил почти безжизненное тело на круп коня лицом вниз и изо всех сил нажал на спину. Бесполезно. Вмешался Морт. Конь взмыкнул, подбросив юношу в воздух. Изо рта сразу хлынула вода, несчастный закашлялся и начал дышать.

Зейн помог ему подняться. Несостоявшийся клиент в ужасе и недоумении глядел на закутанный в черный плащ скелет.

— Смерть, ты не убила меня! Почему?

— Я доставлю вас на берег, — сказал Зейн. — Садитесь позади и держитесь крепче.

Оба без труда уместились на широкой спине Морта.

— Не понимаю... — высоким дрожащим от волнения голосом начал юноша.

Зейн нажал на центральную кнопку, и вокруг вновь начал бушевать шторм. Конь, как на гору, поднялся на вершину крутой волны. Ветер попытался сбросить седоков, но они уже не боялись.

— Почему? — вновь спросил спасенный.

Зейн сам не знал, зачем сделал это. На сей раз он наверняка превысил свои полномочия и должен быть наказан. Но иначе он поступить не мог.

Скоро шторм утих. Показался остров; Морт всегда знал, куда везти хозяина. Они выбрались на безлюдный пляж. Пустые бутылки, валяющиеся на песке, — явный признак близости цивилизации, то есть туристов.

Юноша спустился. Он стоял на влажном песке, все еще не веря в спасение от казавшейся неминуемой гибели.

— Почему? Ведь...

Надо что-то ответить ему, хотя бы для того, чтобы самому себе как-то объяснить подобный поступок.

— Вашей душе грозит Ад. Постарайтесь остаток жизни в этом мире посвятить добрым делам, чтобы избежать печальной участи в загробном существовании.

Парень, приоткрав от изумления рот, уставился на него. В конце двадцатого века такие предупреждения никто не воспринимает всерьез!

— Прощайте.

Морт взмыл в воздух. Сколько требуется заклинаний, чтобы уберечь всадника от падения при таких гигантских прыжках! Да, слететь с коня на полном скаку так же трудно, как и слететь с должности!

Зейн повернулся и кинул последний взгляд на юношу, который не отрываясь смотрел вслед всаднику на прекрасном бледном коне.

Правильно ли он поступил? Наверное, нет. Второй раз Зейн наперекор судьбе спасает клиента от уготованной участи. Наверное, он действовал, повинуясь не долгу и рассудку, а эмоциям. Но ничего с собой поделать Зейн не мог и при аналогичных обстоятельствах поступит так же. Он не способен стать бесстрастным и холодным, как робот.

Часы снова вели обратный отсчет. Зейн решительно нажал на кнопку «СТОП», подарив очередному клиенту несколько лишних минут жизни, но не останавливая само течение времени.

— Хватит с меня! — сказал он коню. — Хочу немного передохнуть. А у тебя есть свое любимое пастбище? Вези меня туда.

Морт безропотно принялся забираться все выше и выше; стала видна тонкая пелена облаков, походившая на гигантский континент в бесконечном голубом

море. Когда они приблизились, Зейн увидел, что на верху действительно расстилается равнина, покрытая яркой зеленою травой и кустами.

— Значит, вот где твоё пастбище, приятель! На небе!

Конь приземлился на лужайке и направился к раскидистому дереву, растущему неподалеку. Зейн спешился.

— Ты будешь рядом, когда понадобишься?

Жеребец молча склонил голову и отправился щипать траву. Зейн заметил, что уздечки и седла на нем нет — попросту исчезли, как только в них отпала нужда.

Он сел на траву и прислонился к могучему стволу дерева.

— Что я здесь делаю? — спросил он себя. — Почему отлыниваю от работы?

Тишина. Морт мирно пасся на лужайке неподалеку. Полное умиротворение, лишь легкий бриз шевелил странные, словно изрезанные кем-то листья дерева. Рядом на тончайшей серебристой нити повис маленький паучок.

— Что со мной происходит, восьминожка? Пожаловаться не на что: неплохая работа, сбор неопределившихся душ. Почему я иду против правил, позволяю им жить? Я ведь хотел все делать как следует... Неужели я такой лицемер?

Паук начал расти. Четыре ножки опустились, сформировали две конечности, остальные вытянулись, превратились в руки. Брюшко сжалось, стало вытягиваться. Восемь диковинных паучьих органов зрения тоже соединились, сформировав глаза и уши. Через несколько секунд перед Зейном стояла средних лет женщина, держащая в вытянутых руках эластичную переливающуюся нить.

— Мы называем это состояние синдром запоздалой реакции, — произнесла она. — Мгновенная трансформация обычного человека в Бессмертного не может пройти безнаказанно. В результате — нервное расстройство. Ничего, скоро пройдет.

— Кто вы?

— Какая у тебя короткая память, — щутливо упрекнула женщина и превратилась в юную красавицу.

Теперь он узнал ее.

— Судьба! Господи, как я рад снова тебя видеть!

— Я тебя в это втянула, а стало быть, должна помочь благополучно преодолеть самый сложный период. В сущности, все, что требуется, — принять новую реальность и адаптироваться к ней. Тогда все будет в порядке.

— Но я вполне трезво отношусь к тому, что произошло! — протестующе воскликнул Зейн. — Прекрасно знаю свои обязанности. И не выполняю их! Вернее, не всегда выполняю... Сначала отговорил от самоубийства женщину, а теперь спас утопающего, вместо того чтобы спокойно забрать его душу.

— Да, это все усложняет, — задумчиво произнесла она. — Никогда не доводилось слышать о Смерти, которая помогает людям оставаться в живых. Не уверена, что такие случаи вообще имели место. Кроме, пожалуй...

— Да?

— К сожалению, не могу тебе об этом рассказать.

Зейн пожал плечами:

— Значит, есть некие обстоятельства, которые ты от меня скрываешь? — Он вспомнил, что однажды она уже прервала себя на полуслове.

— Увы. В свое время ты узнаешь все.

Бесполезно пытаться вытянуть у нее правду.

— Ну ладно, может, посоветуешь что-нибудь?

— Конечно. Чтобы освоиться окончательно, доставь собранные души в Чистилище. Когда ты поймешь, как работает этот элемент нашей небесной системы, работа уже не будет в тягость.

— Чистилище? Я и сам хотел там побывать, да не знаю, где оно находится. Хронос говорил, что туда меня доставит Морт, но как...

— Вот оно! — прервала его Судьба.

Зейн повернула голову туда, куда она указывала. За полем возвышалась группа современных зданий — точь-в-точь университетский комплекс.

— Это и есть Чистилище? Не может быть!

— А ты думал, увидишь средневековый замок, который охраняет дракон?

— Ну уж скорее замок, чем это. Ведь само понятие Чистилища...

— Сейчас двадцатый век, эпоха расцвета науки и магии. Чистилище не отстает от времени, впрочем, как и Рай или Ад.

Почему-то такое никогда не приходило ему в голову.

— Мне надо просто прийти и отдать им души?

— Только те, которые не смог сам отнести к пра- ведным или греховным.

Зейну снова показалось, что в ее словах есть что-то неискреннее.

— А что там с ними делают?

— Просто сортируют. Сам увидишь. Ну, пора идти.

Зейн замялся, не в силах избавиться от подозрений.

— Сначала отберу несложные случаи, с которыми разберусь сам.

— Хорошо. — Судьба превратилась в паучка, тот быстро заскользил по своей серебристой нити и исчез в густой листве.

Зейн весь ушел в работу. В итоге лишь две души — младенца и мага — так и не удалось отправить на Небеса либо к Сатане. Первая, казалось, была начисто лишена признаков добра или зла, так что ее не удавалось проверить с помощью камней; зато вторая представляла собой настолько сложное переплетение светлых и темных участков, что даже талисманы оказались бессильны.

Зейн зашагал к главному зданию Чистилища — массивному сооружению из красного кирпича. Вьющиеся по стенам виноградные лозы немного оживляли картину.

Огромный вход никем не охранялся. Зейн поплотнее закутался в плащ, с трудом открыл дверь и вошел.

Он увидел обыкновенный стол, за которым сидела хорошенькая девушка-администратор, как две капли воды похожая на своих сестричек на Земле — милых, но совершенно бесполезных, словно неизменная ваза с искусственными цветами в офисе.

— Слушаю вас? — промурлыкала девушка.

— Я — Смерть, — произнес он неуверенно.

— Да-да, конечно. Идите по черной линии.

Зейн опустил глаза. По полу змеилась темная полоса. Он зашагал вперед. Какой-то просторный зал,

потом узкий коридор... Наконец Зейн оказался в совершенно безлюдной современной лаборатории. Видимо, Танатос должен знать, что делать дальше. Он был немного разочарован отсутствием какой-либо реакции со стороны служащей. Наверное, Смерть часто заходила сюда.

Оглядевшись, Зейн заметил компьютер. Отлично!

На машине отсутствовала марка выпустившей его фирмы, но в остальном это была распространенная, не очень мощная модель. Очевидно, лучшего и не требовалось. Стандартную клавиатуру дополняли несколько неизвестных клавиш. Он нажал на кнопку, и экран засветился.

На светлом фоне возникли ярко-зеленые буквы: «ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, СМЕРТЬ. ЧЕМ МОГУ ПОМОЧЬ?»

Зейн неплохо умел печатать на машинке и быстро набрал: «НАДО ИССЛЕДОВАТЬ ДВЕ ДУШИ». Слова, набранные красным шрифтом, появились под фразой компьютера.

Машина не реагировала.

Он вспомнил, что надо четко сформулировать вопрос или дать ясный приказ.

«ЧТО МНЕ С НИМИ ДЕЛАТЬ?»

«ПОЛОЖИ ПО ОДНОЙ В КАЖДЫЙ ПРИБОР».

Зейн снова огляделся. Вдоль стен стояли два диковинных приспособления. Он хотел подняться...

Компьютер пронзительно запищал:

«КОГДА НЕ ПОЛЬЗУЕШЬСЯ, ВЫКЛЮЧАЙ МЕНЯ!»

Ах да. Зейн протянул руку к кнопке, но не стал нажимать на нее. Он напечатал:

«НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ЭТОГО?»

«НЕДОПУСТИМО ВПУСТЮ РАСХОДОВАТЬ ЭНЕРГИЮ».

«Я ИМЕЛ В ВИДУ ДРУГОЕ. ПОЧЕМУ НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ОПЕРАТОР УХОДИТ, У ТЕБЯ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА ФУНКЦИЯ САМОВЫКЛЮЧЕНИЯ? БУДЕТ НАДЕЖНЕЕ И УДОБНЕЕ».

«А ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ПЫТАЛСЯ ПРОВЕСТИ ПОЛЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ БЮРОКРАТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ?»

Компьютер выразил справедливое возмущение небесными порядками, набрав строку красным шрифтом.

Зейн усмехнулся и ткнул в кнопку. Экран погас. А этот компьютер на самом деле вовсе не обычная машина!

Он подошел к первому прибору, похожему на центрифугу стиральной машины, извлек из сумки душу младенца и бережно положил в приемное отверстие.

Приспособление загудело, с каждым разом наращивая обороты. Драгоценная пленка попала во вращающийся барабан. Тот двигался все быстрее, душа распласталась по стенкам.

Ага! Зло выделяют центробежной силой, чтобы потом произвести замеры. Что ж, вполне логично. После его устранения добро, очевидно, «добывают» тем же способом в другой центрифуге, а затем как-то сравнивают результаты.

Однако ничего не произошло. Через некоторое время машина остановилась, и на поддоне внизу появилась совершенно не изменившаяся душа.

Зейн подобрал ее, вернулся к компьютеру, включил его и защелкал по клавишам.

«НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ. ЧТО ДЕЛАТЬ ТЕПЕРЬ?»

«ОПИШИ ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ».

«ДУША МЛАДЕНЦА. РАВНОМЕРНО СЕРАЯ, БЕЗ ОТТЕНКОВ».

«НУ, НЕУДИВИТЕЛЬНО, — ответил компьютер, проявляя не свойственные машинам чувства. — БЕЗВАРИАНТНЫЙ СЛУЧАЙ. НАПРАВИТЬ НА ПОВТОРНЫЙ ЦИКЛ».

Совершенно непонятно! Нет, надо разобраться до конца.

«ЧТО ЗНАЧИТ — БЕЗВАРИАНТНЫЙ СЛУЧАЙ?»

«КАТЕГОРИЯ В КЛАССИФИКАЦИИ, — с готовностью проинформировала его машина, выбрав для ответа синий цвет. Компьютер явно любил поучать. — ДУШИ, КОТОРЫЕ АВТОМАТИЧЕСКИ ПОЛУЧАЮТ АБСОЛЮТНО РАВНЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ».

Тут все ясно. В них поровну добра и зла. Как раз с такими и работал Зейн; впрочем, и сам он принадлежал к их числу.

«КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО У НЕВИННОГО МЛАДЕНЦА?»

«РЕБЕНОК БЫЛ ЗАЧАТ ВО ГРЕХЕ. НАПРИМЕР: ИЗНАСИЛОВАНИЕ, КРОВОСМЕШЕНИЕ, СОИТИЕ ПОСРЕДСТВОМ ОБМАНА ИЛИ УГРОЗЫ. НЕЖЕЛАННЫЙ РЕБЕНОК ПРИНОСИТ РОДИТЕЛЯМ ЛИШНИЕ ЗАБОТЫ, ЧТО ВЕДЕТ К ВРАЖДЕБНОМУ ОТНОШЕНИЮ ТАКОВЫХ К МЛАДЕНЦУ. В ДУШЕ ИЗНАЧАЛЬНО ЗАЛОЖЕНЫ РАВНЫЕ ПОЛОЖЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ. ТАКОЕ СОСТОЯНИЕ ДЛИТСЯ, ПОКА ОН НЕ ПОЛУЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА. ОБЫЧНО НА ДАННОЙ СТАДИИ РАВНОВЕСИЕ НАРУШАЕТСЯ, И ОН УЖЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТВОИМ КЛИЕНТОМ».

Значит, вот как обстояло дело. Хронос оказался прав. Младенец умер от болезни, не успев хоть немного вырасти и совершить дурной или хороший поступок. Поэтому вызвали Танатоса, и Зейн извлек душу, у которой полностью отсутствовал жизненный опыт.

«НО ЗАЧЕМ? — напечатал он. — ЗАЧЕМ ТАК ПОСТУПАТЬ С РЕБЕНКОМ?»

«ЧТОБЫ ГАРАНТИРОВАТЬ ПРАВО ВЫБОРА».

«НО ВЕДЬ У НЕГО НЕ БЫЛО ВЫБОРА! ОН ПОГИБ, НЕ УСПЕВ СЕБЯ ПРОЯВИТЬ!»

«ВОТ И ПРИЧИНА. — Компьютер принял восклицание за вопрос. — НИ ОДНА ДУША НЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ К ВЕЧНЫМ, НЕ ПОЛУЧИВ ВОЗМОЖНОСТЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ ПУТЕМ СВОБОДНОГО ВЫБОРА ЛИЧНО ОПРЕДЕЛИТЬ СВОЕ СООТНОШЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОБЪЕКТЫ, В КОТОРЫХ УКАЗАННЫЙ ПРИЗНАК ОТСУТСТВУЕТ, ДОЛЖНЫ ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ».

Зейн начал понимать. Несправедливо приговаривать кого-то за чужие проступки к вечному пребыванию в Аду без малейшего шанса показать себя; да и у Рая наверняка существуют какие-то свои условия приема!

Нет, подобный порядок ему все равно не нравится. Каждый должен отвечать лишь за свои грехи. Если бы Зейн только имел необходимые полномочия, обязательно изменил бы парочку «категорий» в небесной классификации!

Но такого права у Танатоса нет. Не он придумывает правила. Он не Бог и не Сатана. Его дело — подчиняться предписаниям.

И все же именно Смерть явилась к младенцу. Зейн чувствовал ответственность за его судьбу.

«ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ДУШУ ЗАДЕРЖИВАЮТ?»

«ОНА НАВСЕГДА ОСТАЕТСЯ В ЧИСТИЛИЩЕ».

«НАВСЕГДА?! — Зейн был ошеломлен. — НО ВЕДЬ ДАЖЕ ГРЕШНЫЕ ДУШИ НЕ СОДЕРЖАТСЯ ЗДЕСЬ ВЕЧНО, ВЕРНО?»

«ВЕРНО. ГРЕШНЫЕ ДУШИ НАВСЕГДА ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД».

Данное обстоятельство все меняет! Несомненно, лучше вечно торчать в этом уголке загробного мира, чем гореть в Аду.

«ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЮТ ЗАДЕРЖАННЫЕ ДУШИ?»

«ОНИ УПРАВЛЯЮТ ЧИСТИЛИЩЕМ».

Понятно.

«ДЕВУШКА НА ВХОДЕ — ОДНА ИЗ НИХ?»

«ПРАВИЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ».

Что ж, не очень весело, но и не так уж плохо. За столетия монотонная работа чиновника надоедает ужасно. Что поделать, здесь нечто вроде нейтральной зоны. Лучше вечно пребывать в подвешенном состоянии, чем попасть в Ад.

Зейн выключил компьютер и направился ко второму прибору, на ходу вытаскивая из сумки душу мага. Прибор представлял собой человекоподобного робота, который сидел за столом, заваленным кипами бумаг. Зейн поместил душу в приемное отверстие на металлической спине. Секунду спустя машина ожила, засветились глаза-линзы, металлические конечности лязгнули и шевельнулись.

Робот повернул голову и взглянул на Зейна.

— Я уже мертв? — спросил он голосом мага.

— Да, — ответил Зейн, захваченный врасплох. Ни одна из душ раньше с ним не разговаривала.

— Тогда где я?

— В Чистилище. У вас оказались абсолютно равные показатели, я не мог направить ее ни в Ад, ни в Рай, поэтому доставил сюда.

— Великолепно, — объявил робот-маг.

— Вы что, намерены у нас застрять?

— Мне надо задержаться здесь как можно дольше. Я очень тщательно проделал расчеты, но всегда остается элемент неопределенности. Слишком многое от этого зависит, слишком многое...

— От чего зависит? — спросил Зейн, вновь сбитый с толку.

— Ну как, вознаградила тебя за проявленное участие моя дочь?

— По-моему, вы сейчас пытаетесь увильнуть от ответа.

— А ты?

Зейн улыбнулся:

— Луна снова предложила то же, что и вы, а я во второй раз отказался.

— Но ты не должен отказываться! — загремел робот-маг. — Моя дочь предназначена для тебя. Я же специально оставил камень любви.

— Слушайте, если вы действительно хотели познакомить нас, могли бы придумать лучший предлог, чем вызов на собственную смерть.

— Нет, лучшего способа не было. И не обращай внимания на ее протесты. Луна сделает так, как я сказал.

— Протестовал я, а не ваша дочь! На что это похоже...

— Завоюй ее сердце, Смерть. Она хорошая девушка, вы подходите друг другу.

— Я ей не нужен! Почему я должен навязывать свое общество — неважно, с помощью магии или без нее — женщине, которую совершенно не привлекаю? Она заслуживает лучшего и наверняка способна найти достойного мужа.

На самом деле Зейн гораздо больше беспокоился о собственной судьбе. Он не мог себе позволить увлечь-

ся женщиной, которая наверняка вскоре бросит его ради другого. Хватит с него душевных травм!

— Ты должен! — настаивал маг. — Это совершенно необходимо!

Опять начались недомолвки!

— Но почему?

— Сейчас я ничего объяснить не могу.

— Вы уже говорили то же самое! Да и Судьба все время изъясняется загадками. Меня это просто бесит!

— Ерунда! Не обращай внимания. Луна хорошая девушка.

Не очень-то убедительный ответ!

— Значит, ей не следует связываться со Смертью.

— Извини, я должен приступить к своей работе. — Робот-маг с лязгом повернул голову и посмотрел на стол, заваленный бумагами.

— Какой работе?

— Судя по всему, мне предстоит самому свести баланс добра и зла в моей душе. Видишь, сколько бланков! — Металлические пальцы ткнули в груду документов. — По одному на каждый день жизни.

Зейн взял наугад листок бумаги. «Шестнадцать процентов баланса, исчисленного по форме 1040-Х, поместить в строку 32-Р, — прочел он вслух. — Если полученное число превышает соотношение по строке 29-К таблицы ТТ, вычтите 3,2 процента из строки 69-Н. Если это число меньше квадратного корня из общего итога по таблице У, обратитесь к инвертированной форме 7734».

Зейн поднял голову. Он вспотел, как студент, пропалившийся на экзамене.

— Это почти так же ужасно, как декларация о доходах!

— Почти, — устало кивнул металлической головой робот-маг. — Как ты думаешь, откуда черпает идеи налоговый департамент? Мне понадобится целая вечность, чтобы разобраться со всеми документами.

— А что произойдет, когда вы подведете итог? Отправитесь в Рай?

— Заполнив последнюю ведомость, я начну искать ошибки, — ответил робот. — Это, пожалуй, займет еще несколько столетий.

— Но ведь ошибок может и не быть.

— Формы так составлены, что их в принципе невозможно сразу заполнить правильно, — со вздохом отозвался робот-маг. — Иначе какой в них смысл?

Он взял гусиное перо, окунул его кончик в чернильницу с красными чернилами и начал свой титанический труд. Вскоре капельки машинного масла оросили металлический лоб.

Зейн оставил мага, погруженного в изнурительную работу. Она заставит спятить любого нормального человека, но, возможно, повелитель черной и белой магии обладал неисчерпаемыми ресурсами энергии и терпения.

Проходя на обратном пути мимо девушки-администратора, Зейн оставил ей душу ребенка.

— Чудесно, просто чудесно! — обрадовалась она, впервые выказав человеческие эмоции. — Нам так не хватает персонала!

Зейн хотел поинтересоваться, на какой работе можно использовать младенца, однако передумал. В Чистилище наверняка имеются способы решить проблему возраста. В конце концов, у них в запасе целая вечность!

Г л а в а 5

Луна

Е

го конь все еще пощипывал траву снаружи.

— Эй, Морт! — позвал Зейн, и тот сразу поспешил к нему. Великолепный скакун!

Зейн оседлал его.

— Доставь меня домой!

Конь рысью домчался до конца зеленой равнины и остановился перед красивым зданием, похожим на усыпальницу, с белыми колоннами на широкой веранде. На почтовом ящике красовалась надпись: «Смерть».

Само собой — где же еще должен жить Танатос, как не в морге?

Зейн посмотрел на коня:

— Можно мне задержаться ненадолго? Чтобы осмотреть все как следует?

Морт одобрительно кашнул головой.

— У тебя здесь есть конюшня? И нужно ли искать для тебя еду, бензин или чем ты еще питаешься?

Конь дал ему понять, что такого не требуется, и неторопливо отправился на пастбище. Похоже, здесь было все, что требуется для пропитания. Неподалеку виднелось небольшое озеро. Отличное место!

Значит, у Смерти имеется свой почтовый ящик... Интересно, кто отправляет ему послания? Зейн открыл его и обнаружил четыре письма. Судя по обратному адресу, все составлены смертными. Любопытно!

Он повернулся к двери. Может, следует позвонить? Но ведь дом принадлежит ему! И все же обитатели,

если они есть, увидят нового хозяина впервые. Он нажал на кнопку.

Раздался погребальный звон. Через минуту дверь открыл облаченный в черный костюм дворецкий.

— Очень рад видеть вас снова, уважаемый сэр. Разрешите? — Он помог ему снять плащ.

— Но я ведь... — Зейн с трудом подбирал слова. — Я не ваш прежний хозяин!

— Разумеется, сэр. Мы служим Танатосу, а не человеку, который становится им.

Дворецкий повесил плащ в шкаф и нагнулся. Он хочет снять его обувь!.. Что ж, в своем собственном жилище можно расслабиться и не бояться ничего... Обувь и перчатки отправились вслед за форменным облачением, а Зейн оказался в удобном халате и домашних шлепанцах.

В воздухе висел какой-то странный тяжелый запах.

— Чем здесь пахнет?

— Это мирра, сэр, — ответил дворецкий. — Согласно установившейся традиции, в обители Танатоса положено возжигать благовония.

— Ничего себе благовония! Значит, у жилища Смерти свой особый запах? А почему именно...

— Мирра ассоциируется с заупокойной службой, сэр.

Тут Зейн вспомнил строки рождественской песни: «О зловещий мирры дух! Смерти знак, разлуки вечной! Боль, тоска, кромешный мрак. Плач души, пред Богом грешной!»

— Надо заменить ее на что-нибудь более приятное, — заметил Зейн. — И переделай звонок: что это за похоронный звон! Если бы я мог, вообще изменил бы само представление о Смерти!

Дворецкий провел его в удобную гостиную.

— Располагайтесь поудобнее. Не желаете выпить аперитива? Может, включить телевизор? Или угодно активировать заклинание, снимающее усталость?

Зейн плюхнулся в мягкое кресло. Ему почему-то было неуютно.

— Да, давайте все это, — сказал он.

— Сию минуту. Изволите передать мне письма?

— Зачем?

— Чтобы сжечь, сэр! Так положено.

— Ни в коем случае! Даже если они годятся лишь для мусорной корзины, я хочу сперва просмотреть их.

— Разумеется, сэр, — пропел дворецкий, словно успокаивал ребенка. Как только он исчез, перед глазами возник экран телевизора. Раздалась привычная бодрая скороговорка ведущего программы новостей:

— Кадровые перестановки в Чистилище! Новое назначение на должность Смерти. Предшественник, проявив себя неплохо, за время службы сумел улучшить показатели и отправился в Рай. Что ж, как говорится, Смерть мертвa; да здравствует Смерть! Проводимый нынешним Танатосом новый курс еще не до конца ясен — его поведение непредсказуемо, он позволил двум клиентам сбежать и измотал штаты постоянными требованиями изменить те или иные частности в быту и работе. Заслуживающий доверия источник из высших сфер предполагает, что, если в ближайшее время положение резко не изменится, дело может кончиться Небесным предупреждением!

Зейн присвистнул — по оперативности и остроте «Последние новости» Чистилища оставляли далеко позади любые земные передачи!

— Наш штат пополнился ребенком. Когда малыши подрастет, его станут готовить к работе клерка. Разумеется, потом он сможет самостоятельно выбрать возраст, который сохранит вечно. Данная мера облегчит положение с переизбытком клиентов, проходящих через нашу обитель, вызванное увеличением численности населения Земли.

Зейн насторожился. Почему сообщения посвящены только ему одному? Неужели об остальных инкарнациях нечего сказать?

Вернулся дворецкий и поставил перед хозяином стакан красного вина.

— Заклинание входит в состав напитка, сэр.

— Почему сообщения в новостях касаются только меня и всего, что относится к моему ведению? На случайность что-то не похоже!

— Мы в Чистилище, сэр. Здесь не бывает случайностей. У нас новости подстраиваются под каждого,

кто их слушает, следовательно, пользователь получает только ту информацию, которая его интересует.

— А я думал, что Чистилище — в комплексе зданий через дорогу.

— О нет, вся эта местность — Чистилище, сэр. В том большом здании расположены исследовательский центр и административные службы. А мы, живущие здесь, так сказать, заблудшие души.

— Но я-то жив!

— Несомненно, сэр. Ваша пятерка с формальной точки зрения является смертной, однако остальные обитатели нашей зоны простились с земным существованием.

— Пятерка?

— Я имею в виду инкарнации, сэр.

— А, понятно! Время, Судьба, Смерть...

— Марс и Природа, именно так, сэр, — закончил дворецкий. — Живые воплощения бытия. Все остальные мертвые, за исключением, конечно, Вечных.

— Вечных?

— Господа и Сатаны, сэр. Они не подчиняются обычным законам.

Зейн отпил вина. Оно оказалось превосходным и в самом деле бодрило.

— Понятно. Ты сам-то мертв?

— Да, сэр. Я служу здесь уже семьдесят два земных года.

— Значит, видишь, как каждые тридцать лет новый Танатос сменяет старого? И не скучно? Монотонное существование.

— Лучше, чем Ад, сэр.

Да уж! Такая альтернатива не оставляет места сомнениям.

— Может быть, тебе следует представить меня другим обитателям дома? В таком роскошном особняке наверняка есть прислуга. Верно?

— Да, сэр. С кем бы вы предпочли встретиться сначала?

— Я не знаю... А кто у меня работает?

— Садовник, повар, горничные, наложница...

— Что?

— Живые имеют свои слабости и нужды, — деликатно объяснил дворецкий.

— Которые удовлетворяют за счет умерших?

— Именно так, сэр.

Зейн в отвращении скривился и залпом допил вино.

— Я передумал. Познакомлюсь с остальными в другой раз, попозже. Уверен, что на Земле меня уже за-ждались клиенты.

— Разумеется, сэр.

Как только Зейн встал, слуга отправился за рабочей одеждой. Зейн облачился в нее и покинул дом.

Морт ждал его. Зейн взобрался на коня и только тогда обнаружил, что до сих пор сжимает в руке письма.

— Надо прочитать их, — пробормотал он.

И тут обнаружил себя сидящим за рулем машины. Нет, скорее миниатюрного самолета, ведомого автопилотом. Он не уставал поражаться удивительным возможностям своего коня.

Зейн распечатал первое письмо.

«Дорогая Смерть! Зачем ты забрала мою маму? Я тебя ненавижу! С приветом, Роза».

Зейн задумался. Автор письма, без сомнения, ребенок. По-видимому, девочка напрасно винила Танатоса. Скорее всего ее мать обошлась без его персональной помощи. Но откуда это знать малышу?

Ответить ей? Интересно, переписывались когда-нибудь его предшественники с детьми? Вряд ли.

А что мешает ему создать прецедент? Раз уж послание Розы дошло до него, то, очевидно, девочка сможет получить ответ. Хотя в результате ничего не изменится, мертвец останется мертвецом.

И все же нельзя оставить без ответа крик души осиротевшего ребенка. Он выяснит, куда попала душа (вероятно, в Рай, ведь, судя по всему, умершая была любящим родителем), и сообщит об этом. Возможно, даже сможет передать посмертное послание от матери.

Зейн распечатал следующий конверт.

«Дорогая Смерть! Прошлой ночью я поймала своего старого козла с очередной девкой. Забери его завтра, потому что я хочу получить страховку. Искренне

ваша, униженная и оскорбленная супруга. Заранее благодарна.

Р. С. Пусть теперь трахается с Сатаной!»

Ну, ей-то отвечать не нужно. Понятно, почему «старый козел» не хранит верность такой жене!

На приборной панели замигал огонек. Зажглась надпись: «ЧАСЫ!»

Зейн удивленно взглянул на них. Остановились!

— Спасибо, что напомнил, Морт! — Он торопливо включил таймер, сунул письма в бардачок. Его еще ждала работа с клиентами.

Танатос странствовал по свету, собирая свою страшную жатву, ухитряясь не отставать от графика. Всюду он встречал беспрardonную рекламу адского агентства: «Жизнь — дермо, зима вокруг... Заходи погреться, друг!» Если выпадала свободная минутка, Зейн отвечал на письма. Он объяснил Розе, что ее мать болела, страдала от ужасной боли; смерть, открывшая несчастной Райские врата, принесла ей лишь облегчение. Зейн специально посетил Чистилище, чтобы удостовериться, куда попала ее душа, хотя не сумел поговорить с ней в Раю — по-видимому, его обитатели теряли всякий интерес к земным делам. Так же он ответил остальным, стараясь всегда выдерживать вежливый тон. Иногда он спрашивал себя, стоит ли тратить время на наиболее одиозные послания, но решил, что надо сохранять беспристрастность. Ведь смерть — настолько важный поворотный этап в существовании души, что тут нельзя проявлять небрежность.

Зейн набирался опыта, и работать становилось все легче, однако многое до сих пор не нравилось. Слишком часто люди теряли жизнь так глупо!.. Один тип, когда его жена куда-то отлучилась, налил себе чашку кофе, а вместо сахара положил крысиный яд. Он почти ничего не видел, страдал забывчивостью и не знал, где что лежит на кухне, но все равно умереть из-за этого — нелепо! По крайней мере вкус-то он чувствовал! Некая мать, доведенная ребенком до белого каления, осыпала девочку градом проклятий, активировав их все одновременно; в результате девочка умерла, не

успев даже вскрикнуть. Подобным персонам следует запирать рот на замок наглухо, как деньги в сейфе! Какой-то мальчуган решил лихо прокатиться на украшенной у ведьмы метле и, естественно, разбился. Один парень, пытаясь поразить свою девушку на прогулке в зоопарке, устроил рыцарский поединок с огнедышащим драконом и сгорел заживо. Пожилая женщина, отправившись за покупками в гастроном, случайно свернула налево и угодила прямо под колеса грузовика.

Пять душ, три из которых попали в Ад, хотя, проживи они немного дольше, могли бы оказаться в Раю, стоило проявить большую осторожность и заботу о близких. А ведь те, кого он обслуживает, — ничтожный процент от общего числа умирающих. Сколько людей существуют сегодняшним днем, не задумываясь, что станет с душой после гибели тела, и расстаются с жизнью из-за ничтожной случайности или небрежности? Неужели весь человеческий род деградирует?

Заинтересовавшись этой проблемой, Зейн приказал компьютеру сделать распечатку данных, собранных в Чистилище. Беспристрастные статистические выкладки подтвердили его худшие подозрения. Миллионы умирают от сердечных болезней и разных осложнений, хотя такой исход легко предотвратить с помощью обычных упражнений и диеты. Миллионы умирают от рака, потому что не желают вовремя проверить здоровье или не в силах отказаться от вызывающих страшную болезнь привычек, вроде курения, прекрасно зная, что подобный образ жизни неизбежно приведет к катастрофе. Огромное число травм со смертельным исходом; причины — автомобильные аварии, пожары... А сколько невнимательных и беспечных гибнет из-за небрежного обращения с оружием или попав во власть собственных якобы ручных демонов!

Но что он, Танатос, способен предпринять? У него нет возможности выступить публично, подобно агентам Сатаны, которым выделяются невероятные средства на рекламу зла. Да и люди вряд ли сильно изменятся, даже если их постоянно предупреждать о грядущей опасности. Почти всегда к моменту его появления уже поздно что-то делать. Чтобы верно оценить свои шансы попасть в Рай, лучше всего фиксировать

каждое событие в жизни, но кто же пойдет на это добровольно! Большинство сознавало, что в лучшем случае их образ жизни нелеп, а в худшем — обычное самоубийство, однако продолжало в том же духе. Он и сам был таким, пока не увидел лик Смерти.

Если то, что происходит, — результат соперничества высших сил, не составляет большого труда увидеть, кто побеждает. Естественно, ведь Сатана неустанно вел пропаганду. Во все программы постоянно врезали ДЕМОНстрации, призывающие зрителей «Возгореться!» или глубокомысленно сообщавшие доверчивым, что «Не армия, но Ад превращает мальчика в мужчину!», и предлагавшие различные формы сотрудничества, рас считанные на целую семью. Согласно Конвенции, Вечные не имеют права вмешиваться в дела живых, однако лишь Господь вел честную игру. Какая польза от договора, когда одна из сторон считает себя вправе спокойно нарушать его? Впрочем, если бы Бог вел себя подобно Сатане, Он был бы не лучше своего вечного противника...

Зейн не видел выхода и все же сознавал, что тот существует. Возможно, укорял он себя, если бы пост получил другой, более компетентный человек, он смог бы что-нибудь придумать. Однако пока Смертью становятся по прихоти Судьбы случайные люди вроде него, имеющие весьма средние способности. Действительно, чего ожидать от того, кто убил предшественника, чтобы занять его место? Он, вероятно, типичный представитель гомо сапиенс. Вряд ли гипотетический преемник справится намного лучше. Надо просто добровolestno работать.

Удивительно, но такие мысли придавали новые силы. Скорее всего его ждет неудача, и все же необходимо попытаться... Зейн не представлял, что нужно делать, как добиться своей цели, да и, откровенно говоря, в чем она состоит конкретно, тоже не знал, но, если появится шанс на успех, не упустит его!

Зейн поднял голову. В делах образовался небольшой перерыв, и он решил остановиться. Здесь, севернее, еще не растаял снег. В глаза бросился рекламный щит вездесущего дьявольского агентства: «Внимание! Записывайтесь заранее! Горячие ванны! Особый уход

счастливцев у нас в заведении ждет!» Под броским заголовком была изображена распостерта на постели сногшибательная демонесса, прикрытая двумя лоскутками ткани. Она кокетливо манила пальчиком желающих вкусить от прелестей Ада. В углу щита стоял торговый знак — два резвящихся чертенка, «Веселые дьяволята».

Зейн испытал соблазн протаранить щит Морт-мобилем и с трудом сдержался. Здесь свободный мир; Сатана имеет такое же право рекламировать свой «товар», как и любой торговец. Парадокс добропорядочности состоит в том, что сие качество требует от своих приверженцев позволять негодиям творить черные дела. Стоит ли игра свеч?

Пора за работу. Еще несколько раз он сохранил клиентам жизнь. До сих пор было неясно, нарушены правила или нет; во всяком случае в «Новостях» Чистилища бойкий ведущий сообщал о таких случаях мельком, небрежным тоном, словно желал сказать: «Всего лишь очередная выходка нашего недотепы!» Так что даже если кому-то его поведение не нравилось, решать, забирать душу в определенный момент или нет — привилегия Смерти. Возможно, тот, кому суждено попасть в Рай, оставшись в живых, станет злодеем и позже станет добычей Сатаны, но вряд ли. Неужели найдется человек, который, увидев Танатоса, который пришел за ним, не поспешил после роковой встречи изменить свой образ жизни? Подобный идиот заслуживает вечных мук!

Эти настроения еще больше усилились после одного случая. Клиентом оказался мальчик пятнадцати лет, жертва редкой формы рака. Бедняга лежал на своей кровати, избавленный наркотиками и заклинаниями от боли. Снадобья, которыми его напичкали, влияли и на психику, даря бодрость и оптимизм. Он удивленно взглянул на внезапно возникшего перед ним странного человека в плаще.

— Я не видел вас раньше, хотя почему-то вы кажется мне знакомым. Вы врач?

— Не совсем, — невпопад ответил Зейн, осознав, что мальчик не понял, кто к нему явился. Стоит ли ему сказать правду?

— Тогда вы психолог, пришли, чтобы ободрить меня?

— Нет, обычный человек. Я хочу взять тебя с собой. Ты любишь путешествовать?

— А, шофер! Но мне не хочется снова кататься по парку.

— Нет, нам предстоит по-настоящему долгое странствие.

— Может, просто посидите со мной? Немного поболтаем о разных вещах... Ладно? А то мне так тоскливо и одиноко! — Мальчик провел рукой по взъерошенной золотистой шевелюре, словно пытаясь избавиться от печальных мыслей.

Зейн уселся на краешке кровати. Таймер показывал, что осталось пятнадцать секунд. Он заморозил время. Неужели некому составить мальчику компанию и ему суждено умереть в полном одиночестве? Наверное, его близкие и друзья знали то, что от него скрыли: болезнь неизлечима. Одна из жестоких насмешек Судьбы!

— Конечно, я поговорю с тобой!

Мальчик благодарно улыбнулся:

— Я так рад! Мы подружимся, я знаю! — Он протянул руку. Бедняжка очень ослаб, ему стоило огромных усилий держать ее на весу. — Привет! Меня зовут Тэд.

Зейн осторожно коснулся пальцев мальчика:

— Рад познакомиться с тобой, Тэд. Меня зовут... — Зейн осекся. Мальчик не знал, что вот-вот умрет. Жестоко сообщать ему об этом. Но лгать тоже нельзя. Как поступить?

Тэд улыбнулся:

— Забыли? А может, пришли сюда, чтобы сделать мне укол, и боитесь, что я закричу?

— Нет. Понимаешь...

— Не говорите. Можно я угадаю? Вы явились получить по счетам? Мой папа наверняка залез в долги. Заклинания счастья — штука дорогая. Зря все это! Я по-прежнему чувствую себя неважно. Лучше пусть использует одно из них сам — уже дня два ходит как в воду опущенный. Наверное, потому что потратил столько денег на лечение. Все из-за меня! Я чувствую себя виноватым, а иногда хочу, чтобы все кончилось раз и навсегда! Пусть папа хоть немного порадуется.

Скоро так и случится, однако отец мальчика не станет от этого счастливее.

— У меня вообще-то другая работа. Хотя я тоже прихожу и забираю то, что люди должны отдать, а взамен избавляю от забот и тревог.

— Коммивояжер? Хотите продать что-то интересное? Новую программу для домашнего компьютера, которая унесет меня в другой мир на пару дней?

— Даже больше, — вполголоса произнес Зейн.

— А, да ну их! Сначала было здорово, потом же надоело страшно! И магические игрушки — я при помощи заклинаний сотворил столько безобидных скозочных тварей! Вон там, под кроватью, завался розовый слоник. Видите? — Мальчик поднял покрывало, и Зейн увидел маленькую фигурку. — Единственное, чего мне сейчас по-настоящему хочется, — выйти на улицу, увидеть солнце, ощутить ветерок на коже или просто побежаться, почувствовать хруст сухих веток под ногами. Я так долго валяюсь здесь!

Конечно, мальчик все равно слишком слаб, чтобы бегать. Даже если он выведет его на улицу, ничего хорошего не получится. А что знает Тэд о своей болезни?

— Чем же ты хвораешь? — спросил Зейн.

— Что-то с позвоночником. Постоянно болит; на меня накладывают чары анестезии и колют в спину, но от этого немеют ноги, и я не могу ходить. Поскорее бы меня вылечили! Я и так пропустил столько занятий в школе! Не хочу оставаться на второй год. У меня ведь были неплохие оценки. Все мои друзья перейдут в следующий класс, а я, как дурак...

Значит, бедняге действительно сказали, что он поправится. Как они могли обманывать паренька!

— В чем дело? — спросил Тэд.

Настало время принять решение. Сказать правду или придумать что-нибудь? И то и другое плохо. Не говорить ничего — фактически та же ложь.

— Я пытаюсь сидеть на двух стульях...

— Смотрите, свалитесь!

Зейн улыбнулся:

— Лучше прокачусь на своем коне.

— У вас есть лошадь? Вот здорово! Всегда мечтал о собственном скакуне! Он породистый?

— Не знаю, я плохо разбираюсь в этом. Мне он достался... по наследству. Великолепный белый жеребец, может летать.

— Как его зовут?

— Морт.

— Моррис?

— Морт, с буквой «т» в конце. Он...

Тэд сразу наморщил лоб:

— «Мортис» по-латыни — смерть. Мне всегда она хорошо давалась.

Черт, он здорово влип! Сам Зейн не выучил ни одного из мертвых языков. Откуда ему было знать, что Тэд окажется таким образованным??!

— Это конь бледный, который служит Смерти.

— Но на нем не может ездить обычный человек!

— Может, если станет его хозяином. — Близится момент истины. Неужели нельзя было сказать прямо??!

Мальчик пристально вглядился в незнакомца.

— Черный плащ! — воскликнул он наконец. — И капюшон, как у монаха. А лицо! Да, теперь я вижу... Череп!

— На самом деле я просто человек, которому поручили такую работу.

— Значит, вы... — Тэд содрогнулся, порывисто вздохнул. — Я больше никогда не пойду в школу, верно?

— Мне очень жаль.

— Я так и знал! Никогда не верил этим врачам! Да, заклинания и лекарства помогали, я чувствовал себя нормально — а сны говорили правду! Я сейчас вопил бы от ужаса, но меня накачали фальшивым счастьем, и я просто не способен грустить. Знаете, а вы не такой уж страшный и плохой. По крайней мере поговорили со мной немного.

— В душе у меня скопилось одинаковое количество добра и зла. А вот что касается тебя... Слушай, ты совершил какой-нибудь по-настоящему серьезный грех?

— Ну, однажды украл игрушку в магазине...

— Это мелочь. Я имею в виду что-то вроде убийства.

— Как-то раз, когда тетя наказала меня за сквернословие, я захотел, чтобы она умерла.

— Тоже ерунда. Ты же не воплотил свое желание в жизнь? Или хотя бы попытался?

Тэд в ужасе уставился на него:

— Да вы что! Я и представить такое не способен! —
Тут мальчик невесело усмехнулся. — Ну, подумать-то
я подумал! Но на самом деле вовсе не хотел, чтобы она
умерла!

— Возможно, ты солгал так, что из-за твоих слов
случилось ужасное несчастье или умер человек? Дол-
жен же быть какой-нибудь большой грех на твоей со-
вести! Иначе меня бы не вызвали.

Мальчик задумался.

— Иногда мне хотелось кое-что сделать, хотя ни
разу не представилась возможность. Нет, кажется, я
чист перед Богом. Мне очень жаль, но честное слово,
ничего в голову не приходит.

Что-то тут не так. Зейн достал талисманы, с по-
мощью которых проверял души.

— Больно не будет.

— Так всегда говорят медсестры, когда готовятся
сделать укол.

— Нет, правда. Я просто подсчитываю количество зла
в тебе.

Желтоватый камень засиял как миниатюрное солн-
це, а коричневый чуть покернел.

— В тебе девяносто процентов добра, — удивленно
произнес Зейн.

— Я ведь говорил вам, что ничего особого не сотво-
рил.

— Но ведь я прихожу только к тем, кто не может
отправиться в Рай или Ад. Должно быть, произошла
ошибка.

— Значит, я не умру?

Зейн вздохнул:

— Не хочу вселять в тебя напрасные надежды. Ду-
маю, тебе суждено сегодня умереть в полном одино-
честве, но где-то в нашей системе произошла путани-
ца, и вызвали меня. В Чистилище не хватает квалифи-
цированных работников, так что иногда случаются
ошибки. Прости, что напрасно побеспокоил. Тебе не
нужно было знать, что случится... до самого конца.

— Нет, нет! Хотя меня накачали всякой дрянью,
мне все равно одиноко. Я рад, что вы пришли. А мож-
но прокатиться на вашем замечательном коне?

Зейн улыбнулся:

— Да, конечно, Тэд.

— Что ж, тогда я, пожалуй, готов...

Зейн нажал на кнопку.

Через пятнадцать секунд у мальчика отказалось сердце. Зейн извлек душу так быстро, что Тэд не почувствовал ни страха, ни боли.

Снаружи ждал Морт. Он каким-то непостижимым образом понял, что должен стать конем. Зейн взобрался на него, и жеребец поскакал по небу.

Окруженный сиянием звезд, Зейн отпустил душу, и она сразу полетела на Небеса. Конь спустился вниз: Танатоса ждал новый клиент.

— Прощай, Тэд, — прошептал Зейн. — Там ты забудешь об одиночестве и боли!

Он поработал с собранными душами, передал в Чистилище те, которые сам не смог отправить по назначению. Потом отправился к себе, чтобы перекусить и немного поспать. Его пожелания выполнили: звонок теперь исполнял приятную мелодию из классического репертуара, а по комнатам разносился аромат лилий. В конце концов, хоть Зейн и приносит смерть, сам-то он живой человек и должен чувствовать себя уютно в собственном жилище!

Он вновь и вновь вспоминал Тэда. «Правильно ли я поступил, потратив столько времени, вместо того чтобы обслуживать клиентов? Может быть, не следовало говорить ему правду? Стал ли этот случай еще одной промашкой, которую изложат в своей коронной манере въедливые ведущие «Новостей»? Сочту ли мое поведение в тот день грехом или нет?» Он не стал включать телевизор, чтобы не потерять окончательно веру в себя.

Прислуга внешне ничем не отличалась от обычных людей, однако Зейн сознавал, что единственный живой человек здесь он. То ли специфика работы позволяла ему общаться с мертвецами, то ли они зачарованы так, чтобы выглядеть существами из плоти и крови... Как бы то ни было, когда он пожимал руку слуги, она казалась теплой. Но все-таки Зейн чувствовал себя чужим и одиноким в Чистилище.

Он вспомнил о дочери мага, Луне. Они ведь дого-
ворились о свидании. А ее отец, даже обретя металли-
ческую оболочку вместо тела, чтобы выполнить непо-
сильную задачу, от которой зависела его судьба, не
преминул еще раз напомнить о ней, чем немало заин-
триговал Зейна. По мере того как блекло в его созна-
нии воспоминание о мимолетном знакомстве с Анже-
ликой, идеальной спутницей, которую он уступил
за бесполезный камень богатства, Луна все больше
привлекала его. Как соблазнительно она выглядела!
И, главное, девушка, в отличие от здешних обитате-
лей, была живой!

Зейн подъехал к дому Луны. Как только он добрал-
ся до Кильваро, его снова охватили сомнения. Имел
ли он право использовать свое положение в личных
делах? И как представиться? Лучше использовать ни-
чего не значащее для нее собственное имя.

Зейн снял с себя форменную одежду. Теперь он
уязвим, зато чувствует себя самим собой.

Только нажав на кнопку звонка, Зейн сообразил,
что девушка может не оказаться дома. Ведь они так и
не договорились о точной дате встречи; на самом деле
он даже не знал, какой сегодня день недели. Конечно,
для того чтобы выяснить это, достаточно одного взгля-
да на часы; просто беспрерывные скачки во времени
и пространстве совершенно дезориентировали Зейна.
Он отвык от земной жизни.

Через минуту девушка открыла дверь. Она была в
желтом домашнем халате, волосы под сеточкой собра-
ны в пучок. Не уродина, конечно, но отнюдь не кра-
савица: нечто неопределенное. Она сильно похудела.
Лицо осунулось от пережитого горя, на нем обозначи-
лась сеть морщинок, а под глазами — синие круги. Не
нужно было спрашивать, чем она занималась послед-
ние несколько дней — ясно, скорбела по умершему
отцу.

Луна окинула посетителя недоверчивым взглядом.
Да, без обуви, в поношенных джинсах и рубашке он
выглядит живописно!

— Меня зовут Зейн. Мы договаривались о встрече.

Прищурившись, она внимательно изучила его и яв-
но не узнала.

— Кажется, ты ошибся адресом. Интересно, как тебе удалось пройти мимо грифонов?

— Нет, не ошибся. Просто оделся иначе, чем ты, наверное, ожидала. Ты видела меня в роли Смерти. Грифоны запомнили мой запах; как только они почуяли, кто пришел, сразу отбежали подальше. Ты сама настаивала, чтобы свидание состоялось. Помнишь?

Девушка быстро кивнула:

— Что ж, входи.

Как только Зейн перешагнул порог, страшная тяжесть обрушилась на плечо. В ноздри ударили резкий мускусный запах. Он с трудом обернулся, пытаясь разглядеть неведомую тварь. Никого.

— Мой невидимый страж, — объяснила Луна. — Гигантская дрессированная ночная бабочка. Если бы ты оказался грабителем...

Зейн с трудом растянул губы в улыбке:

— Следовало бы самому догадаться, что тебя охраняют. Но я не лгу. Могу сейчас вызвать Морта, облачиться в плащ, и тогда твоему чудовищу придется несладко. Впрочем, думаю, обойдемся без этого. Я пришел на прошлой неделе, чтобы забрать своего отца, мага. За то, что я согласился выслушать его, он обещал... благосклонность дочери. В первый раз я тебя увидел обнаженной, потом ты оделась. Когда он умер, мы поговорили, и ты предложила...

— Отпусти его! — прошептала Луна, и невидимый страж убрал свою лапу. И вовремя: боль становилась невыносимой.

— Спасибо, — пропыхтел Зейн. — Нам не обязатель но встречаться сегодня. Ты сказала, чтобы я пришел, когда свободен, и как раз сейчас образовался небольшой перерыв в работе. Прости, я не подумал, что тебе не до свиданий.

— Сегодня так сегодня, — отрывисто произнесла она. — Мало радости сидеть здесь одной. Только разреши мне переодеться и надеть снимающий горе талисман...

— Не надо! — оборвал ее Зейн. — Лучше останься собой. Переживать в такое время естественно; твой отец, полагаю, тоже так думает. Нельзя насиливать свои чувства.

Слегка наклонив голову, девушка молчала, раздумывая над его словами. Наконец она произнесла:

— Неужели не хочешь, чтобы я хорошо выглядела?

— Ты мне нравишься такой, какая ты сейчас. Естественная. Я имею в виду...

Луна улыбнулась и на мгновение стала той самой красавицей, которая ослепила его во время их первой встречи.

— Кажется, я понимаю! Что ж, мне очень приятно слышать это. Такие слова действуют не хуже заклинания. Чего же тебе хочется, Зейн?

— Просто выполнить просьбу твоего отца. Поговорить, узнать тебя получше. В Чистилище он так горячо убеждал меня, что...

— В Чистилище?

— Да, он сейчас там. Ему пришлось самому вычислять, сколько в его душе добра и зла. Невероятная по трудности задача!

Луна пожала плечами:

— Папа умеет делать невероятные вещи. Он ни от чего не страдает?

— Нет.

— Тогда забудем о нем на некоторое время, хорошо? Извини, на чем ты остановился?

— Я пришел, чтобы просто побеседовать. Больше ничего, понимаешь?

— Почему? — нахмурившись, спросила девушка.

— Не подумай, что я не считаю тебя привлекательной. Во время нашей первой встречи ты была просто ослепительно прекрасной! Но понимаешь... я не...

— Прекрасной! — угрюмо повторила Луна. На сей раз ему не удалось польстить девушке. — Ты, конечно, говоришь о физических, а не нравственных достоинствах или уме.

— Да. — Зейн чувствовал себя ужасно неловко. — За одну короткую встречу такое оценить невозможно. Единственное, что мне известно, — часть зла в твоей душе на самом деле принадлежит отцу. Впрочем, дело в другом. Ты способна превратить себя в неотразимую женщину. Но будь ты уродливой как смертный грех, все равно ты — личность! А вот я — ничтожество, я не сумел найти себя...

— И это мне говорит Танатос, повелитель царства мертвых?

— Смерть — просто должность. Я случайно ее занял. Думаю, нашлись бы гораздо более достойные люди. Я просто пытаюсь хорошо делать свое дело. Может, со временем из меня получится аккуратный исполнитель, не допускающий ни единой ошибки.

— Ошибки? — переспросила Луна. — Ну-ка, присаживайся, Зейн. — Она взяла его за руку, подвела к кушетке и уселась рядом. Их колени соприкасались. — Расскажи, как у тебя идут дела.

— Тебе такое не интересно, — промямлил Зейн, хотя на самом деле ему страшно хотелось поделиться своими проблемами.

— Послушай, Зейн, именно мой отец избрал тебя на роль Смерти! — Ее голос звучал так завораживающе-искренно! — То, что тебе кажется случайным стечением обстоятельств, на самом деле...

— Я вовсе не хотел ругать твоего отца!

— Он решил, что лучше тебя не справится никто. Я почему-то уверена, что папа не ошибся. Очевидно, у тебя имеются качества, которые позволят добиться наилучших результатов, особенно в период кризиса. Так что не надо постоянно сомневаться в своих возможностях.

— Твой отец выбрал меня на роль Танатоса, а также идеального телохранителя и спутника дочери. Не вижу смысла ни в том, ни в другом.

Луна убрала сетку и занялась укладкой роскошных каштановых волос.

— Я пока тоже, — улыбаясь, произнесла она. — Значит, нам все откроется в будущем! Мой отец ни разу не ошибался и очень любил меня. Он гений! Поэтому я постараюсь понять, в чем истинная причина такого решения. Давай поговорим откровенно; я открою свои секреты, ты мне — свои. Может быть, тогда мы поймем, почему отец хотел, чтобы мы соединили наши судьбы.

— Да, наверное, у него имелись какие-то соображения. Он ведь маг! — Трудно найти убедительную причину отказаться от близкого знакомства с очень при-

влекательной девушкой, а как только Луна привела себя в порядок, она стала хорошеть прямо на глазах!

Оставался один неприятный момент: девушка принимает его лишь потому, что решила исполнить последнюю волю отца.

— Конечно. — Ее голос звучал немного раздраженно. Действительно, зачем рассуждать об очевидных вещах?

Зейн снова почувствовал себя неловко. Странное свидание!

— Понятно, почему такой, как я, способен увлечься девушкой вроде тебя. Но с чего вдруг знаменитому магу выбирать для своей любимой дочери в спутники жизни... Луна, ты заслуживаешь лучшего! А он наверняка хотел, чтобы ты была счастлива.

— Несомненно, — рассеянно произнесла девушка. Волосы, рассыпавшиеся по плечам, отливали золотом.

Она все больше отвлекала его от серьезного разговора, и не только потому, что стала еще красивее. Луна, кажется, намеренно провоцировала гостя. Кокетливая поза, зовущий взгляд...

— Да, насчет работы... Я хотел рассказать о своих ошибках. Вот, например, одно из последних дел: подросток, который не знал, что умрет. От него скрыли, что болезнь неизлечима, но, увидев меня, мальчик догадался. Не знаю, следовало тогда наврать ему, как другие, или сказать правду? В конце концов пришлось сделать последнее. В любом случае я все провалил.

— Ты считаешь, что нерешительность — страшный грех?

— Наверное, да. Как можно найти правильный путь, если не знаешь, чем он отличается от тупикового?

Девушка состроила гримаску:

— Верно! Тебе просто не хватает опыта. А пока постарайся не набить слишком много шишек.

— Никогда не задумывался о том, насколько важна смерть для всего живого, — хмуро произнес Зейн. — Только теперь, когда я сам приношу ее людям, понял, что это великая сила и благо.

— Как так? — тихо спросила Луна, глядя ему прямо в глаза, словно гипнотизируя.

— Каждый из нас в конце концов прощается с земным существованием; иначе в мире не осталось бы ни миллиметра незанятого пространства. Но смерть необходима и самим людям. Ведь в действительности вечная жизнь ужасна, похожа на надоевшую до тошноты игру, ставшую непереносимо скучной из-за мириад, повторяющихся изо дня в день мелочей. Кому нужна такая каторга! Только клиническим идиотам. Но я-то в основном не имею дела с теми, кто уходит, прожив свой полный срок. Я говорю сейчас о людях, не готовых покинуть мир. Их нить Судьба оборвала раньше времени, и не они повинны в этом.

— Не они? — Луна умело направляла разговор в нужное русло, как психиатр или следователь на допросе, однако Зейн не возражал.

— Возьмем, к примеру, последние случаи. Семилетний мальчик завтракал в школьном буфете. Внезапно вышел из строя какой-то клапан, взорвалось водонагревающее устройство... В результате рухнул потолок. Погибло пять детей и учитель. Мой клиент рос в так называемой неблагополучной семье, отчего его душа балансировала между добром и злом. Чтобы все окончательно определилось, ему необходимо было прожить отмеренный срок жизни. Но из-за нелепой случайности бедняга стал моим подопечным. А пятеро других без моей помощи совершили переход. Возможно, все они отправились прямиком в Рай. По крайней мере, надеюсь... Хотя тоже могли бы пожаловаться! Ведь на Небеса им предстояло попасть лет эдак через шестьдесят. Они могли как-то улучшить мир, оставить свой след на Земле. Какой смысл в подобном стечении обстоятельств? Зачем понадобилось лишать стольких людей права на существование?

— Спроси Судьбу, она может знать, — вполголоса произнесла Луна.

— Еще одно происшествие: из Вашингтона на юг летел супермощный ковер, семьдесят девять человек «на борту». На переднем крае образовалась ледяная корка, постепенно аннулировавшая заклинание антигравитации. Результат: ковер задел краем мост и рухнул в Потомак. Уцелела лишь десятая часть пассажиров. Среди погибших оказался мой клиент, так что я

видел катастрофу и не понимаю, зачем такое понадобилось. Достаточно простого антиобледенительного заклинания...

— Я думала, зимой они применяются всегда.

— Да. Однако оно оказалось недостаточно мощным, лед образовывался быстрее, чем ожидалось, а прорвать никто не потрудился. Столько погибших из-за элементарной небрежности... Почему, зачем? Если во всем этом имеется хоть какой-то смысл, возможно, я смирился бы, принял бы существующее положение вещей. Но, по-моему, такие инциденты — причуда Судьбы! Страшная смерть, траур, осиротевшие дети... Честно говоря, не уверен, что хочу оставаться частью системы, допускающей подобное!

— Я переубедила бы тебя, да не сумею объяснить все как следует, — отозвалась Луна. — Мой отец верил, что смерть никогда не грядет напрасно, даже если кажется, что она пришла слишком рано. Он говорил, что всему найдется разумное объяснение; надо только поработать головой.

— Даже гибели детей или ни в чем не повинных пассажиров? — мрачно произнес Зейн. — Неужели и здесь ты видишь руку Божью?

— Не знаю. Отец мечтал об идеальном устройстве мироздания, где Рай, Чистилище и Ад являются необходимыми, дополняющими друг друга частями творения Господа. Думаю, он сейчас сказал бы, что любая, самая бессмысленная на первый взгляд смерть способствует достижению некоей цели. Ни один из пассажиров злосчастного ковра не оказался на нем случайно.

— Ты веришь в это?

Девушка вздохнула:

— Моя душа отягощена злом, а вера слаба. Я не знаю и трети того, во что посвящен папа.

— Мы с тобой обычные смертные. Нас не снабжают ответами на трудные вопросы.

— Верно. И все же я думаю, что можно найти какой-то выход из ситуации, если постараться. Как именно ты стал Смертью?

— Убил своего предшественника, — признался Зейн. — Я собирался покончить с собой, потому что по глупости потерял девушку — красивую, богатую,

порядочную, вроде тебя. Но, увидев рядом скелет, от страха выстрелил в него. Потом явилась Судьба и сказала, что я должен стать новым Танатосом. Вот и все, пожалуй.

— Вроде меня! — повторила Луна с горьким смешком. Она закончила прихорашиваться и сейчас выглядела почти так же сногшибательно, как во время первой встречи.

— Да. Не просто хорошенъкая, а чистая и...

Луна едва удержалась, чтобы не расхохотаться.

— Как ты плохо знаешь женщин!

Зейн пожал плечами:

— Я знаком с массой обычных девушек. Тем не менее...

— Смерть явилась за тобой, — оборвала она его. — Значит, в тебе скопилось столько же зла, сколько добра.

— Да. Я никогда и не утверждал...

— Если ты проверишь меня, увидишь то же самое. За внешность я должна благодарить природу и косметическую магию. Но душа, к сожалению, не так чиста, как ты полагаешь. Не идеализируй меня, Зейн. Я ничуть не лучше, а может, и хуже тебя!

— Ну, я уверен...

— Нет, не уверен. Слушай, давай убедимся! Заодно станет ясно, почему так решил отец.

Луна резко поднялась. Она излучала решительность и деловитость. Казалось, со сменой настроения другой стала даже одежда. Небрежно наброшенный на тело халат теперь выглядел словно строгое платье. Да, она использует магию, но способна околдовать и без помощи заклинаний.

— Идем в подвал.

Зейн последовал за девушкой, ожидая увидеть нечто вроде каменного склепа, однако увидел ярко освещенную комнату, обшитую деревянными панелями, больше похожую на зал в музее. В шкафах, на бесчисленных полках лежали всевозможные камни.

— Они все... волшебные? — изумленно спросил Зейн.

— Разумеется. Этим и занимался папа — изготовлением талисманов. Перед тобой одна из самых высо-

ких и трудоемких форм магии. Вполне возможно, камни, которые ты используешь для подсчета добра и зла в душе, обработаны моим отцом. В наше время существует, я думаю, всего четыре человека в мире, способные творить такую немыслимо сложную магию. Он один... точнее, был одним из них и понимал тебя намного лучше, чем ты сам. Вот почему необходимо узнать, в чем причина его решения. Честно говоря, я не очень стремлюсь развивать наши отношения, да и ты предпочел бы кого-нибудь другого, но отец решил, что мы предназначены друг для друга, и, прежде чем расстаться, нам следует решить эту загадку. Если обнаружатся веские причины для того, чтобы исполнить его волю, придется волей-неволей подчиниться обстоятельствам. В крайнем случае поможет камень любви.

— Ну, мне-то он не потребуется. Достаточно на тебя взглянуть, и...

Луна чуть поморщилась и продолжала деловым тоном:

— Сначала отделим реальность от иллюзий. Мой отец говорил, что человека лучше всего характеризует зло, таящееся в нем. Его главный грех в том, что он сотрудничал с Сатаной, чтобы усилить магическую силу. Без помощи Ада папа добился бы звания мага международного класса, но никогда не стал бы Великим мастером. Среди коллег его всегда выделяло стремление достичь вершин мастерства. Из-за этого ему грозят вечные муки, однако я еще больше уважаю его за целеустремленность и смелость.

— Я тоже, — согласился пораженный Зейн. Он слышал, что маг международного класса может практически стереть с лица земли целый город с помощью одного заклинания. Страшно даже представить себе, на что способен Великий мастер! Вряд ли кто-нибудь из непосвященных знал это, ведь волшебники любят секретность и не открывают профессиональные тайны посторонним.

— Сейчас мы расскажем друг другу о своих грехах и посмотрим, что скажут камни. — Луна взяла с полки несколько талисманов.

— Не понимаю, чего ты добива...

— Держи его в правой руке; он испускает сияние, лишь когда ты лжешь. — Девушка передала ему мутный

алмаз. — А камень греха — в левой. Такой же ты используешь для оценки душ.

Зейн подчинился. Луна сделала то же самое.

— Сейчас я покажу, как ими пользоваться.

— Угу, — буркнул Зейн.

— Меня зовут Венера, — объявила девушка. Камень истины сразу вспыхнул. — Ой нет, Луна. — Никакой реакции. — Я просто продемонстрировала принцип действия. А теперь попробуй ты.

— Меня зовут Мафусайл, — произнес он, и камень негодующе полыхнул огнем. — Зейн. — Сияние угасло.

Луна мотнула головой:

— Господи, как мне все это не нравится! Зачем только я такое придумала!

— Действительно, давай прекратим сеанс самобичевания! Я вовсе не хочу знать твои секреты! — Но камень истины выдал его с головой.

— Я совокуплялась с демоном, — объявила вдруг Луна.

У Зейна отвисла челюсть.

Девушка с вызовом смотрела ему прямо в глаза:

— Да, я не оговорилась. Обрати внимание, первый талисман не реагирует. Зато камень греха так и сияет. — Она вытянула левую руку. — У кого он будет светиться ярче, тот накопил больше зла!

Зейн оторопел. Как же он позволил заманить себя в ловушку? Однако непритворное смущение, отразившееся на лице девушки после такого признания, сделало ее еще привлекательнее. Она сейчас выглядела по-детски беззащитной. Пусть считает, что он еще хуже ее!

— Я растратил деньги босса.

Но его талисман засветился не так ярко, как у нее.

— Я хуже тебя, — сказала Луна насмешливо, подразнивая его, как ребенок.

— Просто мне не представился случай переспать с суккубом. — На самом деле признание потрясло его. Луна казалась такой невинной и чистой!

— А у меня никогда не было босса, чьи средства я могла бы промотать. Зейн, ты прекрасно понимаешь, что дело тут не только в том, имелся у человека шанс.

или нет. — Луна глубоко вдохнула, словно собралась нырнуть, и выпалила: — Я занималась черной магией.

— Я думал, что ею злоупотреблял твой отец, а не ты.

Однако талисман, который она сжимала в правой руке, не реагировал, а второй засиял ярче. Луна действительно повинна в подобном грехе, хотя, честно говоря, Зейн не считал его по-настоящему серьезным. Колдовство есть колдовство! Какая разница, черного оно цвета или белого?

Девушка выжидающе смотрела на него. Ну конечно, теперь его очередь!

— В погоне за легкими деньгами я пустил по ветру почти все, что имел, включая близкого человека.

— Любовь к азартным играм — не настоящий грех! — сказала Луна.

Но камень греха стал светиться сильнее. Конечно, она ведь не знает всех обстоятельств!

— Чтобы ты поняла, я расскажу подробнее, — мрачно произнес Зейн. — Одна девушка... Она любила меня — по крайней мере говорила, что не может без меня жить. Увы, она не отличалась твоей красотой и, главное, была бедна, а я хотел найти богатую невесту. Потом я узнал, что бедняжка покончила с собой. Вот что я имел в виду.

— Да, серьезный грех, — согласилась Луна. — Тебе было известно, что она собирается сделать?

— Никогда не думал о таком... пока не узнал о самоубийстве. Вот тогда-то я понял, что должен был предвидеть подобный исход. Мне следовало жениться...

— Хотя ты не испытывал к ней особых чувств?

— Лучше брак без любви, чем смерть. Фактически я убил ее! — Однако камень истины опроверг его слова: Зейн понимал, что на самом деле нельзя обвинить его в таком страшном грехе.

— Под влиянием эмоций мы виним себя больше, чем следует, — произнесла Луна. — Ты полагаешь, что, если бы связал себя с нелюбимой женщиной, она сейчас жила бы. Но на жалости нельзя построить прочный союз. Возможно, рассуждения о богатой невесте — просто предлог, чтобы разорвать отношения, обреченные на неудачу?

— Нет, вряд ли. — Камень истины снова сверкнул. — Потом я много размышлял о случившемся и понял, что не обращал внимания на ее чувства. Я твердо решил никогда больше не проявлять такого невнимания к близкому человеку. Следовало догадаться, что она беременна. Если бы только она сказала мне...

На губах Луны мелькнула улыбка.

— Далеко не все девушки так поступают. Конечно, ты пожертвовал бы собой во имя долга, но она такого не хотела. Я тоже не стала бы ловить парня подобным способом.

— Ну, тебе не надо прилагать усилия, чтобы заполучить любого! В отличие от нее...

И все же Зейн не мог не признать правоту Луны: та девушка хотела его любви, а не суррогата в виде брачного свидетельства.

Настала очередь Луны.

— Я обманывала своего отца. Он думал, что мне не знакомы сложные формы магии.

— И все? Ты скрывала, что занимаешься черной магией, от своего отца, который сам практиковал ее. Не такая уж ты грешница на самом деле!

— Если не считать того, что я отдалась демону за услугу, — резко произнесла она.

Верно. Трудно поверить в ее слова, но камень истины подтверждал, что Луна не лжет.

— Зачем ты сделала это?

— Чтобы обучиться запретному искусству. Естественно, отец отказался посвятить меня. Он хотел, чтобы моя душа осталась чистой. А я... я обманывала человека, которого почитала больше всех на свете!.. Ну, чем ты можешь перекрыть такое?

Он собрался с духом:

— Я убил свою мать.

Теперь она ошеломленно глядела на собеседника.

— Не может быть!

Зейн продемонстрировал свой камень.

— Я сказал правду. Потом я просадил в казино все наследство и попытался поправить дела за счет работодателя. — Теперь его камень греха сверкал ярче, чем ее!

— Да, все верно, — медленно произнесла Луна. — Но в целом у меня больше зла, потому что...

— Потому что часть его принадлежит отцу, — быстро перебил ее Зейн. — Он думал, что твоя душа чиста и дополнительный груз не повредит. А в результате...

— А в результате я отправлюсь прямиком в Ад. Конечно, он понятия не имел о моих тайных грехах. Воображал, что я невинная голубка, так что лишние двадцать пять процентов не способны повредить мне в будущем.

— Стало быть, в тебе сейчас три четверти зла...

— Да, примерно так.

— Удивительно, что он не удосужился проверить сам.

Девушка вымученно улыбнулась:

— Мужчин так легко обмануть!

Зейн сейчас по-новому увидел ее.

— Ты слишком хороша для меня.

— Твой камень истины мерцает, — удивленно произнесла Луна.

— Значит, то, что я сказал, — полуправда. Ты на самом деле кажешься мне гораздо чище меня самого, но вот связь с демоном... — Он умолк, глядя на камень. Тот оставался темным. — Неужели не нашлось иного способа узнать тайны черной магии? Из книг, например, или еще как-нибудь?

— Ну да! — насмешливо воскликнула Луна. — К твоему сведению, такие книги запрещены!

— Могла купить их на черном рынке.

— Отец узнал бы. Против черной магии могут действовать только такие же чары, даже если ты хочешь просто скрыть что-то от ее знатока.

В самом деле, от Великого мастера нелегко утаить любую мелочь. Значит, ей действительно не оставалось ничего другого, как вызвать дитя Ада. И все же...

— А почему ты захотела пойти против воли отца и изучить эту чертову магию? Ты ведь во всем остальном повиновалась ему, верно?

Девушка поморщилась. Зейн затронул очень болезненную тему. Предательство своего кумира Луна явно считала не меньшим злом, чем обращение к адским силам.

— Меня всегда привлекала магия. Я видела могущество, которого добился отец, и хотела... — Она обрвала фразу на полуслове: камень истины ярко засиял! — Вот черт! Надо было незаметно отложить талисман... — Девушка глубоко вздохнула: — Ладно, чего уж скрывать! Я боялась за папу. Некоторые из вызванных им сатанинских отродий... Нет, я не имею в виду их облик,-ну, в общем, это не детские страхи. Твари просто источали зло, они обладали таким могуществом, такой невероятной злобой... Нельзя словами передать, какой они внушают ужас!

Я понимала, что они считали отца замечательной находкой, редкой добычей. Да, я видела, что он владеет ситуацией, что он умнее и хитрее, и все же он играл с огнем! Что, если они победят и папа навеки попадет в их лапы? В любом случае он обрекал себя на адское пламя. Как помочь ему? Я знала только один способ: лучше узнать ремесло мага. Так я начала изучать все, что не запрещено, и все равно после знакомства с некоторыми текстами по ночам меня мучили кошмары... В конце концов пришлось пойти на... ты сам понимаешь, на что, а единственная плата, которую принимают демоны... Вот и все. — На этот раз она говорила правду.

Зейн опустил голову:

— Кажется, я мог бы по-настоящему влюбиться... Знаю, что ничего особенного из себя не представляю, но все-таки... Ладно! Можно мне увидеть тебя еще раз? Назначить тебе свидание?

Девушка удивилась:

— Свидание?

— Ну, прогуляемся вдвоем или пообедаем где-нибудь... Чтобы представилась возможность еще побеседовать.

— Ты можешь получить все, что хочешь, прямо сейчас, — сказала Луна резко. — Зачем тратить время на идиотское ухаживание?

— Мне так не кажется.

— Тогда проверь! Я тебя не разочарую. После демона все, что ты захочешь, покажется ерундой!

Ну и представления у нее о потребностях мужчин! Наверняка ее опыт в данной области был более чем

ограниченным, так что представители его пола казались Луне просто демонами-недоростками.

— Хочу завоевать твое уважение.

Девушка наклонила голову, посмотрела на него исподлобья. В ее взгляде читалось изумление и что-то еще...

— Что-что?

— Уважение. Я, например, преклоняюсь перед тобой. Твой отец прав — ты хорошая девушка. И плевать мне на все эти дурацкие показатели добра и зла! Наверное, дожившая до наших дней система ценностей, на которой они основаны, плохо согласуется с нынешними реалиями. По-моему, ты не сделала ничего по-настоящему дурного, кроме... Но ведь даже твоя связь с демоном... ты пошла на это, только чтобы помочь отцу, и действительно помогла ему. Без тебя он попал бы прямо в Ад, а не в Чистилище. Так что лучше назвать твой поступок жертвоприношением.

— Жертвоприношением девственницы, — кивнула она, внимательно разглядывая собеседника. Впервые Луна выказала что-то, похожее на уважение. — Единственное, чем их можно привлечь. Господи, как это было ужасно!

— С тех пор ты не боишься мужчин. Ну, я-то уж точно не опасен. С человеком, который пошел на такое, чтобы спасти отца, я хотел бы сойтись по-настоящему, а не просто переспать...

— Но ведь ты убил свою мать, — заметила Луна. — А теперь заботишься о чужих родителях?

— Я заботился о ней, — сдавленным голосом произнес Зейн. — Она знала, что болезнь неизлечима, страшно мучилась и попросила меня помочь умереть... Это был мой долг, пусть я совершил убийство и проклят навек. Я не мог отказаться! Спокойно смотреть, как она страдает...

Луна прищурилась:

— Подожди! Как все произошло?

— Лучше тебе не знать о таком.

— Рассказывай!

Зейн закрыл глаза. Как не хочется бередить незажившую рану...

— Мама лежала в больнице. У нее выпали волосы, а кожа стала шершавой, как у ящерицы. Ее нашпиговали всяческими трубочками, подсоединили капельницы, вывернули наизнанку, словно она не человек уже, а какой-то биоробот. Приборы фиксировали каждый вздох, любой мог разглядывать ее, как экспонат. Отказали почти все органы — сердце, почки, желудок, — и их заменили на искусственные. Она давно бы умерла, но машины заставляли существовать. Временами мать теряла память; такие периоды повторялись все чаще и чаще. По-моему, у нее были постоянные галлюцинации. Но изредка сознание возвращалось, и тогда она ясно представляла весь ужас своего положения.

Однажды, когда сиделки почему-то вышли, она открыла мне правду. Мать страдала, чувствовала себя словно живой труп и не хотела, чтобы больничные счета полностью разорили нас. Я не сказал ей, что денег уже не осталось, а долги растут как снежный ком; даже страховка в случае смерти едва ли покроет их. Она просила меня заставить врачей отпустить ее, желала обрести наконец покой. Мама возненавидела саму жизнь! Она была в таком отчаянии и так настойчиво умоляла меня, что пришлось обещать... Потом начались галлюцинации... По-моему, она снова переживала то, что случилось с ней в детстве — жаловалась, что ее ужалила пчела, собирала цветы...

Я вышел и стал думать. Врачи никогда не позволяют ей умереть, они обязаны продлить страдания пациента как можно дольше. Поэтому я на последние деньги купил самое дешевое проклятие и наложил на аппарат искусственного дыхания. Спустя два часа из больницы позвонили: мать умерла из-за сбоя аппаратуры.

Поскольку я мог потребовать компенсацию, мне предложили уладить дело без суда. Я согласился, потому что счет за лечение стал намного меньше. Все сошло мне с рук, но мысли о том, что я убил собственную мать и моя душа навеки проклята, не оставляли меня ни на миг!

Потом я хотел выиграть в казино сумму, необходимую для того, чтобы расплатиться с долгами, однако окончательно разорился. В конце концов попытался

обокрасть своего шефа, чтобы снова рискнуть и, если повезет, рассчитаться со всеми. Меня разоблачили; я потерял работу, остался один на один со своей совестью, отягощенной новым грехом и кучей долгов. Пришлось уехать из города. Я осел в Кильваро, взял себе новое имя и жил кое-как, постоянно ломая голову, где раздобыть деньги или найти богатую невесту. Потеряв надежду, решил убить себя. Дальше ты все знаешь...

Зейн помолчал.

— По-моему, я сказал больше, чем следовало.

Луна внимательно разглядывала его.

— Камень истины ни разу не засветился.

— Естественно. Ты услышала чистую правду. Так она выглядит особенно отвратительно, правда? По ночам меня мучили кошмары. Иногда они казались правдоподобнее реальности. Я хотел смыть кровь с рук или ослепить себя, чтобы больше не видеть лица умирающей матери.

— Но ведь в тот момент ты был дома!

— Во сне я стоял рядом и видел все. — Зейн инстинктивно потер руку.

— Твоя мать... Ты совершил милосердный поступок, Зейн.

— Любое убийство — грех. Я сознавал и сознаю это. Все остальное — демагогия, попытки оправдаться.

— Всего минуту назад, когда мы говорили о моих проступках, ты не судил меня так строго.

— Как я могу судить почти незнакомого человека?

Луна осторожно положила на место камни, потом взяла талисманы у него.

— Ты заслуживаешь того, чтобы познакомиться со мной поближе, Зейн. Идем!

Они оказались в настоящей студии художника. Зейн увидел картины, выполненные рукой профессионала. Еще несколько незаконченных полотен стояли на пюпитрах. Портреты, пейзажи, натюрморты... Манера исполнения показалась ему совершенно необычной. Каждого человека окружало бледное облако, так что его фигура была словно чуть размыта.

— Ну как? — спросила Луна.

От волнения Зейн не сразу ответил.

— Это твои?

— Отец хотел, чтобы я стала художницей.
— Теперь я понимаю, почему он решил познакомить нас!

Луна наклонила голову:
— Почему?

— Он наверняка знал о моем увлечении! И даже организовал собственную смерть, когда соотношение добра и зла в душе оказалось равным, чтобы пришел забрать ее именно я, а не предыдущий Танатос. Ведь он мог прожить еще многие годы, верно?

— Да. Папа заявил, что очень важно выбрать правильный момент. Правда, не сказал почему.

— Да потому, что должен был обязательно явиться я! Понимаешь, у меня есть задатки творческой личности; я фотографировал ауры. Точнее, старался или, если хочешь, пытался, потому что не имел нужного оборудования. Вот почему мне понадобились деньги. Но это совсем другая, и не менее грустная история.

Луна оживилась. Ее глаза сияли.

— Ты понял, в чем смысл картин?

— Ну конечно! Я посвятил изучению ауры всю жизнь! Большинство не способно видеть ее, но я, с помощью своего оборудования, мог. А ты обходишься без всяких технических приспособлений. Твои картины прекрасны! Никогда еще не удавалось достичь такого эффекта на пленке. Вообще-то, по-настоящему заманчивые проекты мне предлагали издатели порнографии. Видишь ли, на фотографиях становилась невидимой одежда. Однако я преследовал совсем другую цель!

— Да, верно, — задумчиво произнесла Луна. — Но твое открытие мало что нам дает. Если отец хотел нас познакомить, он мог бы пригласить тебя в гости или просто вызвать с помощью магии, а разочаровавшись в своем выборе, наслать чары амнезии. Зачем умирать раньше своего срока?

— Да, существует еще какая-то причина.

— Наверное, — угрюмо согласилась девушка. — Он очень умный и проницательный человек, так что в нашем деле нет простых ответов.

— Ты ведь знакома с черной магией. Воспользуйся ею!

Луна задумалась.

— Я научилась пользоваться многими камнями, сотворенными отцом. Некоторые из них помогают хозяину выяснить мотивы поступков других людей. Однако сила запретной науки идет от Сатаны, и повелитель зла сразу чувствует, когда ее применяют. Мне бы не хотелось, чтобы он направил в мою сторону свое черное око.

— Разве у тебя нет талисманов, использующих белую магию?

— Белая магия идет от Бога. Привлекать Его внимание нам тоже ни к чему. По крайней мере пока мы пытаемся выяснить что-то связанное с отцом, чья судьба в загробном мире остается неясной.

— Кстати, в чем разница между видами волшебства? По-моему, магия есть магия.

— Все дело в способе. Представь себе магнит с белым и черным полюсами. Ориентируешься по первому — получаешь связь с Богом; ну а если тебя притягивает черный — с Сатаной.

— Тогда почему люди не пользуются только белой магией?

— Лишь праведные души способны на это; порочные тяготеют к ее противоположности. Я, конечно, прощаю, теоретическая магия столь же сложна, как и магия электроники. Предположим, ты поднимаешься на гору. Белый полюс расположен на самом верху, и требуется приложить немало усилий, чтобы достичь его. Черный — внизу, добраться до него намного проще. Иногда достаточно остановиться, присесть, поскользнуться, и сам покатишься к нему. Если человеку все равно, куда направиться, его соблазняет возможность пойти по пути наименьшего сопротивления. Обычно люди с трудом понимают, что творят, и стараются не думать о последствиях своих поступков, так что их притягивает черное... Ведь у подножия намного больше свободного места, чем на вершине! Даже тот, кто все сознает, может оказаться в безвыходном положении; ты сам вынужден был прибегнуть к запретным методам, чтобы помочь матери. Когда я обратилась к помощи адских сил, белая магия потеряла свою эффективность, а черная усилилась стократ. Помнишь,

я говорила о полюсах? Чем ты ближе, тем сильнее он тебя притягивает. Порочному гораздо труднее исправиться, чем добродетельному оставаться таковыми. Теперь я многое умею, хотя могу пользоваться только запретной наукой.

— Но раз она притягивает тебя к Сатане...

— Вот именно. Зло большое усиливает зло маленькое и ускоряет падение. Если я хочу спасти душу, нельзя и близко подходить к черной магии. Я и так уже слишком глубоко увязла!

— Значит, нам остается гадать, чего добивался твой отец.

— Чтобы мы познакомились. Неясно только почему. Зейн кивнул:

— Это загадка. Давай встретимся снова. Возможно, что-то прояснится.

Девушка улыбнулась:

— Да. Кажется, теперь мы стали ближе. Заглянули в самые черные закоулки наших душ и не почувствовали взаимного отвращения!

Верно! Никогда раньше Зейн не признавался в убийстве матери. Наверняка и Луна никому не позволяла выведать свою тайну. Оба они обратились к помощи зла, дабы помочь родителям. Обнаружилось и общее увлечение. Но пожертвовать собственной жизнью, чтобы свести в чем-то схожих людей, как сделал маг? Смысль его поступка оставался неясным.

Зейн повернулся к двери:

— Пора возвращаться к работе.

Девушка озарила его светом своих бездонных, как луна, серых глаз. Однако теперь его больше привлекала не внешность, а душевые качества, благодаря которым она решилась пожертвовать собой ради отца.

— Да, конечно. Жизнь суть искусство, а твое искусство теперь заключается в мастерском владении ролью Танатоса. Когда мы снова увидимся?

— Я уже с трудом ориентируюсь в земном календаре! Неизвестно, как пойдут дела. Да и нужно ли вообще назначать точную дату?

— Ты прав! Приходи, когда сможешь. Я буду здесь. — Девушка подошла к Зейну и поцеловала его.

Зейн пришел в себя лишь в Морт-мобиле, по дороге в Чистилище. Во время встречи он пытался контролировать себя, не зная, увидится ли еще с Луной. Ее, в конце концов, едва ли можно отнести к женщинам типа Анжелики. Правда, его несостоявшаяся жена сейчас казалась призраком из прошлого, а Луна вставала перед глазами так четко, словно он знал ее всю жизнь. Да, ее нельзя назвать праведницей, зато какой у нее сильный характер, какая яркая личность!

Разве может порочный, запятнавший свою честь человек вроде него добиться любви ангела? Разве что падшего! Да и увлечения у них совпадали: именно таким видением он всегда хотел обладать. Однако Зейн не добился особых успехов, в отличие от девушки.

То, что она поцеловала игрока, вора и убийцу матери, поразило его больше всего. Да, раньше девушка предложила ему намного большее, но он не стал бы пользоваться камнем любви. Зейн хотел, чтобы его любили таким, какой он есть. Теперь появилась надежда на то, что эта мечта сбудется.

И все же связь с демоном... Зейн слышал множество жутких историй об их невероятных аппетитах и не менее фантастических вещах, которые они проделывают со смертными. Особенно хорошенъкими — правда, после того, как адское отродье покидает свои жертвы, насытившись, такими бедняжек уже не назовешь... Попасть во власть демона — значит подвергнуться не только физическому насилию. Впрочем, Луна не потеряла привлекательности.

Зейн включил таймер. Осталось шесть минут, чтобы добраться до очередного клиента.

Г л а в а 6

Царство смерти

Морт-мобиль ехал на юг, все дальше и дальше проникая в джунгли. По изрытой дороге было непросто передвигаться, поэтому он превратился в жеребца и пустился рысью сквозь заросли.

— Стой! — крикнул кто-то по-испански.

Зейн огляделся и увидел солдата в защитном комбинезоне, наставившего на него ружье.

Он повиновался, на всякий случай поплотнее закутавшись в плащ и надвинув капюшон пониже.

— Где мы?

— Здесь вопросы задаю я! — резко произнес солдат. — Кто ты и что тут делаешь?

Сказать правду? Но она лишь усложнит положение. И все же он не хотел лгать.

— Я Смерть, прибыл сюда по вызову.

— Понял! Так точно, сэр! — Солдат стал по стойке «смирно».

Конечно, парень не понял, что именно произнес Зейн. Он, вероятно, услышал пароль, а вместо Танатоса увидел офицера с энным количеством звездочек. Ладно, если надо, Зейн сыграет свою роль: ему совсем не с руки потеряться сейчас в районе боевых действий.

— Назови имя и доложи о поставленной задаче, — отрывисто произнес он.

— Фернандо, сэр, рядовой Патриотической армии Никвалдемии, несу патрульную службу с целью обнаружения Седьмой коммунистической группировки.

Зейн теперь вспомнил: Никвалдемия — банановая республика, куда вот уже несколько лет проникали партизанские отряды и где коммунисты пытались свергнуть не пользующийся популярностью диктаторский режим. Естественно, здесь умирают тысячи. Отдельные случаи потребуют личного внимания Смерти.

Оставалось всего тридцать секунд.

— Продолжай в том же духе, Фернандо, — велел Зейн и направил Морта к месту смерти клиента.

Через минуту он оказался на красивой поляне посреди джунглей. Тут же загремели выстрелы. От плаща отскочила пуля. Рядом раздался сдавленный вопль, никвалдемийский солдат зашатался и рухнул на землю. Бедолаге снесло полголовы, но это не клиент, сам совершил переход в загробный мир.

Тут на поляну ворвались другие солдаты правительственные войск, горя желанием уничтожить снайпера. Земля внезапно разверзлась, и трое с воплями упали в яму. Поверхность выглядела нетронутой — ловушку прикрывало оптическое заклинание. Иллюзия не могла сравниться с мощной созидающей магией, но способна нести смерть не хуже ее. Благодаря своей зачарованной одежде всадник на коне бледном не боялся угодить под выстрел.

Его клиент, похоже, находился в яме. Зейн спешился и осторожно шагнул вперед, следуя указанию стрелки. Таймер отсчитывал последние секунды.

Зейн подобрался к самому краю, присел на корточки, потом сел на землю, свесив ноги в невидимую дыру, подался вперед. Теперь он мог видеть, что происходит в яме. Малоприятная картина. На дне — дюжина заостренных деревянных кольев. Солдаты напоролись на них. Двое уже отмучились, третий — его клиент — умирал.

Зейн осторожно полез по крутой стенке. Спуск занял всего несколько секунд, но даже это было долго! Несчастный страшно мучился. Во время падения солдат перевернулся, и кол вошел ему в спину, так что острый конец торчал из живота. Голова и ноги достигали земли. Дерево так плотно вошло в плоть, что крови почти не было.

Зейна едва не вывернуло наизнанку, но он заставил себя сдержаться и нетвердой походкой направился к солдату. Торопливо извлек душу, избавив от страданий, и прислонился к стенке ямы, глубоко и часто дыша — его била дрожь.

— Тебе, я вижу, это внове? — спросил кто-то рядом.

Зейн обернулся, все еще испытывая головокружение и тошноту. Между кольями возвышался великан — само воплощение мужественности. На нем были блестящие доспехи, короткая кольчуга и украшенный орнаментом золотистый шлем. Ожившая статуя греческого бога войны... Ну конечно!

— Марс! — воскликнул Зейн.

— Смерть! — язвительно сказал тот в ответ.

— Я не знал...

— Что я существую? — Марс величественно махнул рукой. — Кому же еще, по-твоему, руководить этой потасовкой?

— Да, верно, больше некому. Просто мне в голову не пришло...

— Я хотел познакомиться с тобой, — объявил великан. — В конце концов, нам не раз еще придется работать бок о бок.

— Да, — невольно поморщившись, кивнул Зейн. — Я новичок. С обычными клиентами уже все наладилось, а вот подобные эпизоды...

— Прекрасный эпизод, — сказал Марс. — Небольшой, но напряженный. Лучшее, что может произойти между настоящими сражениями.

— Тебе нравится твоя работа? — спросил Зейн, с трудом скрывая отвращение. — Чего можно достигнуть драками и кровопролитием?

— Я рад, что ты задал этот вопрос, — возбужденно произнес Марс, и внезапно Зейн пожалел о своих словах. Фальшивые в своей выспренности пассажи, скрывающие желание оправдать себя, способен вытерпеть лишь тот, кто их произносит.

— Война — последнее средство против тирании, угнетения и неправильного порядка вещей. У тебя тут есть еще один клиент. Я составлю тебе компанию, пока ты будешь им заниматься.

Теперь от Марса так просто не избавиться.

Великан подошел к углу ямы, где земляная насыпь вела наверх. Зейн снова взглянул на часы. Остается еще пять минут. Он последовал за богом войны.

— Какое же утешение обретают погибшие солдаты? — спросил Зейн, чтобы как-то поддержать разговор. — Как им поможет эта бойня?

— Они обретают славу, — объяснил Марс. — Все когда-нибудь покинут бренный мир; большинство ждет бесславная смерть от старости или какого-нибудь несчастного случая. Только во время битвы масса людей получает возможность испустить последний вздох, обретая истинное бессмертие, навеки оставшись в сердцах потомков!

— Значит, обретают славу и бессмертие? — Перед глазами встал насаженный на кол хрипящий в агонии солдат. — Скорее пулю или штык в живот!

Марс оглушительно захохотал:

— Мило, Смерть! Ты видишь одно лишь страдание, которое длится несколько секунд; я говорю о вечности. Мгновения боли за вечную славу! Эти люди приносят в жертву свою кровь на алтарь справедливости. Такой исход придает смысл их ничтожному существованию.

— Ну а те, кто умирает, сражаясь за неправое дело?

— Таких нет! Есть лишь различные пути к достижению славы и обретению воинской чести.

— Различные пути! — воскликнул Зейн. — Это бесмысленная жестокость!

— Значит, говоришь, жестокость, — заметил Марс, как будто радуясь брошенному вызову. — Думаю, и тебе приходится проявлять ее. Скажи, многие с радостью прощаются с жизнью, вознося хвалу Создателю? Отвечу за тебя: чертовски немногие! Даже твои реформы — зверство по сравнению с тем, что я предлагаю своим клиентам.

— У нас общие клиенты, — возразил Зейн.

Марс пожал могучими плечами — впечатляющее зрелище.

— Такое случается реже, чем ты вообразил. Лучше подумай о смертной казни! Тебе нравится, когда человека забрасывают камнями, и не обязательно за

убийство — мог, к примеру, всего лишь проводить время с женщиной, которая сама хотела этого? Или когда его приколачивают к кресту из-за веры? Четвертуют за то, что он, умирая от голода, украл буханку хлеба, отрывают руки и ноги, привязав к ним цепи, которые тащат в разные стороны шесть лошадей, потому что несчастный отказался выкупить свою жизнь, сжигают на медленном огне по сфабрикованному обвинению в колдовстве? Ну как, нравится?

— Нет, конечно, нет! — ответил Зейн растерянно, ошеломленный таким бурным натиском. Марс оказался прирожденным оратором. — Но теперь все по-другому.

— По-другому! — презрительно фыркнул собеседник. — Я помню эту французскую реформу. Доктор Гильотин изобрел огромный нож, быстро и чисто отрубавший людям голову. Никакого кровавого месива, снесенных ненароком плеч или макушек, а также рук тех, кто удерживал приговоренного. Прогресс и человеческий гений принесли то, что прежде было достоянием элиты, в массы: раньше только дворян приговаривали к смерти от меча. А помнишь ли ты, что потом произошло с изобретением нашего гуманиста? Я тебе скажу: выяснилось, что гильотина сделала возможным массовые убийства по политическим мотивам! По тысяче в день, вжик-вжик! Французская революция прославилась этим триумфом человечности!

Зейн промолчал: Марс явно провоцировал спор.

Они приблизились к дымящимся останкам хижины. Мимо шел солдат. Внезапно из развалин выбежала маленькая девочка лет десяти. Солдат повернул ружье, но остановился, увидев, что перед ним вовсе не партизан. Девочка бросилась вперед, сжимая в руке что-то металлическое. Добежав до солдата, дернула за какое-то кольцо...

— Эй... это же граната! — воскликнул он в ужасе.

Девочка обхватила его, не отпуская свою страшную ношу. Солдат попытался вырваться, но она прицепилась, как пиявка. Горевшая в глазах фанатичная ненависть вложила недетскую силу в тщедушное тельце. Наконец прогремел взрыв.

Куски окровавленной плоти разбросало повсюду. Разрушенная стена стала красной.

— Какая величественная и прекрасная картина! — с чувством воскликнул Марс. — Ребенок принес славу и почет своей семье.

— Слава, почет? — вскричал Зейн. — А по-моему, ужас и смерть!

— Да, и это тоже, — спокойно кивнул Марс. — В подобных случаях они часто сопутствуют друг другу. Такие моменты и делают даже мелкую стычку незабываемой.

Появился еще один солдат — услышал взрыв и теперь увидел, что произошло. Он поднял ручной огнемет и пустил струю пламени в сторону разрушенной хижины.

Оттуда сразу выскочил совсем маленький мальчик и помчался к врагу. Но тот повел стволом, и ребенок превратился в живой факел. Солдат продолжил методично поливать огнем хижину.

Черная дымящаяся масса на земле шевельнулась, раздался слабый стон.

— Если не ошибаюсь, твой клиент, — напомнил Марс Зейну.

Как он мог забыть! Часы показывали, что время истекло, а стрелка в камне указывала на мальчика. Зейн торопливо извлек душу, и душераздирающие стены утихли.

— Какую славу обрел этот ребенок?

— Ну, он-то ее не заслужил, — признался Марс. — Парень не смог выполнить то, что задумал. А неудачники не удостаиваются почестей.

— Ничего подобного! Если бы не война, люди продолжали бы мирно трудиться, не произошло бы такого ужаса!

— Наоборот, — терпеливо произнес Марс. — Без войны простые крестьяне не смогли бы покончить с угнетением. Их бы до сих пор мучили, отбирали последнее, заставляли голодать. Да, они умерли бы чуть позднее, однако позорно — как овцы на бойне. Сейчас люди на твоих глазах учатся погибать подобно бесстрашным волкам, защищающим свою стаю! Насилие — просто видимая верхушка айсберга под

названием «развитие общества». Оно подобно землетрясению, что является лишь внешним проявлением движения земной коры, а не дьявольским заговором с целью погубить побольше людей. Мой дорогой коллега, осуждать нужно не признаки, или, точнее, симптомы, а первопричину — социальную несправедливость, которая тормозит прогресс и душит свободу. Против такой болезни существует единственное лекарство. Марс приходит, чтобы исправить чужие ошибки!

Я — скальпель в руках хирурга, вырезающего раковую опухоль. Да, пациент может несколько секунд страдать от боли, иногда даже появляется кровь, однако я действую во имя его блага и справедливости — как и ты!

По-солдатски прямые и грубые, но логически безупречные доводы. Трудно спорить с Марсом. И все же, глядя на дымящийся труп маленького воина, Зейн похолодел от страха. У него мелькнула мысль, что коллега служит скорее не Богу, а его вечному врагу.

— Думаю, ты вскоре начнешь свою войну, — сказал на прощание Марс. — Советую хорошенько подготовиться, научиться в совершенстве владеть оружием, чтобы противник не застал врасплох.

— Смерть обходится без пушек и автоматов. У нее есть только коса, — пробурчал Зейн.

— Превосходное приспособление! — примирительно кивнул Марс.

— Морт!

Великолепный жеребец мгновенно явился на зов. Зейн взобрался на него и молча двинулся прочь. Продолжать разговор ему не хотелось.

Он прибыл немного рано. Теперь так часто происходило. Клиент был одним из обитателей убогой богадельни в трущобах Майами, которая стояла между покосившимся танцевальным клубом и старой евангелистской церковью. Внутри царил сумрак, воняло мочой. Старики застыли без движения. Или они спят? Никто не коротал время, листая журнал или погрузившись в какую-нибудь игру. Не слышно было даже разговоров. Стояла атмосфера полной безнадежности и тоски. Люди здесь гнили заживо.

Зейн ненавидел такие места! В свое время он постарался избавить от подобной участи мать. Попытка оказалась даже слишком успешной...

Его клиентом был старик с копной седых волос, из уголка его рта вытекала струйка темноватой слюны. Зейн не спеша подошел, увидел веревки, обвивавшие тщедушное тело, и замер в ужасе.

— Его привязали к стулу!

Старик поднял глаза.

— Иначе я свалился бы, — объяснил он.

Дом престарелых не в состоянии обеспечить нормальный уход и нанять профессиональных санитаров. Для нищих и бездомных даже элементарные вещи — роскошь.

— Последняя просьба, — с трудом произнес старик. — Пустяк.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил Зейн. — Не могу дать вам отсрочку, но...

— Хочу умереть под звуки церковного гимна.

— Гимна?

— «Свят, свят, свят». Мой любимый! Я так давно не слышал его!

— Хотите, чтобы кто-то спел вам?

— Да нет, вполне достаточно записи, — ответил старик. — Какая разница, кто его исполняет? Великий гимн! Понимаю, такое желание кажется глупостью...

Зейн задумался.

— Не вижу ничего сложного.

Старик покачал головой:

— Здесь не разрешают слушать музыку.

Тут в разговор встярал еще один пациент:

— Но наши соседи из танцевального клуба постоянно шумят! Адский грохот, попробуй засни!.. А с другой стороны доносятся визгливые вопли этих праведников-евангелистов!

Оба старика заметно ожили. Разговор привлек внимание остальных. Появление Зейна внесло новизну в привычную жизнь, на несколько минут разогнало беспроственную тоску и скуку.

— Тут все шумят... А мы чем хуже? Что тут плохого? Один-единственный раз...

— Думаю, что смогу все устроить, — сказал Зейн. — Понадобится обычный магнитофон или волшебная музыкальная шкатулка. Подойдет даже старинный проигрыватель!

Старики встревоженно зашуршали.

— Они ни за что не позволят, — убежденно сказал второй.

— Будет вам гимн, — решительно произнес Зейн.

Он подошел к столу. Санитар, развалившись на стуле, увлеченно изучал богато иллюстрированный журнал. На задней обложке красовалась яркая надпись: «ОНИ СГОРАЮТ ОТ СТРАСТИ! НОВОЕ ЛИЦО АДА». Ярко-оранжевые язычки окружали преисполненную энтузиазма парочку, а «Веселые дьяволята» в нижнем уголке снимка разрезвились так, что Зейна передернуло.

— Санитар!

Тот нехотя оторвался от картинок.

— Никакой музыки, — лениво произнес он. Потом важно добавил: — Согласно правилам, действующим на территории нашего приюта.

Выполнив свой долг, он вновь уткнулся в журнал.

— Сделаем исключение из этих правил. Один из пациентов вот-вот отдаст душу Богу. Он привязан к стулу, словно осужденный преступник. Его последнее желание надо выполнить.

— Ты что, серьезно? Иди-ка лучше отсюда, пока еще можешь! — Санитар даже не удосужился поднять глаза.

Зейн в гневе вырвал журнал из его рук и пристально посмотрел прямо в глаза:

— Будет так, как я сказал.

Санитар открыл было рот, но запнулся, уставившись на два бездонных черных провала.

— У нас нет никаких магнитофонов... — промямлил он. — Меня уволят!

— Тогда обойдемся без тебя, — оборвал его Зейн. — Можешь зафиксировать нарушение, если боишься... Но не очень старайся. Мы сейчас прослушаем один гимн. — Он наставил на санитара палец, который казался оторопевшему парню страшной костлявой клешней. — Понятно?

Тот побледнел.

— Я просто подчиняюсь предписаниям. Вы ведь не сделаете старичью ничего дурного? Не хочу никаких проблем, поступайте как знаете. Только не трогайте их, ладно?

У него все же имелись зачатки совести. Ленивый, безразличный к несчастьям ближнего, но не злодей.

— Одному из них сегодня суждено уйти из жизни. Ничего плохого не случится.

Санитар воспринял слова Зейна без энтузиазма. Он явно считал, что смерть как раз и есть самое плохое, что может произойти с человеком. Парень немного подумал, судорожно глотнул.

— Ну что ж, раз все в порядке, я сообщу о нарушении в офис владельца. Обычно там очень поздно реагируют на такие звонки, особенно если требуется срочная помощь. Она ведь влетает в копеечку. — Он мрачно ухмыльнулся и протянул руку к телефону. — Только здесь ничего нет, даже радио! Босс говорит: «Молчание — золото», а уж золото он любит!

Зейн отвернулся. Какой отвратительный тип этот босс! Что ж, в один прекрасный день злодей обнаружит, что именно страсть к желтому металлу привела его в Ад.

— Я выполню вашу просьбу, — сказал он клиенту и отключил таймер. — Пока не услышите свой гимн, с вами все будет в порядке.

Сначала Зейн решил зайти в дансинг. В фойе всюду стояли автоматы, торговавшие сладостями, приворотным зельем («Выпьет — и она твоя!») и пластирьми для тех, кто натер мозоли. В самом клубе почти никого не было; впрочем, утром посетители в такие заведения не захаживают. Несколько лохматых подростков на сцене увлеченно репетировали. Ударные, гитары и электроорган. Все играли вразнобой, но этот недостаток с лихвой компенсировался высоким уровнем громкости. Зачем они трудятся? Чтобы отточить умение оглушать слушателей?

Зейн влез на сцену и опустил руку на самый большой барабан. Грохот прекратился.

— Ребята, нужно выступить, — сказал он.

Все мгновенно обратили внимание на незнакомца.

— Клево, чувак! Сколько заплатишь?

— Надо исполнить одну песню в соседнем доме — там приют для престарелых. Бесплатно.

Музыканты рассмеялись.

— У тебя, папаша, чайник поехал? Мистер, закати колесо! — ухмыляясь, сказал ударник.

Зейн повернулся и пристально посмотрел на него:

— Надо исполнить песню.

Как и санитар в приюте, парень сразу побледнел. Люди не замечают Танатоса, если они не клиенты или близкие родственники таковых, но он при желании может заставить себя увидеть воочию. Вряд ли найдется человек, способный спокойно смотреть Смерти в лицо.

— А... хорошо, хорошо. Почему нет, чувак? Одну песню, как бы для практики.

— Церковный гимн.

Громкий смех. Правда, страх мешал ребятам веселиться по-настоящему.

— Чувак, мы такое дерымо не поем! Мы же «Ползучая скверна»! Мы рвем перепонки, крутим волчком души, уходим в астрал, а не пищим, как девочки из церковного хора!

Пришлось снова усмирить их взглядом Смерти. Такие типы плохо поддаются внушению. Они ведь просто не верят, что когда-нибудь уйдут из жизни!

— Церковный гимн. «Свят, свят, свят».

Парень дернулся, словно его ударило током — страшные пустые провалы говорящего черепа полыхнули огнем!

— Ну ладно, можно попробовать... Только петь-то некому. Наша солистка нажралась адской пыли. Да и перепетировать надо. Так что, чувак, через два-три дня мы только начнем, а...

— Нет, нужно все сделать сегодня. Выступление состоится через час. Я найду вам солистку.

— Но ведь у нас нет нот, вообще ничего! — заныл музыкант.

— Достану и ноты. — Зейн с трудом сдерживал злость. Неужели и он когда-то был таким? — А теперь отправляйтесь в приют и настраивайте аппаратуру. Я скоро приду туда с певицей.

— Не волнуйся, чувак, — слабым голосом произнес парень. — Мы будем готовы через полчаса. Только понимаешь, это не наш стиль. Так что не жди особых красот...

— Ничего, сойдет.

Зейн оставил их и направился к евангелистам.

Ему повезло. Церковный хор как раз готовился к службе, которая намечалась на конец недели. Несколько темнокожих девушек самозабвенно репетировали, а руководивший ими проповедник сразу заметил его.

— Эй, Смерть, зачем к нам пришла, что за дело тут нашла? — запротестовал он скороговоркой, рифмую фразы, как принято у жителей черных кварталов. — Мы — хорошие люди, никому не мешаем, Бога почитаем. Иди своей дорогой, моих девочек не трогай!

Хотя церковь выглядела заброшенной и убогой, проповедник был глубоко верующим человеком — только такие способны увидеть инкарнацию. Что ж, можно считать, Зейну повезло.

— Мне нужны ноты, тексты гимнов и одна из ваших исполнительниц, — сказал он.

— Ноты здесь, конечно, есть, — с облегчением откликнулся проповедник. — Белые, они нам помогают, свои гимны оставляют. Добрые люди деньги добывают, а нашей музыки не знают! Вон в том шкафу пылится целая груда. Ну а нашу прихожанку так тебе я не отдам! Знаю, Смерть, что ты сильна, но...

— Мне не нужна ее жизнь, — торопливо произнес Зейн: он устал от красноречивых пассажей пастора. — Надо спеть старику из приюта рядом с вами. Бедолага хочет послушать перед смертью любимый гимн.

Проповедник кивнул:

— Человек имеет право на последнее желание. Как гимн называется?

— «Свят, свят, свят».

— Такой в книге есть, но мы его не исполняли. Это музыка белых, она нам чужда, наше сердце не примет ее никогда!

— Найди девушку, которая захочет помочь.

Проповедник обратился к хору:

— Кто-нибудь поет гимны белых? Из их толстой книги?

Судя по реакции, никто.

— Теперь слушайте меня. Человек в капюшоне — кто из вас его видит? Никто? Что ж, это, родные мои, хорошо. Но я его знаю, и вот что скажу: он Господом послан, ему я служу. Око Всеящего смотрит на вас, послужите Тому, Кто от гибели спас!.. Короче говоря, нашему другу нужно, чтобы одна из вас исполнила церковный гимн белых. Кто может это сделать, пусть скажет.

Молчание. Наконец откликнулась молоденькая симпатичная девушка.

— Иногда ради развлечения я пою под музыку, что передают по радио. Если найдутся слова, наверное, справлюсь, — робко сказала она.

Порывшись в шкафу, проповедник достал несколько пыльных сборников.

— Считай, текст у тебя есть, сестра. Идем за ним. Надолго не задержимся.

Зейн повел их к приюту. Члены рок-группы «Ползучая скверна» устанавливали свою аппаратуру, приковав внимание всех обитателей дома престарелых и даже санитара, который стал принимать в подготовке выступления самое деятельное участие. Наверняка тут уже много лет не происходило такого события! Кабели, динамики, инструменты заполнили все пространство.

— Эй, не ставьте тут динамики, — деловито распоряжался санитар. — В нашей берлоге старики оглохнут, а у них и без того проблем хватает. Лучше поставьте у окон.

Так и сделали. Члены группы «Ползучая скверна», как видно, были просто не в состоянии работать без включенных на полную мощность усилителей.

Юная певица оторопело уставилась на музыкантов, а те в свою очередь с любопытством разглядывали ее. Такое впечатление, что встретились две расы инопланетян и не очень понравились друг другу. У Зейна мелькнула мысль, что, пожалуй, зря он привел ребят; девушка лучше справилась бы вообще без музыкального сопровождения. Но сейчас уже поздно сожалеть.

Почувствовав, что необходимо как-то разрядить обстановку, вмешался проповедник:

— Вы, парни, не переступали церкви порог? А вот Луи-Мэй не знаком рок! Тут вы в одинаковом положении. Слушайте, что я скажу: пусть она поет, а вы попробуйте уловить мелодию и включайтесь. Договорились?

Он передал им песенники. Музыканты быстро пролистали книжки; они чувствовали себя не в своей тарелке.

— Черт, хуже, чем скверно заколдованная АП! — прошептал один из них.

Сама адская пыль — страшное зелье, заколдованная — еще хуже, а уж если при ее изготовлении применили неверное заклинание... Но наркоманам выбирать не приходится.

— Мы не справимся!

Проповедник навострил уши.

— Вы, парни, к АП пристрастились давно? АП — это Ад, там не будет смешно!.. Найдите себе другую забаву и выбросьте эту отраву!

— Мы-то, старик, не против завязать, — признался ударник группы. — Да сам знаешь; ломка — дело страшное! Кто с АП связался, уже себе не принадлежит...

— Как с Сатаной, который выдумал это зелье, — заметил проповедник хмуро. — Бог хранит моих прихожан от зла и в этой жизни, и в будущей!

— Да, конечно, — уныло произнес парень.

Наконец Зейн нашел страницу с нужным гимном.

— Проиграйте вот это.

Ребята попробовали. Они оказались неплохими музыкантами. Трудно пришлось ударнику и гитаристам, зато электроорган прекрасно подошел.

Грохот стоял такой, что телефонный звонок услышали не сразу.

— ...Но я никогда не пела с такой штукой, — жалобно говорила Луи-Мэй, глядя на микрофон. — Она мне мешает. Торчит прямо перед носом и выглядит глупо! На что это похоже?

— Хочешь, детка, покажу, на что? — ухмыльнулся ударник.

Проповедник поспешил на помощь.

— Представь, что поешь, как обычно, словно никакого микрофона нет, сестра.

— На улице начинает собираться народ! — весело воскликнул один из обитателей приюта, выглянув в окно. — Пялятся на усилители прямо как стадо баранов!

— Они, наверное, думают, что мы тут собираемся устроить вечеринку! — воскликнул другой. — Уже пиво разливаем!

— Конечно! Аромат-то какой! — Впервые за многие годы комната содрогнулась от хохота. Старики от всей души веселились.

Зейн с трудом услышал санитара.

— Эй, мистер! На проводе мой босс. В кои-то веки решил прослушать сообщения на своем автоответчике. Я сказал ему, что не могу остановить ваше музыкальное представление, и он решил вызвать полицию. Лучше вам поскорее закончить и убраться отсюда.

Что ж, честное предупреждение. Санитару самому нравилось то, что затеял Зейн.

Группа «Ползучая скверна» и их солистка из церковного хора продолжали репетировать, пытаясь разобраться с чуждой им музыкой.

— Я не справлюсь, — жаловалась Луи-Мэй. — Петь гимн под грохот барабана?

— Послушай, черная куколка, нам это тоже не нравится, — обиженно отозвался ударник. — Но я делаю свое дело, а ты делай свое!

— Вы только старайтесь, дети мои, — успокаивающее произнес проповедник. — А об остальном позаботится Господь.

— Да уж, пусть попотеет хорошенько! — пробормотал ударник. — Бред какой-то!

— Все равно благое дело, — заметил проповедник.

До Зейна донесся вой сирены. Он подошел к двери, где сгрудились девушки из хора, с любопытством глазеющие по сторонам. Они испуганно расступились, и он вышел на порог.

К дому подъехали две машины с включенными мигалками. Взвизгнули тормоза.

Словно чертики из шкатулки, оттуда выскочили рослые полицейские из спецподразделения по борьбе с беспорядками — в шлемах, вооруженные дубинками, баллончиками со слезоточивым газом и дезориенти-

рующими заклинаниями. Во имя закона и порядка они разбили немало голов за долгую службу. Владелец приюта постарался на славу!

Зейн повернулся к музыкантам:

— Начинайте, ребята.

У Луи-Мэй сдали нервы; она уронила песенник на пол и едва не упала сама, поспешив его поднять.

— Все в порядке, крошка, — сочувственно произнес ударник. — В первый раз так со всеми бывает. Мы начнем, сыграем вступление. А ты пока приходи в себя, улавливай мелодию, а как будешь готова, дашь нам знать.

Девушка одарила его улыбкой. Зазвучала музыка. Рокот ударных сменился пронзительными звуками электрогитары. Динамики обрушили на зевак, собравшихся снаружи, оглушающий грохот.

Полицейские медленно поднимались по ступенькам, угрожающие выставив дубинки перед собой. Девушки из хора в испуге подались назад, пропуская внутрь хмуро-сосредоточенных громил в форме.

Зейн поплотнее закутался в плащ и приблизился к отряду.

— У вас ко мне какое-то дело? — спросил он у ближайшего борца с беспорядками. У того лицо исказилось от ужаса. Он отпрянул и покатился по ступенькам, упав прямо в объятия своих товарищей. Внезапно у полицейских пропало всякое желание пресечь незаконные действия, совершаемые в здании приюта.

Тем временем Луи-Мэй наконец поборола волнение. Барабан теперь только отбивал ритм, не заглушая девушку. Она начала:

— Свят, свят, свят! Господь Всемогущий!..

Как только прозвучало имя Божье, дрожащий, прерывающийся голос окреп, зазвучал торжественно. Каким-то образом микрофон и динамики придали ему особую, почти мистическую страсть. Барабанный бой казался проявлением гнева Господнего, а гитара, сопровождающая основную тему, исполняла блестящую импровизацию, обогатившую мелодию, сообщая ей многозначность и полноту.

— Ранним-ранним утром нашу песнь услышь...

Электроорган подчеркивал простые в своей величавой силе слова. Теперь он звучал мощно, как настоящий концертный инструмент.

Толпа быстро увеличивалась. Несколько полицейских пытались удержать людей подальше от дома. Близился полдень, и, хотя высокие здания, громоздящиеся вокруг, укутывали мостовую своей тенью, косые лучи солнца добрались до приюта, заставив сверкать шлемы полицейских, осветив лица зевак, словно сейчас был рассвет, знаменующий начало новой эры.

— ...и все святые поют Тебе хвалу!

Слова разносились по улице, отдаваясь в рукотворном ущелье гулким эхом. Музыканты и девушка словно отточили свое мастерство за годы совместных выступлений, добились полной слаженности.

— ...троны, и у стеклянной глади сбрасывают свои златые короны!

Полицейские, на мгновение откинув обычные безверие и цинизм, стали один за другим снимать позолоченные солнцем шлемы. За ними последовали остальные, повинуясь непостижимому, но властному зову души. Через несколько минут все стояли, обнажив головы.

— Херувимы и серафимы падают ниц пред Тобою!

Одна из особо впечатлительных девушек из хора, стоявшая возле двери, с громким криком рухнула на асфальт.

Это настроение распространялось в людском море, словно круги от брошенного в воду камешка. Охваченные экстазом, люди стали падать на землю. Среди них оказались даже полицейские.

Музыка звучала подобно громовым раскатам, сотрясая здание. Весь район превратился в гигантский храм. Люди застыли, не отрывая от окна, откуда исходили божественные звуки, потрясенных взглядов. Некоторые опустились на колени, кое-кто неподвижно распростерся на асфальте.

— Кто был, есмь и пребудет во веки веков!

Гимн закончился. Музыка затихла постепенно, будто только что шла передача на небесной радиоволне, а потом кто-то сбил настройку. Половина собравшихся и прихожанки все еще не поднялись на ноги, поли-

цейские были погружены в свои видения, словно на-глотались наркотиков. Наступила полная тишина.

Зейн повернулся. Старики и санитар, так же как стражи порядка, уставились невидящими глазами прямо перед собой. Ударник и Луи-Мэй потрясенно смотрели друг на друга. Проповедник погрузился в молитву, подняв голову, простирая руки...

— Черт! — наконец пробормотал гитарист. — Жизнь потрачена впустую. Вот он, настоящий кайф!

— Точно! АП пусть провалится в Ад, чувак! — кивнул органист. — Вот это отрыв!

Зейн подошел к клиенту.

— Теперь пора, — сказал он, включив таймер. — Довольны?

Старик улыбался:

— Еще бы, Смерть! Я увидел Бога! После такого все в жизни кажется ерундой. Двое моих приятелей уже отправились к Нему.

Он обмяк, и Зейн торопливо извлек душу. Люди стали понемногу приходить в себя.

Проповедник поймал его взгляд:

— А еще говорят, что Господь равнодушен к делам земным, — тихо заметил он, как будто зная о сомнениях, терзавших самого Танатоса.

Зейн не ответил. Он вышел на улицу, миновал хористок, с трудом, как будто после долгого сна, поднимавшихся на ноги, притихшую толпу. Подошел к своему коню.

К дому подъехала машина с эмблемой Государственной службы по надзору за органами соцобеспечения. Похоже, происшествие привлекло внимание властей. Теперь в приют нагрянут инспектора, которых заинтересуют условия содержания престарелых. Зейн зло ухмыльнулся. Они обнаружат умерших стариков, привязанных к стульям в комнате, где воняет мочой, запрещены любые развлечения, даже музыка. Причем подобные правила хозяин счел настолько важными, что не преминул вызвать специальное подразделение полиции для их поддержания. Вряд ли чиновникам такое понравится... Что ж, хотя бы в одном доме признания произойдут существенные перемены, а жизнь несчастных стариков изменится к лучшему.

Прежде чем отправиться по новому вызову, Зейн в последний раз огляделся по сторонам. Церковь, танцевальный клуб и приют... Наверняка новые веяния коснутся не только последнего здания. Ведь прихожане, ребята из дансинга и обитатели приюта обнаружили, что нужны и способны помочь друг другу, а стало быть, и себе! Возможно, весь Майами теперь заживет по-новому.

Следующий его клиент жил за городом. Морт превратился в автомобиль и помчался по шоссе — времени осталось в обрез. Красочные щиты, мелькавшие справа и слева, свидетельствовали о том, что здесь шла настоящая рекламная война.

«ЗАЧЕМ ПОЛЗАТЬ ПО ЗЕМЛЕ, ЕСЛИ МОЖНО ЛЕТАТЬ?» — кричал аршинный заголовок. Пониже была изображена машина, застрявшая в пробке, над ней беззаботно парил ковер. Все члены семьи, оседлавшие его, так старательно улыбались, словно на самом деле рекламировали зубную пасту.

Зейн невольно усмехнулся. Хоть он сейчас в автомобиле, никогда не попадет в пробку.

— Ты что, специально показываешь мне это, чтобы я оценил тебя по достоинству?

Двигатель довольно заурчал.

Следующий шедевр гласил: «ПУТЕШЕСТВУЙ С КОМФОРТОМ!» Люди, как две капли воды похожие на тех, кого художник запечатлел на предыдущем щите, летели на ковре во время грозы. Отец семейства имел хмурый вид, элегантно уложенные волосы матери спутались и прилипли к ушам, а ребенок сполз с измятой, севшей под воздействием влаги ткани и вот-вот упадет! Бр-р! Какой ужас! Зато под ними та же самая семья в надежно закрытом от буйства стихии салоне автомобиля наслаждалась поездкой.

— Да, производители автомобилей не сдаются, — заметил Зейн. Он посмотрел на свои часы. Оставалось еще несколько минут.

Еще один рекламный щит впереди. Высоко в небе летел ковер. Под ним — огромное дождевое облако, нависшее над автомобильной пробкой. «КОВРЫ КОМПАНИИ «ВАВИЛОН» ЛУЧШЕ ЛЮБОЙ МАШИНЫ!

С ПОМОЩЬЮ НАШИХ ЧАР — ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ, БЫСТРЕЕ!»

Но противники нанесли коварный ответный удар. Очередная типичная американская семья задыхалась, как рыба на суще, потому что их ковер попал в разреженные слои атмосферы. Внизу по свободному скоростному шоссе мчался автомобиль. «ГЛАВНОЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ И КОМФОРТ, — советовала надпись внизу. — МАШИНЕ — ДА, КОВРАМ — НЕТ!»

Зейн с удовольствием посмотрел бы, что ответили на этот выпад производители ковров, но пришлось свернуть с шоссе.

Он ехал по поселку с однотипными коттеджами и ухоженными лужайками. Точь-в-точь какой-нибудь квартал Майами или Лос-Анджелеса, где живут зажиточные люди. Зачем бежать из города и переносить его с собой?

Он свернул и припарковался около невысокой сосны, рядом с машиной клиента. На ее ветровом стекле была наклейка: «Пассажир — инвалид».

Следуя указаниям талисмана, Зейн вошел в дом. В ванне, полной горячей воды, расслабившись, лежал молодой мужчина, мускулистый и вполне здоровый на вид. Он никак не отреагировал на появление незваного гостя. Несмотря на то что хозяин коттеджа не испытывал никаких трудностей, по крайней мере явных, именно он должен умереть через несколько минут.

— Привет, — произнес немного растерявшийся Зейн. Мужчина не спеша поднял голову.

— Пожалуйста, выйдите, — сказал он негромко.

— Сначала я должен выполнить свою работу.

— Ах, работу? Наверное, на вас какая-нибудь форма и вы вообразили, что мне все сразу станет ясно без слов. Увы, я слепой.

Понятно теперь, почему на машине такая наклейка. Но от слепоты не умирают. Конечно, если произойдет несчастный случай...

— Меня вы сумеете увидеть, если постараешься, — сказал Зейн.

— Вы что, какой-нибудь знахарь-шарлатан из секты? Убирайтесь отсюда! Я атеист и не общаюсь с подобными типами!

Вот это да! Разве можно вызвать Танатоса к человеку, не признающему существование высших сил? С другой стороны, он, возможно, только считает себя циником-материалистом, а в глубине души верит в жизнь после смерти. Второй вариант: в Чистилище опять что-то напутали. Служащие не поняли, что потенциальный подопечный на самом деле не нуждается ни в чьей помощи. Но раз уж Зейн прибыл сюда, нужно довести дело до конца.

Он приглядился и заметил темное пятно, медленно расползающееся по воде.

— Вы перерезали себе вены!

— Именно, и настоятельно прошу вас не вмешиваться. Моя семья уехала на два дня, так что они узнают об этом, лишь когда все будет кончено. Да, я расположился в ванне и таким приятным способом постепенно ухожу из жизни. Мне сейчас спокойно и хорошо. Пожалуйста, не мешайте — больше от вас мне ничего не надо. Пусть смерть возьмет свое.

— Я прибыл сюда именно ради этого, — сказал Зейн. — Я Смерть.

Мужчина рассмеялся. Он заметно оживился.

— Вот как, живой скелет с косой? Сумасшедший!

— Вы не признаете смерть?

— Почему же, признаю, однако как свойство всего живого. Я как раз собираюсь перейти в это состояние. А во всякую потустороннюю ерунду, разумеется, не верю!

— Хотите прикоснуться ко мне?

— Никак не уговорите? Ладно, пока я еще владею телом... — Мужчина с трудом поднял руку и вытянул ее, стараясь нашупать собеседника. Зейн сжал его пальцы своими. Интересно, что ощутит самоубийца? А может, рабочее одеяние создает только зрительную иллюзию?

Но реакция превзошла все его ожидания.

— Верно! — восхликал атеист. — Вы настоящий скелет!

— Нет, все дело в магической перчатке, — объяснил Зейн, не желая обманывать его. — Лицо тоже

только кажется черепом. Тем не менее я — Смерть и пришел за вашей душой.

Клиент дотянулся до головы таинственного посетителя:

— Вы дурачите меня? Настоящий череп!

— Я обычный человек, исполняющий обязанности Танатоса. Ношу специальное одеяние, наделен необходимыми для работы возможностями и властью. Тем не менее я живу и чувствую, как любой другой смертный.

Клиент снова взял его руку:

— Да, теперь я ощущаю плоть! С трудом, как чувствую собственную ногу, если она затекает. Удивительно! Что ж, я, пожалуй, соглашусь с вами или разделю ваше убеждение в том, что такая служба действительно существует. Но не верю в существование души, так что вы напрасно стараетесь.

— Что, по-вашему, произойдет после вашей смерти? — спросил Зейн. Атеист отличался живым умом, с ним было интересно беседовать.

— Организм перестанет функционировать, плоть постепенно превратится в различные химические соединения. Но вы ведь спрашивали о другом, верно? О так называемой нетленной части человека? Что ж, отвечу! Нет никакой души. Смерть просто выключает сознание. Дальше ничего нет. Как горящая свеча: задуйте пламя, и она погаснет. Навсегда.

— Значит, загробная жизнь — выдумка? Физическая гибель — вовсе не переход к иному существованию?

Атеист презрительно фыркнул. Он медленно опускался в воду; с потерей крови росла слабость. Но разум его оставался ясным.

— Смерть — небытие.

— Это пугает вас?

— С какой стати? Смерть близких страшна, она заставляет страдать. Когда меня не станет, я уже ничего не буду чувствовать...

— Вы не ответили, — заметил Зейн.

Собеседник скрчил гримасу:

— Черт, вы меня допекли! Да, я боюсь. Но так проявляется инстинкт самосохранения, желание организма выжить. Субъективно я не хочу исчезнуть, ибо эта

часть моего «я» иррациональна. Объективно же — нет! До зачатия я не испытывал никакого ужаса перед абсолютной пустотой, почему же следует дрожать от мысли, что она наступит после смерти? Я победил слабую плоть и уверенно приближаюсь к желанному концу пути.

— Разве не облегчение узнать, что, простившись с земным существованием, человек переходит к иной форме бытия?

— Нет! Не хочу продолжения жизни в любом виде! Какие физические или душевные испытания ждут меня там? Какая ужасная скука — вечный стерильный, как бинт, Рай, неизвестно кем выдуманный! Нет, жизнь — игра, и она оказалась для меня непосильно жесткой. Единственное право, которого я добиваюсь, — возможность отказаться от нее, когда захочу. Забвение — величайший дар природы, я намерен раствориться в нем без остатка!

— Надеюсь, вы обретете то, что хотите, — произнес Зейн, потрясенный своеобразной логикой клиента.

— Я тоже. — Теперь атеист быстро слабел. Потеря крови вскоре скажется на работе мозга, и он потеряет сознание.

— Смерть — самый сокровенный момент для любого человека, — сказал Зейн. — У вас есть право покинуть мир так, как вы хотите.

— Правильно. — Голос звучал все слабее и слабее. — Мое личное дело...

— Но разве не стоит подумать о смысле прожитых лет, о месте, которое вы заняли в мироздании? Пока еще остается шанс улучшить...

— Какого черта я должен беспокоиться о душе, если не верю ни в Рай, ни в Ад?

— Вы говорили, что не хотите страдать. А чувства ваших близких? Вы подумали о них? Какой ужас они испытывают, когда обнаружат бездыханное тело горячо любимого человека! Они будут мучиться. Разве вы не обязаны...

Однако атеист уже потерял сознание. Его теперь не беспокоила чужая боль — если такое вообще когда-нибудь волновало его! Время пришло.

Зейн извлек душу. Она ничем не отличалась от остальных; знакомое переплетение светлых и темных участков. Начал складывать ее... И тут она исчезла бесследно!

Исполнилась воля атеиста. Вера не помогла сохраниться духовной субстанции, та оказалась недосягаемой ни для Бога, ни для Сатаны.

Но можно ли считать справедливым подобный исход? Атеисту было наплевать на всех, кроме собственной персоны. Такое отношение к жизни сделало ее бессмысленной.

Зейн вернулся к Морту:

— По-моему, парень был наполовину прав. Ему действительно лучше не участвовать в игре. Но вот сама игра нуждается даже в таких. Нельзя существовать только ради себя.

Впрочем, он не был уверен, что сделал правильный вывод.

Его таймер снова отсчитывал время. По дороге Зейн размышлял, как скажется на его репутации исчезнувшая душа. Для службы новостей Чистилища это, наверное, очередная бомба: «РЫБКА СРЫВАЕТСЯ С КРЮЧКА! ГОРЕ-РЫБОЛОВ ВЫТАЩИЛ ПУСТЫШКУ!»

Вот и больница. С тех пор как он начал работать, такие места стали привычными. Скольких неизлечимых пациентов он избавил от страданий, странствуя по свету! Но до сих пор сохранилась старая неприязнь к лечебным учреждениям. Наверное, виновато подсознательное чувство вины.

Рекламный щит возле стоянки машин, к счастью, принадлежал не адскому агентству: «ОВЕЧИЙ РОГ ИЗОБИЛИЯ! БОЛЬШЕ ЗЕЛЕНИ!» Как приятно, наверное, смотреть на него из окна своей палаты тем, кто перенес операцию на желудке!

К ужасу Зейна, его новым клиентом оказалась старая женщина, лицо которой покрывали морщины, а тело, словно кокон, обивали провода, подсоединенные к тихо гудящим приборам. Странное приспособление, напоминающее кузачные мехи, заставляло грудь ритмично подниматься и опускаться, а следящие

устройства постоянно щелкали и пищали, сообщая данные о состоянии сердечно-сосудистой и пищеварительной систем. Кровь по трубочкам качал специальный аппарат. Работу всей этой адской фабрики проверяла медсестра во время обходов. В палате лежали еще пятеро несчастных, существование которых всецело зависело от исправности системы жизнеобеспечения.

Больничная одежда на клиентке была надета небрежно, так что проглядывала ссохшаяся плоть. Она мучилась от боли, хотя ее накачали сильнодействующими лекарствами. Бедняжка давным-давно избавилась бы от такой пытки; только бездушные машины, заменившие отказавшие органы, не допускали этого.

Зейн содрогнулся. Он словно перенесся во времени и сейчас стоял возле своей матери...

Воспаленные глаза приоткрылись. Женщина увидала его. Трубки в носу не давали ей повернуть голову, а когда она попыталась шевельнуться, негодующе зашипал какой-то прибор.

— Успокойтесь, — мягко произнес Зейн. — Я пришел, чтобы избавить вас от этого.

В ответ он услышал слабый смешок.

— Как ты спасешь от такого? — прохрипела старуха; из приоткрытого рта закапала слюна. — Проси не проси, они не слушают! Наверное, я прогнила насеквоздь, но мне не дают умереть.

— Я Смерть. Никто и ничто меня не остановит.

Она с трудом прищурилась:

— А ведь верно! То-то я думаю, кого ты мне напоминаешь... Надо же, настоящая Смерть! Я бы с радостью отправилась с тобой подальше отсюда. Но видишь ли, местные власти отказывают в визе!

Зейн улыбнулся:

— У каждого есть право уйти. Его нельзя отнять.

Он протянул руку, проник в плоть и дотянулся до души. Но извлечь ее не смог!.. Женщина слабо застонала от новой боли, и он быстро разжал пальцы.

— Вот видишь! — прошептала она. — Меня здесь держит пудовый якорь. Даже ты не поможешь мне, Смерть!

Зейн взглянул на часы. Прошло уже пятнадцать секунд сверх срока! Да, нелегко оборвать нить жизни, если вмешивается современная техника!

— Что-нибудь придумаем, — хмуро произнес он. Прощелся по палате, разглядывая других пациентов. Теперь стало ясно, что все уже отжили свой срок, однако мудреные приборы вмешались в дела Судьбы. Существование давно превратилось для несчастных в ежедневную пытку, тем не менее освободить от такого рукотворного ада способно лишь отключение машин. Но в госпитале строго следили за порядком; здесь не случалось недосмотров.

— Я тебя вижу, Смерть, — прошептал кто-то.

Зейн повернулся голову. На него смотрел пациент, лежавший рядом с клиенткой. В отличие от остальных, он был в сознании.

— Я не могу забрать ее душу, пока работает аппаратура, — сказал Зейн, сам удивляясь, зачем он делится своей проблемой с тем, кто не нуждается в его персональной помощи.

Тот покачал головой, от чего приборы, облепившие тело, загудели.

— Никогда не думал, что собственными глазами увижу, как Смерть оказалась бессильна! Наверное, единственное, от чего нельзя спастись теперь, — на-логи.

Больной коротко хохотнул, потревожив дежурную медсестру — задрожали стрелки приборов, и она решила, что у него приступ. Естественно, девушка не замечала Зейна.

Через минуту старик снова заговорил:

— Знаешь, Смерть, что бы я сделал на твоем месте?

— Женщина рядом с вами, которая не может умереть, — отозвался он, — напомнила мне мать.

Вина, словно раскаленная проволока, врезалась в сознание, не давая забыть.

— У нее тоже есть сын, — кивнул стариk. — Он-то и оплачивает всю эту мерзость. Думает, что делает благое дело, заставляя жить дольше, чем отмерила судьба, да еще против воли. Если бы он действительно любил ее, давно позволил бы умереть.

— Разве он не любит ее? — Сам он убил мать, потому что не мог терпеть страданий близкого человека, но потом усомнился в чистоте своих мотивов.

— Возможно, он так думает, а на самом деле просто-напросто сводит с ней счеты! Из-за нее он теперь живет в нашем жестоком мире. Наверное, так и не простил ее за это! Вот и не дает ей уйти самой.

Зейн не выдержал:

— Смерть возьмет свое! — Он решительно направился к клиентке, нашел нужные кнопки и отключил систему жизнеобеспечения.

Однако раздался сигнал, и медсестра сразу встрепенулась. Она подбежала и привела приборы в действие.

Зейн вырвал проводки и трубы. Из них фонтаном брызнула жидкость.

Теперь девушка увидела его.

— Вы нарочно сделали это! — закричала она в ужасе. — Немедленно прекратите!

Он схватил ее и поцеловал в губы. Оказавшись в объятиях скелета, девушка потеряла сознание. Зейн осторожно опустил ее на пол.

Автоматическая система защиты останавливалась, текла в вырванных трубках. Сигнал тревоги не умолкал; вскоре другие медсестры услышат его и прибегут сюда. Надо довести дело до конца.

Зейн поднял стул и со всего маху швырнул его в стойку, где находились бутыли с жизнеобеспечивающими составами. Стекло треснуло, и разноцветные жидкости полились на пол. Все это по-настоящему захватило его: вырвались наружу старательно подавляемые эмоции.

Он занес стул над клиенткой, готовый в случае необходимости размозжить ей голову. Но такого уже не требовалось. Он освободил женщину от жизни. Осталось только извлечь душу.

Когда Зейн закончил, раздались аплодисменты. Пациенты приветствовали его поступок. Все они видели, кто посетил их палату, потому что насилию удерживались на этом свете, давно превысив отведенный им срок.

— Но я снова стал убийцей! — прерывающимся от волнения голосом воскликнул Зейн, уже раскаиваясь

в том, что сделал. Сначала он получил мрачное удовлетворение от содеянного, однако в результате отяготил душу новым грехом.

— Эх, повезло ей! Вот если бы так пришли за мной... — прошептал один из пациентов.

— Таких, как мы, нельзя убить, — сказал старик, с которым Зейн только что беседовал. — Это все равно что изнасиловать девушку, только и мечтающую отиться!

Зейн замер.

— Кто из вас так считает? Кто хочет умереть?

По палате пронесся шепот.

— Да все! — ответил старик; остальные молча закивали.

Времени на размышления не осталось. По коридорам разносился гулкий топот торопливых шагов. Скоро прибегут медсестры, врачи, санитары.

Зейн выполнил задачу, хотя пришлось снова стать убийцей, причем на сей раз сделал все открыто и соизнательно. Он доказал себе, что сама Смерть много лет назад приняла бы то же решение, и избавился от чувства вины. Но ведь он еще и человек. Как можно равнодушно отвернуться от своих близких, которым отказано в одном из фундаментальных прав: в праве расстаться с жизнью?

— Ведь это массовое убийство, — неуверенно сказал Зейн.

— Нет, сынок, милосердие, — ответил старик. — Моя внучка почти разорилась, платя врачам, потому что подонки говорят, что другого выхода нет. Ради чего? Ради такого? Провести вечность в больничной койке, когда и пошевелиться нельзя, не то что наслаждаться жизнью? В Аду вряд ли будет хуже, а даже если так, я все равно предпочту его. Может, там я смогу хоть постоять за себя. Освободи меня, Смерть! Страдаем не только мы, страдают и наши близкие. А так они поплачут, но скоро успокоятся. К тому же у них останется хоть немного денег.

Зейн решился. Он и так уже заслужил вечное проклятие за то, что наделал. Терять ему нечего. В конечном итоге все пациенты в палате — его клиенты.

Он добрался до комнаты, где размещались технические службы отделения, и отключил все аппараты.

Свет в палате погас. Ни одна из систем не работала.

Сразу же начался переполох. Какой-то сестре удалось на ощупь добраться до комнаты техобслуживания, но там стоял Зейн. Ее руку сжали костлявые пальцы скелета. Девушка пронзительно закричала.

— Такой же ужас испытывают ваши пациенты, — сказал ей Зейн. — Полужизнь-полусмерть.

На сей раз он доведет дело до конца.

Карнавал призраков

Через несколько дней, управлявшись с накопившейся работой, Зейн снова зашел к Луне. На сей раз при виде его на лице девушки появилась улыбка.

— Входи, Зейн. Я буду готова через минуту.

— Готова?

— Ты ведь приглашал меня, помнишь? Посетить какое-нибудь любопытное mestечко, чтобы не было скучно.

На самом деле ему хотелось продолжить беседу, но Зейн не стал упоминать об этом. Правда, в чем-то она оказалась чересчур уж откровенной, а мысль о том, как Луна расплатилась с демоном за услугу, до сих пор не давала покоя. Но время все лечит. Постепенно потрясение от ее истории и неуверенность в своих чувствах прошли, и Зейн надеялся на лучшее.

Да и какое он имеет право в чем-то упрекать Луну после того, что сделал в больнице? И на Земле, и в Чистилище этот случай сочли скандальным.

Пока девушка одевалась, Зейн рассматривал картины. Великолепно! Она намного превосходит его в мастерстве и таланте. Яркий сочный колорит, тонкая передача особенностей ауры. Трудно поверить, что человек, чья душа недавно была внесена в реестр осужденных на вечные муки, способен создать такое.

Дочь мага все больше нравилась ему. Зейн не мог найти ответа на вопрос, почему маг хотел, чтобы они познакомились? Во всяком случае, не из-за сходства характеров или общего интереса к аурам!

Наконец появилась Луна. Девушка выглядела просто потрясающе. Раньше наряд просто помогал ей стать привлекательной, выделиться; теперь она полностью преобразилась. В волосах сверкал ярко-синий топаз, а туфельки украшали зеленые изумруды. Но прелесть камней — ничто по сравнению с красотой их владелицы.

— Ну, как я выгляжу? — кокетливо произнесла она. Зейн насторожился.

— Я думал, ты не питаешь ко мне никаких чувств. Чего ради так стараться?

Девушка состроила гримаску:

— Я поведала тебе, Смерть, о самых тайных и ужасных грехах, и ты меня не отверг. Это чего-нибудь да стоит.

— Все дело в том, что я сам ничуть не лучше! Какое право я имею осуждать тебя? По крайней мере, ты хотела помочь отцу, а я...

— Хотел помочь матери, — подхватила Луна. Они нашли необходимую для обоих формулу, объясняющую и оправдывающую сближение таких, казалось бы, разных людей. — Мы оба запятнаны. В любом случае, пока не узнаем, что задумал отец, нет смысла что-то менять. Скажу честно, ты не тот мужчина, которого я выбрала бы, будь моя воля.

— А ты не та, для которой я предназначен.

— Думаешь, здесь виден перст нашей общей знакомой, Судьбы?

— Не просто думаю, а знаю. Она организовала мое назначение, сделав так, что нить жизни оборвалась как раз, когда мой предшественник проявил беспечность. Думаю даже, что она подстроила «случайную» встречу с Молли. Именно так в мои руки попал пистолет, без которого ничего бы не получилось. Не знаю, исполнила она завет твоего отца или поступила по своему разумению.

— Только глупец верит женщине, — с серьезным видом произнесла Луна. — Особенно Судьбе!

Зейн улыбнулся:

— Значит, я глупец. Все-таки я доверяю ей. Лахесис помогла мне освоиться. По правде говоря, я ничуть не

жалею о своей прежней жизни. Я понимаю, конечно, что Смерть из меня вышла тоже самая заурядная...

— Если ты прав, не хотела бы я столкнуться с незаурядной! — негромко сказала Луна. — Вспомни большину! Да и в беспорядках в Майами чувствуется твоя рука.

— Никаких беспорядков не было. Но ты права, это типичный пример моего стиля работы. Одних я отпускаю, когда могу, других забираю, хотя их время еще не наступило, с третьими бесполезно трачу уйму времени, ведя душепрепараторные беседы, чтобы облегчить переход в мир иной. Пресс-центр Чистилища, наверное, единственное место во Вселенной, где искренне рады каждому новому моему подвигу. Не представляю, чем там пробовали по части юмора, пока не появился я!

— Ты чересчур порядочный и по-детски доверчивый человек.

— Но уж с тобой-то я могу быть именно таким.

— Нет.

— Нет? Не понимаю!

— Надень плащ Смерти, — вдруг резко произнесла Луна.

Зейн удивленно посмотрел на нее:

— Ну, не знаю... Я ведь не на работе. Не люблю смешивать личное с...

— Хочу, чтобы сегодня у меня было свидание со Смертью.

Девушка просительно заглянула Зейну в глаза, улыбнулась. Он не смог устоять, хотя прекрасно понимал, что все это просто игра.

— Я оставил вещи в машине. Ты действительно хочешь, чтобы тебя увидели в компании со скелетом?

— Ну, это меня не тревожит. Люди не замечают Смерть, пока она не придет за ними.

Не совсем так, хотя в основном верно. Луна взяла Зейна под руку, они подошли к Морт-мобилю.

Ночь выдалась темная, собирался дождь. Зейн достал плащ с капюшоном, перчатки, сапоги и натянул на себя.

— Теперь ты выглядишь по-настоящему элегантно, — заметила Луна. — Подумать только, каким

привлекательным может быть хорошо одетый скелет!
Ну-ка, поцелуй Смерти!

— Но мое лицо стало...

Ничего не слушая, девушка прижалась к нему и поцеловала в губы.

— Ох, ты был прав, — засмеялась она, отшатываясь. — Настоящий череп! «Увы, бедный Иорик! Здесь были губы, которые я целовал!» Как смешно!

Луна провела рукой по лицу, словно смахивая пепел.

— Большинству людей свидание со Смертью не доставляет особого удовольствия, — произнес Зейн, немного встревоженный ее поведением. Что на уме у этой девушки? — Видела бы ты письма, которые я получаю!

Она лучезарно улыбнулась, словно услышала что-то приятное.

— Конечно, давай посмотрим! Может, ты еще и отвечаешь на них?

— Да, — смущенно признался Зейн. — По-моему, иначе будет нечестно. Никто не станет искать Смерть, тем или иным образом, без веской причины.

— Как трогательно! Ты очень славный! Покажи какое-нибудь послание!

Он открыл бардачок, достал лист бумаги и включил свет в салоне. Аккуратный, типично детский почерк: как правило, человеку требуется немало лет, чтобы сделать свое письмо неряшливым и неразборчивым.

Дети почему-то чаще обращались в высшие ведомства — по крайней мере к нему. Наверное, их вера отличалась большей искренностью и наивной непосредственностью.

«Дорогая Смерть!

Каждый вечер мама велит мне читать молитвы! Наверное это правильно но мне от них очень страшно! Нужно говорить: “Коль смерть во сне ко мне придет, пусть душу Бог к себе возьмет”. Так вот я боюсь засыпать! Лежу с открытыми глазами почти всю ночь а потом дремлю на уроках и что-нибудь пропускаю. Пожалуйста Смерть не приходи ко мне! Потому что мне

хочется еще пожить! Ничего если ночью я немножко посплю? Ты меня не заберешь? С приветом, Джинни».

— Теперь я понимаю, — задумчиво произнесла Луна. — Это ужасно! Бедная девочка, она думает...

— Да. Когда я прочитал письмо в первый раз, меня просто затрясло от злости. В дурацкой молитве сон напрямую связан со смертью. Неудивительно, что бедняжка так перепугалась. Представь, сколько еще детей из-за подобных представлений, заложенных родителями в их сознание, со страхом ложатся в постель вечером! Я никогда бы так не поступил со своим ребенком!

— Письмо написано грамотно, правда, Джинни не любит запятые и просто обожает восклицательные знаки. Наверное, нужно быть очень смелой, чтобы напрямую обратиться к источнику своих страхов! Зейн, ты должен немедленно ответить ей!

— А что я скажу? Пообещаю, что не приду к ней? Она может появиться среди тех, кого надо забрать, в любой момент!

— Объясни, что сон и смерть никак не связаны. — Луна заметно оживилась. — Давай не будем откладывать! Позвони ей!

Зейн заколебался:

— Вдруг это примут за дурацкую шутку? Трудно себе представить, чтобы Танатос обращался к смертным по телефону!

— А представить, что он отвечает на письма, легко? Твой предшественник, по-моему, такого не делал. Джинни ведь еще совсем маленькая, Зейн! Она поверит. Ребенка ничуть не удивит звонок от представителя высших сил. Так уж устроены дети, храни их Бог!

Луна заставила его вернуться в дом, принесла телефон и сунула в руку трубку.

Зейн вздохнул. Может, действительно так будет лучше?

Он вызвал справочную, назвал адрес и выяснил номер Джинни. Но когда кто-то поднял трубку, Зейн занервничал.

— Да? — Очевидно, подошла мать девочки.

— Пожалуйста, разрешите мне поговорить с вашей дочерью.

— Она уже спит! — В Лос-Анджелесе было не так поздно, как здесь, в Кильваро, но ведь дети ложатся рано.

— Нет! — Гнев помог преодолеть неловкость. — Она сейчас одна, в темной комнате, боится закрыть глаза, чтобы не умереть. Не заставляйте ее больше читать эту нелепую молитву. Души забирают вовсе не так!

— Кто вы такой? — резко спросила женщина. — Если решили поиздеваться, имейте в виду...

— Я Смерть.

— Что?!

Ну конечно, она не поверила.

— А теперь, пожалуйста, позовите Джинни.

Покорившись непонятной силе, исходившей от голоса незнакомца, женщина сдалась.

— Сейчас посмотрю, спит она или нет. Если вы хоть как-то расстроите мою девочку...

— Позовите ее, — устало повторил Зейн. Господи, сколько зла приносят своим детям люди, искренне желающие им блага!

Минуту спустя трубку взяла Джинни.

— Здравствуйте, это я, — вежливо произнесла она. — Ой как здорово! Мне еще никогда не звонили незнакомые дяди!

— С тобой говорит Смерть, — мягко и осторожно, чтобы не испугать ее, начал Зейн. — Я получил твое письмо.

— Ух ты! — В голосе девочки чувствовался то ли восторг, то ли страх.

— Джинни, скорее всего я еще не скоро приду за тобой. У тебя впереди еще целая жизнь. Но если все-таки мы встретимся, обещаю, что сначала разбуджу тебя.

— Честно?

— Честно. Смерть не заберет тебя во сне! — Такое он мог пообещать, не превышая своих полномочий. Надо отправить служебную записку в Чистилище, чтобы его лично вызвали к этому клиенту, когда придет срок. Правда, коли Джинни суждено в скором времени уйти

из жизни, ее душа, наверняка не отягощенная злом, отправится прямиком на Небеса.

— Честно-честно? Тогда скажи: «Ей-Богу, а если совру, чтоб мне поме...» Ой! — Девочка запнулась, поняв, что такая клятва для Смерти явно не подходит.

— Ей-Богу. Спи спокойно!

— Вот здорово! Спасибо! — воскликнула она в полном восторге. Потом вспомнила о правилах приличия и степенно добавила: — Извини, пожалуйста, я честное слово не хотела тебя обидеть, но я пока...

— Пока ты не хочешь со мной встретиться, — продолжил за нее Зейн. Он улыбался, хотя сознавал, что маленькая собеседница находится за тысячи миль отсюда. — Немногие желают увидеть меня или даже думать о таком.

— Ну, днем-то, когда мы играем, все нормально, — весело отозвалась Джинни. — Днем ведь люди не спят! Знаешь, мы даже говорим о тебе, когда прыгаем со скакалкой!

— Правда? Что говорите?

— «Доктор, смерть возьмет меня? — Все умрут, и ты, и я!» Понимаешь, это такая считалочка.

— Понятно... — смущенно отозвался Зейн. — Прощай, Джинни.

— Пока, Смерть! — Девочка повесила трубку.

— Ну вот, разве не здорово? — спросила Луна с сияющими глазами.

— Да, действительно. В кой-то веки работа принесла мне радость.

— Если бы люди получше узнали Танатоса, они меньше боялись бы его.

— Ты права. Каким станет мир, если исчезнет страх смерти?

— А теперь давай веселиться! Правда, отличное начало для вечера?

Они вернулись к Морт-мобилю.

— Куда поедем?

— Не знаю... Просто прокатиться вместе со Смертью — уже немало!

Ее слова кольнули Зейна, но он промолчал. Завел машину и медленно двинулся вперед.

Моросил дождь. Когда они проезжали по одной из центральных улиц, фары высветили знакомую фигуру — девушка с тачкой.

— А вот и Молли Мэлоун, самый знаменитый призрак Кильвара.

— Здорово! Я еще ни разу ее не встречала! — воскликнула Луна. — Давай подбросим бедняжку!

— Подвезти призрака? Так ведь не...

— Предложи ей прокатиться, а там посмотрим.

Зейн остановил Морт-мобиль и подошел к привидению:

— Молли!

Она приветственно помахала рукой:

— Ты не можешь забрать меня, Смерть! Я уже мертвa!

— Я сейчас не работаю. Часы не включены. Мы встречались раньше, еще до того, как я стал Танатосом. Наверное, это было предзнаменованием, ведь потом я расстался с жизнью. — Он сдвинул капюшон, чтобы Молли увидела лицо.

— Верно, верно, ты спас меня от ограбления или даже — кто знает? — худшей участи! Такой любезный джентльмен! Прости, что я стала невольным предвестником твоей кончины!

— Предвестником?

— Ты разве не знал? Каждый, кто вступит со мной в контакт, неизбежно встретит свою смерть в течение месяца.

— Я так и понял, только не сразу. Но, как видишь, все закончилось благополучно.

Подошла Луна:

— Привет, Молли!

Зейн оцепенел.

— Не может быть! Луна, ты видишь... Господи, неужели...

— Мне ведь самой такое не по душе, добрые люди, — печально сказал призрак. — Но помните, я не вызываю смерть, лишь предрекаю ее. Говоря попросту, честно предупреждаю.

— Раз ты можешь беседовать с Луной...

Молли озабоченно нахмурилась:

— Я-то думала, ты с клиентом! Выходит, она твоя милая?

— Ну, во всяком случае, мы решили вместе провести вечер.

— А, ну тогда не печалься. Предзнаменование исполнилось. Она ведь уже встретила Смерть!

— Верно, — облегченно вздохнул Зейн. — Я опять все неправильно понял.

— К сожалению, правильно.

Потеряв дар речи, Зейн повернулся к Луне.

— Не пугайся так! — продолжила она спокойно. — Да, я знаю, что скоро умру. Ведь дома у меня целая дюжина камней смерти.

— Ты ни словом не обмолвилась...

Луна пожала плечами:

— Я поняла это после нашей прошлой встречи. Талисманы неожиданно изменили цвет. Пришлось принять немалую дозу магии, чтобы не испортить свидание. — Она указала на камни в волосах. — Представляешь, какой бы я сейчас была без них!

— Ты прибегла к волшебству ради меня? Я бы никогда не допустил такого!

— Для чего, по-твоему, мне понадобилось свидание со Смертью? Если повезет, ты сам заберешь мою душу и составишь компанию по пути в Ад. — Девушка повернулась к призраку. — Молли, тебе, наверное, так скучно! Целыми днями бродишь с тачкой, а товар предложить некому. Не хочешь с нами прокатиться?

— Что ж, очень любезно с вашей стороны, леди! А куда вы держите путь?

— Мы еще не решили. Сегодня у нас свидание...

— Да, он говорил. Но тогда я буду лишней. Я еще не забыла, как ведут себя смертные.

— Ну, так далеко наши отношения не зашли. По крайней мере пока... Куда бы ты посоветовала отправиться?

— Если я действительно не помешаю, могу проводить на Карнавал призраков. И на вас, и на вашем спутнике лежит печать смерти, так что оба вы можете присутствовать.

— Интересно! — Луна подтолкнула его локтем. — Как ты думаешь?

Зейн немного опомнился после страшной новости.

— Тебя ждет гибель в течение месяца! А отец знал?

— Наверняка. Он, конечно, думал, что дочь отправится в Рай. Но у меня ведь еще целых четыре недели в запасе! Раз так, нельзя терять время попусту! Поехали на карнавал, Зейн!

— Да, карнавал, — тупо повторил он.

Они погрузили тачку Молли в объемистый багажник лимузина, забрались в кабину. На широченном переднем сиденье хватило места троим. Правда, Луне пришлось прижаться к своему спутнику, что немало помогло ему справиться с оцепенением.

— Езжайте прямо, — скомандовала Молли, — через два квартала поверните налево и затормозите. Морт знает, что делать.

По-видимому, бессменного помощника Смерти знали и уважали в загробном мире.

Зейн вел машину, не очень следя за дорогой. Как ни печально, бояться теперь нечего. Его девушка скоро погибнет, а он только сейчас оценил ее по-настоящему! Почему злой рок преследует его даже после того, как он рас простился с земным существованием? Зейн в принципе не любил свою работу, однако теперь испытывал к ней настоящее отвращение. Луна ведь не случайная жертва судьбы. Она близкий друг, а может, и больше... Да, гораздо больше!

— Ну что же ты, веселей! — сказала Луна. — Приими ся с неизбежным. Давай с пользой потратим отпущенное нам время.

Эта женщина недавно узнала, что скоро умрет, и ради него постаралась выглядеть как можно лучше. Ужасная глупость, конечно; свои последние часы она должна была посвятить более серьезным делам. С другой стороны, получается, что Луна сочла их свидание самым важным из всего, и Зейну это ужасно льстило. Его раздирали противоречивые чувства. К боли и ужасу примешивалась радость обретения. Да, именно такую он мечтал встретить всю свою земную жизнь, сам не сознавая, что именно ему необходимо. В конце концов, разве Анжелика на самом деле — не мимолетное видение, которое он наделил придуманными чертами? А вот Луна — настоящая! Но к чему восхищаться ее

умом, вкусом, талантом, смелостью, если все это уйдет вместе с ней в могилу?

— Будем веселиться, — объявил он, выворачивая руль. Автомобиль круто свернул влево. Всё зажмурились, в любой момент ожидая столкновения...

— Приехали! — объявила Молли.

Зейн открыл глаза. Они приблизились к скоплению шатров, над которыми развевались яркие флаги. Вокруг собралась целая толпа. По ушам ударила громкая нестройная музыка. Самый настоящий праздник!

— Они не похожи на мертвецов, — заметил Зейн.

— Мы, жители загробного мира, кажемся друг другу живыми, — откликнулось привидение. — Но поверьте мне, вы здесь единственные, чей прах не покоится в могиле. Право, не стоит из-за таких вещей портить себе удовольствие!

— А мы и не собираемся! — воскликнула Луна. — Мне всегда нравились призраки.

Молли приблизилась к продавцу билетов:

— Это гости из мира живых, мои друзья. Танатос оказал мне недавно услугу, а женщина через двадцать лет спасет мир от Сатаны. Выдай им бесплатный про-пуск.

— Да, с такими рекомендациями вам отказать нельзя, — согласился кассир-привидение, протягивая бумагки.

Они прошли через старомодный турникет и оказались на широкой площадке. По обе стороны тянулись палатки наподобие цирковых и сувенирные киоски.

— Ну, пошли, — торопила Молли. — Лучше всего начать с исторической экскурсии.

Луна по-хозяйски подхватила Зейна под руку. Вскоре все устроились в открытом вагончике, стоявшем на узких рельсах. Он сам тронулся с места, пройдя сквозь какую-то мерцающую завесу. Неожиданно спутники очутились в мрачной пещере.

— Ласко*, — торжественно объявила Молли. — Знаменитые наскальные изображения.

* Пещера во Франции около города Монтиньяк с гравированными и живописными изображениями зверей позднепалеолитического времени.

По пещере мгновенно заплясали яркие лучики, словно здесь вдруг появились тысячи факелов. На стенах простирали изображения разных животных. Они казались совсем живыми, несмотря на примитивную технику.

— Это из-за мерцания, — объяснило привидение. — Свет все время меняется, и звери будто оживаются. В чем и состоит гениальность художников.

— Состоит или состояла? — спросил Зейн. — Разве перед нами не копия?

— О нет! Пещера подлинная. Примерно четырнадцать тысяч лет до нашей эры. А мы вот стали как бы ненастоящими.

— Вряд ли мы путешествуем во времени, — сказала Луна, задев его локтем. Зейн в ответ обнял ее за плечи. Даже если девушка использует магию, она все равно остается собой. — Призраки могут перемещаться куда угодно, не создавая никаких парадоксов.

— Смотрите, вот художник рисует первого единорога!

Зейн повернулся голову. Вся стена покрыта примитивными изображениями животных, иногда накладывающимися одно на другое, в основном лошадей и быков. При свете светильника, примитивный фитиль которого давал столько же дыма, сколько огня, фигуры казались объемными, а в сплетении линий виделась не небрежность, а стремление показать некую временную последовательность. Например, в бесконечном беге по просторам молодого мира место оленя скоро займет вот этот конь. В памяти всплыло название места, куда они перенеслись: Большой зал быков.

Единорог совсем не соответствовал общепринятым представлениям. Огромное обвислое брюхо, почти касавшееся земли, очень короткий хвост, большие пятна на боках и пара длинных прямых рогов.

— Но это какой-то двурог! — возразил Зейн.

— Считается, что за тысячи лет он приобрел облик, к которому мы привыкли. Эволюция! — важно объяснила Молли. — Среди его предков наверняка были лошади и рогатые животные, а первые полукровки показались бы нам безобразными. Посмотрите: люди,

изображенные на стенах, намного примитивнее, чем неразумные твари. Наш вид развивался гораздо быстрее за последние пятнадцать тысяч лет.

— Да, пожалуй, — кивнул Зейн, удивленный широкими познаниями призрака и мудреными словами, которые использовала простая ирландская девушка. Наверное, она не раз побывала на экскурсии и запомнила объяснения гида. Так вот как проводят свободное время привидения!

— Первобытное искусство чарует меня! — В серых глазах Луны сверкали оранжевые огоньки — отблески пламени светильника. Она сейчас казалась особенно неотразимой; примитивный фон усиливал эффект. — Все истинное творчество берет свое начало в бессознательном. Обитатели пещер были ближе к природе и, вероятно, лучше нас умели устанавливать связь с ее магией. Мы уже не способны подманивать дичь, нарисовав ее на стене; приходится прибегать к механическому оружию и сложным заклинаниям. Для первобытного человека окружающий мир и магия составляли единое целое, и человек пользовался ими, не отделяя одно от другого. Мы лишь недавно открыли сущность ауры, которую наши предки понимали интуитивно. Здесь все проникнуто духом этого знания.

— Да, — кивнул Зейн. — Я пользовался фотоаппаратом, ты — кистью и красками, а они — местом своего обитания. Духи изображенных животных все еще присутствуют здесь.

— Нет, это мы присутствуем там, — напомнила Молли. — Сегодня пещеры Ласко, Альтамира, Перш-Мерль превратились просто в приманку для туристов. В них не осталось того, о чем вы говорили. Мы, призраки, стараемся сохранить его, но нам приходится трудно.

— Да, конечно, — сказала Луна. — Вы должны продолжать свое благородное дело.

Вагончик двинулся вперед, прошел сквозь стену, и они оказались внутри целого сплетения узких темных проходов.

— Лабиринт Минотавра на древнем Крите, — объявила Молли. — Обиталище первого известного истории человека-быка.

— Я думал, ты неграмотная крестьянка, — невольно вырвалось у изумленного Зейна. — А послушаешь тебя — не похоже...

— Да, я не выучилась читать и считать, — призналась Молли. — После смерти очень трудно приобрести новые навыки. Я всего лишь торговую устрицами и ничего другого делать не умею. Но я ушла из жизни совсем молодой, а здесь, в загробном мире, появилось много свободного времени, чтобы заняться своим образованием. Я ведь была не дурой, а просто невежественной. Даже наблюдать за нелепым безрассудством смертных очень поучительно! Смотрите, вот и Минотавр.

Действительно, центральную площадку мерил шагами могучий человеко-бык. Он то и дело задирал рогатую голову, подозрительно обнюхивая свои владения, словно почуял непрошеных гостей.

— Наверное, вас не очень-то развлекут всякие сплетни о том, как он появился на свет, — начала Молли с энтузиазмом. — Говорят, одна критская царица по имени Пасифая по уши влюбилась в Морского быка — а тот на самом деле был демоном! Но он на бедняжку даже не смотрел, и тогда...

— Мы уже слышали эту историю, — оборвала ее Луна. Зейн отлично понимал, что ей сейчас не хочется слышать о сношениях красавиц с демонами.

Через несколько мгновений они покинули лабиринт и покатили по римской дороге.

— Тебе нравится? — спросил Зейн, почти касаясь губами уха своей спутницы.

— Мне уже давно никто не назначал свидания, — уклончиво ответила девушка. — Мужчины сторонятся дочери черного мага.

— Тем хуже для них. — Он привлек ее к себе, наслаждаясь упругой податливостью прильнувшей к нему плоти. Неожиданно в памяти всплыли слова призрака. — Как ты спасешь мир от Сатаны через двадцать лет, если должна умереть в течение месяца?

— Может, перевоспитаю, когда окажусь в его царстве? — с горькой иронией промолвила Луна.

— Я не хочу, чтобы ты попала в Ад! И вообще чтобы ты умерла!

— Такова наша доля, — произнесла Молли. — Обидно только, когда уходишь молодой... — Уж она-то знала, о чем говорит.

Зейн задумался. Приятно сидеть так, ощущая близость Луны, уютно прильнувшей к спутнику... Именно с такими клиентами особенно тяжело. Ни разум, ни чувства не могли примириться с тем, что многих приходится забирать раньше срока. Несчастный случай, невезение, стеченье обстоятельств — и человек уходит на тот свет, не успев пожить как следует. Одно дело — игра по правилам, с заранее известным итогом. Оборванная, скомканная, она превращается в нечто ужасное. Наверное, он злоупотреблял своим положением, когда спасал утопающего или отговаривал самоубийцу и тут же забирал раньше времени душу дряхлого старика, страдающего от боли. Однако Зейн не мог иначе. Пусть он плохая Смерть, но люди ему не безразличны...

— О чём задумался? — шепнула Луна. Они проезжали мимо средневекового китайского города. Наверняка все места, куда переносился вагончик, связаны с какими-нибудь значительными историческими событиями. Молли с удовольствием играла роль гида, хотя сейчас ее рассказы не вызывали у Зейна никакого интереса.

— Я не хочу, чтобы ты умерла раньше срока, — тихо сказал он. — Ты намного лучше меня. Я не заслуживаю такого счастья, и если...

— Несмотря на связь с демоном?

Зачем напоминать о своем падении лишний раз?

— Да пошел он к дьяволу!

— Как раз к нему этот тип прямиком и отправился! Я не имела права скрывать такого, иначе все наши отношения основывались бы на сплошном обмане. Я замарана и уже никогда не очищусь. Тебе следует знать...

— Сколько можно об одном и том же! Чтобы помочь отцу, ты решилась на что-то страшное. Так же поступил и я ради того, чтобы прекратить страдания матери. Никто тебя не винит!

Тем не менее в душе он, конечно, осуждал девушку и ничего не мог с собой поделать. Стоило только

представить, как гнусное порождение Ада наслаждается ее телом...

— А что вы такого ужасного сделали? — спросила Молли.

— Она отдалась демону, чтобы научиться магическим приемам и помочь отцу.

— А он с помощью дешевого заклятия отключил аппаратуру, которая поддерживала жизнь его больной матери, хотя она хотела умереть, — продолжила Луна.

— Пожалуй, это грех, — нерешительно произнес призрак. — И все же, сдается мне, иногда только согревшив поступаешь правильно.

— Если бы я могла помочь отцу грошовым заклятием, долго бы не раздумывала.

— А я бы с удовольствием избавил мать от боли твоим способом — роман с дьяволицей, наверное, не самая неприятная штука!

— Встречаются очень даже аппетитные суккубы, — сообщила Молли. — Говорят, дочери Ада в постели хороши как никто! Ну я-то, конечно, сама не пробовала, так что...

— А жаль, было бы интересно послушать! — заметил Зейн.

Луна взяла его за ухо, притянула к себе:

— Попробуй сначала со мной.

Их губы слились, и словно разряд тока пронзил тело Зейна. Луна простила его за предыдущую сцену и вложила в поцелуй всю страсть, на которую была способна. Чудесный дар!

— А это Тур. — Молли указала на новый город, маячивший впереди. Сколько исторических мест Зейн, наверное, пропустил, забыв обо всем, кроме своей спутницы! — Здесь французы остановили наступление мавров и спасли Европу от нашествия.

— Повезло Европе, — лениво пробормотала Луна. Она положила голову на его плечо. Талисманы, сверкавшие в пышных волосах, коснулись кожи, и Зейна охватило пронзительное ощущение полного счастья. А может, камни тут ни при чем?

Но мысленно он проклинал себя. По собственной глупости упустить идеальную спутницу, чтобы потом завести другой роман, который завершится самое позд-

нее через месяц! Наверное, из-за этого первый камень любви дочери мага не указал на него. В чем-то она даже превосходила навсегда потерянную Анжелику. Ведь он не успел как следует узнать последнюю и сам построил ее образ, вложив в него свои надежды и желания. Но Луна не годилась на роль спутницы жизни, потому что ей осталось прожить очень недолго. Талисман не принимал во внимание такие детали. Он просто искал наилучший вариант: максимум счастья в максимальный отрезок времени. Нельзя полностью полагаться на неодушевленные предметы, даже наделенные сверхъестественными свойствами.

И все же Зейн не жалел об этой очередной гrimasse судьбы. Прежде чем завязать отношения с Луной, он долго колебался. Сколько неразрешимых вопросов! Пристало ли Танатосу общаться со смертной, захочет ли дочь мага подчиниться давлению высших сил, толкающих ее на союз с ним, и, наконец, как он сам относится к женщине, отдавшейся адскому отродью?..

Теперь, когда выяснилось, что едва наметившаяся связь будет недолговечной, на раздумья нет времени. Все должно решиться сейчас.

— Можно сразу порвать со мной, избавив себя от неприятных эмоций в ближайшем будущем, — подсказала Луна неожиданно.

— Ни за что! Не хочу как крыса бежать с тонущего кораб... Ты что, умеешь читать мысли?

— Забыл, кто мой отец? — поддразнила она. — Я унаследовала не только обычные талисманы! Существуют камни, дающие обладателю особые способности. Веришь?

— Сейчас ты не прибегаешь к черной магии, потому что она тебя приближает...

— К демону, — договорила за него Луна. — Ты прав, я ничем не пользуюсь. Для того чтобы представить, о чем ты сейчас думаешь, не нужно никаких сверхъестественных штучек.

— Неужели ты успела так хорошо меня узнать? Что-то не верится.

— Разве ты бросил мать на произвол врачей, когда она нуждалась в твоей помощи?

— Это разные вещи. — Он помолчал. — Нет, пожалуй, ты права. Во мне много зла, но я действительно не предатель.

— Значит, у тебя, как и у меня, сложный характер. В нем причудливо смешались хорошие и дурные черты. Я проявляю эгоизм, инициируя нашу связь. Следовало поступить так раньше, когда я ничего не знала о близкой смерти.

— Но ты ведь предлагала...

— Тело. Не самую ценную часть своего естества. Сегодня я предлагаю все.

— Я принимаю твой дар.

— Мотивы, которыми я руководствуюсь, еще больше отяготят душу. Но с тех пор как не стало отца, в моей жизни возникла страшная пустота, от которой не в силах избавить самые сильные умиротворяющие заклинания. Я думала, что готова к его смерти, потому что заранее знаю о том, когда это произойдет. Увы, я оказалась слабее... — Девушка помолчала, словно прислушиваясь к своим мыслям. — То, что он всегда рядом, казалось естественным и неизменным как воздух. Но вот он ушел от меня навсегда, и такое ощущение, будто я вдруг потеряла опору, падаю в бездну, пустота окружает меня со всех сторон. Как победить ее?

— Найти другую опору.

— Именно. Ближе тебя у меня сейчас никого нет. Я хочу приятно провести остаток жизни. Пока не пришлось возвратиться к демону.

— Тот все еще посягает на тебя? — испуганно спросил Зейн. Он надеялся, что этот неприятный эпизод навсегда остался в прошлом.

— Да. Но пока я жива, не в силах овладеть мной. Зато когда попаду прямиком в его царство...

— Нельзя допустить, чтобы ты оказалась в Аду! Надо как можно быстрее изменить соотношение добра и зла в твоей душе.

— За месяц, а может, и меньше? — Девушка печально покачала головой. — У меня есть такие же камни-измерители, как и у тебя. Некоторые заряжены с помощью белой магии. Время от времени я пользуюсь ими, хотя не всегда получается, и знаю, как обстоят

дела. Мой долг Сатане слишком велик. Никакой надежды на спасение.

— Наверняка есть выход! Ты успеешь совершить массу добрых дел! Гони порочные мысли, жертвой деньги во всякие благотворительные фонды...

Она вновь мотнула головой:

— Не обманывай себя, Смерть! Хорошие поступки, если они не бескорыстны, просто не засчитываются. Искупать грехи надо было прежде, чем я узнала, что скоро умру. Теперь уже поздно.

— А что послужит причиной... Как ты умрешь? — Зейн боялся услышать ответ на свой вопрос.

— Понятия не имею. Я не больна, мне не суждено стать жертвой несчастного случая. Возможно, меня убьют.

— Если я не сумею помешать этому, — мрачно пробормотал Зейн. Он обещал себе, что, когда свидание закончится, немедленно отправится в Чистилище и найдет документы по ее делу. Если удастся узнать, от чего Луне предначертано погибнуть, Танатос, очевидно, сможет воспрепятствовать этому. Он уже выяснил, что иногда способен изменить судьбу смертных и предотвратить либо приблизить гибель человека. А пока, если дочь мага не будет выходить из дома, невидимый страж защитит хозяйку от непрошеных гостей.

— Перл-Харбор! — возбужденно блестя глазами, объявила Молли. — Посмотрите-ка на самолеты! Они застали наших врасплох, те даже не успели произнести нужное заклинание. Так Соединенные Штаты Америки вступили во вторую мировую войну.

Каким образом удалось вагончику пролететь через весь Тихий океан и оказаться на этом островке? Их призрачный транспорт не подчиняется физическим законам, и все же...

Тем временем они приблизились к следующей сцене.

— Превентивный ядерный удар! С него началась третья мировая война, — произнес со смаком призрак. — Уж она-то понаделает великое множество моих братьев и сестер, можете поверить!

Они словно пронеслись сквозь миниатюрное солнце, излучающее слепящий свет.

— Третья мировая? — удивилась Луна. — Но ее не было!

— Для нас, привидений, не существует настоящего, прошлого, будущего, как у смертных. Мы видим все.

— А когда она начнется? — нервно спросил Зейн.

— Узнай у Марса. Он уже давно носится со своим коронным замыслом. Скорее всего сроки еще точно не определены, потому что Вечные никак не могут договориться. Сатана желает, чтобы заварушка произошла в тот момент, когда соотношение добра и зла в мире склонится в его пользу; Бог, естественно, отстаивает собственные интересы. Сейчас равновесие так неустойчиво, что высшие силы не знают, за кем пойдет большинство смертных, если избавить их души от тела. Поэтому ни одна из сторон не решается спровоцировать начало последней из всех войн в истории. Но как только произойдет серьезное изменение в пользу кого-нибудь из них...

— Значит, в мире сейчас царит тот же неустойчивый баланс, что и у моих клиентов? Ну и ситуация!

— Выходит, Бога и Сатану интересует только одно — кому достанется больше душ, когда наступит конец света? — возмутилась Луна.

— Да, нам так кажется, — отозвалась Молли. — Мы, конечно, всего лишь простые призраки, не посвященные в замыслы Вечных, но ведь ясно: в чье царство отправится больше смертных, у того и власть больше. В тех краях, где нет денег, души — то же богатство.

— Не может быть, — запротестовал Зейн. — Пусть Сатана таков, но уж Господь-то должен думать о благе людей!

— Почему же Он никогда не помогает человеку напрямую? — сказала горько Молли. — Его враг повсюду рассыпает своих подручных, чтобы сеяли раздор, вредили, превозносили мнимые радости Ада. А Бог держится в сторонке!

— Он соблюдает Конвенцию, — произнесла Луна. — Дьявол мошенничает. Вмешательство высших сил не допускается. По соглашению, судьба человека с того момента, как ему предоставляется свобода воли, должна определяться лишь им самим — поведением, образом жизни.

— Верить в такое, дамочка, все равно что думать, будто Всеышний предпочитает мальчиков! — Сейчас в речи привидения ясно выделялись говор и словечки, характерные для жителей ирландских трущоб.

— Это серьезное обвинение, Молли. Как ты можешь дока...

— Видишь, ты уже споришь! — Призрак расхохотался.

Вагончик миновал невидимую завесу. Они вернулись.

— Замечательная экскурсия! — вежливо произнес Зейн, хотя, поглощенный мыслями о своей спутнице, не особенно обращал внимания на достопримечательности, встречавшиеся по пути.

— Веселье только начинается!

Молли потащила своих новых друзей к призрачному Павильону Ужасов. Там все натерпелись немало страха, ибо братья и сестры ирландской торговки моллюсками за тысячелетия сильно поднаторели в своем основном занятии — пугать смертных. Но Луна, воспользовавшись темнотой, вложила столько страсти в свой поцелуй, что сумела ужаснуть привидения. По крайней мере, Зейн надеялся, что это была она...

Они отведали призрачной сахарной ваты, посетили зоопарк ручных динозавров (те, что покрупней, были в намордниках, заметно раздражавших тварей), попытались выиграть ценную невидимую куклу, стараясь поймать колечко дыма на стеклянную пику. Увы, оно разбрзгилось вдребезги, а пика развеялась в воздухе! И наконец добрались до Туннеля Любви. Здесь Молли пришлось покинуть их, потому что лодочка не вмещала троих.

У Зейна осталось единственное заветное желание — остаться наедине с Луной, и оно исполнилось! Он чувствовал, как кружится голова, замирает в сладкой истоме сердце. То ли на него так подействовали непрерывный гул и пестрая суeta карнавала, то ли неотступная мысль о недолгом сроке, отпущенном ей, а может быть, нежная, трепетная красота спутницы... Какая разница? Наконец-то, после целой жизни бесплодных поисков, к нему пришла любовь.

Течение медленно несло их по спокойной воде канала. Когда безмолвная темнота поглотила все вокруг, они взялись за руки и снова поцеловались. Господи, как хорошо! Ни одна женщина, кроме Луны, не в силах подарить ему такое...

А потом вдруг — им показалось, что прошло лишь несколько мгновений, — впереди снова засияли огни. Путешествие закончилось.

Что ж, они получили предостаточно впечатлений. Зейн выгрузил тачку призрака из Морт-мобиля, сел с Луной в машину и отправился назад, в Кильвар. Вечер явно удался.

Г л а в а 8

Зеленая мать

Свет прерывисто замерцал. Это значило, что Морт хочет обратиться к Смерти.

— Держись покрепче, — сказал Зейн Луне. — Сейчас мы поедем на коне бледном.

— Мне нравятся лошади, — промолвила Луна. — В душе я все еще девчонка.

Зейн нажал на кнопку, и они оказались верхом на жеребце. Луна сидела у Зейна за спиной.

— В чём дело? — спросил Зейн. — Мой отсчет времени готовности выключен; я хорошо помню список и не стану отнимать у своих клиентов лишних часов жизни.

Конь настойчиво заржал и взмахнул хвостом.

— Глупец, включи транслятор, — пробормотала Луна.

Зейн поспешил вставить разговорный камень в левое ухо. Он никогда не прокалывал уши, так что не мог носить этот камень как серьгу и потому обычно часами обходился без него. Оказывается, с его помощью можно разговаривать и с Мортом!

— Не чувствуешь зов Природы? — раздался голос, напоминающий ржание.

— Могу подождать, пока не доберусь домой, — промолвил Зейн, стесняясь Луны.

— Зов воплощения Природы, — уточнил конь. — Тебя призывает Гея. Она говорит, что ты должен забрать еще одну душу и отправиться прямо к ней.

— Олицетворенная Природа? Если она хочет побеседовать со мной, почему не придет сама, как другие инкарнации?

— Она — Зеленая Мать, — проржал Морт, и в этом ржании был слышен оттенок уважения. — Она правит всеми живыми существами. Не серди ее, Смерть.

— Ты бы лучше шел, — поддержала Луна. — Не знаю, кто из воплощений обладает наибольшей мощью, но с Природой явно шутить не стоит. Высади меня где-нибудь около Кильваро и...

— Не приближайся к Кильваро! — предупредил Морт. — Ступай к ней из призрачного мира.

— Но я не могу бросить Луну среди призраков! — возмутился Зейн.

— Возьми ее с собой.

— Я с удовольствием, — сказала Луна. — А можно?

— А мне плевать, — заявил Зейн, — все равно возьму. Я не собираюсь бросать тебя в незнакомом месте без защиты!

Он включил отсчет времени в Часах Смерти и слегка подтолкнул Морта, разворачивая коня в нужном направлении:

— Доставь нас туда!

Жеребец метнулся вперед и унес их с карнавала. Тучи размело ветром, и вокруг распахнулась Вселенная.

— Ой, как здорово! — выдохнула Луна, припав к Зейну.

Потом Морт приземлился в большом танцевальном зале города Сан-Диего. Магия с королевской пышностью украсила стены и придала полу сходство с литым серебром. Даже не верилось, что в таком красивом и торжественном зале должна произойти смерть.

— Так вот какова твоя работа, — пробормотала Луна. — Должно быть, она тебе нравится...

— По-всякому бывает, — откликнулся Зейн. — Зачастую вовсе нет.

Они спешились, и Морт отступил назад. Никто не заметил бы, что здесь находится лошадь, потому что коня бледного скрывала его собственная магия.

Зейн двинулся туда, куда указывали драгоценные камни — к участку пола, по которому проносились

танцоры в одном из новомодных танцев. Пока назначенный час не пробил, Зейн не мог сказать, кто из них обреченный.

Рядом с молодой женщиной, не принимавшей участия в танцах, оказались свободные кресла. Зейн и Луна заняли их.

Два молодых человека прошли вдоль кромки танцующих, погрузившись в оживленную беседу или в не слишком пылкий спор. Они остановились напротив Зейна.

— Ну что ж, давай попытаемся! — воскликнул один из них. — Случайный выбор — твой против моего!

— Давай! — согласился второй. — Победитель получит и то и другое. Беспристрастное решение.

Первый из молодых людей повернулся к сидящему юноше, который что-то пил из бутылки:

— Вы умеете играть на гитаре?

Юноша засмеялся, поперхнулся, опустил бутылку и принялся откашливаться.

— Я? Да мне медведь на ухо наступил! Я даже на бубнах играть не умею!

— Он подойдет, — произнес второй мужчина и повернулся к Луне. — Вы хорошо танцуете, мисс?

— Превосходно, — ответила Луна.

— Не подходит. — Мужчина перенес свое внимание на другую девушку. — Вы хорошо танцуете?

— Нет, — застенчиво ответила девушка. — У меня обе ноги — левые. Я прихожу сюда лишь за тем, чтобы посмотреть, как танцуют другие.

— А вот она подойдет, — сказал первый мужчина.

— Для чего подойдет? — спросила Луна, которой происходящее уже начало действовать на нервы.

— А вы можете быть судьей, — сказал ей второй мужчина.

Зейн взглянул на часы — еще две минуты. Кто же придет сюда, чтобы умереть, и как?

Первый молодой человек извлек из воздуха гитару и сунул ее лишенному слуха парню:

— Когда я подам знак, играйте.

— Но я же вам объяснил, что не умею...

— Вот именно. Это превосходный тест.

Второй мужчина извлек из воздуха пару танцевальных туфелек.

— Наденьте их и танцуйте, — сказал он неуклюжей девушке.

Вдруг Зейна посетила ужасная мысль.

— Луна! — крикнул он. — Прочь отсюда! Возможно, это тебя здесь поджидает смерть! — Судя по часам, оставалось девяносто секунд.

— Не говори глупостей, — сказала Луна. — Ты же сам привез меня сюда. В этом не было бы никакой необходимости, если бы я была твоим клиентом. Ты просто мог бы столкнуть меня с лошади, когда мы парили в небе. В любом случае я могу добраться в Ад и без твоей помощи. Я не занесена в твой список.

Зейну пришлось признать, что Луна права. Смерть поджидала кого-то другого. Но кого?

— Начинайте! — приказал первый мужчина.

Юноша с натянутой улыбкой, в которой читалось «а что я, собственно, теряю?», прикоснулся к струнам и взял несколько аккордов.

— Вот видите? Чистой воды ложа, — сказал он.

— Вовсе нет, — возразила Луна. — Звучит довольно приятно.

Удивленный, юноша заиграл снова, глядя на свои руки, и полилась прекрасная мелодия. Пальцы его левой руки порхали над ладами, а пальцы правой били по струнам, выстраивая сложный ритмический рисунок. Казалось, руки юноши жили собственной жизнью.

Неуклюжая девушка встала и надела туфельки.

— Вы сейчас сами увидите, — сказала она. — Я вообще не умею танцевать.

Правая нога девушки была слегка искривлена, возможно, в результате какой-то травмы, полученной еще в детстве; похоже было, что она плохо подчиняется своей хозяйке.

Девушка начала танцевать — и нога взлетела вверх, как у балерины. От удивления девушка открыла рот.

— Туфельки! — крикнула она. — Они волшебные!

Оба молодых человека повернулись к Луне.

— Теперь, красавица, смотрите и слушайте, — произнес первый. — И скажите нам, что лучше — музыка или танец?

— Скажу, — улыбнулась Луна. — Я сама имею отношение к искусству и могу высказать квалифицированное мнение, хотя это две разные формы выражения чувств.

Юноша так хорошо играл, а девушка так хорошо танцевала, что вскоре остальные танцующие остановились, чтобы посмотреть и послушать. Некоторые начали танцевать под новую музыку. Но никто не танцевал так хорошо, как неуклюжая девушка, которая буквально скользила по полу, извиваясь в танце. Она не выглядела привлекательной, когда сидела; теперь же ловкость движений делала ее соблазнительной. Глядя на нее, Зейн понял, что физическая красота зависит не от того, как человек сложен, а от того, как он движется.

Лицо девушки залила краска, дыхание стало тяжелым.

— Хватит! — задыхаясь, крикнула она. — Я к этому не привыкла!

Но собравшиеся вокруг зрители хлопали в ладоши, требуя, чтобы она продолжала, а звуки гитары по-прежнему сплетали ткань музыки, ставшую почти что видимой. Воистину оба образчика магии оказались великолепны!

Потом Зейн заметил, что юноша уже не улыбается. Его пальцы были покрыты ссадинами, из которых начинала сочиться кровь, — ведь юноша не был опытным музыкантом и кожа на пальцах не успела загрузить. Но он не мог перестать играть. Магия вынуждала его продолжать. А девушка...

Обратный отсчет времени на часах Зейна достигнула. Девушка вскрикнула и упала.

Теперь Зейн все понял. Эти магические предметы не считались с возможностями человека. Их не беспокоило, хорошо ли человек владеет своими пальцами и не повлечет ли за собой непривычная нагрузка сердечный приступ. Они просто требовали исполнения.

Зейн встал и подошел к девушке, чувствуя какое-то виноватое облегчение от того, что его клиентом

оказалась все-таки не Луна. Конечно, ему следовало понять, что из этого выйдет, и предупредить девушку, чтобы она не надевала ужасные туфельки. Он мог бы спасти ей жизнь, а не дожидаться ее смерти.

Сожалея о случившемся, Зейн принял душу девуш-ки и отвернулся от мертвого тела. Остальные зрители застыли, потрясенные внезапной трагедией. Луна тоже была в ужасе.

— Я должна была понять, — сказала она, не отрывая взгляда от застывшего тела девушки. — Я же достаточно сталкивалась с магией, чтобы знать, с какой опасностью могут быть связаны второсортные чары! Ты пришел сюда по делу...

— И если бы ты надела эти туфельки... — начал Зейн.

— Ну вот еще! Я дочь мага, я знаю все эти штучки, мне просто в голову не пришло...

Появился Морт, и они сели на коня. Никто этого не заметил. В состязании между гитарой и туфельками победителей не оказалось. Лишь побежденные.

— А теперь к Природе, конь бледный, — приказал Зейн, выставляя часы по-новой. — Думаю, дорогу ты знаешь.

Морт действительно знал дорогу. Он прыгнул из танцевального зала прямо в небо.

— Да, конечно, смерть — необходимая часть жизни, — говорила Луна, сидя за спиной у Зейна, — и мне вскоре предстоит убедиться в этом на собственном опыте. Но когда видишь смерть своими глазами, она куда сильнее бьет по нервам — особенно когда ты лично оказываешься в этом замешан...

— Да.

Как он это понимает!

— Лучше бы я не согласилась выступить посредником в их споре. Тогда бы девушка могла остаться в живых!

— Нет. Ее смерть была предначертана. Ты не сыграла в этом никакой роли. Точнее, сыграла такую, какую мог бы сыграть первый встречный. Твои действия ничего не изменили.

— Она была совсем невинной!

— Она на пятьдесят процентов принадлежала Злу. Это небезопасно — полагать, что калеки свободны от

греха. Они такие же разные, как и здоровые люди. Я не знаю, что привело ее к точке равновесия, но...

— Ты понимаешь, что я имею в виду! Она могла совершить что-нибудь злое, как и все мы, но она не заслужила такой жестокой смерти. Умереть из-за одной минуты в зачарованных туфельках... Должно быть, у нее разорвалось сердце.

Зейн не ответил. Он был согласен с Луной. У него появлялось все больше претензий к системе небесного правосудия и преобладавшим результатам.

— И почему я не поняла, что все это значит?..

— Маги должны были знать, что их артефакты опасны, — пробормотал Зейн. — Потому-то они и решили испытать их на случайных зрителях, которые ничего в этом не смыслят. Магия в руках дилетанта может быть смертельно опасной.

Конь остановился у жилища Природы. Это был обширный зеленый лес с уходящей вглубь дорогой. На въезде, напоминавшем вход в туннель, стояла призрачная открытая машина с обтекаемым корпусом.

Морт остановился.

— Ты не приглашен? — спросил Зейн коня. — Ну ладно, думаю, ты можешь попасть сюда. — Перед лесом раскинулся луг с сочной травой. — Мы с Луной поедем на машине; смею предположить, что она именно для этого здесь и стоит.

Но в машине обнаружилось лишь одно сиденье. Места для Луны не было.

— Очевидно, Природа хочет поговорить с тобою с глазу на глаз, — сказала Луна. — Я тоже подожду тебя здесь.

— Если бы она не подгоняла меня, я успел бы отвезти тебя домой, — раздраженно произнес Зейн.

— У Матери Природы свои привычки — как и у всех нас.

Зейну это не нравилось, но все же приходилось Луну оставить.

— Присматривай за ней, Морт, — приказал он, и конь бледный заржал в знак согласия. Вряд ли в мире существует сила, которая сможет причинить вред Луне, пока за ней присматривает Морт.

— Не выводи из себя эту женщину, — предостерегающе сказала Луна. — Помни, ты имеешь дело с не-заурядной личностью.

Неужели его гнев настолько заметен?

Зейн завернулся в плащ и сел в маленький автомобиль. Потом кинул взгляд через плечо на стоящую посреди луга Луну — такую стройную и прелестную, с головы до ног осыпанную сверкающими драгоценными камнями, — мечта, а не женщина. Чтоб ей пусто было, этой Природе, которая отрывает его от Луны, пусть даже ненадолго!

Машина управлялась так же, как и любая другая. Зейн завел двигатель и вывел автомобиль на асфальтовую дорогу, уходящую в лес. Над головой сомкнулись ветви деревьев, образуя живой свод. Прелестная прогулка.

Впереди оказался перекресток. Вокруг царил полу-мрак, так что Зейн поехал медленнее. И это оказалось к лучшему, потому что на обочине возник человек, одетый в темный плащ, который делал его почти что невидимым. Этого беззаботного пешехода очень легко было ненароком сбить.

Как только Зейн поравнялся с пешеходом, из-за поворота вынырнул велосипедист и попытался объехать прогуливающегося человека, но его занесло прямо Зейну под колеса. Зейн с яростным воплем нажал на тормоз и все-таки ухитрился остановиться вовремя.

— Ты, идиот! — закричал он на велосипедиста, который весело продолжал крутить педали, не обращая внимания на оклик. — Из-за тебя чуть не произошел несчастный случай!

Пешеход раздражал Зейна ничуть не меньше — он не обращал никакого внимания на то, что происходит вокруг, и не собирался ничего предпринимать. Но Зейн не мог задерживаться: чем быстрее состоится встреча с Природой, тем быстрее он сможет вернуться к Луне. Он поехал дальше.

Дорога неожиданно закончилась тупиком — уткнувшись в огражденное насыпью болото. Зейн остановился, вышел из машины и перегнулся через край насыпи, чтобы прикоснуться к поверхности болота. Грязь тут же вскипела, во все стороны полетели комья жел-

того ила, жутко вонючие и на вид довольно горячие. Зейн отдернул руку, хотя его рука была защищена перчаткой Смерти. Рефлексы, приобретенные в течение жизни, все еще давали о себе знать.

Ну и как же он должен перебраться через эту трясину? Теперь Зейн увидел за болотом шпиль отдаленного замка. Природа хорошо позаботилась об охране своего жилища! Очевидно, это своего рода испытание или вызов — через болото не мог перебраться ни один обычный человек, лишь воплощения. Зейн должен был доказать, что является одним из них. Пожалуй, у него найдется что сказать Зеленой Матери. Она прервала очень важное для него свидание, которое могло перерасти в нечто большее, а теперь еще заставляет тратить время на решение загадок, мешающих до нее добраться! Возможно, для обычного человека неразумно легкомысленно относиться к Природе, однако еще более неразумно дразнить Смерть.

Но сперва нужно добраться до замка Зеленой Матери. Она оставила Зейна без коня, который шутя преодолел бы это препятствие. Как перебраться через болото и не завязнуть в горячей грязи?

Зейн принялся изучать берег, на котором стоял. Метрах в пяти от дамбы обнаружился маленький домик, похожий на туалет. Это было бы символично — Природа обеспечивает возможность отправления природных потребностей. Но Зейну было не смешно.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении домик оказался более похожим на сарай. Ну и что же там хранится?.. Зейн подошел к сараю и распахнул дверь, ожидая увидеть внутри какие-нибудь инструменты, канистры с бензином или, возможно, телефон.

Но его ожидало разочарование. Внутри не оказалось ничего, не считая висевшей на гвозде большой красной резиновой сумки.

Зейн снял сумку и обнаружил, что она наполнена теплой жидкостью, может, даже водой. Это была старомодная грелка, об которую грели ноги холодными ножами. И что она здесь делает?

Зейн положил грелку на место и задумался. Чистая бессмыслица — держать в заброшенном сарае грелку

с горячей водой. Она остыла бы за полчаса, если бы только не была магической.

Магической? Зейн усмехнулся. Вряд ли в грелке содержится хоть какая-нибудь магия, кроме разве что заклинания самоподогрева, но проверить не помещает — так, на всякий случай. По крайней мере он сможет греть об нее ноги, если вдруг похолодает.

— Красная грелка, яви свою силу, — сказал Зейн.

Грелка неожиданно всплыла вверх, попытавшись вырваться из рук Зейна.

Зейн успел поймать ее прежде, чем она ускользнула.

— Левитация! — воскликнул он. — Ты летаешь!

Грелка действительно летала. Зейну едва удавалось удерживать ее, хотя он вцепился в волшебный предмет обеими руками.

— Эй, полегче! — крикнул Зейн. — Не удирай без меня!

Но грелка продолжала рваться вверх, по-прежнему воодушевленная своей задачей. Зейн попытался затащить грелку обратно в сарай, однако не мог сдвинуть ее с места. У него уже начали уставать руки. Этак грелка вскорости вырвется и взмоет над верхушками деревьев!

— Я тебя выдрессирую, ты, капризная неодушевленная пакость! — проворчал Зейн.

Он прижал грелку ногой, чтобы освободить руки. Грелка тут же вклинилась ему между ног и ухитрилась оторвать Зейна от земли — так велика была ее сила. Зейн повис в воздухе, обеими руками схватившись за толстое горлышко. Теперь грелка стала нагреваться и пульсировать, словно эти усилия вызвали в ней какую-то реакцию.

А потом поплыла над болотом, неся Зейна на себе.

— Тпру! — крикнул он.

Грелка застыла на месте.

Она вела себя как верховая лошадь и подчинялась тем же командам!

— Кажется, теперь я понял, — произнес Зейн. — Грелка, перенеси меня через болото в замок Природы. Красная грелка двинулась быстрее. Зейн восседал на ней, свесив ноги по бокам. Эта штука была доволь-

ио удобной, поскольку вода позволяла ей принять очертания тела Зейна. Грелка взмыла вверх, и ездок вцепился покрепче. Он смотрел на проплывавшее внизу бурлящее болото. Но все же Зейн продвинулся уже на порядочное расстояние и вскоре должен был пересечь трясину.

Внезапно Зейн обнаружил, что его догоняет какой-то мальчишка. Юноша энергично махал руками, словно летел; и действительно, его ноги, как и ноги Зейна, висели над самой поверхностью готовой поглотить их трясины. Ему явно было тяжело — человек не создан для полетов, — и Зейн решил не изображать из себя ветряную мельницу. Он откинулся назад, заставив грелку отклониться так, чтобы ее горлышко смотрело вверх. Раз он не заметил этого летуна, он может опуститься...

Вжж!.. Над самыми их головами промчался самолет, едва не сдув Зейна с его ненадежного настеста. Зейн изо всех сил ухватился за грелку, чтобы не свалиться прямо на летящего юношу и не окунуться вместе с ним в кипящую грязь. Что за недоумок гоняет на бреющем полете прямо у людей по головам? Это что, злая шутка? Или заносчивая демонстрация силы?

В конце концов Зейн восстановил равновесие и продолжил полет через болото. Машущий руками юноша, казалось, не заметил, что его чуть не вовлекли в дорожно-транспортное происшествие, и продолжал свой путь, даже не поздоровавшись с Зейном. Впрочем, иного Зейн и не ожидал. Похоже, эти места просто кишат придурками с шорами на глазах!

Наконец Зейн добрался до края болота. Грелка остыла, опустилась вниз и оставила седока на берегу, наотрез отказавшись лететь в том же направлении. Либо ее магия истощилась, либо грелке просто было запрещено двигаться дальше. Зейн слез с грелки, и та обмякла.

Ну что ж, он все-таки перебрался через трясину и теперь мог идти вперед — по тропинке, уходящей в лес. Зейн отнес грелку в обнаруженный поблизости сарай и повесил ее на крючок. Надо же, эти сараи оказались гаражами!

Вот и тропа, ведущая к крепости. Деревья росли теснее, чем прежде, тропинка была более извилистой.

Эта часть пути даже обрадовала Зейна. Лес был, как некогда писал Фрост, прекрасным, тенистым, таинственным. Люди редко понимают, как хорошо в лесу; они всю жизнь торопятся выполнить какие-то задачи, которые кажутся им более важными, чем общение с природой.

Потом тропа вышла к маленькому озеру с прозрачной водой. Зейну не хотелось мочить одежду, и он попытался обойти озеро, но вскоре обнаружил, что, сколько бы он ни прошел, другой берег отодвигается на такое же расстояние. Требовалось пересечь озеро напрямик — то есть переплыть.

Переплыть? Зейн укусил себя за пальцы, возмущенный собственной глупостью. Он же способен ходить по воде! И уже проделывал это, когда спасал мужчину, тонувшего в океане. Башмаки Смерти давали ему такую возможность. Он просто-напрасно теряет время, пытаясь обойти преграду!

Зейн шагнул в озеро — и его нога погрузилась в воду, до самого ила. Зейн взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и поспешно отскочил. В чем дело?

Мгновение спустя он понял, в чем тут дело. Это была не обычная вода, а еще одно из защитных приспособлений Природы. Малая магия одежды не действовала против ее заклинаний. То есть здесь его башмаки не были магическими — или по крайней мере им не хватало мощности, чтобы справиться с контрзаклинанием Природы. Ну что ж, придется плыть.

Зейн подумал, не снять ли одежду, однако понял, что ему будет трудно перенести плащ, перчатки и башмаки. Так или иначе, ткань все равно намокнет. То есть надо попытаться переплыть озеро во всем снаряжении, а если что-то будет слишком уж сильно мешать, он всегда успеет это сбросить. И Зейн без дальнейших церемоний вошел в воду.

К своему удивлению и удовольствию, Зейн обнаружил, что одежда защищает его от полного погружения. Он находился в воде, но та не касалась его кожи. Пожалуй, заклинание все-таки удерживало воду на некотором расстоянии, хотя она и прижимала одежду к телу. Зейн попытался плыть и обнаружил, что держит-

ся на поверхности, как поплавок, так что плыть ему было легко. Он двигался через озеро с вполне удовлетворительной скоростью. Это было довольно забавно.

Впрочем, это было и довольно трудно. Зейну уже много лет не приходилось проплывать такие большие расстояния, и вскоре его мышцы заныли от непривычного напряжения. Он поплыл медленнее, хотя беспокоиться пока не начал; на самом деле ему некуда так уж сильно спешить. Он доберется туда...

Неожиданно рядом с Зейном, почти впритирку с ним, пронеслось каноэ. Зейн увернулся от столкновения, но при этом наглотался воды. Потом он пришел в себя, потряс головой и увидел, что волну, швырнувшую каноэ на пловца, подняла беззвучно мчащаяся мимо магическая моторная лодка.

Мгновение спустя моторная лодка скрылась с глаз. Ее рулевой не снизошел до того, чтобы заметить опасность, вызванную его самонадеянностью. Человек в каноэ так же безучастно продолжал гребсти. Зейн остался позади, отплевывая воду. Да что такое со всеми этими людьми?

Он подплыл к берегу и выбрался на сушу. Одежда его оставалась сухой; даже ноги чувствовали себя вполне уютно. Тропинка вновь убегала вперед. Зейн пошел по ней и вскоре оказался рядом с крепостью Природы.

На самом деле эта крепость, как ни странно, больше походила на храм. Густые заросли образовывали почти сплошную ограду с тесно заплетенными арками и проемами из живых деревьев, поднимающих вверх корону из листьев. Усеянные цветами вьющиеся лозы источали аромат.

Зейн направился к дверному проему. Там не было ни колокольчика, ни кнопки звонка, так что пришлось зайти, не сообщая о своем прибытии.

Внутри это место напоминало собор, но с буйной растительностью, разросшейся повсюду. Живые арки деревьев поддерживали темно-зеленые ковры папоротников. Из поросших мхом родничков капала вода. Повсюду царила жизнь, зеленая и прекрасная.

Зейн прошел в залитый солнцем центральный двор, где стоял занавешенный полотнищами туманной дымки

трон из темно-зеленого жадеита. Это был тронный зал Природы.

— Добро пожаловать, Танатос, — произнес голос, в котором слышалось дуновение ветра и пение птиц. — Ты хочешь знать, к чему все эти препятствия?

— Да, хочу, — резко ответил Зейн. Ему не очень понравилось, что Природа называет его тем именем, каким называли Смерть древние греки. — Если ты желала меня видеть, могла бы по крайней мере облегчить мне путь.

— О, но ведь я именно это и сделала, Танатос! — возразила Природа, идя ему навстречу. Часть тумана двинулась вместе с ней; на самом деле это была ее одежда, то утончавшаяся, то уплотнявшаяся в самых интересных местах. Зейн обнаружил, что эффект получается очень интересный, хотя и был уверен, что Природа отнюдь не юна.

— Каким же образом?

— Я проложила тропу, которой мог воспользоваться только один из нас, — пояснила Природа. — Обычно здесь вообще нет никаких троп и никаких созданий, проникших сюда из внешнего мира. Эта тропа должна была преградить путь как любому полностью смертному существу, так и любому полностью бессмертному. Тем самым я обеспечила нам возможность встретиться наедине.

— Именно так я сперва и подумал, но вокруг было полно других людей, — сказал Зейн. — Какие-то придуры на земле, на воде и в воздухе. Со мной трижды чуть не произошел несчастный случай.

— Неужели? — без особого удивления поинтересовалась Природа.

— Не делай вид, что тебе об этом неизвестно, Зеленая Мать!

Природа улыбнулась так, словно услышала комплимент. Ее довольно миловидное лицо было обрамлено буйной копной волос, то зеленых, как трава, то синих, как вода — цвета неуловимо переходили друг в друга и переливались. Их взгляды встретились, и оказалось, что глаза Природы напоминают два холодных глубоких омута, ярко освещенных огнем. Зейн понял, что эта женщина обладает огромной силой, внуша-

ющей благоговейный страх. Ее действительно не стоило дразнить.

— Я знала, что этим путем пройдешь только ты, Танатос.

— А кто в таком случае все остальные? Они что, мне померещились?

Природа с улыбкой вздохнула, и ее окутанная туманом пышная грудь сжалась, словно тающее облако.

— Вижу, ты все еще не совсем понял мои маленькие хитрости. Всеми остальными был ты сам.

— Сомневаюсь. Мне совершенно не хотелось подобных столкновений.

— Присядь, Танатос, — сказала Природа, похлопав по стволу ротанга. Ее рука отливалась перламутровым блеском. Зейн понял, что все живое принадлежит ей, включая жемчуг, созданный живыми существами. — Я поясню эти детали, чтобы мы могли перевести разговор в надлежащее русло.

Зейн сел — с распоряжениями Зеленої Матери не спорят. Ротанг с такой фамильярностью принял форму его тела, что Зейн почувствовал себя неудобно.

— Поясни.

— Человек часто является врагом самому себе, даже если не знает об этом. Такова природа животного. Мне хорошо она известна.

Ну естественно, Природе известна природа людей!.. Но какое это имеет отношение к полосе препятствий, которую ему пришлось преодолеть?

— Один раз ты ехал на велосипеде, — продолжала Природа. — Другой раз вел машину. И третий — шел пешком. Ты был один, и вас было трое. Менялись только декорации.

— Я побывал в трех столкновениях, — согласился Зейн. От этой женщины исходило волнующее ощущение понимания, но Зейн пока не понимал, к чему она клонит.

— Ты был тремя. Одно столкновение, три взгляда на него. Три варианта, как реагировать.

— Я был тремя? — переспросил сбитый с толку Зейн.

— На дороге не было никого, кроме тебя. Просто время было неким способом искривлено. — Природа мрачно усмехнулась, и на мгновение ее зубы сверкнули,

словно клыки. — Хронос задолжал мне услугу. Я не могу самостоятельно искривлять происходящее. Мы, воплощения, должны помогать друг другу.

— Друг другу, но не мне? — У Зейна закружилась голова. — Одно столкновение, увиденное тремя способами? Ты говоришь, что я был водителем — и велосипедистом — и пешеходом — и только тогда, когда я был велосипедистом, я воспринимал происходящее как поездку верхом на грелке, а когда я был пешеходом — как плавание? Ты изменяла способ видения так, что я не мог этого понять? Я прошел один путь трижды?

— Ты схватываешь на лету, — согласилась Природа. Ее похвала была приятна Зейну, несмотря на то что его гнев еще не улегся.

— Я так понимаю, что ты зажгнала меня на дорогу, ведущую через ленту Мебиуса с отдельными элементами призмы, так что я трижды прошел через петлю. Но зачем?

— Мы уже отвечали на этот вопрос. Смертный не мог пройти там; чары, лежащие на снаряжении, не сработали бы в руках смертных. Бессмертный также не в силах здесь пройти; ангелу не нужно никакое снаряжение, а тропу можно пройти только при его помощи. Демон дрался бы насмерть при первом же столкновении, поскольку им свойствен именно такой взгляд на вещи.

— Мне очень хотелось устроить драку, — признался Зайн. — Этот заносчивый идиот в моторной лодке... — он уныло усмехнулся. — Который был мною... Из машины все смотрелось совершенно иначе! Я думал, что дорога принадлежит мне, а остальные вторгаются на мою территорию. Как пешеход или пловец я не обращал внимания ни на что, думал только, как бы успешно закончить путь. А как велосипедист или наездник на грелке я находился посередине, между заносчивым водителем и ко всему безразличным пешеходом. Похоже, оба были не правы. Теперь, оглядываясь назад, я недоволен своими действиями.

Природа пожала плечами, отчего по ее туманному одеянию пробежала очень занятная рябь. Иногда Зеленая Мать казалась полной, а иногда — чувственной; туман постоянно скрывал истину.

— У тебя еще будет время, чтобы обдумать все по-подробнее. Ты преодолел эти препятствия, что под силу лишь подлинному воплощению, хотя может показаться, что ты шел наугад. Мы, инкарнации, не совсем живые и не совсем мертвые; мы — совершенно особая категория, владеющая уникальными силами. Мы занимаем свои должности, но иногда мы и есть эти должности. Мы подобны свету — и волна, и частица одновременно. — Природа взмахнула рукой, отмечая эту тему. — Теперь мы наконец наедине.

— Подожди, — сказал Зейн, кое-что припомнив. — А каким образом демон мог бы драться до смерти? Он же и так уже мертвый.

— Возможно, правда, что демон не может умереть, — но если ты убьешь занимаемое демоном тело, то он больше не сможет им пользоваться и будет вынужден вернуться прямиком в Ад. На практике это одно и то же.

Зейн вернулся к другой теме:

— А почему так важно, чтобы мы оказались наедине? Мы что, должны обменяться какими-то тайными сведениями?

— Да, должны. Мы — смертные бессмертные. Мы не можем допустить, чтобы наши тайны стали известны обычным смертным, иначе нас перестанут уважать. Мы также не можем говорить об этом с Вечными, потому что лишимся своей силы.

— Какие тайны? — спросил Зейн. — Я просто выполняю свою работу.

— Насколько ты ее себе представляешь.

— А что, я чего-то о ней не знаю?

— Возможно. — Природа присела в кресло, образованное живым деревом, и ее туманное одеяние слилось с окружающим туманом. — Позволь продемонстрировать на одном не совсем удобном примере.

Природа взмахнула рукой, и внезапно Зейн ощутил мощный прилив вожделения. Ему хотелось заняться сексом, немедленно. Зейн обнаружил, что он встал — причем во всех смыслах — и приближается к Природе.

— Нет! — прохрипел Зейн. Он знал, что это — не его собственное желание, что оно навязано ему извне.

Природа лишь усмехнулась.

Зейн приблизился к ней вплотную, но заставил себя схватиться за ее душу, а не за тело. Обтянутая перчаткой рука прошла сквозь дымку тумана и сквозь плоть Природы, и пальцы Зейна вцепились в ее душу. Зейн потянул душу и частично извлек из тела.

Природа задохнулась, словно от внезапной боли. Охватившее Зейна эротическое возбуждение склынуло так же внезапно, как и появилось. Заклинание Природы перестало действовать. Зейн разжал руку и вынул ее из тела Природы.

Природа глубоко и судорожно вздохнула, и туман вокруг нее сгустился. Ее невозмутимость несколько уменьшилась.

— Я показала тебе часть моей силы, — тяжело дыша, произнесла она. — А ты показал мне часть своей. Зейна снова осенило.

— Я тоже имею власть над живым — в какой-то степени!

Зейн вспомнил, как реагировала его клиентка в госпитале — старая женщина, чем-то похожая на его мать, — когда он попытался забрать ее душу. Это было для него ужасным потрясением — впервые извлечь душу из живого тела.

— Да, Танатос. Никто не может помешать инкарнации, занимающейся своим делом, — даже другая инкарнация. Впрочем, нам невыгодно мешать друг другу. Личные силы каждого из нас нерушимы. Никто... — Природа на миг умолкла, бросив на Зейна загадочный и многозначительный взгляд, и глаза ее были словно два окна, распахнутые в бушующую в ночи бурю, — никто не может безнаказанно встать поперек дороги кому-либо из нас.

Откровение Природы потрясло Зейна. Он прежде не понимал, как быстро и специфично она способна воздействовать на него и как он способен воздействовать на нее. И собственная сила удивила Зейна не меньше, чем сила Природы. Но он взял себя в руки и вернулся к прежней теме:

— Итак, ты вызвала меня сюда, чтобы рассказать о чем-то и показать мне что-то, и в то же время воздвигала препятствия у меня на пути. Что на самом деле у тебя на уме?

К ней вернулось прежнее спокойствие. Конечно, Природа была необычайно выносливым и упорным существом.

— Ты встречался с другими.

— Полагаю, ты имеешь в виду другие особые фигуры — Время, Судьбу, Войну? Да, мельком.

— Мы действительно отличаемся от остальных, Танатос, мы — смертные бессмертные. И мы отличаемся друг от друга, но взаимодействуем запутанными, хотя очень существенными способами, влияя на векторы друг друга.

— Векторы?

— Не думаешь же ты, что кто-нибудь из нас полностью свободен? Так же, как векторы силы, высоты над уровнем моря, ветра, температуры, влажности и атмосферного давления, взаимодействуя, определяют, куда упадет брошенный мяч, так и различные относящиеся к делу факторы определяют, как будет идти война, или как будет двигаться холодный атмосферный фронт, или когда закончится дарованная жизнь. Это может казаться случайностью или чьим-то капризом, но лишь потому, что ни один смертный и большая часть бессмертных не в состоянии понять природу действующих сил. Мы не свободны — никого из нас нельзя считать полностью свободным, — но мы обладаем относительной свободой действий, и в этом проявляется разница тех должностей, которые мы занимаем. Каждое воплощение способно в определенной степени противиться другому, если остальные это допускают, но мы предпочитаем не делать этого без веских причин.

Зейну стало любопытно.

— Как можно противодействовать Смерти, даже если Смерть это допускает?

— Судьба может устроить подмену, обрезав нить.

Зейн почувствовал озноб — похоже, такое уже случалось.

— Судьба? Зачем это Судьбе?

— Хронос может приостановить приближение пред назначенного.

— Да, но зачем?..

— Марс может подстроить раскол общества, который вообще изменит всю картину.

Природа явно не собиралась отвечать на его вопрос. Однако, похоже, сейчас стоило настоять на своем.

— А как насчет Природы? Какие хитроумные фокусы ты прячешь под своим туманом, кроме сомнительного дара вызывать вожделение?

— Покажи свою душу, — сказала Природа.

— Мою душу?!

Потом Зейн сообразил, о чём идет речь, и вытащил душу танцевавшей девушки. Тогда он машинально засунул свою сумку для душ в карман и лишь сейчас о ней вспомнил.

Природа окутала душу лоскутом тумана.

— Не надо недооценивать силу инкарнаций, Танатос. Когда удалишься отсюда, зайди в склеп и проверь эту душу. Тогда и поймешь.

Зейн положил душу на место. Никаких изменений в ней не чувствовалось. Может, Природа просто блефует?

— Ты притащила меня сюда только из-за этого?

Зеленая Мать рассмеялась, и маленькие клочья тумана поплыли в разные стороны.

— Отнюдь. Я лишь продемонстрировала на примере этой души свое преимущество, чтобы ты научился надлежащим образом и с должным вниманием относиться к тому, что я имею в виду.

— И что же ты имеешь в виду? — нетерпеливо воскликнул Зейн.

— Как ты полагаешь, какой была самая древняя профессия, возникшая среди рода людского? — спросила Природа.

Что ей теперь взбрело на ум?

— Это была женская профессия, — осторожно ответил Зейн.

— Неверно, Танатос. Женщины к такому не допускались. Древнейшая профессия — это шаманы, лекари-колдуны.

— Лекарь-колдун?! — недоверчиво переспросил Зейн. — Да что он мог сделать до возникновения современной магии?

Но, произнеся эти слова, Зейн вспомнил рассказ Молли Мэлоун о древних художниках, расписывавших стены пещер, и об их ныне утраченном умении

воздействовать на души животных. Современным достижениям должно было предшествовать практическое изучение магии.

— Шаман — первый представитель свободных искусств. Вождь племени был человеком действия, а шаман — человеком ума. Ему наверняка приходилось нелегко в первобытные времена, когда и магия, и наука работали еще ненадежно, но он был настоящим предвестником будущего. От него произошли те, кто старается понять «почему», а не только лишь «как»: врачи, философы, священники, маги, артисты, музыканты...

— Все те, кто так или иначе связан с Природой, — согласился Зейн, хотя сам он был не вполне уверен, что артисты и художники действительно принадлежат к этой категории лиц. Эти профессии были более субъективны, чем прочие. — Но твое преимущество...

— Это путь.
— Путь к чему? Ничего не понимаю!
— Ты сторонник эволюционизма или креационизма?
— И того и другого, конечно! И что?
— Некоторые полагают, что эти теории противоречат друг другу.

Природа снова сменила тему — такая ее привычка просто-таки бесила Зейна.

— Не вижу никакого противоречия. Бог создал Все-ленную за неделю, а Сатана заставил ее развиваться. Таким образом, мы располагаем и магией, и наукой одновременно, что и требовалось. А иначе как это могло произойти?.. Ну так что ты собиралась мне сказать? У меня есть и другие дела.

— Мы боимся неизвестного, — продолжала Природа. — Потому-то человек стремится все объяснить, осветить то, что остается во тьме. При этом его всю жизнь влекут к себе тайна, случай, риск. — Природа бросила на Зейна загадочный взгляд, и он убедился, что она, подобно остальным инкарнациям, знала, как он рисковал деньгами, а потом и самой жизнью. — Человек — любопытное создание, и любопытство может погубить его, но может и многому научить. На сегодняшний день у нас имеются и ядерная физика, и особые заклинания против демонов.

— Причем и то и другое опасно для здоровья! —
огрызнулся Зейн. — И еще неизвестно, что опаснее —
ядерный взрыв или выпущенные на Землю шеренги
демонов Ада. Возможно, на этот вопрос ответит третья
мировая.

— Надеюсь, мы сможем получить ответ с меньши-
ми потерями, — сказала Природа. — Хотя мне и не хо-
чется лишать Марса его звездного часа. Но предполо-
жим, человечество все же заслуживает спасения.

— Конечно же, оно заслуживает спасения!

— В самом деле? — спросила Природа, обратив на
собеседника взгляд своих загадочных бездонных глаз.

Неожиданно Зейн почувствовал сомнение, но за-
гнал его поглубже.

— Давай ради дискуссии предположим, что челове-
чество заслуживает спасения. Какова твоя точка зре-
ния?

— Здесь способно помочь уважение к определенно-
му образу мыслей.

— Помочь предотвратить войну? Но как?

— Путем формирования мыслительного процесса.

— Формирования? — Зейн был раздосадован, одна-
ко не хотел показывать, насколько он запутался. Если
у Природы есть идея, как тут можно действовать, надо
ее понять.

— Человеческое мышление не линейно, — продол-
жала Зеленая Мать, рисуя в воздухе туманную линию,
напоминавшую тающий в небе след самолета. — Хотя
последовательное формирование вполне прямолинейно
и в определенных обстоятельствах весьма полезно.

Зейн созерцал полосу тумана.

— Последовательное?.. — озадаченно спросил он.

— Представь себе синапсы своего мозга как множе-
ство переплетенных отростков, соединяющих голову с
хвостом. Твои мысли путешествуют по этим малень-
ким тропкам. — Природа провела рукой, разделив лин-
ию на пять частей: — — — — . — Таково последо-
вательное формирование — как поездка по шоссе, от
начала до конца.

— А, теперь понимаю. Синапсы соединены в ряды.
Полагаю, мы думаем именно таким способом, хотя
существуют и альтернативные пути.

— Совершенно верно. Существует целая система альтернативных путей. — Природа стерла туманную полосу, а потом прочертила пять новых: . — Таково параллельное формирование — разумеется, очень быстрое и сильное. Фактически оно приводит к некоему выводу, основанному на множестве фактов. Возможно, это самый мощный способ мышления.

— Но он мало распространен.

— Правильно. Ибо он консервативен, продвигается мелкими шагами и не совершает ошибок, в отличие от привычных нам внезапных прыжков понимания, которые дают последовательные построения. Однако он бывает полезен, когда того требуют обстоятельства.

— Может, и так. Но твое...

— Ты временами пользуешься этим типом мышления, — с улыбкой сказала Природа. Она сложила губы трубочкой и выдула колечко тумана, которое кружась взлетело к потолку. — Ты цепляешься за сущности, а они не всегда могут сослужить тебе хорошую службу.

— У меня были проблемы в Чистилище именно потому, что я не цеплялся за сущности! — возразил Зейн.

— Тогда мы получаем творческий склад ума, — весело продолжала Природа, стерев параллельные линии и нарисовав пять линий, расходящихся из одной точки: . — Расходящиеся мысли, не связанные рамками текущей ситуации.

— Идущие во всех направлениях, — согласился Зейн. — Но...

— И шизоидный склад ума, — произнесла Природа, рисуя пятиугольник: . — Здесь мысли ходят по кругу и никуда не приходят.

— А это чем полезно?

— Это может помочь человеку примириться с уродливой действительностью, — пояснила Природа.

— Я не понимаю, при чем...

— И, наконец, существует склад ума, склонный к интуиции. — Природа нарисовала в воздухе еще одну фигуру: — || — . — Внезапный прыжок к выводу. Не самый надежный способ, хотя иногда он срабатывает там, где остальные не годятся.

— Пять типов мышления, — сказал Зейн, сдерживая раздражение. — Я уверен, что все это очень интересно. Но что ты собиралась мне сказать?

— Я уже сказала, — спокойно ответила Природа.

— Что ты мне сказала? Ты постоянно уклонялась от темы!

— Какой темы?

Зейн понял, что с него хватит.

— Я не намерен играть в твои игры.

Он направился к выходу из крепости. Природа его не задерживала.

Выбраться из жилища Природы оказалось намного легче, чем туда попасть. Зейн прошел по тропе лишь несколько сот шагов через лес и неожиданно очутился на лугу, так и не наткнувшись ни на озеро, ни на болото, ни на непроходимую чащу. Морт и Луна ждали его.

— Ну и что старушка Природа так настойчиво желаала тебе сказать? — лукаво спросила Луна.

— Она не старушка. По крайней мере мне так не показалось.

— Определил с точностью до декады?

— Ты что, ревнуешь? — не без удовольствия спросил Зейн.

Луна оглядела себя, словно проверяя, нет ли на ней камня правды.

— Конечно, нет. И сколько же ей лет?

— Я даже не могу сказать. Она одевается в туман.

— В туман?

— В какую-то дымку, что скрывает все ее тело. Но у меня осталось ощущение молодости, или по крайней мере не старости.

— Природа не имеет возраста.

— Думаю, так оно и есть. Хотя то же самое можно сказать и о Смерти.

Луна жестом собственницы взяла Зейна за руку:

— И я собираюсь присвоить Смерть себе. Так что же, получается, у нее не было для тебя никакого важного сообщения или предупреждения? Если смертным вроде меня этого знать не положено, ты так и скажи.

Зейн принужденно рассмеялся:

— Ничего подобного! Кажется, она просто хотела поболтать.

— Или посмотреть на того, кто теперь занимает важную должность.

— Может, и так. Она говорила о том о сем, об эволюции, о шаманах как о древнейшей профессии, о типах мышления, о том, как другие воплощения могут всякими извилистыми путями помешать мне, если я это допущу. Она посмотрела на душу, которую я подобрал по дороге сюда, и намекнула, что может возродить ее.

— Возможно, она просто над тобой насмехалась, а заодно и присматривалась к тебе, так сказать, снимала мерку. Бывают такие женщины, и Природа наверняка из их числа.

— Пожалуй, — согласился Зейн. — Скоро я узнаю, что она сделала с душой.

— Интересное вышло у нас свидание, — заметила Луна, когда они оказались на спине у Морта.

— Если ты встречаешься со Смертью, то не следует удивляться разным мрачным происшествиям.

Конь взмыл вверх — он знал, куда идти. Луна обняла Зейна и крепко прижалась к нему.

— С тех пор как я познакомилась с тобой, перспектива смерти волнует меня гораздо меньше, — сказала девушка, когда они мчались над миром. — Может быть, именно это мой отец и имел в виду.

Зейн промолчал. Он так и не смог смириться с мыслью, что Луну ожидает ранняя смерть. Что будет с ним, когда она уйдет? Существует ли возможность избежать подобной судьбы? Зейна не беспокоил список отягчающих душу Луны грехов, который будет записан на официальной надгробной плите; Луна — хороший человек.

Морт опустился рядом со зданием, в котором проводились панихиды. Здесь, в Сан-Диего, все еще царила ночь — точнее, раннее утро, — и город окутывала тишина.

Дверь была заперта, но открылась от прикосновения перчаток Смерти — ни одна материальная преграда

не могла задержать Смерть. Они вошли вовнутрь и добрались до морга, где хранились, пока не пройдет положенный период ожидания, тела недавно умерших людей. Зейн воспользовался своими камнями, чтобы определить, в каком контейнере лежит тело девушки, умершей во время танца, и выдвинул его. До этого Зейн не догадывался, что если он захочет, то при определенном усилии камни отыщут и лишенное души тело; они обладали куда более широким диапазоном возможностей, чем было известно Зейну.

Девушка лежала в контейнере, совершенно мертвая и довольно неприглядная — с остекленевшими глазами и подвязанной нижней челюстью. Ее внутренности были удалены, а кровь заменена бальзамирующей жидкостью.

— Вот уж воистину необычное свидание, — пробормотала Луна.

Зейн открыл свою сумку и извлек оттуда душу девушки. Осторожно встряхнул ее, развернул и поместил рядом с телом.

— Ничего большего я не могу сделать...

Душа нырнула в труп. Мгновение спустя обнаженное тело содрогнулось, и глаза приоткрылись. Послышалось хриплое дыхание.

— Она жива! — воскликнула Луна. — Мы должны забрать ее из контейнера!

— Природа не блефовала! — произнес Зейн. — И действительно вернула эту девушку к жизни!

Он обхватил остывшее тело и приподнял его. Оно оставалось застывшим, словно трупное оцепенение еще не прошло, однако девушка была жива и могла двигаться.

Луна помогла ему перенести девушку в более теплое помещение. Они обработали ее руки и ноги, растерли их и вернули им гибкость, но этого было недостаточно. Дыхание девушки стало менее глубоким, а оцепенение не уменьшилось.

— Ее нужно согреть, — сказала Луна. — Иначе она снова умрет. Она слишком долго пробыла в морозиль-

ной камере, а заклинание Природы может оказаться краткосрочным. Я прибегну к магии...

— Но это удлинит список твоих грехов! — попыталася возразить Зейн.

— Какая разница? Я и так уже обречена попасть в Ад.

Луна достала драгоценный камень.

Зейн не стал мешать ей. Он знал, что Луна сказала правду. В данном случае использование черной магии уже не могло причинить ей серьезного вреда. Что за злая насмешка — увеличить тяжесть своего проклятия, пытаясь сделать доброе дело!.. Иногда Зейну казалось, что в потустороннем мире не существует справедливости.

Камень окружило мягкое голубое сияние. Луна поднесла его к холодному телу девушки; тело тут же потеплело и расслабилось. Сияние коснулось рук Зейна, поддерживавшего девушку, и он почувствовал, что от камня волнами исходит мягкий, но мощный жар.

— Похоже на микроволновую печь! — воскликнул Зейн.

— Да, тут сходный принцип, — согласилась Луна. — Все, что может наука, может и магия, и наоборот. Различны лишь механизмы.

Теперь девушка быстро приходила в себя. Ее дыхание стало более глубоким, а тело — гибким, и к нему вернулся нормальный цвет.

— Ч-что?.. — пробормотала она.

В тот момент когда девушка заговорила, Зейн стоял у нее за спиной и, сцепив руки под грудью, удерживал полумертвое тело в стоячем положении, что было не так-то просто и требовало усилий. Зейн остался стоять, как стоял, хотя ход его мыслей несколько изменился — нет, не в сторону хода мыслей мужчины, который держит в руках обнаженную девушку. Если он отпустит ее, а она обернется и посмотрит в лицо Смерти...

Луна осознала проблему одновременно с Зейном.

— Мы должны найти для тебя какую-нибудь одежду, дорогая, — обратилась она к оживленной.

Зейн продолжал поддерживать девушку, пока Луна осматривала помещение — не прекращая успокаивающее разговаривать.

— Дорогая, некоторое время ты будешь чувствовать себя не очень хорошо. Видишь ли, ты слишком много танцевала и потеряла сознание. Остальные подумали, что ты умерла, и положили тебя в подвал. Поэтому ты так замерзла.

— Замерзла, — согласилась начавшая дрожать девушка.

Луна обнаружила одеяло.

— Закутайся в него. Мы должны объяснить тебе еще одну вещь. Ты близко подошла к грани — настолько близко, что от Смерти потребовали, чтобы он взял твою душу. Однако выяснилось... в общем, она решила не забирать тебя. Так что не беспокойся: Смерть уходит, а не приближается.

— Смерть? — Девушка пока что плохо соображала, но это было вполне понятно.

Зейн отпустил девушку, и Луна помогла ей закутаться в одеяло. Девушка обернулась и впервые увидела лицо Смерти. Она задохнулась от изумления, но не отшатнулась.

— Смерть не забирает тех, кто еще не готов уйти, — успокаивающее сказала Луна. — На самом деле она твой друг, а не враг. Ты сможешь объяснить своим знакомым, что произошло. Мол, ты погрузилась в сон так глубоко, что увидела Смерть, которая прошла мимо. Хотя это принесет тебе сомнительную известность.

— О да, — слабо кивнула девушка. — Рада с вами познакомиться, Смерть. Я много о вас слышала.

Взволнованной она не выглядела.

В должное время Зейн и Луна отвели девушку к друзьям, которые встретили ее как восставшую из мертвых.

— И держись подальше от подозрительных танцевальных туфелек, — напутствовала ее Луна на прощание.

Они вернулись на Морте обратно в Кильваро, промчавшись галопом по предрассветному небу.

— Замечательное свидание, — повторила Луна, поцеловав Зейна на прощание. — Не должны ли мы назвать это любовью?

— Любовью? — неуверенно переспросил Зейн. Чувство, которое он испытывал к Луне, было более глубоким, чем к какой-либо женщине прежде, но не было пылким.

Луна нахмурилась.

— Нет, пока еще нет, — она улыбнулась чуть печально. — Возможно, все еще впереди.

Г л а в а 9

Бюрократия

3

Зейн отправился на работу — ликвидировать отставание. Он понемногу набирался опыта и теперь уже чувствовал, когда кто-то готов отдать душу, даже не прибегая к помощи Часов Смерти. К тому же он обнаружил, что все чаще задумывается о природе своей должности. Смерть была не бедствием, а необходимой частью жизни, переходом к Последизни. Трагедия заключалась не в смерти как таковой, а в преждевременной смерти, приходящей раньше, чем нить дарованной жизни завершится естественным путем. Очень многие люди сами укорачивали отпущенный им срок — например самоубийством, совершенным в состоянии наркотического опьянения или в результате вмешательства черной магии. Да и сам он был настолько глуп, что пытался покончить с собой из-за ухода женщины, которая, в сущности, его уже не интересовала.

Зейн осознал, что он на самом деле не жил, пока оставался живым. В смерти он родился заново.

Теперь, втянувшись в новую работу — работу Смерти, — он стал верить, что в состоянии выполнять ее хорошо. Дело было даже не в расширявшихся способностях, а в намерениях. Возможно, предшественник Зейна мог работать и лучше — но не стремился. Зейн был хуже подготовлен, зато очень хотел все делать правильно. Он не собирался быть жутким, вызывающим ужас призраком; он попытается сделать необходимый переход от жизни к Последизни легким для всех. Почему этого нужно бояться?

Конечно, Зейн все еще проходил свой испытательный срок. Если высшие силы не одобрят его работу, личное соотношение добра и зла в Зейне пострадает, и, после того как он покинет свою должность, его будет ждать Ад. Но, насколько было известно Зейну, ни одна из сил не может сместить его с занимаемой должности. По крайней мере до тех пор, пока он будет осторожен. Так что, если он хочет погубить свою душу, он может продолжать в том же духе до бесконечности, выполняя работу хорошо.

Да, это было так.

— Чертова Вечность! — ругнулся Зейн. — Я прав и делаю то, что должен. Пускай Бог меня проклянет или Сатана благословит, но я хочу знать, что вершу правосудие честно.

Неожиданно Зейн почувствовал себя гораздо лучше; сомнения были побеждены.

Нынешний клиент Зейна находился под землей не-подалеку от Нэшвилла, столицы музыки кантри. Для Морта, способного свободно проходить сквозь землю, не составило ни малейшего труда доставить наездника в нужное место. Зейн увидел слой песка, гравия и разных пород камня, прежде чем добрался до наклонной шахты, прорезающей угольную жилу, и дошел до небольшого штрека, в котором недавним обвалом замуровало двоих горняков. Для них не осталось никакой надежды. Воздуха было мало, а спасателям требовался не один день, чтобы пробиться к тем, кого застиг обвал.

В шахте царила непроглядная темнота, но Зейну все было хорошо видно. Похоже, новая должность придала Зейну магическое зрение, так что обычная темнота не могла помешать ему видеть, что творится вокруг. Шахтеры лежали у образованной завалом стены, сберегая силы и дыхание. Они знали, что отсюда выхода нет.

— Привет, — сказал Зейн, чувствуя себя очень неловко.

Один из шахтеров повернул голову. Его зрачки расширились в усилии что-нибудь рассмотреть, и, конечно, Зейн магическим образом стал видимым.

— Ни черта не видно, — пробормотал шахтер, — но, похоже, мы скоро сведем счеты с жизнью.

Второй, разумеется, посмотрел в ту же сторону и увидел Зейна.

— Череп под капюшоном! Это Смерть!

— Да, — сказал Зейн. — Я пришел за одним из вас.

— Ты пришел за нами обоими, — сказал первый шахтер. — У нас осталось воздуха на час, а может, и меньше.

Зейн взглянул на свои часы:

— Меньше.

— О Господи, как не хочется умирать! — сказал второй шахтер. — Я понял, что надежды нет, как только услышал обвал. Так или иначе, мы давно уже жили взаймы, ведь компания не обращала внимания на нарушения правил техники безопасности. Было бы у меня побольше ума, я бы уже давно послал к чертам эту работу!

— Ну и куда бы ты пошел? — спросил первый шахтер.

— Да никуда, — вздохнул второй. — Сам виноват — не приобрел никакой другой профессии. — Он снова взглянул на Зейна. — Сколько времени осталось?

— Девять минут, — ответил Зейн.

— Хватит, чтобы исповедоваться.

— Что?

— Исповедуй меня. Это последнее таинство моей религии. Я никогда не был хорошим верующим, но я хочу попасть на Небеса.

Второй шахтер хрипло рассмеялся:

— Я знаю, что я туда не попаду!

Зейн присмотрелся к камню греха.

— Ты попадешь на Небеса, — сказал он первому шахтеру. — А ты под сомнением. Поэтому я должен забрать твою душу лично.

— Под сомнением? А что это значит?

— Твоя душа балансирует между добром и злом, потому точно не определено, пойдешь ты на Небеса, в Ад или будешь некоторое время пребывать в Чистилище.

Шахтер рассмеялся:

— Это уже хорошо!

— Хорошо?

— По крайней мере я хоть куда-нибудь денусь. Я не боюсь Ада. Я его заслужил. Я обманывал жену, обворовывал правительство... Назначь цену. Я готов платить.

— Ты не боишься Ада?

— Я боюсь лишь одного — оказаться навечно замкнутым в ящике вроде этого, когда воздух уходит, а ты совершенно беспомощен. Я буду находиться здесь еще час, но не вечно. Меня не волнует, что еще со мной произойдет, если только я выберусь отсюда.

— А меня волнует! — сказал первый шахтер. — Я так напуган, что скоро не смогу говорить внятно!

Зейн задумался. Он понял, что умирающий нуждается в том, чтобы кто-нибудь поддержал его в этот момент, не оттолкнул. Зейн решил попытаться помочь.

— Я пришел сюда за одним из вас, находящимся на чаше весов, однако полагаю, что другой больше нуждается в моих услугах.

— Да, лучше помоги ему, — посоветовал клиент, пребывающий в неустойчивом положении. — Не скажу, что мне нравится умирать, но, думаю, я как-нибудь с этим справлюсь. Я знал, на что иду, когда нанимался на эту работу. Может быть, мне понравится в Аду.

Зейн присел рядом с первым шахтером.

— Чем я могу тебе помочь?

— Я же сказал — исповедуй меня. Это будет лучшая помощь.

— Но я не священник. Я даже не принадлежу к твоей церкви.

— Ты — Смерть. Ты можешь это сделать!

Возможно, возможно...

— Тогда я буду слушать и судить твои прегрешения — хотя и так уже знаю, что они невелики.

— Один грех, — беспокойно заговорил шахтер. — Один грех не дает мне покоя многие десятилетия. Моя мать...

— Твоя мать! — произнес Зейн, содрогнувшись.

— Я думаю, что убил ее. Я... — шахтер запнулся. — Эй, Смерть, с тобой все в порядке? Ты выглядишь бледным даже для Смерти.

— Я понимаю, что значит убить мать, — ответил Зейн.

— Это хорошо. Она... Я был тогда подростком... Она попала в больницу, и...

— Я понимаю, — повторил Зейн и взял шахтера за руку. Он знал, что его одетые в перчатки руки на ощупь кажутся костями скелета, но шахтер не отдернул руки.

— У нее был рак, и я знал, что она испытывает сильную боль, но...

Зейн сжал его руку.

Успокоившись, шахтер продолжал:

— Я приходил к ней, и однажды она попросила меня выйти из комнаты и прочитать, что там написано, — ну, знаешь, что пишут на двери. Я вышел и посмотрел, и там было что-то написано, но я не мог прочитать. Наверно, это была латынь. Я пошел обратно и сказал ей об этом, и она спросила, не такое ли слово написано, и произнесла его по буквам. Я подтвердил, что действительно такое, и удивился, откуда она это знает, и она поблагодарила меня. Я думал, она довольна.

Шахтер судорожно вздохнул.

— А на следующее утро мать была мертва. Врач сказал, что она словно сдалась ночью и умерла. Никто не знал, почему это произошло, ведь она так упорно сражалась за жизнь. Но я задумался и вспомнил о слове на латыни, которое я сказал ей, — оно значило «неизлечима». Я сказал, что ей больше не на что надеяться, и она перестала пытаться выжить. Я убил ее.

— Но ты же не знал! — попытался возразить Зейн.

— Я должен был знать! Я должен был...

— Тогда ты оказал ей услугу. Остальные скрывали от нее правду и заставляли несчастную продолжать жить и терпеть боль. Ты избавил ее от сомнений. — Говоря это, Зейн обращался скорее к себе, чем к шахтеру. — Это не грех.

— Нет! Я не должен был допускать, чтобы она узнала!

— Ты бы предпочел продлить ее жизнь при помощи лжи? — спросил Зейн. — И тогда твоя душа была бы чище?

— Если бы ты был на моем месте...

— Да перестань же! — вмешался второй шахтер. — Ты виноват только в невежестве, и ни в чем больше. Я даже не уверен, что там было написано именно это латинское слово, а не другое.

— Откуда тебе знать? — огрызнулся первый шахтер. — Ты на моем месте не был!

— Пожалуй, не был, — с кривой усмешкой согласился второй шахтер. — Я вообще не знаю, кто моя мать.

Первый шахтер запнулся.

— Может, и так, — уступил он. Похоже, сделав эту уступку, он в то же время представил себя на месте другого. Он хотя бы знал свою мать и заботился о ней.

— Нет, я не философ, — сказал второй шахтер. — Я всего лишь грешник. Но не исключено, что если бы у меня была такая мать, как у тебя, то и я мог бы быть лучше. Так послушай же того, кто не имеет никакого права это говорить: ты должен вспоминать свою мать не с чувством горя или вины, а с благодарностью за всю ту радость, которую она дала тебе, пока была жива, и за то, что она направила тебя к Небесам, а не к Аду.

— Для грешника ты удивительно глубоко понимаешь суть вещей! Но если бы только я мог помочь ей прожить подольше...

— Подольше жить в ящике, из которого уходит воздух? — спросил другой.

— Я согласен, — кивнул Зейн. — Ее жизнь подошла к концу. Подобные вещи идут путями, недоступными пониманию смертных. Твоя мать знала об этом, хотя ты и не знал. Если бы существовала возможность выжить, она могла бы продолжать сражаться — ради своей семьи, ради всего того, что она могла еще сделать на земле. Но этой возможности не было, и она предпочла больше не мучить себя. Она отложила жизнь в сторону, как ты мог бы отложить испорченный инструмент, вышла из мрака глубин собственной души и взошла к сиянию Небес.

— Я не уверен...

Дыхание первого шахтера стало судорожным — в воздухе оставалось мало кислорода. Похоже, он тяжелее переносил мучения, чем его товарищ. Зейн не

испытывал никаких затруднений; очевидно, магия поддерживала его и здесь. Он все еще продолжал делать открытия, касающиеся работы Смерти.

— Ты встретишься с ней там, — промолвил Зейн. — Там, на Небесах. И она поблагодарит тебя.

Шахтер не ответил. Зейн отпустил его руку и повернулся к другому, который был его настоящим клиентом.

— Ты уверен, что я ничего не могу для тебя сделать?

Шахтер на мгновение задумался.

— Знаешь, я — циник, но, думаю, я всю жизнь искал в жизни какого-то смысла или, по крайней мере, пытался ее понять. В голове у меня крутится одна песня, и она вроде как держит меня. Наверно, это что-то значит, да только не знаю, что именно.

— Я не слишком искусен в разгадывании тайного смысла, — сказал Зейн. — Но попробовать можно. Что за песня?

— Я не знаю ее названия и вообще ничего о ней не знаю. По-моему, это какая-то старая песня китобоев. Может быть, в моих жилах течет их кровь. Там поют, насколько я помню, что-то вроде: «...и кит взмахнул хвостом, и лодочка разбилась, и я потеряла своего милого, и он никогда не приплывет обратно, о великий Боже! И он никогда не приплывет обратно». Вот это «великий Боже» почему-то берет за душу. На самом деле Бог мне без разницы, но я чувствую душевное волнение, а почему — не знаю.

Зейн заподозрил, что шахтер думает о Боге гораздо больше, чем признается даже самому себе, однако оставил это объяснение при себе.

— Песня выражает крик души, — сказал Зейн, заинтересовавшись услышанным отрывком. В нем действительно было чувство, напоминающее горькие рыдания убитой горем вдовы. — Это протест. «Великий Боже!» Почему так случилось? Кораблекрушение или обвал в шахте. Великий Боже!

— Великий Боже! — эхом отозвался первый шахтер.

— Но почему песня китобоев привязалась ко мне сейчас, когда я похоронен в темной вонючей дыре? — настойчиво спросил второй шахтер.

— Должно быть, какие-то личные ассоциации, — пробормотал Зейн. — Я не умею истолковывать...

— По-моему, ты объяснил достаточно ясно, — сказал первый шахтер. — Утони в глубинах моря, задохнись в глубинах земли, и твоя жена будет горевать.

— Ну, может, и будет, — кивнул второй шахтер, и его лицо прояснилось. — Хотя не думаю, что дело в этом. В песне словно бы есть какой-то тайный смысл. И мне хочется разгадать его.

Шахтер щелкнул пальцами, словно пытаясь вызвать тайный смысл наружу, и звук эхом отдался под сводом штрека.

— Послушай, Смерть, если ты хочешь что-нибудь сделать для меня, то расскажи мне историю об этой песне. Какую угодно, лишь бы в ней был смысл.

Оба шахтера уже начали задыхаться. Времени оставалось мало. Зейн должен был с уважением отнестись к просьбе шахтера, даже если из этой попытки ничего не выйдет. Он подумал несколько секунд и заговорил — и сам поразился своим словам.

— Жила однажды молодая китиха по имени Вилда — плавала в океане и была счастлива в обществе себе подобных. Когда Вилда достигла надлежащего возраста, она решила, что ей пора вступить в брак, как это делают все киты, выносить детеныша и воспитать его. Но потом пришли охотники на своих огромных лодках и убили отца Вилды, и ее мать, и ее друга, и вытащили их из воды, и от них не осталось ничего, кроме крови и внушающих ужас частей тел, которые тут же сожрали акулы. Вилда спаслась, потому что училась магии; она изменила свое тело так, чтобы оно походило на рыбье, и уплыла прочь.

Вилда горевала и пела китиную песню боли и утраты, но, кроме этого, она была разгневана и смущена. Зачем эти маленькие существа, живущие на суше и называющие себя людьми, приходят и убивают китов, которые не причинили им никакого вреда? Полная бессмыслица!.. Вилда сознавала, что у нее нет никакой надежды найти решение этой проблемы, если она не поймет, что движет ее врагами. Тогда Вилда превратилась в человека и пришла в рыбачью деревушку, где жили китобои.

Некоторые люди смеялись над ней — она явилась нагой и ничего не знала об их обычаях. Но юноша по имени Хэнк взял Вилду в свой дом, потому что она была красивой. Хэнк жил вместе с матерью-вдовой. Вдвоем они одели Вилду и научили ее своему языку.

Вилда училась быстро, ведь она была умной китихой и действительно хотела понять природу этих странных существ. Она узнала, что Хэнк китобой и время от времени охотится на китов — так он зарабатывает себе на жизнь. Здесь, на суше, пища была не так доступна, как в море. Люди не могли просто плавать, открывать рты и глотать сочный планктон. А когда было холодно, они не могли перебраться на юг, в теплые воды — путешествовать по суше было трудно. Людям приходилось работать и зарабатывать золото, а это золото они использовали, чтобы покупать все, что требовалось для жизни на суше.

Теперь Вилда поняла. Дело заключалось не во враждебности. Люди жили в более тяжелых условиях, чем киты, и жизнь вынуждала их так поступать, а кроме того, они не считали китов разумными существами. Возможно, если бы люди получили представление о культуре и о чувствах китов, положение вещей изменилось бы и эти ужасные убийства прекратились бы. Вилда попыталась объяснить это Хэнку, но он думал, что она шутит. В конце концов, его отца убил кит ударом хвоста, и матери пришлось растить Хэнка одной. Великий Боже! Как иначе можно относиться к китам? Он попросил Вилду выйти за него замуж, потому что ему нужна была женщина и потому что он верил, будто Вилда послана ему Небесами.

Вилде стало еще труднее — она полюбила Хэнка, хоть он и не принадлежал к ее народу. Тогда она привела юношу на берег моря и вернула себе свой настоящий облик, думая, что, как только Хэнк увидит, что она действительно китиха, он сразу почувствует к ней отвращение. Но Хэнк стал просить, чтобы она вернулась, и извинился за то, что не верил ей, и пообещал, что больше не убьет ни одного кита. В конце концов Вилда поверила ему, и его любовь преодолела непонимание ее природы.

Но теперь Вилда снова стала созданием моря, и зов моря был силен. Как она могла навсегда покинуть соленую воду и жить на суще? И она увидела другого кита, красивого и сильного самца, и подумала, что могла бы вступить с ним в брак. Но кит сказал, что он на самом деле кальмар, который принял эту форму, чтобы узнать, зачем киты поедают его сородичей, не сделавших им ничего плохого. Вилда была изумлена и глубоко огорчена — она никогда не думала, что эти существа обладают чувствами или что они разумны. Как же она могла их истреблять? И стало ей ясно, что смерть — всего лишь цепь событий типа «ешь и сам будешь съеден», и что в этом нет никакой справедливости, а есть только сила, необходимость и случай, и что в этом отношении ее народ ничем не отличается от людей или кальмаров. Все зависит лишь от точки зрения.

Вилда извинилась перед китом-кальмаром, вернулась на сушу, вновь приняла облик девушки и вышла замуж за Хэнка, решив таким образом свою проблему.

— И, возможно, — подвел итог Зейн, — если бы мы, люди, приняли подобный взгляд на наше существование, мы тоже смирились бы с природным ходом вещей, хотя иногда это и причиняет нам боль, особенно если мы умираем преждевременно.

Он остановился, ожидая, что ответят шахтеры. Но в воздухе осталось слишком мало кислорода, и оба шахтера уже были без сознания. Зейн забрал душу своего клиента и вернулся к Морту, сильно сомневаясь, что поступил правильно.

Теперь у него была другая забота. Женщину, которую он знал, собирались забрать раньше времени, а Зейн, в отличие от Вилды, не собирался покорно мириться с судьбой. Но как он может добиться понимания, в котором нуждается?

Природа говорила о существующих способах мышления. Первым был линейный способ, — — — — —, самый распространенный из всех. Может ли он ему пригодиться?

Каков простейший способ получить информацию? Последовать примеру Вилды и спросить того, кто

информацией владеет. Кто же это? Да кто, если не компьютер Чистилища!

Ликвидировав отставание от графика, Зейн специально остановился в Чистилище.

— Я хотел бы просмотреть документы, — сказал он девушки-секретарше.

Секретарша отправила его в крыло, ведающее поступлениями. Там оказался еще один компьютерный центр, где был приготовлен терминал для Зейна. Зейн сомневался, что это тот самый компьютер, с которым он имел дело прежде, однако полагал, что все терминалы подсоединены к одной центральной машине.

Зейн сел и включил терминал.

На экране загорелась зеленая надпись:

«Чем могу быть полезен, Смерть?»

«Я хочу просмотреть статус Луны Кафтан», — набрал Зейн.

«Этот терминал запрограммирован на устный ввод команд, — уведомил его экран. — Луна Кафтан, немертвая, соотношение между божественным и злым началами на настоящий момент равно 35 к 65. Грехопадение находится в пределах, соответствующих самостоятельному переходу в Ад после смерти».

— Точно, — сказал Зейн, удивившись, как компьютер настолько в курсе дел души, которая формально еще не готова к окончанию земного пути. Но, конечно же, в Чистилище должны знать подобные вещи, чтобы составлять для Смерти график работ. — Она обманула своего отца и забрала часть его зла, чтобы он смог попасть на Небеса.

Едва сказав это, Зейн тут же понял, что ошибается. Маг Кафтан искал не пути на Небеса, а свидания со Смертью. Он легко мог бы отдать Луне чуть большую часть своей ноши грехов и наверняка попасть на Небеса, однако вместо этого так все рассчитал, чтобы Смерть пришла за ним лично и представилась возможность поболтать с нею о всяческой чепухе. Точно так же, как Природа вызвала Зейна, чтобы поболтать о своем. Зачем эти могущественные личности заходят так далеко ради подобных мелочей?

«Законы предопределения имеют свои лазейки», — признал экран.

— Если бы ты заправлял Вечностью, то положение вещей изменилось бы? — с усмешкой поинтересовался Зейн.

«Ответ утвердительный», — и на экране возникла карикатурная улыбающаяся рожица, образованная крохотными точками.

— И все же предполагалось, что у Луны будет время на исправление баланса, — продолжил Зейн. — Почему она внесена в список тех, кого ждет безвременная кончина?

«Данная информация в файле отсутствует».

— Человека существенно характеризуют его побуждения, — попытался возразить Зейн. — Чтобы определить, склоняется душа ко злу или к добру, обязательно надо учитывать ее побуждения. Поскольку баланс определяет, кого из людей ждет безвременная кончина и буду ли я, Смерть, заниматься им лично...

«Побуждения клиента фиксируются. Не фиксируются побуждения того, кто запланировал безвременную кончину».

— А кто запланировал?

«Информация в файле отсутствует».

— Как могут подобные распоряжения быть безымянными? — возмутился Зейн. — Как можно безответственно относиться к делам подобной важности?

«Обычно такие указания действительно подписываются», — согласился экран. — Но это не подписано. Предположение: произошла ошибка».

— Ты хочешь сказать, что распоряжение недействительно?

Зейн почувствовал, что его сердце забилось быстрее. Луна может остаться в живых!

«Пауза для проверки... Отмена не обнаружена».

— Но ведь подписи нет? Не следует ли отложить выполнение, пока не выяснится, от кого исходит приказ?

«Не существует инструкции, оправдывающей подобную бездеятельность».

Зейн понял, что машина не намерена брать на себя ответственность за изменение приказа. Бюрократиче-

ская система строилась таким образом, чтобы позволить своим составляющим частям избегать ответственности. Нужно было попробовать добиться цели окольными путями.

— Кто обладает достаточной властью для того, чтобы отдать подобный приказ?

«Уточните вопрос».

Ах да. Он не уточнил, о каком приказе идет речь — о том, который приговаривал Луну к безвременной смерти, или о том, который может отменить первый приказ.

— Кто в состоянии решить, что данная личность должна умереть досрочно?

«Все личности умирают венный срок».

— Прекрати осторожничать со мной, компьютер! Луна Кафтан может прожить еще не менее сорока лет, а при благоприятных обстоятельствах и больше. Почему она неожиданно и загадочно внесена в список смертников?

«Причины, которыми был вызван этот приказ, в мой файл не занесены», — напомнил экран.

— От кого исходит приказ?

«Информация в мой файл...»

— Это отговорка? — в лоб спросил Зейн.

«Да».

Зейн ошеломленно замолчал. Он недооценил способность компьютера воспринимать все буквально.

— Эй, ты! Объясни!

«Я не обладаю информацией, которую, насколько мне известно, вы разыскиваете».

Зейна заинтересовал подобный подход. А не пытается ли машина таким образом ему помочь?

— Что за информация?

«Источник, из которого исходит приказ о преждевременной кончине Луны Кафтан».

— И причина, вызвавшая этот приказ, — подытожил Зейн. — Можешь ли ты получить эту информацию, если я правильно сформулирую вопрос?

«Ответ отрицательный».

Однако появлению этих слов на экране предшествовала некоторая пауза. Любопытно...

— Я некорректно сформулировал вопрос? — без осо-
бой надежды спросил Зейн.

«Ответ утвердительный».

Очень интересно! Значит, какой-то способ обойти препятствие существует, надо лишь его разгадать. Обычные каналы здесь не годятся.

— Как я должен сформулировать вопрос, чтобы получить требуемую информацию?

«Ответ отрицательный».

Отрицательный. На мгновение Зейн задумался. А не значит ли это, что компьютеру не позволено отвечать утвердительно, хотя он может отвечать отрицательно? Ну и как же в таком случае должен звучать вопрос? Имеет ли смысл спрашивать, кто не отдавал этот приказ, или не имеет? Возможно, стоит попытаться.

— Кто не отдавал вышеупомянутый приказ? — спросил Зейн и мысленно затаил дыхание.

«Никто из естественных сил».

А сюда входят многие! И кто же остается, не считая сверхъестественных сил? Воплощения частично сверхъестественны, но они не определяют линию поведения Вечности, а лишь являются ее орудиями. Выходит, остаются Бог и Сатана. Но зачем ранняя смерть Луны могла понадобиться Богу? С другой стороны, Сатана...

— Кто из сверхъестественных сил не имеет причин отдавать подобный приказ?

«Бог».

Исчерпывающий ответ. Но почему Сатана собирается это сделать?

Зейн решил, что ответ таков: Луна не была бы обречена попасть в Ад, поскольку, если бы она прожила подольше, у нее появилась бы возможность спастись. Сатана должен заполучить ее сейчас либо потерять.

Но почему компьютер не мог сказать этого открытым текстом?

Зейн присел и задумался. Что-то здесь не сходится. Машина действовала так же, как и Природа, никогда полностью не выражая свою сущность. Какова же причина?

Маг Кафтан прямого отношения к делу не имел. Он старался не упоминать Сатану, чтобы не привлекать внимания Князя Зла. Компьютер Чистилища вряд ли боялся Сатану, как Кафтан, но, возможно, машине было приказано не печатать его имя именно из этих побуждений. Поэтому компьютер и мог давать ответ только от противного.

Если за всем этим стоял Лукавый, если подложный приказ исходил от него — главной движущей силы всяких ужасов, уступающей в могуществе лишь Богу, — то кто или что в состоянии противостоять ему? Уж конечно, не компьютер Чистилища! Если он навлечет на себя гнев Сатаны, то может однажды обнаружить, что его заменили другой машиной. Это событие не должно вызывать у компьютера никаких эмоций, однако скорее всего разум не стремится к самоуничтожению.

Но если у Сатаны достаточно могущества, чтобы прервать человеческую жизнь, преждевременно обретать нить, почему он в открытую не затребует Луну? Зачем ему морочить всем голову и скрывать свою причастность к этому делу?

Подобная скрытность наводит на мысль, что здесь что-то не так. Сатана, конечно, — Отец Лжи, так что ему это свойственно. Но он забирает Луну очень сложным способом; так имеет смысл делать только в одном случае — если он не может получить ее никак иначе.

Подчиняется ли Сатана каким-нибудь правилам? Наверняка — да, иначе он бы просто заграбастал весь мир и утащил его в Ад — в прямом смысле слова! — без всяких формальностей. Бог и Сатана противостояли друг другу целую вечность и будут противостоять вечно, и ни один из них не может позволить себе растрачивать силы хаотично. Так что правила обязательно должны существовать, если не сформулированные, то хотя бы подразумеваемые, и образ смерти любого человека наверняка определяется ими.

Зейн решил пока что не заострять внимание на этом вопросе. Если Сатана затеял какой-то обман, со стороны Смерти благоразумнее не возражать — до тех пор, пока он не разберется во всем полностью.

Естественно, Сатана не изменит своих планов только потому, что кто-то на Земле возражает против них. Зейн не собирался откладывать это дело в долгий ящик, но ему нужно было сделать этот ящик герметичным.

В конце концов, сложившаяся ситуация затрагивала его напрямую, ибо имела отношение к смерти человека. Природа поставила Зейна в известность, что каждое из воплощений обладает преимуществом в тех вопросах, которые подпадают под его юрисдикцию. Компьютер подсказал ему путь, которым можно разузнать побольше, оставаясь при этом в стороне. Теперь следует свести все воедино и отыскать способ вопреки Сатане добиться исполнения своего желания. Конечно же, он не сможет одолеть Сатану, если слепоринется напролом.

— Спасибо, компьютер, — сказал Зейн. — Ты очень... — тут экран замигал, словно собираясь выключиться, и это напомнило Зейну, что у машины могут быть неприятности, если обнаружится, что она ему помогла, — ...необщителен, — закончил он.

На экране вспыхнула надпись: «В любое время, Смерть», и возникла картинка, изображающая песочные часы.

Зейн покинул Чистилище и включил свой таймер. Всякий раз, если ему приходилось ненадолго отвлечься, его сумка оказывалась переполнена, но теперь он уже к этому привык. Интересно, как Судьба ухитряется составить для своих клиентов такой график, что они бывают готовы именно тогда, когда готова Смерть? Разве может кто-то наперед знать, когда Смерть решит на несколько часов устроить перерыв? Очевидно, все организовано весьма сложно, а Зейн видел лишь внешнюю сторону, да и то мельком.

Кому известно будущее? Ну конечно же, Хронос!.. Понимание обрушилось на Зейна вместе с легкой вспышкой возбуждения. Он сумел увидеть действие системы изнутри. Очевидно, Хронос не просто слоняется без дела. Время постоянно стоит на страже, отслеживает события и предупреждает Судьбу о том, какое расписание следует составить. Хронос отлично осведомлен о деятельности Смерти, как в прошлом,

так и в будущем, и подает знак, когда Зейн слишком долго не включает Часы Смерти.

И компьютер подписался словами «В любое время» и изображением песочных часов Времени. Это была не просто подпись, это была ссылка на Время. Наверняка воплощение знало, что будет происходить, и могло сказать об этом Зейну.

А что толку? Спросить у Хроноса о будущем и получить подтверждение, что через месяц Луна попадет в Ад и опекающий ее демон заполучит девушку на всю оставшуюся вечность? Ничего себе открытие!

Сейчас Зейн приближался к очередному клиенту, ведя машину через район трущоб Нью-Йорка. Он почувствовал запах дыма и несколько мгновений спустя увидел объятым пламенем многоквартирный дом. Камень указывал именно туда; клиент Смерти был застигнут пожаром в этом доме.

Зейн уже опоздал — красная стрелка на таймере коснулась нуля. Зейн поплотнее запахнул свой защитный плащ и шагнул в огонь. Пламя не могло причинить ему вреда; единственное неудобство заключалось в том, что следовало подняться по лестнице, чтобы добраться до клиента, а лестница уже горела и была довольно ненадежной. Огонь не мог остановить его, но вот как насчет падения?

«Поддержи меня», — пробормотал Зейн нечто вроде заклинания и зашагал тверже. Он снова вспомнил замечание Природы: никому из воплощений нельзя помешать в выполнении своих функций, если оно само этого не позволит.

Человек, запутавшийся в постельном белье, бился на кровати, которая превратилась в пылающую преисподнюю. Очевидно, он — хотя в данный момент Зейн даже не мог сказать, был ли его клиент мужчиной или женщиной, — пытался укрыться от огня под кроватью. Но простыни загорелись, а от них вспыхнули волосы и кожа жертвы.

Зейн понимал, что смерть в огне — самая болезненная из всех возможных; он быстро пересек комнату и схватил душу. Охваченное огнем тело расслабилось, когда боль резко покинула его. На этот раз клиент благословил Смерть, принесшую ему избавление

от мук. Но что в том хорошего, если душе предназначено пройти сквозь прижизненное пламя к вечному пламени Ада? Боль жизни ограничена во времени, боль Ада — нет.

По пути к следующему клиенту Зейн осмотрел душу. Он постоянно практиковался в этом, на ходу классифицируя не меньше половины своих клиентов, и стал таким сведущим в обширных категориях греха, что мог не только сказать, много ли грехов отягчает данную душу, но и определить, что это за грехи.

Душа принадлежала десятилетнему мальчику, отягощенному серьезным сексуальным грехом.

Зейн запнулся. В таком возрасте?

Он более внимательно проверил душу и свел всю историю воедино. Она была обычна для трущоб, где несколько семей или несколько ветвей одной семьи живут рядом. Здесь встречались случаи пылкой дружбы и не менее пылкой вражды. Зейн понял, что такая скученность имела тенденцию усиливать присущие людям черты, а в данном случае она дошла до крайности. Достаточно естественное мальчишеское любопытство пробудило скрытые механизмы взрослой любовной истории. Он задал наивный вопрос зрелой женщине, которая, как считалось, присматривала за ним, пока его родственники были на работе. Женщина, будучи неудовлетворенной собственной жизнью, ухватилась за возможность просветить мальчика и подошла к этому вопросу с редкостной тщательностью.

Зейн задумался. Когда взрослый мужчина соблазняет девочку, это считается преступлением; но когда взрослая женщина соблазняет мальчика, это почему-то считается великодушием. Зейн понимал: вряд ли здесь имело место принуждение. Но, очевидно, груз греха лежал на мальчике в той же степени, что и на женщине, особенно если ребенок чувствовал, что эта связь порочна. Личность зрелой женщины подавила мальчика; страх разоблачения смешался с эротическим удовольствием, которое она ему доставляла. Он оказался в ловушке; человек постарше вполне мог бы выбраться из нее, но мальчику не хватило мужества, а возможно, опыта. Все понятно. Мальчик пал жертвой обстоятельств — но все же грех лег на обоих.

Этот случай обеспокоил Зейна. Ему казалось, что ребенка заставили отвечать за случившееся как взрослого, и, на его взгляд, это было несправедливо. Как мужчина, когда-то бывший мальчиком, он мог оценить привлекательность доступных женщин в любом возрасте. Он сам в свое время очень хотел побольше узнать о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, однако ему было отказано: он попытался купить заклинание, позволяющее вызывать суккуба, но продавец отказался вручить подобную магию мальчишке. Зейн до сих пор сожалел об этом; хотя суккубы были не людьми, а духами секса, зато он мог бы многому научиться, не втягивая в это дело тех, с кем стоит считаться. Но, конечно же, в обществе существовали законы, и они имели четко выражющуюся тенденцию к дискриминации детей. Теоретически они должны детей защищать, на самом же деле получалось так, что быть молодым — наказуемо, и законами радостно пользовались те, кто давно вышел из младенческого возраста.

Во всяком случае, Зейн глубоко сожалел, что забрал этого парнишку, которому пришлось отвечать за побуждения, вложенные в него Природой. Зеленая Мать могла сделать это с любым — Зейн сам недавно убедился. Так что грех мальчика являлся всего лишь техническим фактом и вовсе не свидетельствовал о его испорченности. Необходимо изменить определение в сторону большей реалистичности. Но, конечно же, Зейн был бессилен. Он всего лишь Смерть и выполняет свою работу.

— Черт бы побрал эту работу! — отрывисто выругался Зейн. — Почему я должен участвовать в том, что считаю неправильным?

Природа показала ему другой аспект своей мудрости, вернув к жизни девушку, умершую во время танца. Смерть не была окончательной. Не может ли и этот мальчик быть отвергнут подобным же образом? Зейн подумал о том состоянии, в котором сейчас находится тело мальчика, о сгоревшей коже, и содрогнулся. Возвращать душу в такое тело бессмысленно!

А что, если обратиться к Хроносу? Может быть, инкарнация времени способна поместить его в тот мо-

мент, когда пожар еще не начался, и он предупредит мальчика, чтобы...

— Отвези меня к Хроносу, — приказал Зейн Морту, останавливая таймер.

Великолепный жеребец замедлил шаг, потом остановился на поле и принял пасть. Сбитый с толку Зейн огляделся вокруг:

— Я не вижу...

— Тогда обернись, Смерть, — раздался голос Времени. Голосу вторило некое эхо, будто слышно было, как сыплется песок в песочных часах.

Зейн обернулся. У него за спиной стоял Хронос в белом одеянии.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Зейн. — Мне нужно, чтобы ты проявил свою силу, если это не приведет к парадоксу.

— У меня есть сила, и я люблю парадоксы, — ответил Хронос.

— Я только что забрал душу мальчика, — пояснил Зейн, показывая душу. — Я хочу вернуть ее, причем так, чтобы у него появилась возможность поправить свой жизненный баланс. Можешь ли ты это устроить?

— Доставь меня на место, и я дам тебе время, — спокойно сказал Хронос. — Это правда, что воплощениям небезопасно вмешиваться в дела друг друга, но тебе я могу оказать помощь — мы с тобой при необходимости действуем совместно.

Как все оказалось просто!.. Хронос сел на коня позади Зейна, и Морт взлетел.

— Теперь, когда мы полностью ограждены конем бледным, — сказал Хронос, — объясни, что ты на самом деле от меня хочешь.

— Ограждены? — переспросил Зейн. — Ты имеешь в виду, что здесь нас никто не может подслушать, даже?..

— Не произноси это имя, чтобы не накликать его, — предостерег Хронос. — Морт защищает тебя лучше, чем ты сам думаешь, но ничто не защитит от глупости.

— Ну да, конечно, — недовольно согласился Зейн.

— Ты нашел хороший предлог для того, чтобы прийти ко мне, так что у него не будет причин для подозрений.

Зейн об этом не думал, когда шел сюда, но и в самом деле не прочь был расспросить Хроноса.

— Когда я интересовался у компьютера Чистилища статусом Луны Кафтан, он поместил на экране твой символ.

— Очень любопытный случай, — сказал Хронос, некоторое время помолчав, словно припоминал подробности. — Судьба предупреждала меня, что она заметила очень многозначительные нити. Примерно через двадцать лет Луна Кафтан станет орудием...

— Но она же через месяц умрет! — воскликнул Зейн.

— Это так, — согласился Хронос.

— Тогда каким образом она может?..

— История изменчива. Если Луна Кафтан будет жива, она займется политикой...

— Но она художница!

— Уинстон Черчилль тоже был человеком искусства, а Адольф Гитлер учился живописи. Артистический склад характера не препятствует политической действительности.

Зейн подумал о Черчилле и Гитлере, о двух лидерах, противостоявших друг другу во время второй мировой войны между союзниками и странами Оси, когда в ход шла и магия, и наука, и все закончилось первым ядерным взрывом. Зейну не понравилась эта ассоциация. Ядерное оружие в состоянии уничтожить все живое!

— Значит, если Луна останется жива — а такая вероятность существует, — она займется политикой и?..

— И станет инструментом, сорвавшим попытку Безымянного внедрить самого ненавистного из его ставленников в высшие политические сферы Соединенных Штатов Америки.

— Но зачем ему... этой сущности желать политической власти? — спросил сбитый с толку Зейн. — Ведь его царство не от мира сего.

— Как и царство другой сущности. Ни один из них не контролирует полностью предмет спора и поле сражения — мир живых, — хотя каждый извлекает оттуда средства к существованию. Если выражаться языком денег, мир — капитал, а покидающие его души — про-

центы с этого капитала. Важно, сколько душ получает каждый из них. Сейчас победу одерживает тот, что наверху, но реальные перемены в ориентации живущих, проявившиеся после массового ухода в Вечность, могут сместь баланс сил к надиру. Тогда...

— Меня это мало волнует, — сказал Зейн, пожав плечами. — Ты говоришь, Луна предотвратит изменение баланса?

— Да — если будет жива.

— Теперь я понимаю, почему кое-кто желает ее смерти!

— Похоже на то.

Морт добрался до Нью-Йорка и остановился перед горящим зданием, которое уже превратилось в тлеющие руины. Пожарные приехали слишком поздно, как зачастую случалось в этом районе, и потушили пожар при помощи заклинания, перекрывающего доступ воздуха к огню. Теперь они извлекали из руин тела погибших. Те, кто уцелел, еще не оправились от потрясения. Зрелище было печальное.

Хронос перевернул свои песочные часы. Внезапно время застыло, как это произошло, когда Зейн нажал на центральную кнопку таймера. Клубы дыма повисли на месте, а люди замерли, образовав скульптурные группы. Только Хронос, Зейн и Морт сохранили способность двигаться.

Потом струйка песка заструилась из нижней чашки часов в верхнюю. Это вовсе не было похоже на то, что часы перевернули, поместили в антигравитационное поле или наложили на них заклятие левитации. Просто время двинулось вспять; песок поднимался с холмика внизу, струйка его сужалась, проходя сквозь тоненькое горлышко, и попадала в верхнюю часть. Зейн был очарован.

Струйка песка потекла быстрее, куда быстрее, чем это могла бы объяснить любая естественная причина. Уровень песка в верхней половинке часов ощутимо повысился. Но внимание Зейна было приковано к тому, что происходило вокруг.

Стоящие люди стремительно закружились и поспешили разбежались спинами вперед. Пожарные так же поспешно набились в свою машину и дали задний ход.

Внезапно забушевало вырвавшееся из-под контроля пламя. Но это был необычный пожар — огромные оранжево-желтые языки огня втягивались обратно в окна и двери. Дым собрался с бескрайнего ночного неба, клубами понесся вниз и впитался в пламя. Жильцы, пятаясь, подошли поближе к зданию, неся в руках предметы мебели, одежду или еду. Некоторые спиной вперед начали прыгать в огонь, их лица выражали сильнейшее возбуждение. Все происходило с устроенной или учетверенной скоростью.

Вскоре пламя ослабело, втягиваясь в здание, исчезла последняя струйка дыма. Окна снова стали целыми — осколки взлетели и превратились в стекла, — и огонь скрылся внутри.

Время замедлилось, затем остановилось, затем опять двинулось. Песок вновь потек из верхней половины часов в нижнюю, уже с нормальной скоростью.

— У тебя две минуты, Смерть, — сказал Хронос, спешиваясь. — Пользуйся на здоровье.

Зейн еще секунду изумленно смотрел на это проявление моши Хроноса. Как может кто-либо противостоять воплощению, которое способно обращать вспять произошедшие события?

Зейн спрыгнул с коня и помчался к двери. Та была заперта, но открылась от его толчка. Зейн взбежал по лестнице в комнату мальчика, чувствуя его душу в своей сумке. Она по-прежнему у него или обратный ход времени вернул ее в тело? Его, Зейна, этот реверс не коснулся; он не потерял ничего из своего опыта, но мальчик был участником событий, так что душа, наверное, вернулась к нему. Так что же произошло на самом деле?

Зейн запустил руку в сумку и обнаружил, что душа находится там. Впрочем, она немедленно вырвалась у него из руки и полетела вперед. Когда Зейн увидел спящего мальчика, душа погрузилась в тело и скрылась из виду.

Зейн встал над кроватью.

— Просыпайся! — крикнул он. — Просыпайся, или умрешь!

Мальчик проснулся и увидел маячивший над ним призрак Смерти. Он закричал, метнулся в сторону и

скатился с кровати, потом вскочил и бросился к открытому окну.

Зейн прыгнул ему наперерез. Стоило ли спасать мальчишку из огня лишь для того, чтобы тот от испуга совершил самоубийственный прыжок из окна? Зейн попытался вмешаться в работу Судьбы, и результат был спорным — разве что Судьба знала об этом деле и не возражала.

Зейн раскинул руки — руки скелета — и преградил мальчику путь.

— Откажись от этой женщины, — сказал он, помня о грехе, который довел мальчишку до такого критического положения. — Иди и живи праведно.

Мальчик изумленно посмотрел на Зейна, потом в ужасе попятился.

Откуда-то потянуло дымом. Начинался пожар.

— Прочь отсюда! — крикнул Зейн. — Беги на улицу. Живи — и помни.

Мальчик пустился наутек, и мгновение спустя его крики разбудили других жильцов.

— Вставайте! Вставайте! Я видел Смерть! Настоящую Смерть! Бежим на улицу!

Это подействовало. Вскоре жильцы, спасаясь от огня, толпой сбежали по лестницам и выскочили наружу, унося в охапках свое имущество. Многие из тех, кто при первом прокручивании этих событий умерли, при переигрывании остались живы. Мальчик действительно их спас.

Зейн прошел между людьми, никем не замеченный. Он вернулся туда, где оставил коня, и хотел поблагодарить Хроноса, но тот уже исчез.

Что ж, возможно, у Времени были другие дела. Придется поблагодарить Хроноса при следующей встрече. Возможно, он тоже сумеет оказать ему какую-нибудь услугу. А теперь ему нужно заняться своими делами. Зейн включил таймер и настроил его на клиента, которого он на некоторое время отложил.

Зейн проработал весь день, ликвидируя отставание, но мысли его были заняты Луной и ее судьбой. Теперь он знал: Сатана хочет оборвать жизнь девушки до срока, чтобы в будущем она ему не помешала. Более того, остальным инкарнациям это известно. Но никто из

них не попытался что-нибудь предпринять! То ли они были бессильны помешать воле Сатаны, то ли их это не волновало.

А почему, собственно, это должно было их волновать? Если кто и вмешается в дело, так только он сам. Но пока что Зейн ничего не мог придумать. Даже заняться ее переходом он не мог, ведь душа девушки была обречена попасть в Ад. Если бы у Луны оставалось больше времени для того, чтобы восстановить баланс и спасти свою душу...

Может ли он возвратить к Богу? Зейн сомневался — Бог, все еще уважая Конвенцию о невмешательстве, редко принимал участие в делах живущих. Обманом занимался только Сатана — а Сатана вряд ли откликнется на мольбу отказаться от своих усилий.

Зейн почувствовал, как в нем поднимается гнев. Выиграет ли Сатана божественную войну благодаря тому, что он прибегает к обману, а Бог — нет? Однако если Бог сможет противостоять Сатане, лишь прибегнув к обману, то Он сам станет злым и Зло одолеет. Бог не может быть подвержен порче! Следовательно, это действие не может исходить от Бога.

Зейн управился со своим списком и решил навестить Луну.

Девушка не пользовалась камнями-помощниками. Знание того, что она проклята и ее ждет близкая смерть, взяло свою мрачную дань; лицо Луны было бледным, на нем простирали морщинки, волосы превратились в спутанную копну, под глазами залегли тени. Девушка была ненакрашена, да в этом и не было смысла — она явно плакала.

У Зейна перехватило дыхание — он понял, что любит ее. Он обнял Луну и прижал к себе. Ему хотелось успокоить ее, однако он знал, что ему нечего предложить Луне, кроме своей боли.

Зейн поцеловал девушку; она отстранилась.

— Не надо, — сказала она, зная, к чему он клонит.

— Не надо?

— Камни говорят — нет.

Зейна мало беспокоило, что там говорят камни, но он не хотел ни в чем нарушать ее волю.

— Тогда позволь мне держать тебя за руку.

Вместо ответа Луна принялась напевать какую-то мелодию.

Зейн наморщил лоб:

— Я что-то не то сделал?

По лицу Луны промелькнула улыбка, на мгновение осветив ее красоту.

— Это просто народная песня. Извини. Я по рассеянности не заметила, что пою вслух. Я сейчас в плохой форме — камни не могут справиться с горем, они лишь оттягивают его, так что иногда приходится страдать за все разом. В любом случае хочется испытывать естественные чувства, когда речь идет о моем отце или обо мне.

— А что за народная песня?

Луна сделала знак, означавший «сейчас покажу», потом вышла на середину комнаты и запела:

— *Я потеряю тебя, потеряю;
я должен взять тебя за руку.
...Я должен танцевать с тобой.
...Мы все будем танцевать с тобой.*

Они никогда больше не увидятся, потому что она умрет!.. Прилипчивая мелодия, но навевает слишком мрачные мысли. Луна действительно была расстроена, а Зейн не мог облегчить ее горе.

— Я потеряю тебя, потеряю, — снова запела Луна. — Так позволь же мне кружиться в танце...

Луна изящно закружилась, и ее юбка вспорхнула волнами. А Зейну вспомнилась девушка-калека, оказавшаяся пленницей магических туфелек. Луна танцевала прекрасно, но в ее танце не было настоящей радости.

Зейн нерешительно шагнул к Луне. Она снова пропела первый куплет, потом завела припев: «Мы все будем кружиться...» На этот раз Зейн присоединился к ее танцу.

Потом поймал Луну за руку и повел ее к кушетке. Они почти час просидели молча, держась за руки, и за это время расцветающая в Зейне любовь к Луне проникла во все поры его существа. Девушка, которую направил к нему камень любви, была выдуман-

ной, а Луна — настоящей. Как он сможет жить без нее?

— Я пойду с тобой, — неожиданно сказал Зейн.

Луна слабо улыбнулась:

— Немногие посмели бы предложить такое, и я благодарна тебе за это. Но ты не должен попасть в Ад...

— Еще как должен — я нарушаю законы, которым обязан подчиняться, находясь в этой должности!

— Ты нарушаешь их в лучшую сторону. Но даже если ты действительно вскорости умрешь и попадешь в Ад, Сатана не даст нам быть вместе и, конечно, не позволит мне увидеться с отцом. Ад существует для того, чтобы в нем страдали.

— Твой отец не в Аду. Он в Чистилище, заслуживает свое спасение.

— Но есть ли для него возможность попасть на Небеса?

— Конечно, есть! Он ведь хороший человек!

Луна улыбнулась:

— Спасибо тебе.

В должное время Зейн покинул Луну. Теперь он еще сильнее хотел спасти ее, еще сильнее, чем раньше, хотя до сих пор не знал, как это сделать. Он — всего лишь Смерть, должностное лицо. Не ему определять правильность подбора клиентов — а Луна даже не была его клиентом. Пока что не была.

Но, черт возьми, Сатана прибегнул к обману! И это несправедливо! Неужели в Вечности нет справедливости? В какой суд можно послать апелляцию, представить подлинные документы?

Зейн выключил таймер. Морт, не дожидаясь приказа, повернулся в Чистилище — конь знал, чего хочет хозяин.

— Ну конечно, Смерть, вы вправе подать петицию, — сказала девушка-секретарша в административном корпусе Чистилища. — Она будет рассмотрена Советом Бессмертных на следующем заседании, и комитет назначит...

— Когда состоится следующее заседание?

Секретарша заглянула в вечный календарь:

— Через десять земных дней.

— Но ошибка происходит сейчас! — воскликнул Зейн. — Через десять дней может быть поздно!

— Правила устанавливаю не я, — ответила секретарша тем раздраженным тоном, которым чиновники дают понять посетителям, что те могут быть свободны.

Зейн вздохнул. Бюрократы повсюду одинаковы!

Он заполнил заявление и оставил его секретарше. Может, еще успеет... Луна обречена на смерть в течение месяца, а из этого месяца прошло только пять дней. Шансы на проигрыш — десять к двадцати пяти, и пятнадцать к двадцати пяти — шансы на выигрыш. В общем, пока соотношение в его пользу.

Зейна очень беспокоило, что будет делать Сатана.

Г л а в а 10

Горячий Дым

3

Зейн заснул в своем особняке, не обращая внимания на привычную возню слуг, а на следующий день рано встал и отправился на работу. Поскольку ему казалось, что он ничем не может помочь Луне, пока петиция не будет рассмотрена, то попытался отвлечься от мыслей, загрузив себя работой.

Но так уж сложилось, что на этот раз список у него был небольшим. Зейн быстро забрал двух клиентов, потом обнаружил, что у него еще целых полчаса до следующего. Приходить раньше не имело смысла, однако Зейну нужно было чем-то заняться, поэтому он определил направление и направил коня бледного по указанному адресу.

Настоящий медвежий угол на западе Невады, самого малонаселенного района Соединенных Штатов — самого малонаселенного и самого малоприспособленного для жизни. Камни привели Зейна в один из глухих районов, в бесплодную пустошь.

Живописные горы Горячего Дыма, названные так в честь живущих там драконов, были изрыты норами свирепых рептилий. Кое-какая растительность уцелела, но это не имело значения для драконов — те были плотоядными и к тому же предпочитали нежное мясо девственниц. Большой частью драконы рыскали по окружности, охотясь на животных, однако любили побаловаться и человечинкой, когда ее можно было добыть. На самом деле...

На самом деле теперь Зейн вспомнил, что в этих местах обосновались драконопоклонники, сторонники культа, озабоченного благосостоянием огнедышащих экзотических существ. Драконопоклонники прибегали к энергичным закулисным махинациям в Конгрессе, препятствуя созданию в этом районе курортов, ферм с системой ирригации и ракетных установок, напирая на то, что вид драконов с Горячего Дыма не обитает больше нигде, и если не позволить им жить свободно, драконы будут обречены на вымирание, — а они и так уже находились на грани вымирания к тому времени, когда их обнаружили. К счастью, это открытие было сделано человеком, которого интересовали редкие формы жизни. Если бы драконов обнаружили местные охотники или поселенцы, драконы были бы поголовно истреблены и никто бы не поверили, что они вообще когда-то существовали.

Драконопоклонники выиграли несколько исков, а широкая общественность как раз с большим вниманием относилась к защите окружающей среды, так что драконов по большей части никто не трогал. Но им по-прежнему нужно было есть, и девственницы всех видов пользовались большим спросом. Драконопоклонники постоянно подыскивали новые жертвы. Человеческие жертвоприношения являлись противозаконными, но за этим было трудно уследить, а у властей штата постоянно не хватало персонала.

Вскоре после того как Зейн прибыл на место, где ему предстояла встреча с клиентом, он увидел хорошенькую, очень испуганную девушку, едва достигшую брачного возраста. Девушка находилась в клетке. Люди, сидящие вокруг костра, явно рассчитывали дымом приманить дракона. Зейн не знал, каким образом драконопоклонники поймали эту девушку, но она явно была обречена. Ему следовало забрать душу бедняжки после того, как ее тело сожрет дракон. Это произойдет через двадцать пять минут, если только он не придумает, как спасти девушку.

Зейн подошел к клетке и заговорил с предназначенный в жертву девственницей.

— Как они тебя сюда затащили? — спросил он, подозревая, что девушка одурманена наркотиками.

Она перестала всхлипывать и посмотрела на Зейна, явно не узнавая его. Это было странно — обычно клиенты сразу чувствовали присутствие Смерти.

— По дороге, сэр.

— Я имел в виду, это произошло насилино? Тебя похитили? Если да, то...

У девушки задрожали губы.

— Нет, сэр. Я пришла сюда по с-своей воле.

— Ты знаешь, что тебе уготовано?

— Быть проглоченной драконом, — ответила девушка, и ее глаза снова наполнились слезами. — Я даже не стала принимать наркотики, чтобы забыться, — дракон почувствует разницу во вкусе.

Получается, драконы чувствительны и к девственности ума! Это была действительно жестокая развязка.

— Но почему ты согласилась?!

— Моя... моя семья... задолжала...

Теперь девушка расстроилась окончательно и не могла уже говорить дальше.

Итак, девушка пришла сюда по своей воле — якобы по своей: решила заплатить собою долги своей семьи. Такой контракт имел законную силу, при условии, что все было без обмана. Можно не сомневаться, что драконопоклонники заплатили хорошую цену, взяв бедную девушку в уплату долгов ее семьи. С этим ничего было нельзя поделать.

По крайней мере бедняжку надо выпустить из клетки — это совершенно ненужное унижение. Но едва Зейн взялся за замок, как девушка запротестовала:

— Сэр, мне было обещано, что меня никто не лишит девственности до... до...

Драконопоклонники предусмотрели даже это! Конечно, поскольку существовал способ сделать девушку непригодной для жертвоприношения, они хотели быть уверенными, что кто-нибудь в последний момент не окажет ей такую милость.

Воздух замерзал, и рядом с клеткой появилась укутанный в плащ фигура.

— Я займу твое место, дорогая, — произнес женский голос.

Зейн подпрыгнул. Этот голос был ему знаком.

— Луна!

Луна повернулась к нему:

— О, а я и не думала, что ты будешь здесь!

— Это моя работа! — воскликнул Зейн. — Я должен забрать душу девушки, когда... — Он осекся. — Ты не можешь занять ее место! Ты не...

Луна спокойно посмотрела на Зейна:

— Не — что?

— Драконы Горячего Дыма являются вымирающим видом потому, что они питаются девственницами, — не очень убедительно произнес Зейн.

Луна мрачно усмехнулась:

— Анатомически я девственница.

— Но...

— Демон навязал свою волю моему уму и запятнал мою душу, — пояснила Луна. — Я предпочла бы, чтобы он изнасиловал меня физически, но он не может сделать этого, пока моя душа не вошла в его царство. Я проклята, я жертва физического насилия, хотя мое тело целомудренно.

От этого объяснения Зейн почувствовал себя неуютно.

— Я подал петицию о пересмотре твоего приговора. Он незаконен. Неназываемый хочет убрать тебя со своей дороги. Я уверен, что приговор будет отменен, однако до заседания еще десять дней. Если ты уйдешь сейчас...

Луна печально покачала головой:

— Камни показывают, что мое время истечет сегодня. Потому я решила по крайней мере сделать свой уход для кого-нибудь полезным. Я навела справки в Бюро обмена добрыми делами, и меня направили сюда. Эта несчастная, ни в чем не повинная девушка... — Луна посмотрела на девушку в клетке, которая глядела на все это в изумленном молчании, — решилась пожертвовать жизнью ради благоденствия своей семьи — она непременно попадет на Небеса, но это произойдет не сейчас. Здесь, на Земле, есть много людей, которых она сможет сделать счастливыми.

— С чего ты взяла, что она наверняка попадет на Небеса? — спросил Зейн.

— Проверь сам. Я уверена, что она хорошая девушка.

Зейн посмотрел на свои камни для проверки душ. Камень греха оставался тусклым, хотя все остальные ярко светились.

— Она безгрешна! — воскликнул Зейн. — Как тогда могло случиться, что меня вызвали лично забрать ее душу?

— Потому что умереть должен кто-то другой, а не она, — сказала Луна с многозначительной улыбкой. — Ты полагал, что это будет жертва, запертая в клетку, но...

Зейн с ужасом посмотрел на Луну:

— Ты собираешься занять ее место! Ты...

— Не говори глупостей. Я иду в Ад собственным путем. То, что ты здесь присутствуешь, — простое совпадение. Моя душа не нуждается в твоей помощи. Я надеялась, что все произойдет быстро и чисто и ты даже не узнаешь.

Драконопоклонники зашевелились.

— Все готово! — объявил хорошо одетый пожилой мужчина. — Наш радар засек приближающегося дракона!

Он достал ключ и открыл клетку, выпуская девушку.

— Я заменю ее, — сказала Луна. — Меня прислало Бюро обмена добрыми делами. Отпустите девушку, она исполнила свой долг.

— А откуда нам знать, что вы подходите? — спросил мужчина. — Драконы очень расстраиваются, когда им предлагают товар, побывавший в употреблении.

— Ваша порода может унюхать девственницу с десяти метров, — огрызнулась Луна. — Я знаю, что я подхожу.

Мужчина презрительно фыркнул:

— Ну да, физиологически вы девственница. У вас вид человека, которого жестоко поимели, и все же... — Он покачал головой, сбитый с толку своей ошибкой. — Ладно. Мы отпустим эту девушку, как только дракон будет удовлетворен.

— Ни капли не сомневаюсь в вашем слове, — сказала Луна. — Мой друг за этим проследит.

Мужчина посмотрел на Зейна, словно только что его заметил. Зейн вернул взгляд, зная, что перед ним он предстал в виде Смерти.

— Ну конечно, — пробормотал драконопоклонник, которому явно стало не по себе. — Я уверен, что все будет в порядке. Если жертва не одурманена наркотиками и ее тело целомудренно, дракона не волнует, насколько опустошено сознание. — Мужчина повернулся к своему спутнику, который нес разукрашенный ларец. Открыл ларец, достал оттуда сверкающий серебряный нож и вручил его Луне. — Вы можете пытаться защитить себя только вот этим. Никакой магии и никакого огнестрельного оружия. Если вам удастся отпугнуть дракона, будет считаться, что ваш долг исполнен и вы свободны.

— Но ножичком для чистки яблок огнедышащее чудовище не отпугнешь! — сказала Луна.

— Правильно. Это всего лишь жест, которого от нас требует Комиссия честной игры. Естественно, мы не хотим, чтобы дракону был причинен вред. Хотя теоретически это возможно.

Луна пожала плечами:

— Так или иначе, я пришла сюда, чтобы умереть. Если меня не съест дракон, значит, случится что-нибудь еще.

Она взяла нож.

На горизонте, над горами Горячего Дыма появилось пятнышко.

— Внимание! Он приближается! — объявил мужчина, на лице которого появилось выражение благоговейного страха. Наверняка он не раз видел драконов, но он почитал рептилий, а драконы были владыками царства рептилий. — Здесь должна остаться только предназначенная для него девушка, иначе дракон повернет обратно. Они стали пугливыми с тех пор, как в недобрые прежние времена спортсмены охотились на них с базуками. — Неприятные воспоминания заставили мужчину нахмуриться.

— Луна... — произнес Зейн, не находя слов, способных выразить его чувства.

— Позволь мне хотя бы уйти так, как я хочу, — мягко сказала Луна. — Мне может не представиться другой такой возможности.

— Но я люблю тебя!

— Верю, — кивнула Луна. — Возможно, в свое время я ответила бы тебе тем же, если бы не обезумела от горя. Но похоже, что этому не бывать. Наверное, мой отец собирался привить мне любовь к тебе, однако такого он не предвидел.

Луна повернулась к дракону; тот уже значительно приблизился. Остальные присутствующие отступили в укрытия, откуда можно было наблюдать за происходящим. Там находилась даже команда киношников — передача «Дракон против девушки» была популярной местной достопримечательностью.

— Срок твоей жизни подделан! — крикнул Зейн. — Безымянный лжет! Тебе полагалось прожить долгую жизнь и помешать ему, когда он полезет в политику, потому он решил уничтожить тебя! Ты не должна умирать!

Луна быстро обернулась, встала на цыпочки и поцеловала Зейна.

— Это так похоже на тебя, Зейн, — сказать мне такое. Разберись. Может, если ты убедишься, что это правда, ты сумеешь избавить мою душу от Ада, и я присоединюсь к отцу в Чистилище. Это было бы хорошо.

Потом Луна повернулась и решительно пошла навстречу приближающемуся дракону.

Зейн смотрел, как идет девушка, не в силах предотвратить несчастье, занесенное в список. Она была права: так или иначе, этот раунд Сатана выиграл. Луна выплакалась, примирилась с судьбой и поступила великодушно. Она была хорошим человеком, что бы там ни гласили официальные документы! Он любил ее — и именно поэтому не мог вмешаться. Луна сама выбрала, что ей делать.

Зейн посмотрел на таймер. Оставалось четыре минуты. Скоро он найдет своего клиента, кем бы тот ни был, — но сперва он должен увидеть, что здесь произойдет, пусть даже это навсегда лишит его радости.

У Зейна еще было время попытаться предотвратить то, что он меньше всего хотел лицезреть. Но вмешиваться нельзя. Луна выбрала способ своей кончины, и это был достойный способ. Лучшее, что Зейн мог для нее сделать — хотя слово «лучшее» тут звучало злой

насмешкой, — это позволить ей быть разорванной на куски драконом.

Сильно увеличившийся в размерах дракон сделал круг над полем, осмотрелся и пошел на посадку. Драконы Горячего Дыма были не самыми большими из драконьего племени, но огненное дыхание делало их опасными противниками. За жертвой прилетела дракониха, самка с переливчато-серой чешуей. На спине у драконихи, между большими кожистыми крыльями, находилось единственное, прикрытое броней яйцо.

Из укрытия раздались возгласы, и Зейн увидел, как кинооператор поспешно вскидывает камеру. Яйцо означало возможность появления дракончика, продолжателя рода; конечно же, драконопоклонникам это было очень интересно! Они будут наблюдать за этим яйцом и дракончиком, который должен из него вылупиться. Они могут пометить яйцо и следить за миграцией драконов. Конечно, не исключено, что какой-нибудь браконьер вздумает поохотиться на дракончика, пока тот еще не вырос — еще одна причина, по которой драконы стали вымирающим видом. Зейн мог бы даже посочувствовать бедственному положению драконов, если бы в пищу этой драконихе не была предназначена Луна.

Луна остановилась в центре пустынной долины, нервно сжимая в руке нож. Зейн увидел, что она не надела никаких драгоценностей, уважая запрет на магию. У нее дома наверняка были камни, способные превратить дракона в облачко пара! Однако Луна решила сыграть свою роль честно. Она сбросила плащ, под которым оказалось струящееся белое платье, волосы блестели под солнцем, словно медь. Она была самой прекрасной девушкой, какую только можно себе представить. Но Зейн знал, что он необъективен — он любит ее.

Это безумие! Как он может ждать, пока дракон сожрет Луну, и даже не попытаться ее спасти? Разумом Зейн смирился, и тем не менее его чувства негодовали. Должен быть какой-то другой путь!

Другой путь к чему? Если Луна не умрет сейчас, она умрет как-нибудь иначе — и, возможно, куда худшей смертью. Теперь Зейн понял, что Сатана ни за что не

позволит ей прожить эти десять дней, оставшиеся до пересмотра приговора; он перехватит инициативу, поставив комиссию перед свершившимся фактом. А чего еще можно ждать от Отца Лжи? У Зейна нет никакой возможности добиться пересмотра этого дела по официальным каналам. Дату даже передвинули — возможно, из-за апелляции, и в предназначенный день Луна сама выбрала способ своего ухода. По крайней мере драконы не были жестоки, они убивали умело, не занимаясь бесполезной тратой сил.

Зейн присмотрелся к драконихе шести метров в длину и примерно с таким же размахом крыльев, с телом скорее змеиным, нежели тучным — вес был принесен в жертву интересам полета. У нее была только одна пара ног, и голова у нее была маленькой; на самом деле в облике самки сквозило что-то птичье. Но у птиц не бывает ни таких размеров, ни таких зубов, ни кошистых крыльев, ни бронированной чешуи. И птицы, и драконы произошли от древних рептилий, хотя их общие предки жили сотню миллионов лет назад. При мерно семьдесят миллионов лет назад птицы, млекопитающие и драконы обошли динозавров в гонке на выживание. Теперь млекопитающие, особенно их разумная форма, стали господами положения. И вскоре драконы будут преданы забвению.

Зейн подумал, что если даже смерть одного существа тяжка, то какова же должна быть смерть целого биологического вида? Он поддерживал кампанию по спасению драконов, однако предпочел бы, чтобы эту дракониху накормили кем-нибудь другим.

Дракониха расправила крылья, потом сложила их, обернув вокруг туловища. Набрала воздуха, затем выпустила плотную тучу дыма. Зейн понял: это предупреждение. Захватывающие дух истории, в которых драконы просыпались и тут же начинали дышать огнем, были глупостью. Огненное дыхание требовало больших расходов энергии, и с ним нельзя было обращаться небрежно. Драконы, как и прочие рептилии, зимой отправлялись на юг либо укладывались в спячку. Огонь использовался исключительно для схваток и для добывчи пищи. Драконы Горячего Дыма дымили больше,

чем все прочие, а там, где есть драконий дым, там есть и драконий огонь.

Дракониха принялась подкрадываться к Луне, которая невольно отступила. Драконы созданы для того, чтобы охотиться и убивать свои жертвы, так что это нечто большее, чем простой ритуал. Эксперты так и не смогли выяснить, почему жертва обязательно должна быть девственной. Драконы Горячего Дыма предполагали умирать с голоду, но не употребляли в пищу убитую не ими или не девственную добычу. Наиболее правдоподобная версия о происхождении этой диеты гласила, что причиной ее возникновения явились вспыхнувшая несколько миллионов лет назад эпидемия венерических заболеваний, в которой выжили лишь те, которые употребляли в пищу наверняка незараженное мясо — то есть мясо девственниц, не соприкасавшихся с венерическими болезнями.

Дракониха заметно прихрамывала. Одна лапа у нее болела, хотя Зейн не мог сказать, была ли это травма или магически вызванная боль. Иногда местные жители ради забавы накладывали проклятие на диких зверей. В лучшем случае оно создавало неудобства, в худшем — приводило к смерти. Другие местные жители не признавали ядовитых заклинаний, которые могли причинить вред природе. Не удивительно, что эта дракониха прилетела к кормушке; она не могла прокормиться самостоятельно — ведь она носила яйцо и у нее болела лапа.

Зейн оборвал свою мысль. О чем он думает?! Эта тварь собирается съесть Луну! Чем больше травм у драконихи, тем лучше! Может быть, Луна в конце концов сумеет отпугнуть чудище своим ножом. Если она сделает это, если она избежит смерти на законных основаниях...

Нет. Судьбу не обманешь. Дракониха не будет повинна в смерти Луны. В этой смерти виноват...

Внезапно дракониха прыгнула. Луна затанцевала вокруг нее, вспарывая ножом воздух. Девушка знала, что смерть неизбежна, но не собиралась безропотно ей подчиняться. Она сражалась за последние секунды жизни, как тонущий борется за глоток воздуха. Луна не умела драться на ножах, хотя тело художницы двигалось

куда лучше, чем тело среднего человека. Но как бы ни повернулись события, драконий огонь сведет на нет все усилия Луны. Эта пляска со смертью была тщетной.

Дракониха набрала побольше воздуха и прицелилась. Самка явно достаточно разогрелась и теперь могла плюнуть огнем. И это будет конец. У Луны нет ни малейшего шанса!

Зейн не смог сдержаться. Он бросился наперерез чудищу. Пламя охватило Зейна, но не причинило ему вреда — плащ Смерти отразил его.

— Нет! — крикнула Луна. — Дай мне умереть, Зейн! Иначе Сатана затеет новую игру и мне грозит нечто худшее!

Мысль о том, что смерть Луны может быть ставкой в азартной игре, потрясла Зейна, хотя когда-то он самставил на кон свою жизнь. Последние годы он играл, словно по принуждению, и загнал себя в яму, из которой его извлекла только Смерть. Он не хотел снова нырять в омут!..

Дракониха смотрела на Зейна, пытаясь понять, почему он не зажарился. Зейн ответил ей таким же пристальным взглядом, и дракониха побледнела почти как человек — она начала ощущать его внутреннюю сущность.

— Не делай этого! — крикнула Луна.

Зейн неохотно отступил в сторону. Он знал, что был не прав, когда вмешался. Дракониха мотнула головой, словно стряхивая остатки неприятного ви-дения, и сосредоточила свое внимание на девственнице. Похоже, Зейн больше не существовал для них. Смерти было свойственно становиться невидимой для того, кто не являлся клиентом.

Однако дракониха колебалась — ни одно живое существо, увидевшее призрак Смерти, не в состоянии так легко забыть о нем. Даже краткое видение Смерти могло заставить человека или иное создание осознать, что оно смертно, и возникало чувство тревоги. Большая часть животных стараются избегать подобного понимания, и в целом им это удается куда лучше, чем людям. Это величайшее проклятие человека — постигать свою смерть гораздо яснее, чем любое другое су-

щество. Он способен видеть приближение конца и, соответственно, страдает дольше.

Потрясенная дракониха начала расправлять крылья, словно намереваясь улететь.

— Не смей передумывать! — крикнула Луна. — Если ты не съешь меня, то эту несчастную девушки, вместо которой я вышла, скормят следующему дракону!

О-ой-ой, и правда! Если Луна победит дракониху, и она сама, и девушка-жертва будут свободны. Но если Луна так и не вступит в схватку с драконом — из-за вмешательства некоей третьей силы вроде него самого, — то ее порыв пропадет впустую. Луна могла бы оспорить этот случай, поскольку дракониха все-таки плевалась огнем, но не причинила ей вреда, однако она искала достойной смерти. Зейн не мог бы больше уважать решение девушки, даже если бы не любил ее.

Нет, не так! Он еще больше любил ее за это. Луна проявила свою цельность и свой характер самым выразительным образом. Он, Зейн, никогда бы не смог так поступить.

Дракониха все еще медлила. Зейн и не знал, что вид человеческого воплощения Смерти способен так потрясти животных. Ведь дракониха не должна была бояться его. Знает ли она, кто он такой?

Луна бросилась к чудишу, размахивая ножом. На этот раз дракониха отреагировала как должно. Она набрала воздуха, качнула головой и выпустила струю синего пламени, ударившего на добрых три метра, причем огонь почти не сопровождался дымом. Возможно, дракониха медлила не потому, что была встревожена, а просто набирала жар.

Луна увернулась от огненной струи. Теперь огнедышащие железы драконихи заработали на полную мощность, но струя пламени получилась узкой, и от нее было не слишком сложно увернуться — особенно для того, кто следил за головой чудовища. Луна пробежала под боком у драконихи, вспрыгнула на рыло рептилии, из которого еще шел дымок, и вскарабкалась ей на спину.

Испуганная дракониха резко мотнула головой. Змеевидная шея была гибкой, и драконихе не составляло труда дотянуться до собственной спины.

Тогда Луна схватила яйцо и прижала его к себе, словно футбольный мяч.

— Теперь давай, жги меня! — крикнула она.

Конечно же, дракониха не посмела это сделать, ведь тогда она зажарила бы своего драгоценного отпрыска. На мгновение самка застыла в нерешительности. Рептилии хватало ума, чтобы понять наличие проблемы, но не хватало ума, чтобы найти решение. Тем временем Луна воспользовалась полученным преимуществом.

Девушка соскользнула со спины драконихи, держа яйцо под мышкой. Рептилия по-прежнему не могла на нее напасть — яйцо оказалось в роли заложника.

Драконопоклонники увидели, что делает Луна.

— Оставь яйцо! — закричал мужчина, исполнявший должность распорядителя. — Оно бесценно! Драконы очень редко размножаются...

Луна, пятясь, отступала от драконихи, держа яйцо перед собой, как щит. Дракониха била хвостом и выпускала клубы дыма, но не нападала.

— Безрассудное использование пестицидов вредит окружающей среде, — взывал драконопоклонник. — Из-за них скорлупа драконьих яиц сделалась хрупкой, и многие разбиваются до того, как детеныш приходит пора вылупляться. Пока пестициды разлагаются — а это может занять десятилетия, — многие виды быстро движутся к вымиранию. Девушка, пощади яйцо!

Луна посмотрела на яйцо, подумала и кивнула. Потом она положила яйцо на песок и отошла от него.

Зейн удивился. Как это понимать? Считается ли, что Луна победила дракона и выполнила свое обязательство? Если так...

Луна снова бросилась на дракониху, размахивая серебряным ножиком. Дракониха машинально вскинула голову, открывая пасть.

Это же безумие! У Луны нет шансов победить!.. Но все произошло так быстро, что Зейн не успел вмешаться.

Дракониха, не имея времени набрать достаточно жара, чтобы его хватило на хорошую порцию огня, плюнула дымом. На мгновение девушка исчезла в плотной пелене.

Луна закричала, и этот крик пронзил Зейна до самых глубин его существа. Несколько секунд спустя дым рассеялся, унесенный прочь легким ветерком, и Зейн, к своему ужасу, понял, каким горячим он был. Прекрасные волосы Луны и ее красивое платье были опалены, кожу покрыли ожоги. Девушка ослепла.

Дракониха прыгнула вперед и схватила шатавшуюся жертву. Хрустнули челюсти, из пасти драконихи хлынула кровь, стекая по морде.

Потрясенный страшной догадкой, Зейн взглянул на часы. Таймер стоял на нуле. Камни указывали на Луну.

— Все это время моим клиентом была ты! — крикнул он искалеченному телу. — Твои добрые дела — то, что ты спасла обреченную девушку, пощадила драконье яйцо, накормила дракониху, — они выровняли баланс! Ты умираешь с равным счетом!

Зейн бросился вперед — Луна не могла на самом деле умереть, пока он не потребует ее душу. Пламя Ада не будет для нее худшей мукой, чем это! Но когда Зейн приблизился к месту, где разыгралась ужасная сцена, и увидел тело Луны, истекающее кровью в пасти у драконихи, ее голова покатилась по земле ему навстречу. Выжженные глаза приоткрылись, шевельнув логотьями, оставшимися от век. Каким-то образом она почувствовала присутствие Зейна.

— Забери меня, Смерть! — в агонии прошептала Луна.

Внезапно Зейн взбунтовался. Эту женщину он любит!

Он взглянул в искаженное страданием лицо Луны. Ему и в голову бы не пришло, что он когда-нибудь захочет продлить подобную муку хоть на секунду, но теперь он на это пошел.

— Нет, — сказал Зейн и остановил Часы Смерти.

Все вокруг застыло — нажав на кнопку, Зейн остановил не просто таймер, а само время. Нажав? Бессознательно он сделал прямо противоположное, вытащив кнопку. Облака прекратили двигаться по небу, листья на чахлых кустах перестали шелестеть под ветром, а драконопоклонники превратились в статуи. Дракониха

застыла, сжимая в зубах тело Луны. Даже дым был неподвижен.

Зейн обернулся. Ну конечно же, рядом с ним стоял Хронос.

— Я так и думал, что ты явишься, чтобы узнать, в чем дело, — сказал Зейн. — Я хочу, чтобы ты вернул нас обратно, в то время, когда Луна еще не...

Хронос покачал головой:

— Я могу это сделать, Смерть, но это тебе не поможет. Луне предназначено умереть сегодня, а этот способ — наилучший.

Зейн мрачно стоял на своем:

— Ее смерть теперь в моей сфере деятельности. Я люблю ее. Я знаю, что ее ранняя смерть незаконна, и не стану забирать ее душу.

По песку шла женщина. Это была Судьба, в своем среднем облике.

— Ты должен забрать ее душу, Смерть, или тебе на самом деле придется расплачиваться Адом.

— К черту Ад! — взорвался Зейн. — Я не стану забирать ее душу. Ты можешь подталкивать события, Судьба, но ты не можешь забрать ее душу. Это могу сделать только я, а я не стану. Что бы вы ни задумали, я не дам ей умереть.

Появилась еще одна фигура — Марс, инкарнация войны.

— Судьба подтолкнула события в эту сторону, однако, как ты мог догадаться, таково повеление Сил, что Существуют. У нее не было другого выхода.

— По подложному указу Сатаны! — крикнул Зейн.

— Возможно, — кивнул Марс. — Но ты не можешь воевать с ним.

— Сатана лжет! — повторил Зейн. — Я подал петицию, и приговор наверняка был бы пересмотрен, когда стали бы известны все факты. Пока петиция не будет рассмотрена, я не стану вступать ни в какое молчаливое соглашение с Князем Зла. Луна не умрет.

Возникла еще одна фигура, для которой застывшее время также не было преградой — Природа в ее туманном одеянии.

— Перестань валять дурака, Танатос, — настойчиво сказала она. — Тебе сходили с рук мелкие наруше-

ния правил, но сейчас ты забрался в неизвестную тебе пучину.

Зейн посмотрел на них:

— Вы все против меня? Так будьте же прокляты! Я знаю, что я прав, я знаю свою силу, и я не отступлю.

Природа мрачно усмехнулась:

— Мы в тупике. Пришла пора говорить ясно.

— Я уже слышал, как вы говорите ясно! — возразил Зейн. — Но вы не сможете одержать надо мной верх в том вопросе, который относится к моей юрисдикции. Эта женщина не умрет!

Судьба улыбнулась:

— Успокойся, Смерть. Мы на твоей стороне.

Внезапно перед мысленным взором Зейна возникли параллельные линии, один из пяти образов мышления, который Природа называла наиболее часто встречающимся. Каждое воплощение было одной из этих линий, и все они действовали одинаково.

— Вы все заодно! Вы сговорились и загнали меня...

— Мы действительно сговорились, — согласился Хронос. — Сатане нужно помешать, а Бог не может вмешиваться. Остаемся лишь мы, воплощения, и мы должны настоять на соблюдении Конвенции о невмешательстве.

Зейн повернулся и обжег собеседников гневным взглядом:

— Способ, которым я вступил в должность Смерти, мое знакомство с Луной, так заботливо подстроенное ее отцом, мои невинные, на первый взгляд случайные встречи с каждым из воплощений, мучения Луны... — все было спланировано заранее!

— Знаешь, это не надо было подстраивать, — сказал Хронос.

— Пришлось лишь согласовать некоторые детали, — добавила Судьба.

— Поскольку нам требовалось, чтобы эту должность занял человек с соответствующим характером, — пояснила Природа.

— Способный повести сражение против Сатаны, — подыточил Марс.

— Да будьте вы все прокляты! — выкрикнул Зейн. — Я не просил взваливать на меня такую ответственность! Какое у вас право вмешиваться в мою жизнь?

— Право необходимости, — сказала Природа. — Если мы не будем вмешиваться, то проклятым может оказаться все человечество.

— Но чем моя боль и смерть Луны кому-нибудь помогут? — гневно спросил Зейн.

— Жизнь Луны, — поправила Судьба. — Нам нужна ее жизнь, а не ее смерть.

— Я тебе показывал, — напомнил Хронос. — Через двадцать лет Луна воспрепятствует попытке Сатаны приобрести политическое влияние в Соединенных Штатах Америки и тем самым помешает ему установить власть, которая отправит большую часть живущих прямиком в Ад. Однако Луна не сможет помешать ему, если умрет преждевременно.

В сознании Зейна забрезжило понимание, но он не обрадовался.

— И вы сделали так, чтобы должность Смерти занял человек, который не стал забирать Луну, — горько произнес он. — Потому что у него хватило дури влюбиться, и эта любовь подтолкнула его туда, куда вам было нужно. А маг Кафтан позволил своей дочери...

— То, что мы сделали — ужасно, — кивнул Хронос. — Но наши сегодняшние морально-этические переживания — ничто перед теми лишениями, которые ожидают нас поколение спустя, если Князь Зла победит. Мы жертвуем настоящим ради спасения будущего. Благодаря своему положению я знаю это.

— Но вы использовали меня — и ее! — крикнул Зейн, не в силах сдержать гнев. — Где же ваша совесть?

— Это наша профессия — использовать людей, — сказала Судьба. — Разве ты сам колеблешься, когда пускаешь в ход силу и изменяешь обстоятельства, касающиеся твоих клиентов?

Тут Судьба выиграла очко. Зейн давно уже полагался на свою точку зрения и исходя из нее действовал: кого-то из клиентов забирал, кого-то щадил, кому-то изменял способ смерти... Свят, свят, свят!

— Теперь, в момент кризиса, мы используем самих себя, — продолжила Судьба. — Мы должны сделать

все, чтобы спасти мир живых, а для этого надо спасти женщину, которую ты любишь. Ты был готов противостоять нам, хотя знал нашу силу — но сегодня мы просто проверяли тебя. Теперь ты в состоянии помочь нам, воспользовавшись своим преимуществом.

Конечно же, это было правдой. Они вовлекли его в дело, из которого он выпутаться уже не мог. Если бы не вмешательство Судьбы, Зейн, возможно, застрелился бы... Впрочем, нет, она сама подтолкнула его к мысли застрелиться, разрушив начавшийся роман с Анжеликой... Или и сам этот роман был подстроен ею? Как давно все началось? Возможно, несмотря на собственные планы, он должен был зайти посмотреть на камни в магазине «Чечевичная похлебка», хотя не мог себе позволить ничего там приобрести, и вернуться к своему прежнему унылому существованию. Он мог в этот момент покупать порнографические фотографии у какой-нибудь подозрительной женщины. А вместо этого его занесло в волшебное царство смерти и любви...

Природа улыбнулась.

— Марс ухватил сущность сражения между Богом и Сатаной, — сказала она. — Хронос нашел ключевой эпизод происходящего. Я определила качества человека, способного выполнить то, что должно выполнить, а Судьба втянула его — тебя — в нужную ситуацию. Мы объединились и прикоснулись к твоей жизни, когда ты посмотрел в камень смерти, и теперь все в твоих руках. Мы не можем вступить в эту битву без твоего согласия.

— Но вы ничего мне не сказали!

— Если бы мы действовали открыто, обо всем стало бы известно Сатане, — напомнила ему Судьба. — Он попытался бы предотвратить эту стычку так же, как попытался прежде срока уничтожить Луну. Князь Зла не знает никаких цивилизованных рамок. Он стремится лишь к своему возвышению, и его хитрость и сила чудовищны. Но теперь дело сделано, и даже он не сможет ничего переиграть, хотя наверняка слушает нас сейчас. Время таиться прошло.

— Да какое дело?! — раздраженно воскликнул Зейн. — Я не спас Луну, я только отказался забирать ее душу.

— А ты заберешь ее душу, если Сатана попросит тебя об этом? — осторожно поинтересовалась Природа.

— Нет! И если ты, Зеленая Мать, попросишь меня об этом — я откажу и тебе! Я люблю Луну. Меня не интересует, какими махинациями вы этого добились, или кого я на самом деле должен был полюбить, или кого должна была полюбить она. Я не предам ее!

— Мы полагали, что именно эти чувства ты и будешь испытывать, — сказала Природа. — Мы не желали тебе зла, Танатос; мы всегда желали тебе успеха. Мы очень сожалели, когда пришлось вести заговор против твоего предшественника — он хорошо исполнял свои обязанности, однако не отказался бы забрать души Луны. Он на своем опыте убедился, что противостоять существующему порядку вещей слишком на-кладно, и не стал бы перечить ни Богу, ни Сатане. Нам требовалось, чтобы должность Смерти занимал упрямый человек, способный испытывать сильные чувства, достаточно молодой, чтобы опыт еще не изнурил его, и достаточно живой, чтобы его не оставила равнодушным красивая умная молодая женщина. Мы выбрали тебя, и мы использовали тебя, и мы просим за это прощения... Но у нас не было другого выхода. Мы не могли справиться сами. Главная тяжесть должна была достаться тебе. Сатана желал смерти Луны, но только ты мог завершить ее смерть. Пока ты отказываешься это сделать, план Сатаны не исполнится.

Зейн посмотрел на тело Луны, на замершие ручейки крови.

— Ну и чем это может помочь ей или миру? — прорыдал он. — Луна не мертва, но она и не жива.

Хронос поднял свои песочные часы:

— Теперь буду действовать я.

Он повернул руку и установил часы так, чтобы песок потек вверх. Для всех, кроме воплощений, время двинулось вспять, как это было в ночь пожара.

Пасть драконихи открылась. Кровь потекла обратно в тело Луны, каплями поднимаясь с земли, собира-

ясь в ручейки и устремляясь к ранам, оставленным клыками чудища. Девушка вскочила, ослепленная и обожженная. Она пошатнулась, угодила в тучу густившегося дыма и закричала. Секунду спустя дым втянулся в пасть рептилии, и Луна отступила назад, целая и невредимая.

Хронос перевернул часы, и время потекло своим чередом.

— Теперь ты можешь увезти ее отсюда. Но будь осторожен. Сатана не в состоянии заставить тебя забрать ее душу, однако в состоянии сделать так, что ты сам пожалеешь о своем решении. Ты должен быть стойким.

Зейн посмотрел на возвращенную к жизни Луну. Весь этот ужас стал неслучившимся!

— Я буду стойким.

— Но ты не можешь отказать этому клиенту, не отказав остальным, — продолжила Природа. — Прежде, по отношению к другим, ты просто слегка подправлял ситуацию, не вызывавшую интереса ни у одной из сверхъестественных сущностей. В данном случае исход был предметом спора. Сатана будет стараться помешать тебе, используя законы — при том, что сам он нимало их не уважает. Ты не сможешь забрать ни одной души, не забрав перед этим душу Луны. Ты должен забирать всех — или никого.

— В таком случае я объявляю забастовку, — сказал Зейн. — Я не стану забирать никого — до тех пор, пока не будет отменен вынесенный Луне несправедливый приговор.

— Сатана будет давить на тебя, — предупредил Марс. — Ты никогда в жизни — или в смерти — не вел войну против Вечного. Мы не знаем, способен ли ты успешно противостоять ему.

— Я не стану забирать душу Луны, — упрямо повторил Зейн. — Что бы ни произошло. Вы устроили заговор, чтобы заставить меня влюбиться в нее; я здорово на вас за это зол, но я никогда не предам ту, которую люблю, пускай даже мне придется подвергнуть опасности собственную душу.

— Да, мы знаем, — сказала Природа. — По этому признаку, в сущности, мы тебя и отобрали. Ты предан тем, кого любишь, и тому, во что веришь.

Она поцеловала Зейна в щеку.

— Судьба человечества зависит от твоего решения, — сказала Судьба, целуя Зейна в другую щеку. — Не забывай об этом.

Марс и Хронос серьезно кивнули, подтверждая, что они думают так же. Потом все закружилось, и воплощения исчезли. Зейн остался с Луной и драконихой.

Он нажал на кнопку часов, и движение возобновилось. Луна двинулась к драконихе, но замерла, потому что перед чудищем уже стояла жертва.

Очевидно, Природа припасла для этого случая жертвенного ягненка. Тот еще успел испустить жалобное блеяние, прежде чем дракониха в него вцепилась. На мгновение Зейн удивился, как это ягненок мог умереть, если никто не забрал его душу, потом вспомнил, что забастовка не распространялась на души животных.

В мгновение ока дракониха сожрала ягненка вместе с шерстью и копытами. Рептилия облизнулась, рыгнула и захромала спасать свое драгоценное яйцо: осторожно взяла его в пасть, предварительно дохнув огнем, чтобы очистить скорлупу от грязи, и пристроила яйцо на спину. Потом дракониха расправила крылья, протащилась по песчаному спуску, поймала ветер, набрала скорость и взлетела. Вскоре она превратилась в крохотное пятнышко в небе.

Зейн пересек песчаную площадку и подошел к воожаку драконопоклонников, у которого было лицо человека, узревшего чудо.

— Вы довольны? Тогда освободите девушку.

Мужчина кивнул.

— Видели? — потрясенно спросил он. — Откуда-то вдруг появился ягненок! Наверняка вмешательство Господне!

— Долг девушки аннулирован, — настойчиво сказал Зейн.

— О, конечно, — с отсутствующим видом произнес мужчина. — Мы отправим бедняжку в ее родной город на юге Невады, в Лас-Вегас, и оплатим проезд. Даю слово.

На слово этого посвященного можно было положиться. Зейн повернулся к девушки:

— Я полагаю, мисс, когда вы вернетесь домой...

— О да, сэр! — воскликнула она. — Я немедленно выйду замуж за парня из соседней квартиры!

Уже хорошо. Ей больше не будет грозить опасность стать приманкой для дракона. Ее работа выполнена.

А вот работа самого Зейна только начиналась. Он подошел к Луне, взял ее за руку и повел к коню. Морт просто растворялся в воздухе, а когда был нужен, снова возникал. Вид у Луны был ошеломленный.

— Я была сожжена и разорвана... — произнесла девушка, ощупывая свободной рукой те места, где должны были находиться раны.

Так, значит, она все помнила!

— Время — Хронос, еще одно воплощение — повернуло ход событий вспять. Тебя пощадили, потому что я отказался забирать твою душу.

— Но тебя не могли прислать за мной! — возразила Луна. — Мои грехи перевешивают сделанное мною добро. Я должна была отправиться прямиком в Ад!

— Так мы и думали, — согласился Зейн. — Но ты выбрала хороший способ перехода, не ожидая никакой награды. Теперь твоя душа находится в равновесии. Остальные воплощения знали об этом заранее; ты и есть мой настоящий клиент. Ты бы уже лишилась жизни, поскольку Сатана прибег к обману, но я объявил забастовку. Теперь никто не умрет, пока твое дело не будет пересмотрено.

— Но где же я должна находиться? — спросила сбивая с толку Луна. Она была ошеломлена тем, что жива и не чувствует боли.

Зейн задумался и понял, что другие воплощения о многом умолчали. Они просто подстроили эту сцену, а ему теперь предстоит ее разыграть.

— Думаю, ты можешь вернуться к своей обычной жизни — ну, вроде как на поруки, — пока это дело с Сатаной не будет приведено в порядок.

— К обычной жизни?! — недоверчиво воскликнула Луна.

— По крайней мере я верну тебя домой, где ты будешь в безопасности под защитой грифонов.

Луна криво усмехнулась:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Зейн, потому что я в данный момент вообще не уверена, на каком я свете. Я полагала, что буду мертва.

— Я исправляю несправедливость, — сказал Зейн. — Сатана устроил заговор против тебя, а я намерен его сорвать. Это стоило бы сделать, даже если бы меня не подвели к этому, как марионетку, и даже если бы я не любил тебя.

— Мне с трудом верится, что я этого заслуживаю, — пробормотала Луна, когда они подошли к Морту.

— Чего — чтобы тебя спасали или чтобы тебя любили?

— Ни того ни другого. Я вовсе не такая важная персона. Я знаю, что не в состоянии помешать не то что Сатане, а даже какому-нибудь из его демонов. — Луна содрогнулась, вспомнив демона, с которым ей пришлось столкнуться. — И я сомневаюсь, что любовь...

Морт прыгнул в небо.

— Не имеет значения, в чем ты сомневаешься, — сказал Зейн. — Твоя душа останется на земле.

Луна замолчала и неуверенно обняла Зейна.

Зейн доставил ее домой, велев никому не открывать дверь и ложиться спать. Нужно будет почаше присматривать за ней.

— Домой, Морт, — скомандовал Зейн, неожиданно поняв, как он устал.

Конь бледный понесся по небу.

Дело Сатаны

3

Зейн пробежал глазами список — несколько клиентов ждали своей очереди.

— Все на сегодня, — буркнул он, — отложим до лучших времен.

Он подъехал к дому и спешился.

— Думаю, недельку можешь попастись, Морт. Конечно ты был безупречным и вполне это заслужил.

Жеребец почтительно заржал, выражая понимание, встряхнулся, заставив седло исчезнуть, и направился на пастбище.

Некоторое время заняла обычная домашняя возня. Зейн как следует перекусил, принял душ и переоделся — и почувствовал себя посвежевшим. Он пристроился поудобнее перед телевизором, зная заранее, что новости будут вертеться вокруг его скандального поведения. Все было прекрасно, кроме двух вещей: он соскучился по Луне и был очень обеспокоен ее судьбой. Наступило горячее время. Даже если Сатана не прослышил еще о сцене в Горячем Дыму, ему не составит труда узнать, что Луна не попала в Ад, как было задумано.

— Добрый вечер, Смерть, — вежливо произнес диктор с экрана. — Мне жаль нарушать ваше вполне заслуженное уединение, но есть некоторая проблема, которую следует разрешить.

Зейн подался к самому экрану. Темное лицо с красноватым оттенком и маленькие рожки, проступающие на висках...

— Сатана! — воскликнул он.

— К вашим услугам, — Князь Зла склонил голову. — У вас найдется минутка?

Зейн вздохнул. Итак, столкновение состоялось. Сатана был сама вежливость, но свое слово он скажет, независимо от того, что сделала Смерть.

— Я отказываюсь отправлять душу Луны в Ад!

Сатана рассмеялся. Смех вышел сочный и добро-дущий, словно его радовало, что над ним смеются.

— В Ад? Мой дорогой коллега, там ей быть как раз не следует! Убежден, девушку с радостью примут на Небесах, учитывая ее последние действия, достойные похвалы.

Это еще что?

— Она тебе не нужна?

— Мне нужно лишь то, что мне принадлежит, Смерть. Луна хорошая женщина, невзирая на то что показывает протокол. Могу дать личную гарантию: в Ад она не попадет. Мне не найти применения ее добродете.

— Тогда почему ты подвел ее к преждевременной смерти? — взорвался Зейн.

Губы Дьявола скривились.

— Должен признать, здесь ожидаются своего рода неприятности, и мне бы не хотелось впутывать в них такую милую и славную женщину.

— Поэтому ты убиваешь ее заранее!

— Я всего лишь ищу безболезненный способ выйти из сложной ситуации. Право, мне жаль, что это заставило вас страдать, Смерть, однако я полон желания возместить вам моральный ущерб.

— Как ты можешь возместить мне потерю той, которую я люблю!

— Любезнейший, моя организация занимается именно компенсацией! Если вы желаете наслаждений плоти... — Повинуясь жесту Сатаны, на экране появилась обворожительная брюнетка. — Дорогая, покажи моему уважаемому коллеге, что ты можешь ему предложить.

Женщина ослепительно улыбнулась и начала расстегивать блузку, обнажая грудь невероятной формы и размеров.

— Это суккуб! — догадался Зейн.

— Разумеется. Я готов предложить вам по вашему выбору любую красотку из всей истории человечества, ведь большинство из них проживали как раз в моих владениях и многие были бы счастливы услаждать вас постоянно. Правда, вам придется спать в Аду, поскольку они не могут вернуться назад в своих собственных телах. Полагаю, вы предпочли бы создания из тех, что ублажали бы вас при жизни? Суккубы смогут развлекать вас всюду.

Зейн молчал, пораженный такой дикостью. Сатана уверен, что он променяет Луну на демона!

— Вот эта, к примеру, — продолжал заливаться Лукавый, между тем как взору являлись все новые прелести. — Обратите внимание на лицо, на формы... Ничего подобного вы на земле не встретите!

— Но ведь... — Зейн постепенно обретал дар речи.

— И это еще не все!

Суккуб сбросила юбку. Сатана тронул ее за руку, и она повернулась, демонстрируя неутомимой телкамере бархатистые ягодицы и пышные бедра.

— Но это же не...

— Ах, это... — воодушевился Сатана. — Это вечно. Живые женщины неизбежно стареют и полнеют, но плоть женщины-демона никогда не истощается. Никакой деградации — пусть это вас не заботит.

Он шлепнул суккубу по правому боку, и по телу пошла зыбь — от правой ягодицы к левой и вниз по бедрам, затем она развернулась, как волна у края бассейна, и пришла к исходной точке.

— Вечно! — сладко повторил Князь Зла.

— Ты не понимаешь, — голос Зейна звучал твердо, хотя на глаза у него навернулись слезы. — Мне не нужны эти сладострастные суккубы. Мне нужна Луна.

— Я предоставлю вам ее подобие. Облик — самая незначительная часть женщины. — Сатана подал знак, и демоница окуталась туманом, начала меняться, повернулась к ним лицом — она выглядела в точности как Луна. Сходство было сверхъестественным, ни одна черточка не отличалась — те же каштановые волосы, те же глубокие серые глаза. Если б Зейн не знал заранее...

— Но ее разум... — Он продолжал упорствовать. Сатана нахмурился:

— Да, признаться, тут сложности. Интеллектуальная беседа требует присутствия разума. Хотя большинство мужчин предпочли бы, чтобы их партнерши вообще не имели мозгов.

— Всё зависит от точки зрения. — Зейн обретал уверенность в себе. Князю Тьмы не удастся обмануть того, кто начеку — будем надеяться! — Я люблю Луну — ее целиком, а не только ее тело. Она проявила великолепие и храбрость. Она действительно личность, и через двадцать лет она не даст тебе вмешиваться в дела этого мира. Потому я не стану обрывать ее жизнь и не заберу ее душу. — Зейн с ужасом подумал, что сказал лишнее, но остановиться уже не мог.

— Весьма похвальная позиция, — мягко произнес Сатана. — Каждый стремится вылезти сам и вытащить друзей. Всего лишь просвещенный эгоизм.

— Ты так полагаешь? — удивился Зейн.

— Конечно, я так полагаю, Смерть! Ведь я, помимо прочего, Дух эгоизма. Только следует быть осмотрительным в выборе средств.

— И не грешить с суккубами! — отпарировал Зейн.

— О, это зависит лишь от точки зрения. Быть может, вам все же следует попробовать, прежде чем выносить приговор? Ваша подружка ведь попро...

— Ложь! — Зейн взвился, как от удара. И тут же понял, что делать этого не следовало. Сатана очень умно нажимал на кнопочки, играл на его чувствах, стараясь вывести из равновесия. Еще немножко, и он добьется желаемой реакции. Зейн напомнил себе, что драконесса с Горячего Дыма не стала бы возиться с Луной, не будь та девственницей. Пожалуй, этот момент не следует обсуждать с Лукавым.

— Разумно, — отозвался Сатана очень ровно. — Ведь я — Отец Лжи и ищу этот титул с гордостью. Каждый понимает правду по-своему. Тут нет и не может быть абсолюта, нет единого подхода. Поэтому я считаю необходимым полагаться на факты, чтобы и скептик убедился в моей правоте. Заметьте, я вполне логичен. И когда вы это поймете, надобность в дальнейших разбирательствах отпадет сама собой.

— Возможно, — спокойно сказал Зейн, но доверием не проникся.

— Вам угодно считать физиологическую невинность Луны залогом ее духовной чистоты. Вы совершенно уверены, что в этом не пытаетесь обмануть сами себя?

Воистину медоточивые уста! Обаятельный и покладистый, умеющий подать предмет разговора в самом выгодном свете!.. Противиться его очарованию было чертовски трудно. Но Зейн напомнил себе, что зло остается злом, какой бы облик оно ни принимало.

— Мне известно, что один из твоих демонов изнасиловал ее. Мне известно, что это изнасилование было психическим, а не физическим, и все же бремя греха легло на ее душу. Однако мне известно, что при этом Луна пыталась учиться магии, чтобы помочь отцу. Ей могут приписать какие угодно грехи, но душой она чиста.

— Ответ исчерпывающий и разумный, — произнес Сатана, словно обращаясь к способному студенту. — Что может быть более похвальным, чем пожертвовать своей душой — своей бессмертной душой — во благо ближнего, каково бы ни было ваше понимание блага! Из этого следует, что вы сами гораздо лучше, чем о вас говорят. А Луна и вправду редкое создание.

Он похлопал суккуба по упругой нагой спине, после чего демонесса исчезла с экрана.

— Тогда к чему вся эта травля? — Зейн понимал, что вопрос в высшей степени риторический. Это обвинение он уже выдвигал и уже знал, что ему ответят. Но что-то надо было сказать, чтобы противодействовать возникшему благодарному порыву. Сатана хвалил его, как и Луну, за то, что было основой его поведения, Сатана оправдывал его обращение с матерью... Насколько было бы проще сражаться с безумным чудовищем!

Сатана рассмеялся — этакий славный парень:

— Видите ли, уважаемый Зейн, Добро меня не касается. Моя юрисдикция — Зло. Моя вечная обязанность — находить в человеке дурное и карать его. Вы ведь согласитесь — это рутина, но рутина необходимая.

— Безусловно, тем не менее...

— В мире невероятное количество зла, — продолжала изысканная личность на экране. — Предоставьте мир самому себе, и вскоре зло исказит весь мир. Знаете, как скисает молоко? Необходимо навести порядок. Злодеи должны быть наказаны, а главное — они должны знать, что наказание будет неизбежным и точно соответствовать тяжести содеянного. По сути обществу следовало бы увидеть зло в действии и сделать свои выводы о результатах. Лишь таким образом можно совершенствовать человека как класс.

Совершенно железная логика!

— Но ведь ты допускаешь, что Луна не несет в себе зла! За что же ее наказывать?

— Мой дорогой друг! — Сатана одарил собеседника улыбкой, полной тепла и терпения. С такой добротой папаша обращается к дивному ребенку, у которого ветер в голове. — Конечно, в ней нет зла и наказывать ее не за что. Она попадет прямо на Небеса — ей место там. Вы же не станете против этого возражать?

— На Небеса? — бесполково повторил Зейн. — Ты позволишь ей?..

— Мне чужого не нужно. Ее душа принадлежит Богу. Зейн мучительно искал, за что бы зацепиться.

— Но время Луны еще не пришло! Зачем торопить ее смерть? — Он опять пытался заставить Сатану признать, что это его рук дело.

— Если кто-то один должен умереть до срока, чтобы сто человек продолжали благоенствовать, значит ли это, что вы жестоки к одному и милостивы к ста?

— Нет, конечно, но...

— Смерть, я детально исследовал будущее человечества. Я способен постичь все отклонения, неуловимые для разума смертных — не для вашего, разумеется, ваше восприятие гораздо тоньше... Однако детальное объяснение было бы слишком скучным. По сути же я понял, что отрезок времени, равный примерно двадцати годам, станет критическим в судьбе человека как вида. Используя преимущества в столь исключительной ситуации, я мог бы изменить ход истории человечества. Я в состоянии очистить мир от зла, причинив при этом минимум ущерба. К сожалению, некая личность — без сомнения, с самыми благими

намерениями, но заблуждающаяся насчет моих целей, — мешает мне реализовать эту возможность. Меня очень печалит необходимость обойтись с ней крайне жестоко, тем более что ее поведение вполне оправданно, если принимать во внимание, сколь мало доступно ее пониманию. Но сто человек вправе рассчитывать на справедливость более, чем один человек. Подобная арифметика выглядит жестокой в частном случае и крайне несправедливой, однако при увеличении масштабов меняется вся система ценностей. Такова реальность, и моя обязанность следить, чтобы все счета были оплачены в срок.

Но этим «одним человеком» была Луна. Иначе Зейн вполне мог бы согласиться с Сатаной.

— Нет, Лукавый, я тебе не верю!

— Вы осмотрительны — это хорошо. — Сатана, казалось, совсем не обиделся. — У вас независимое мышление, мне это нравится. Уверен, история данной личности при вашем содействии получит соответствующее завершение.

— Сомневаюсь, чтобы тебе удалось убедить меня отправить в Вечность любимую женщину, пока ее время не пришло.

— Выбор времени — вещь весьма относительная. — Сатана пожал плечами. — Ощущаете ли вы сейчас преимущество от того, что в свое время вас грубо использовали, подтасовав в том числе время и способ вашего ухода из жизни?

Он становится невыносим!

— Я, конечно, от этого не в восторге. — Зейн понимал, что лучше говорить только правду. Даже если очень захочется, Сатану ему не провести — здесь он мастер. А потому любая ложь, даже мельчайший самообман будет на руку Сатане. — Но, полагаю, в подобных обстоятельствах это было необходимо...

Зейн замолчал, анализируя сказанное. Благополучие единицы, принесенное в жертву человечеству... Лукавый опять в выигрыше!

— Обстоятельства всех нас превращают в марионеток, — сочувственно произнес Сатана. — Вы действуете в соответствии с вашими обязанностями — говорю это вам совершенно искренне. Десятки, может быть,

сотни лет не бывало такого, чтобы Смерть ставила совесть превыше удобств. Подобная позиция уже вышла из употребления.

Лесть была очень приятна, но Зейн сопротивлялся, не доверяя тому, кто ее изрекает.

— Осмелюсь заметить, эта позиция привела к столкновению с тобой.

— Хо-хо-хо! — Сатана захохотал, как весельчак Санта-Клаус. — Ну разве это не насмешка? Правила столь незыблемы, что те немногие, кто отваживается творить добро, вынуждены расплачиваться собственными душами. Бог изошел бы зеленым пламенем, если бы узнал. Но, откровенно говоря, ему наплевать.

Зейн был ошеломлен подобным кощунством. Хотя чего еще ждать от первейшего богохульника?

— Ты говоришь, в Ад иногда попадают добрые души? — спросил он в изумлении.

— А дурные иногда уходят на Небеса, — подтвердил Сатана, хлопнув себя по колену. — Ужасно, но такова бюрократия, и ее порядки незыблемы. А некоторые бедные души проскальзывают в любую щелку.

Перед тобой Отец Лжи, напомнил себе Зейн. Все или ничего. Любое соглашение обернется обманом. Даже сам разговор с Сатаной уже опасен. Своим красноречием он кого угодно собьет с толку, так что очень скоро перестаешь видеть границы между Добром и Злом.

— Вы по-прежнему пребываете в сомнении, я вижу, — Сатана подался вперед с выражением несомненной искренности. — Что ж, вполне понятно. Ваши коллеги поставили вас в неловкое положение. У вас трудности по службе, вы стеснены правилами, безнадежно устаревшими к сегодняшнему дню. Представьте себе, у меня та же история!.. В тех вопросах, где наши сферы деятельности пересекаются, мы должны действовать заодно. Это не только существенно облегчит нам исполнение наших обязанностей, но и будет обоим выгодно.

— Не вижу никакой выгоды!

— Это лишь потому, что вы не позволяете себе ее увидеть, — мягко сказал Сатана. — Разрешите мне устроить для вас осмотр моих владений?

— Экскурсия в Ад? Я не...

— Все будет сделано так, словно вы всего лишь на время покинете свою земную оболочку. Смею вас заверить, вернетесь наилучшим образом.

— Что стоит слово Отца Лжи? — возмутился Зейн. — Теперь ты и меня хочешь заполучить! Ну так я не стану рисковать своей душой.

— Если мужчина не рискует душой во имя любимой женщины, то, возможно, он не заслуживает взаимной любви, — обронил Сатана.

Вот это удар!

— Мне ни к чему рисковать душой в дурацком споре. Не считаю нужным вникать в твои дела, тем более лезть за этим в Ад. Я добиваюсь только одного: пересмотра дела о смерти Луны. Если ты можешь его ускорить, я буду очень рад.

— Вам не случалось ускорять ход бюрократической машины? — Сатана закатил глаза.

Ага, вот оно!

— Как бы то ни было, я буду тупо сидеть здесь до самого разбирательства. — Зейн решил, что положил Сатану на лопатки, ведь во время пересмотра обман всплынет и приговор Луны будет отменен.

— Полагаю, вы не поняли до конца мои проблемы, — сказал Сатана. — Ад — огромнейший механизм. Каждый час туда попадают тысячи душ, которые приводят его в движение. Вы же одним рывком останавливаете весь поток. Мой кадровый состав останется без работы.

— Передышка пойдет им на пользу, — Зейн улыбнулся без сочувствия, — подточат свои вилы или что у них там есть.

— О, напротив. Эти черти все время должны быть заняты. А чем их, бездельников, сейчас займешь?

Зейн представил себе праздно шатающихся по Аду дьяволов, обрушающих дыбы и растаскивающих орудия пыток. Вот проблема так проблема!

— Подумайте над этим. — Теперь на экране был репортаж о несчастном случае: в одном из северных регионов при ужасных погодных условиях разбился самолет; пятьдесят пассажиров оказались погребены под обломками. — Все эти люди погибнут от холода.

Надежды на спасение нет. Но ни один из них не может умереть — ведь Смерть объявила забастовку.

Камера общим планом показала обломки, затем заглянула внутрь самолета. Некоторые пассажиры были сильно изранены, другие придавлены. В таких катастрофах обычно не бывает выживших.

— И вы намерены заставить этих несчастных страдать неизвестно сколько времени, вместо того чтобы освободить их души, отправить их в Вечность? — Вопрос звучал отрезвляюще. — Большинство из них уже ждут на Небесах. Так что отсрочка ничего не дает им, кроме незаслуженных страданий.

Об этом Зейн не подумал. Не мог же он намеренно закрыть глаза на столь очевидные вещи. Ведь правда, страдания должны быть ужасающими. Для изуродованного человека смерть не горе, напротив — облегчение. Он первый отстаивал право каждого человека на смерть в свой срок и сам совершил убийство, защищая это право. То, что он делает сейчас своим отказом, не сравнимо ни с одним больничным кошмаром. Сатана очень точно нашел еще одну болевую точку и теперь бил туда. Множество людей мучаются сейчас по его вине. А сколько народу будет страдать вечно, если Сатана добьется своего? Если одного человека — Луну — можно принести в жертву для спасения тех пятидесяти, что умирают в самолете, то почему не пожертвовать ими ради пользы всего мира?

— Я глубоко сожалею об этих людях, — произнес Зейн. — Но не я, а ты заставляешь их страдать. Чем скорее будет рассмотрено мое прошение, чем скорее будет отменен приговор о смерти Луны — тем лучше.

— Надеюсь, слушание произойдет как можно раньше, — Сатана говорил беспечно, будто о совершенном пустяке. — Вы поможете мне уладить мое дело, а я прослежу, чтобы было уложено ваше.

Итак, он дал понять, что у него все под контролем.

— Ты предлагаешь сделку?

— Сделки — моя специальность.

— Как я могу полагаться на твое слово в какой бы то ни было сделке?

— Дело, не скрепленное кровью, не стоит крови, которой его скрепляют, — доброжелательно улыбнулся Сатана.

— Я не собираюсь ничего подписывать кровью!

— От вас и не требуется. Это всего лишь средневековый обычай. Кровь клиента дает мне магическую силу, чтобы добиться исполнения контракта. Сейчас для этого используют отпечатки пальцев или сетчатки. Но подписывать контракт с воплощением неуместно.

Сатана наклонился вперед, его лицо сияло обаянием и искренностью.

— Просто попытайтесь понять, на чем я основываю свои рассуждения. Это ведь в моих интересах — убедить вас прекратить забастовку. Но вы также заинтересованы в установлении связей и полном взаимопонимании. Обман ситуацию не облегчает.

— Если я не вернусь из Ада, мое место займет кто-нибудь другой. И я уверен, он будет куда более покладист.

— Вы очень быстро оцениваете положение вещей, — Сатана кисло улыбнулся. — Посоветуйтесь с Судьбой. Все детали замещения должности в ее ведении, кроме нее это никто не сделает. Полагаю, она не станет вас обманывать. Если она скажет, что время вашего перехода еще не настало...

Зейн не был уверен, что это так, однако разузнать стоило поподробнее.

— Если я отправлюсь в Ад слушать твою болтовню, а потом откажусь сотрудничать, освободишь ли ты Луну от приговора?

— Нет, конечно! — Сатана возмутился. — Мне придется искать другой путь для достижения цели.

— Какова же в таком случае задача всей этой экскурсии?

— Предпочитаю действовать убеждением. Кроме того, вас ожидает награда, которая осчастливит навеки.

— Я не могу быть вечно счастлив, пока не умер, — отрезал Зейн.

— Безусловно, Смерть. Но такую возможность дает вам ваша должность.

— До тех пор пока я не ушел с должности.

Улыбка Сатаны стала чуть натянутой.

- Ну как мне вас убедить?
- Освободи Луну!
- Вы ведете себя неблагоразумно.
- С твоей точки зрения. Если на этом наши дела заканчиваются...

Вокруг лица Сатаны появился чуть заметный дымный ореол. Но он выдавил улыбку:

- Уверен, мы договоримся. Если путешествие не убедит вас...

— Ты освободишь Луну, — раздраженно закончил Зейн.

— Хотелось бы мне видеть на этой должности кого-нибудь более отзывчивого, — Сатана вздохнул, — но... Да, я ее освобожу.

Лжет? Возможно, однако Зейн слишком сомневался в своих силах, чтобы выяснить. Если Сатана решится на подлость, это только подтвердит его репутацию, и все сомнения рассеются. А между тем Смерть не забрала душу Луны. И пока Зейн при исполнении, терять ему нечего.

Вот и разгадка. Если его положение изменится... Сатана еще съязвил насчет мужчины, который не станет жертвовать душой во имя любви — прямо в точку. Его мучила совесть. По крайней мере надо выслушать мнение другой стороны.

— Я хочу посоветоваться с Судьбой.

— Сейчас я ее доставлю, — сказал Сатана.

Судьба возникла на экране в облике очаровательной юной Клото.

— Не пойдет, — заявил Зейн. — Вдруг это демон в очередном обличье? Я хочу говорить лично с ней.

— Как угодно, — сказала Судьба, улыбаясь, шагнула сквозь экран и встала перед ним. — Адские творения, те, что способны появляться на Земле, могут принимать любую форму — физическую, но не могут скопировать разум. — В руках у нее появилась яркая нить. — И только воплощение способно соперничать с воплощением. Смотри, эта нить твоя, и я могу с ее помощью перемещать тебя.

Судьба сделала из нити петлю — и Зейн вдруг оказался на полу. Стоило ей натянуть нить, и он снова очутился в кресле.

— Я могу спрятать ее длинной или короткой, гладкой или лохматой, толстой или тонкой. Если я Лахесис, я могу измерить ее, определить твою жизнь, — это говорила уже женщина средних лет. — А как Атропос я в состоянии обрезать ее, — и она превратилась в старую ведьму с огромными ножницами.

— Довольно! — крикнул Зейн. — Я понял, что ты настоящая!

— Вот и славно, — она опять стала Лахесис. — Нечистый предложил тебе вполне законную сделку. По крайней мере в том, что касается твоей жизни. Твоя нить выходит за пределы этого эпизода. А вот дальше начинается путаница. Когда на гобелене рисует Сатана, ничего нельзя сказать с уверенностью.

— Меня не беспокоит, что будет потом, — отмахнулся Зейн.

— Как знаешь, Смерть, — натянуто произнесла Судьба, и стало понятно: она опасается, что если жизнь его продолжится, то уже на стороне Сатаны. Это, как ничто другое, убедило Зейна в ее подлинности. — Впрочем, сам увидишь. В Аду.

— Увижу. А нить Луны, что с ней?

В руках Судьбы появилась другая нить, которую та внимательно рассматривала.

— Тоже очень запутана.

— Сатана обещал отпустить ее, если за время экскурсии ему не удастся меня убедить.

Судьба прищурилась, поднеся нить ближе к глазам.

— Ничего не пойму — слишком много помех. Это скорее всего увертка. Будь осторожен. Он сказал когда?

— То есть?

— Когда он собирается ее отпустить — сразу или в течение столетия?

Сердце Зейна упало.

— Нет.

— Когда пожелаешь, — вмешался Сатана.

— Не верится, — сказала Судьба. — Он скользкий, как угорь. И все же, наверное, стоит спуститься в Ад и увидеть все, что удастся увидеть.

— Не нанять ли мне проводника? — слабо пошутил Зейн.

— Обязательно, — серьезно ответила Судьба.

Тут уже не до шуток.

— Кто может быть гидом в подобной экскурсии? Никто из живущих, а среди мертвых у меня маловато знакомых... — Зейн замолк, припоминая. — Молли Мэлоун! Призрак рыбной торговки! Может, она?..

Губы Судьбы скривились — не то презрительно, не то одобрительно.

— Знаю я эту оборвашку. Она себе на уме, дитя сточной канавы.

— Совершенно не понимаю, зачем все эти сложности из-за обычной прогулки? — посетовал Сатана.

— Вот только где ее искать? — спросил Зейн. — Ясно, что ни в Аду, ни на Небесах Молли быть не может.

— Она не зафиксирована, — пояснила Судьба, — хотя большинство ее друзей в Аду. Когда Молли умерла, то не пожелала их покинуть, однако для Преисподней она слишком хороша. Так что пока просто бродит по улицам. Наверное, со временем устанет и позволит себе подняться на Небеса, а пока она способна беспрепятственно спускаться в Ад.

— Мы ничего не в силах с ней поделать, — пробурчал Сатана.

— Но и запретить ей приходить вы тоже не можете, — констатировал Зейн. — Из-за ее верности вашим заключенным. Пусть она идет со мной.

— Сейчас я ее доставлю, — сказала Судьба, пряча улыбку.

Дым вокруг Сатаны сгустился, однако он по-прежнему молчал.

Тут появился призрак.

— Ты опять собрался посмотреть окрестности, Смерть? А где же та, кому назначено свидание?

— Луна никогда не увидит Ада, — отрезал Зейн. — Сатана пытался уговорить меня забрать ее душу, но если она умрет, то отправится на Небеса. Если же его план не сработает, может быть, он оставит ее в покое.

Молли мрачно глянула на Князя Зла.

— Когда весь Ад вымерзнет, — буркнула она.

Сатана устало улыбнулся — ему много раз доводилось слышать эту фразу.

— Приспешники Лукавого вмешиваются в земные дела, заставляют правителей вводить законы, способ-

ствующие производству оружия и спиртного, потому что пьяный водитель, да и просто недовольный человек в горячке может не только сам угодить до срока в Ад, но и утянуть за собой других.

— О, совсем наоборот! — воскликнул Сатана. — Я старался провести в законодательном плане запрет на такие антиобщественные вещи, как порнография и азартные игры...

— Лишь затем, чтобы полиция рылась в книжных магазинах и охотилась на картежников, вместо того чтобы заниматься уличными преступниками. Тебе совершенно ни к чему, чтобы люди читали и развлекались, сидя дома. Тебе надо, чтобы люди шатались по улицам и там, усталые и терзаемые страстями, творили настоящее зло.

Зейн подумал, что у Молли, которая погибла на улице совсем молодой, свои счеты с Сатаной.

— Проводишь меня в Ад, Молли? Ты могла бы зайти проведать друзей...

— С радостью, Смерть, — просияла Молли. — Его Законность всякий раз учиняет жуткую бумажную волокиту, когда я прихожу повидаться с друзьями. Может, на этот раз не станет...

— Что ж, тогда пошли, — злобно бросил Сатана.

Он двинулся вперед и толкнул телевизор со своей стороны. Экран распахнулся, словно стеклянная дверь.

— Прошу в гостиную.

Молли протянула Зейну руку:

— Просто выйди из тела, Смерть. Сейчас ты сам себе клиент.

Зейн с сомнением взял ее за руку. Ощущения были забавными — словно рождаешься заново. Зейн поднялся и, обернувшись, увидел себя, сидящего в кресле, будто спящего или мертвого. Душа покинула тело.

— Сперва чувствуешь себя странно, — успокоила его Молли. — Лет через десять привыкаешь. Пойдем, — и потащила его к телевизору.

Они разом шагнули внутрь без всякого труда. Души сами по себе легко меняли форму, хотя ни тонким, ни полупрозрачным, как души, которые он держал в руках, Зейн себя не чувствовал. Сам себе он казался вполне нормальным.

Они очутились в помещении, напоминающем котельную. Вокруг полыхали раскрытые топки. Дым ходил волнами, не давая ничего разглядеть. Воздух обжигал.

— Добро пожаловать в Ад, Смерть, — сказал Сатана, протягивая руку. Рука была красной и чешуйчатой, с длинными когтями.

Зейн поколебался, потом шагнул вперед и пожал руку. Здесь надо держаться как можно вежливее.

Рука была горячей, но не обжигала.

— Никогда не видели ничего подобного? — оживленно заговорил Князь Зла. Вблизи его удалось разглядеть получше. Рога были больше, чем сперва показались, и блестели, словно отполированные. Во рту сияли клыки, а волосы были подобны языкам пламени. — Проклятые души направляются в отопительный центр Ада, где и трудятся, искупая грехи.

Зейн осмотрелся. Люди с лопатами кидали уголь в топку. Жар был ужасен — от полного сгорания тела защищали только асbestовые фартуки. Зейн знал, что души почти не содержат вещества, но, поскольку он сейчас сам был душой, они казались ему вполне материальными.

— Зачем? — спросил он. — Я понимаю, Ад надо отапливать, но подачу угля вполне можно было сделать автоматической.

— Здесь находятся души тех, кто злоупотреблял служебным положением, — пояснил Сатана. — В свое время они занимали ответственные посты в промышленности, в строительных компаниях и так далее. Вместо того чтобы заботиться об удобстве потребителей, они использовали своих клиентов, отказываясь от модернизации; даже зная, что в итоге страдают люди. Теперь они искупают грехи, трудясь в тех самых примитивных условиях, которые навязывали другим.

Зейн внимательно изучил работающих. В его квартире на Земле — он тогда еще не был Смертью — зимой иногда стоял жуткий холод. Зейн подозревал, что хозяин квартиры получал немалую выгоду, экономя на топливе. Теперь он мог оценить, как разумно Сатана все устроил.

— Как же они искупают грехи? Нужно накидывать точное количество тонн угля, так, что ли? Сколько это продолжается, и что происходит с тем, кто уже расплатился с долгами?

— Великолепный вопрос! — Сатана весь засиял в невероятном оживлении. — Епитимья накладывается строго индивидуально. Грубо говоря, каждая душа должна испить до конца все то страдание, что причинила кому-либо в течение жизни — до тех пор она трудится. Это требует времени. Само собой, есть и неисправимые души. Учитывается ведь не только работа, но и позиция, точка зрения. Душа должна искренне раскаяться в содеянном зле. Любая душа со временем может очиститься и стать готовой к отправлению на Небеса.

— Значит, души не вечно пребывают в Аду? — Зейн очень удивился.

— Нет, конечно! — снова рассыпался смехом Сатана. — Ад — всего лишь организация, своего рода исправительная колония для тех душ, что слишком черны для Чистилища. Злобу или безразличие невозможно вылечить мягкостью. А здесь у нас есть специальные механизмы, способные выпрямить самые искореженные души. Уверяю вас, со временем любая душа готова отправиться на Небеса — она становится достаточно добра. Я профессионал и не выпущу никого до времени! — Лицо Сатаны при этом имело дьявольски благородный вид.

А ведь его считают падшим ангелом, подумалось Зейну. Возможно, что-то ангельское в нем осталось.

— А как насчет ошибок в канцелярии? Возможны ведь невольные промашки.

— О нет, только не под моим началом. Даю абсолютную гарантию: ни одна неправедная душа отсюда не выйдет.

Все это время Молли где-то лазила. Теперь она вернулась к Зейну.

— Из здешних я никого не знаю. Пошли, заглянем к ирландцам.

Но Сатана уже повел их в другие края. Он распахнул дверь, и перед посетителями открылась сумрачная и туманная местность, где было полно людей в

лохмотьях. Мужчины, женщины, дети всех рас и народов бродили по бесплодной равнине.

— Расточители, — объяснил Сатана. — Выбрасывали хорошую пищу, зная, что в мире полно голодных. Теперь голодают сами. Те, что проматывали деньги, теперь владеют лишь тем, что находят на улице — что выбросили другие. Те, что портили одежду ради легкомысленной моды, теперь ценят свои обноски куда больше, чем все свои прежние дорогостоящие одеяния. Все, что они промотали в жизни, им надлежит сейчас сберечь. А запасы у них тут более чем скучные.

Картина произвела на Зейна сильное впечатление. Когда-то, вспомнилось ему, в общественном туалете — не магическом, он не доверял магической санитарии, как некоторые не доверяют модным теперь куклам вуду — он подошел к ящику с туалетной бумагой и буквально взвыл от боли в заднем проходе, глядя, как незнакомый человек впереди сгреб последние три листика и выбросил их, не использовав. Зейн так и вскипел, глядя на бездушного расточителя, однако промолчал: человек был крупного телосложения и агрессивно настроен. Теперь же Зейн испытал словно бы мстительную радость — их действительно надо так наказывать.

— Видите, Ад оказывает все виды услуг! — заливался Сатана. — Нам ведь вовсе ни к чему, чтобы неотесанные транжиры растащили Небеса по кусочкам.

— Здесь у меня тоже знакомых нет, — пробормотала Молли. — Знаешь, это, наверное, примерно-показательная часть, а не сам Ад.

— Почему бы тебе не поискать своих друзей? — посоветовал Сатана. — Я лично понял, что ты хотела сопровождать Смерть, но если уж ты так настроена заниматься собственными делишками...

— Пошли теперь в Ирландскую секцию. — Кажется, призрак собрался бунтовать.

— Есть куда более просвещенные места. Не понимаю, почему мы должны подчиняться стремлениям необузданного ирландского нрава.

— Да ну! — воскликнула Молли, показывая свой необузданный нрав.

Сатана между тем посмотрел куда-то мимо нее, словно разглядывал нечто, невидимое для всех остальных.

— Вот, например, Адская Кухня, — и он распахнул дверь в огромную комнату, где толстые повара жарили, варили и смешивали напитки. Здесь стоял такой сногсшибательный аромат, что Зейн тут же почувствовал самый зверский голод, хотя поел совсем недавно.

— Попробуйте аперитив!

Перед ними возник элегантный официант с подносом. Князь Зла взял с подноса искрящийся бокал и протянул Зейну.

— Не трожь! — вскричала Молли. — Всякий, кто съест или выпьет что-нибудь в Аду, никогда отсюда не выберется!

У Сатаны поползли вниз уголки рта, лицо стало поразительно печальным.

— Не думал, что ты настолько суеверна, рыбешка. Здесь, в Аду, ловушки мне ни к чему. Люди приходят сюда, потому что души их обременяет грех.

— А как же Персефона и шесть гранатовых зерен? — настаивала Молли.

— Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты не лезла в мою личную жизнь, — оборвал ее Сатана, и на концах его рогов вспыхнули маленькие искры. — Зерна были лишь предлогом для соблюдения приличий в глазах ее деспотической матушки.

— Чего ради такая роскошь? — Ирландское упрямство Молли так и лезло наружу. — Никого из моих друзей, что тут сидят, ничем подобным не кормили, я уверена. Я здесь и раньше бывала, и тебе это известно.

— Ты мало где побывала, колючка, — ответил Сатана. — Тебе не увидеть весь Ад, и даже часть всего замысла ты постичь не в состоянии.

— Вот это-то и жалость! — воскликнула Молли. — Ты что-то прячешь, мерзавец, да еще и не говоришь, для чего вся эта еда!

— Для персонала, конечно, оборванка несчастная! — Шкура Сатаны заалела, из ноздрей клубами повалил дым. — Они заслуживают особого обращения: изысканная кухня, напитки, развлечения...

По мановению руки Сатаны перед ними возник хор: пышнотелые нагие девицы дружно притопывали ногами.

— Все это я буду рад предложить вам в Чистилище, Смерть. Мои повара и девушки последуют за вами туда.

— У меня есть прислуга. Дома, — напомнил Зейн.

— Ах нет, это совсем не то. Вы никогда не пробовали подобных деликатесов. Таких шедевров сам Бахус ни разу не отведал. Мой личный портной сотворит для вас такое одеяние, о котором Соломон в мимолетной славе своей и мечтать не мог. А дляочных забав к вашим услугам сама королева любви и наслаждений Исида...

— Старый Гад раздает взятки! — возмутилась Молли. — Да кому она нужна, твоя Исида, эта неряха, когда у него есть такая женщина, как Луна!

Зейн снова вернулся к действительности. Его будто ослепил вид танцующих девиц, но Луна — это все, что ему нужно. Какое счастье, что рядом Молли!

— Конечно, — Сатана говорил мягко, хотя жар от него шел такой, что весь он был окутан облаком пара, — для выдающихся личностей возможны и другие формы развлечений. В Аду есть превосходная библиотека. Многие труды, собранные там, созданы авторами уже после смерти и доступны для чтения только в «Адском литературном приложении». То же касается живописи и музыки. Не угодно ли — позднейшее фортепианное творчество Шопена.

Восхитительная музыка наполнила комнату. Зейн почувствовал, как душа его возвышается от изысканных звуков.

— А ну слезай оттуда! — Молли ухватила Зейна за лодыжку.

Зейн глянул вниз. Он медленно плыл по направлению к потолку! Сейчас у него не было тела, которое удержало бы его внизу, так что волна музыки буквально подхватила душу и понесла вверх.

— Зачем ты предлагаешь мне все это, Сатана? — поинтересовался Зейн, снова оказываясь на полу. — Я здесь только за тем, чтобы выслушать тебя.

— Всего лишь дружеский жест — в кои-то веки выпала возможность сделать другу приятное.

— Смерть тебе не друг, Старый ты Черт! — разозлилась Молли.

Сатана снова улыбнулся — похоже, такова была его защитная реакция.

— Разумеется, Смерть — деловой партнер, однако это не повод для скандала.

— Хочу в Ирландский квартал! — Молли опять принялась настаивать на своем.

Зейн вздохнул. Раздражение Сатаны ему было вполне понятно.

— Давай-ка туда сходим, Люцифер. — Дьявол казался порой очень чувствительным, но огорчать Молли тоже не хотелось. — Проведаем ее друзей, а потом досмотрим все остальное.

Его намерения насчет Луны не изменились, хотя мелькнула мысль, что было бы неплохо кое в чем сотрудничать с Сатаной.

— Ну конечно! — Сатана являл собой поистине божеское милосердие. Он распахнул дверь наружу, и посетители очутились в городских трущобах.

Стояла суровая зима. Снег вился в воздухе и забивал и без того грязную улицу гнусной слякотью. Крестьяне в тяжелой грубой одежде лопатами и метлами выгребали из сточных канав рыбы головы и прочий хлам.

— Это разорители, — пояснил Сатана. — Теперь они круглый год трудятся, устранивая весь тот беспорядок, который творили в жизни. Им надо сделать улицу совсем чистой — такой, какой она была, прежде чем они ее испоганили. Увы — беспорядок вечен.

Молли шныряла вокруг в поисках друзей. Одного наконец нашла.

— Шон! — заорала она. — Сто лет тебя не видела!

Человек прервал работу:

— Молли Мэлоун, солнышко! Когда ж ты умерла? Вот уж не думал увидеть тебя здесь! И время тебя не изменило.

— Да я померла от лихорадки и все свои прелести забрала с собой в могилу.

Старик оценивающе оглядел ее:

— Что правда, то правда, детка. Ну ты и штучка была! Самая красивая из всей уличной оравы. Уж я думал, годам к шестнадцати быть тебе бабушкой.

— Я старалась, да оно вон как вышло, — Молли улыбнулась. — Похоже, после того что этот сладко-голосый тип со мной сделал, пойдет моя душа прямо в Преисподнюю.

— Только не твоя душа, детка. Ты ведь была как петуния на луковой грядке — всегда добра к тем, кто хуже тебя. До чего жаль, что ты умерла так рано!

— Как с тобой тут обращаются, Шон? — допытывалась Молли.

— Несладко тут, как видишь. Мы все скребем, скребем, а этой дряни конца нет. Да еще вот стужа...

— А разве ты не искупил свой грех? Ты ведь тут уже долго — дольше, чем прожил. Да ты дурным и не был никогда, только побузить любил.

Шон поскреб в затылке:

— Не знаю, девочка. Они там чего-то считали, и, похоже, мне не выбраться. Вроде как неисправимый я...

— У тебя перчатка вот порвалась, — сказала Молли заботливо. — Дай я починю, — и потянулась к его руке.

— Ох нет, мисс, не надо, — стариk отдернул руку. — Я уж обойдусь. Мне работать надо, — и снова стал без толку ковырять лопатой мокрый снег.

— Ну как знаешь, — лицо у Молли было озабоченное.

— Видите, — снова заулыбался Сатана, — порядки у нас в Аду суровые, но справедливые. Тем, кто не хочет меняться в жизни, после смерти придется туда. Но, в конце концов, настойчивость и твердость свое дело сделают.

— Да, вижу, — Зейн кивнул, — это, пожалуй, вполне разумно.

Он не договорил, потому что Молли, споткнувшись, налетела на него, а он, в свою очередь, толкнул кого-то из рабочих. Столкновение было вполне ощутимым. Рука Зейна схватилась за что-то, пытаясь восстановить равновесие, и пальцы почувствовали нагое человеческое тело.

— Ох, простите, — извинился он перед тем, кого толкнул, — я поскользнулся.

— Кривоногое дитя помойки, — пробурчал Сатана.

— Да ладно, — грубо сказал парень, поплотнее за-пахивая свое драное пальто. — Давайте валите отсюда и не мешайте работать.

Сатана открыл следующую дверь, и они шагнули в прекрасно обставленную комнату.

— Итак, вы понимаете, что нет необходимости раз-рушать систему?

— Согласен, — сказал Зейн, — хотя по-прежнему не вижу причин прежде времени лишать Луну жизни. Я пока подожду.

— Само собой, — с готовностью сказал Сатана. — Когда же вы рассмотрите все точки зрения, полагаю, вы поймете, что я прав.

Тут он снова открыл дверь, и Зейн с Молли вошли в Дом Смерти, прямо в гостиную. Дверь за ними за-хлопнулась, снова став телевизором.

Зейн приблизился к своему неподвижному телу, входя в себя, заново ощущая соединение души и тела. Тут он открыл глаза — опять во плоти. Вот это облегчение!

— Я велю своим слугам позаботиться о вас, — сказал Сатана с экрана. Затем он исчез, а его место заняла обычная программа новостей.

Глава 12

Игра в парадоксы

Молли сидела у Зейна на коленях, положив руки ему на плечи и легонько касаясь губами его правого уха. Так близко... Зейн чувствовал, что от нее чуть-чуть пахнет устрицами. Она совсем ничего не весила.

— Эй, вот это делать не обязательно, — Зейн сопротивлялся, совершенно сбитый с толку.

— Но должна же я отблагодарить тебя за то, что ты взял меня с собой, — сказала Молли. — Встретила старого друга...

Зейн замер в ее объятиях. В конце концов, что может сделать привидение тому, кто во плоти?

— Рад помочь, Молли. Ты теперь можешь вернуться...

Ее бесплотные губы будто слабым ветерком тронули его ухо.

— Смерть, — зашептала она настойчиво, — прежде чем Сатана опять сюда влезет, я должна сказать тебе...

— Что?

— Тихо, нет-нет, не дергайся. Улыбнись, покажи, что ты расслабился. Сатана подглядывает. Он и дальше позовет мне ласкать тебя, потому что ему нужно, чтобы ты переключился с Луны на кого-нибудь еще. Вот, теперь я тоже во плоти — чувствуешь?

Колени Зейна теперь почувствовали тяжесть ее тела.

— Ты взял меня в проводники. Так вот, теперь я тебя поведу. Доверься мне, Смерть, это важно.

Столь резкая смена поведения изумила Зейна. Он улыбнулся и заставил свое тело расслабиться. На деле

Молли — всего лишь очаровательный призрак, быть рядом с ней совсем не трудно, хотя Зейн чувствовал себя чуть-чуть виноватым из-за того, что это не Луна.

— Когда я коснулась Шона, на его руке не было перчатки, — шепнула Молли, прихватив губами его ухо.

Зейн попытался заговорить, но она прижала палец к его губам.

— Они все без одежды там, в Аду. Голые, в снегу... Это не наказание, это — пытка.

Зейн снова пытался возразить, однако девушка, успокаивая его, демонстративно расстегнула блузку, приоткрыла грудь, словно бы соблазняя. От нее действительно пахло морем. Зейн почему-то вспомнил отпуск на вулканическом острове в Тихом океане.

— Поверь мне, Смерть! Я подозревала и раньше, но мне не позволяли их касаться, даже подходить близко не давали; его приспешники повсюду. На этот раз я коснулась Шона и теперь знаю наверняка. Я потому и толкнула тебя на того парня. Его одежда — всего лишь иллюзия, разве нет?

Зейн с удивлением вспомнил, что его рука коснулась голого тела, хотя человек выглядел одетым. Сама мысль о том, что души нуждаются в одежде, призрачной одежде, была странной, но, если учесть, что речь идет об Аде, все приобретает какой-то мрачный смысл.

— Да...

Юбка Молли соскользнула вниз, обнажив бедра, а блузка еще больше расстегнулась. Зейну стало понятно, почему Шон решил, что к шестнадцати она станет бабушкой. Мэлоун умерла в этом возрасте, но ее тело побуждало мужчин к активным действиям. Девушки в Ирландии расцветают рано и пышно.

— Ты тоже теперь знаешь, Смерть, Отец Лжи обманул тебя. Он не пытается исправить души. Он навеки порабощает их. Он никого не выпустит. Ты не должен верить ни одному его слову.

Вывод был ошеломляющим.. Если Сатана солгал о своих действиях в Аду, способен ли он вообще сказать хоть слово правды? Если он вовсе не занимается исправлением душ, то каким его делам помешает Луна — живая Луна — через двадцать лет? Итак, если Ад не очищает души, а Сатана занят возведением собственной

империи, то его стремление уничтожить Луну еще более подозрительно. Ни при каких условиях Смерти нельзя сотрудничать с Князем Зла.

— Спасибо, Молли. Ты отлично выполнила свою задачу. Я запомню.

— Беги отсюда немедленно, беги к Морту, он сумеет тебя защитить. Я знаю, как Сатана действует. Сейчас его прихвостни штурмуют твой дом, чтобы заставить тебя принять его сторону.

— Похоже на то. — Зейн поднялся, и Молли тоже встала, опять становясь невесомой. Зейн направился к двери.

— Ваша трапеза готова, сэр! — Громила в поварском колпаке встретил его на выходе. Это был не его повар.

— Я отдаю ей должное — в свое время, — сказал Зейн, стараясь протиснуться мимо.

Здесь, в Чистилище, Молли при обычных обстоятельствах оставалась бесплотной, однако этот здоровяк был столь же материален, как кусок говядины.

— Но трапеза готова уже сейчас.

Повар положил тяжеленную руку Зейну на плечо.

— Спасибо, в другой раз. — Зейн извернулся, освобождаясь от столь недружелюбных объятий.

— Я уверен, вы передумаете, сэр. — Зейн почувствовал, как его схватили за плечо.

Раздражение и странная тревога заставили Зейна заглянуть повару в лицо. А поскольку он все еще был в форме, он знал, что человек видит череп вместо головы.

— Ты хоть знаешь, к кому прикасаешься? — спросил он мрачно.

Громила побелел, как любой, кто видит Маску Смерти, но остался неподвижен.

— Я уже мертв. Ты ничего мне не сделаешь.

Тогда почему же он побледнел? Зейн поднял правую руку. Камни у него на запястье сияли. Зейн взял человека за подбородок и приподнял. Тело с готовностью пошло вверх, становясь тонким, как целлофан, — все-таки это была душа.

Зейн сложил ее вдвое, затем вчетверо, наконец скатал ее в шар и швырнул сквозь пол — обратно в Пресподнюю.

И тут же замер в изумлении.

Теперь все стало ясно — это ведь Смерть ведет душу в Вечность. Если обдуманно управлять душой, то он способен перемещать ее, куда захочет.

— Замечательное зрелище, — пробурчала Молли.

— Пожалуй, тебе тоже лучше выбраться отсюда, — сказал Зейн. — Прислужники Сатаны могут приняться и за тебя.

— Очень трудно удержать привидение против его воли, — произнесла Молли, исчезая из виду.

— Еще раз спасибо за помощь! — крикнул Зейн. — Ты открыла мне глаза!

— Можешь на меня рассчитывать, Смерть, — доделал ее шепот, словно дыхание ветра. Теперь он был один.

Зейн шагнул к двери и обнаружил воистину царственную и прекрасную женщину, одежда которой состояла из множества деталей, соединенных в художественном беспорядке.

— Я — Елена Троянская! — заявила она.

Из историй и легенд Зейн, конечно, знал о действиях этой знаменитой женщины. Ее красота была причиной того, что в жестокой войне сошлись в древности греческие и троянские войска.

Теперь Елена в прямом смысле слова была орудием в руках Сатаны.

— Так ты у Князя Лжи работаешь девочкой по вызову? — бросил Зейн, проскользнув мимо нее.

— Молю тебя! — она схватила его за руку. — Ты не знаешь, каково это — пережить себя на три тысячи лет! Ты и представить себе не можешь, что делает Повелитель Мух с женщинами, которые ему не угодили.

Вопреки собственным рассуждениям, Зейна тронула ее мольба. Бедняжка мертва уже три тысячи лет, но она дивное создание.

— Я не желаю тебе зла, Елена. Я лишь намерен вырвать у Сатаны прекрасную живую женщину.

Елена взглянула на него. Слезы затуманили ее прекрасные глаза и потекли, оставляя следы на щеках. Лицо гостьи стало медленно сжиматься, а тело превращаться в бесформенную массу. Вся она стала облаком

пара, а ее душа ринулась вниз, сквозь пол, навстречу тому, чего она так боялась.

Она все поняла. Елена Троянская была доброй женщиной по своей сути и не могла предать такую же, как она сама.

Зейн вышел из дома в задумчивости. Морт ждал его, уже оседланный, мигая от нетерпения. Зейн сел верхом и вставил в ухо камень-переводчик.

— Что слышно, друг мой?

— Сатана выпустил адских псов.

— Не радостная весть. А это кто?

— Демоны в зверином обличье. Их душами ты управлять не можешь — это не человеческие души.

Зейн переварил услышанное. Похоже, Сатана запустил шар потяжелее.

— И что мне делать?

— Не мне судить, хозяин. Я смогу защитить тебя, если мы наткнемся на них — поодиночке.

— Они охотятся поодиночке?

— Не обязательно.

Зейн похолодел.

— И сколько у меня времени?

— Даже таким созданиям нужно время, чтобы добежать от псарни до Чистилища. До их появления у тебя минут пятнадцать.

— Прекрасно. Есть одно неотложное дело. Давай в Отдел регистрации.

Морт галопом рванул через равнину к зданию Чистилища.

— Не задерживайся с делами, — предупредил он, — внутрь я с тобой войти не могу.

— Я вернусь еще до того, как появятся псы.

Зейн спешился, вошел в здание и, сразу пройдя к компьютеру, включил его. Экран вспыхнул.

«Приветствуя тебя, Смерть. Информацией, которую ты ищешь, я не располагаю».

— Готов спорить, что это не так, — проворчал Зейн.

«Ни одно обычное создание не в силах остановить адских гончих».

Ого! Новости здесь распространяются мгновенно!

— Меня интересует не это.

Экран удивленно замигал:

«Но это тебя касается».

— Сколько душ было освобождено из Ада?

«Вопрос не имеет смысла. Пожалуйста, измени формулировку».

— Да нет, это не бессмыслица, машина! Сатана сказал, что души находятся в Аду до тех пор, пока не искупят содеянное зло, а затем их отпускают на Небеса. Сколько душ отпущено к данному моменту?

Наступила пауза. Наконец компьютер выдал:

«Информация отсутствует».

— Что ты имеешь в виду? В тебе заключена вся информация Вечности.

«Описываемая тобой ситуация не обнаружена».

Зейн задохнулся:

— За всю Вечность ни одна душа не вышла из Преподней?

«Именно».

— Какой же все-таки Сатана невероятный лжец! — закричал Зейн. — Я был уверен, что он преувеличивает, но хоть капля правды должна была быть в его словах!

«Заявление не противоречит истине. Вселенная безгранична».

Зейн подумал.

— То есть теоретически Люцифер может в будущем выпустить какие-то души?

«Ответ утвердительный».

— Опять увертка! Это всего лишь допущение. Вечность не имеет границ — по определению.

Экран опустел. Зейн выключил терминал. Он узнал все, что хотел.

Зейн догадывался: Сатана скрывает от него, что срок пребывания души в Аду гораздо больше, чем необходимо для очищения, однако в реальности все оказалось гораздо хуже. Итак, больше никаких контактов с Сатаной!

У входа нетерпеливо топтался Морт.

— Гончие поблизости? — спросил Зейн, садясь в седло.

— Их шесть.

— Ты можешь убежать от них?

— Ф-р-р-р. Если бежать долго, я могу оторваться — выносливости у них маловато, но на малых дистанциях...

— Спрятаться можно?

— Нет. Они чуют даже незримых духов. Это адский поисковый отряд — как от них спрячешься?

— Есть место во Вселенной, куда они не могут последовать за нами?

— Разве что Небеса.

Зейн криво усмехнулся:

— Давай не будем втягивать сюда и Небеса, ладно?

Мне надо подумать.

— Девяносто секунд на размышления, Смерть, — многозначительно обронил жеребец.

Зейн задумался. Его очень удивляло то, что он не испытывает страха. Храбрым он не был. Кураж и напускная бравада заменяли ему настоящую отвагу. Но все, что он делал в последнее время в роли Смерти, почти избавило его от страха перед гибелью. Умирать Зейн, конечно, не хотел, однако здесь было кое-что поважнее страха за собственную жизнь. Если он умрет сейчас, ему найдут замену и забастовка прекратится. Тогда Луна погибнет и Сатана победит. Луну заберут на Небеса, его, возможно, тоже; мир от этого не погибнет. Но каково будет тем, кто останется, когда Сатана добьется своего? Вот что на самом деле поддерживало Зейна.

Адские гончие, похоже, могли убить его — это сверхъестественные чудовища, их плащ Смерти не остановит. Одну тварь он мог отправить в Ад, как спровадил демона-повара, хотя их души и не в его ведении. Тут его возможности ограничены, поскольку порождения Сатаны не ведают страха перед человеком, воплощением Смерти. Спрятаться невозможно. Невозможно и убежать. Биться с ними бессмысленно. Что тогда? Стоять и покорно дожидаться?

В голове у Зейна вдруг возникла картинка: пять линий, образующих пятиугольник . Теперь он осознал, что это значит. Его мысли ходили по кругу, ни к чему не подвигая, не приближая решения. Зейн торопливо изменил рисунок, выстроив линии одну за другой. Раз он не может спрятаться — и не в силах

спастись бегством — а победить надо — значит, придется драться — и, следовательно, нужно подходящее оружие...

До него донесся леденящий лай. Шесть черных пятнышек показались на горизонте и стали быстро увеличиваться в размерах. Адские псы приближались.

Оружие, оружие... что может послужить оружием против сверхъестественной твари? Не его плащ и не эти побрякушки. Нужно что-то для атаки.

Пятна приняли очертания огромных бурых собак, каждая в половину человеческого роста. Глаза их полыхали красным, словно печные жерла. Они двигались по-кошачьи, огромными скачками — метров по десять за прыжок. Земли адские гончие касались совершенно беззвучно. Даже в открытой атаке они старались действовать исподтишка.

Ему бы сейчас хороший меч — из тех, что скованы, чтобы рубить без разбору жить и нежить. Однако о том, где его взять, думать было поздновато. Собаки окружили человека и лошадь и замерли, оценивая ситуацию. Некоторые уже подготовились к прыжку.

И тут взгляд Зейна упал на косу. Марс когда-то советовал ему с ней поупражняться. Он этого не сделал — его занимали совсем другие вещи. Но косить он пробовал.

Один из псов прыгнул.

Зейн схватил косу и соскочил на землю.

Пес пролетел над его головой, потеряв из виду цель. Зейн выиграл еще несколько секунд. Он встрихнул косой, чтобы огромное лезвие встало на место — под нужным углом к рукояти — и там закрепилось.

— Уходи, Морт! — крикнул Зейн. — Это не твоя драка.

Конь бледный исчез из виду.

Зейн поднял косу, чувствуя исходящую от нее чудо-вишную силу. Да, превосходное оружие!

— Ну давайте, щенки! — крикнул он, поддаваясь охватившей его ярости, и смертоносное лезвие засияло. — Испытайте мою силу! Думали, здесь вам беззащитная жертва? Давайте, вы, ночные твари, — перед вами Властелин Ночи. Я — Смерть!

Первый пес прыгнул снова, не обратив на слова Зейна ни малейшего внимания. Очевидно, честь убить врага предоставлялась вожаку. Зейн повернул косу лезвием вверх и подставил ее псу.

Сверкающее лезвие вошло в голову чудища и без малейшего сопротивления рассекло насквозь, до самого хвоста. Из обеих половинок струей ударила кровь, и собака издохла. Магическое лезвие вполне успешно убивало магических тварей.

Еще два пса — на них произошедшее не произвело впечатления — прыгнули одновременно с двух сторон. Зейн взмахнул косой. Лезвие описало жуткий круг и рассекло пополам тело одной из собак, пройдя через него, как сквозь снежный вихрь. Верхняя половина туловища адской гончей отлетела в сторону, а нижняя рухнула, истекая кровью.

Потом пришла очередь второго пса. Лезвие наискосок отделило переднюю часть туловища от задней. Внутренности вывалились, и обе половинки разом обмякли.

Трое оставшихся собак призадумались. Теперь до них дошло, что к чему.

— Ну, шавки? В чем дело? — Зейн уже в открытую издавался. — Не нравится, когда добыча огрызается?

Следующий пес шагнул к Зейну, разевая пасть. Язык и зубы у него были чернее сажи. Из пасти вырвалась струя пламени.

Зейн одним взмахом снес чудовищу голову, и пламя тут же угасло.

Четверо готовы, двое остаются. Зейн почувствовал саднящую боль в правом боку — похоже, струя пламени все-таки прожгла ему плащ. Огонь адских гончих был посильнее драконьего!

— Вы с кем связались, чертобы выродки? — крикнул Зейн, наступая на двух оставшихся собак. С лезвия косы стекала кровь их сородичей. — Решили, наглые твари, что можете заступить дорогу воплощению? Пошли вон, отродья, пока я не порезал вас на куски!

Одного из псов слова Зейна не напугали — и тогда жуткое лезвие отрубило ему все четыре лапы разом. Все еще исполненная решимости, тварь оскалилась, собираясь извергнуть пламя, и тут Зейн отсек ей морду.

— Того соображаешь? — свирепо гаркнул он. — Уймись, а то хуже будет!

Пес застыл, истекая кровью.

Зейн повернулся к оставшейся собаке.

— Подожми хвост, паршивая дворняга! — прорычал он, поправляя окровавленное лезвие. — Ступай к своему падшему хозяину и передай ему, чтобы он не поручал мужскую работу младенцам.

Вконец запуганная собака поджала хвост и кинулась бежать.

Зейн почувствовал, как у него дрожат колени. Он сумел это сделать! Он их разогнал!

Разогнал? Да нет, он уничтожил их с помощью силы, данной ему его должностью, той силы, которой он раньше не пользовался. И то, что когда-то ему довелось косить, сослужило хорошую службу.

Морт заржал и подбежал к Зейну.

— Ты воспользовался служебным положением, Смерть, — донеслось из транслятора.

Зейн пожал плечами:

— Иначе было нельзя. Утопающий хватается за соломинку. Если бы у меня был другой выход, я бы им воспользовался. Но я был вынужден драться, и дрался, как мог. На сей раз Сатана меня недооценил. Думаю, больше он себе такого не позволит. Думаю также, что со временем я научусь отлично выполнять свои обязанности. Я не считаю себя сверхчеловеком — да я им и не являюсь, — однако моя работа заслуживает наилучшего отношения к себе.

Зейн сел в седло, и они отправились на Землю.

— Почему ты не напомнил мне о косе?

— Я не думал, что ею можно драться с адскими гончими. Мой прежний хозяин никогда не использовал ее подобным образом.

И все же Марс об этом знал!

— Значит, существуют некие изначально присущие должности возможности, не зависящие от того, кто исполняет эту должность, или от того, пользовались ли ими раньше, — пришел к выводу Зейн. — Так?

— Я на своей должности не первый, — фыркнул конь бледный. — Мои предшественники могли видеть такое, что ныне скрыто от нас. Я понял лишь, что сама

должность Смерти меняется в зависимости от того, кто ее занимает. Здесь следует быть внимательным. Если Смерть встанет в полный рост, ничто во Вселенной не сможет ей помешать.

— Но мне мешают на каждом шагу! — возразил Зейн.

— Только не тогда, когда у тебя в руках коса!

— Я был в отчаянии, — снова повторил Зейн.

Впрочем, оглядываясь на этот эпизод, он испытывал некую мрачную гордость. Он вел себя как дурак и все же уничтожил врага. Действительно, если Смерть решится применить силу, то сила ее будет огромна. Природа все время на это намекала. Если бы он растерялся перед адскими гончими, они непременно его убили бы. Он не растерялся — и псы оказались беспомощны перед ним. Если бы его предшественник по легкомыслию не принял участия в своем собственном убийстве, он уцелел бы, а Зейн отправился бы в Вечность.

— А последний из моих предшественников... какой Смертью он был? — Зейн знал, что этот человек попал на Небеса, но это вовсе не говорило о его компетентности.

— Совершенно посредственный тип. Мог ли он иначе так скоро лишиться должности?

— Я имею в виду, как исполнитель? Знаю, под конец он стал неосторожен, тем не менее как он работал? Справлялся ли со своим списком? Тебе он нравился?

— Со списком он справлялся куда лучше тебя, — ответил конь. — Но я не могу себе позволить к кому-либо привязаться.

— Значит, когда я уйду, ты не будешь по мне скучать, — вздохнул Зейн. — Что ж, это даже к лучшему. Я могу оценить со стороны и твою преданность, и твою компетентную службу. И для моего преемника ты тоже станешь незаменимым помощником.

Морт не ответил.

Они очутились в центре Кильваро, и Морт, превратившись в автомобиль, повез Зейна к дому Луны.

Она встретила его у дверей.

— Зейн, я так волновалась за тебя! — в голосе девушки слышалось облегчение. — Противостоять Сатане...

— Ничего, я справлюсь. — Зейну не хотелось сваливать на нее еще большие опасения за собственную жизнь. Конечно, Сатана продолжит игру с новыми силами, но, если об этом узнает Луна, она может сформировать какую-нибудь глупость — например попытается покончить с собой. — Я просто зашел попросить тебя держаться, что бы ни произошло. И еще мне хотелось напомнить, что я тебя люблю.

Луна тут же переключилась на волновавший ее вопрос:

— Ты до сих пор бастуешь! Ты понимаешь, что это значит?

— Я быстро учусь, — заметил Зейн. — Люди страдают — это очень печально. Однако...

— Больницы забиты, — строго произнесла Луна. — Безнадежные больные не могут умереть, а новые продолжают поступать обычным порядком — и это всего за несколько часов. Ты представляешь, что будет твориться через несколько дней? Так продолжаться не может!

— Я знаю, это тяжело, — ответил Зейн. — Но другого выхода...

— Разве не ты разнес всю палату, чтобы избавить одного человека от жизни, исполненной боли и безнадежности? Ты же веришь в смерть!

— Да, я верю в смерть, — согласился Зейн, заново осознав это. — Я действительно в нее верю! Она — священное право живущего, единственное, что невозможно отрицать. Но в данном случае...

— Это ведь не спасение для них, — безжалостно продолжала Луна. — Несчастные не живут по-настоящему. Это всего лишь продление бессмысленного, безнадежного страдания.

— Правда, — неохотно согласился Зейн. — Смерть, разумеется, необходимая услуга для тех, чья жизнь подошла к концу. И лучше, если она будет быстрой и безболезненной, хотя...

— Я писала картину, — сказала Луна, указав на стоящий в гостиной мольберт.

Работа была выполнена лишь частично — ведь девушка провела дома всего несколько часов — и изображала ребенка, попавшего под машину. Рядом валялись останки не то велосипеда, не то магического коврика — очевидно, маленький наездник был слишком неосторожен. Зейн заметил, что части машины и коврика скомпонованы так искусно, что получившийся предмет невозможно было определить однозначно; символ, а не что-то конкретное.

Конечно, эта картина отражала душевное состояние Луны. Она умерла мучительной смертью, но осталась жива — и знала, что теперь в какой-то мере отвечает за муки тех, кто не в состоянии умереть.

— Но если из-за того, что тебя уже не будет и ты не сможешь его остановить, Сатана приберет Землю к рукам, — сказал Зейн, — миллионы душ, которые могли бы попасть на Небеса, окажутся обречены на мучения в Аду! Я должен предотвратить...

— Я не верю! — крикнула Луна. — Ад — всего лишь место, где отбывают наказание испорченные души. Со временем они исправляются и выходят на свободу!

— Да нет же! Я проверил по компьютеру Чистилища...

— Зейн, я приняла решение. Я хочу, чтобы ты прекратил свою...

Дверь вышибли. Наставив на Зейна пистолет, в дом ввалился зверского вида детина.

— А теперь, Смерть, ты сдохнешь! И я займу твое место!

— Как он прошел мимо грифонов? — поразилась Луна. — И где моя лунная бабочка?

— Мой господин, Сатана, расколдовал их, — со злобной ухмылкой заявил пришелец. — А ты, шикарная штучка, станешь моей первой добычей, когда я вступлю в должность.

— Ну, берегись, дурень, — Зейн расправил плащ и натянул капюшон. — Я неуязвим для оружия смертных.

— Уже нет, Смерть! — заорал головорез и поднял пистолет, целясь Зейну в сердце. — Ты нарушил свои обязанности, и теперь твоя магия не действует!

— Нет! — вскрикнула Луна, кинувшись на негодяя.

Раздался выстрел. Пуля попала Луне в правую ногу, и из раны хлынула кровь. Девушка скорчилась на полу.

Зейн никогда не лез первым в драку, но тут в нем проснулась отчаянная ярость. Пятно крови расплылось у него перед глазами до размеров взорвавшейся звезды. Он кинулся на громилу: одной рукой в перчатке оттолкнул направленное на него дуло, а другой врезал парню по физиономии.

Взломщик взвыл и грохнулся навзничь, выронив пистолет. Зейн обернулся к Луне, сидевшей в луже крови:

— Я отвезу тебя к врачу!

— Не надо! — Луна задохнулась. — Больницы переполнены теми, кто не может умереть. Для остальных просто нет места.

— Но ты же скончаешься от потери крови!

— Тогда тебе придется забрать мою душу — так ведь, Смерть? — Она улыбнулась ему сквозь боль. — И это будет... будет освобождением для всех остальных.

Зейн со внезапным ужасом осознал, что попал в двойную ловушку. Если бы он был убит, тот, кто встал бы на его место, забрал бы душу Луны и тем самым прекратил забастовку. Если же Луна будет умирать от раны у него на глазах, Зейн сам заберет ее, не выдержав зрелища страданий. В любом случае — очко в пользу Сатаны.

— Зато теперь я понимаю, — Луна замолчала, чтобы перевести дыхание, — понимаю, сколь неутомим Сатана в своем стремлении избавиться от тебя. И теперь я уже не уверена, что мне следует уйти.

— Тебе нужна помощь. Я даже кровь остановить не сумею...

— Там у меня в мантии белый камушек, — голос Луны слабел. — Принеси его... Это исцеляющий камень...

Зейн бросился за камнем. Луна взяла его дрожащими пальцами и приложила к ноге. Кровотечение прекратилось, и ткани вокруг раны заметно стянулись.

— Это добавит еще немного прегрешений моей душе, — сказала она. — Черная магия... Впрочем, на себя мне наплевать. Наверное, ты делаешь куда больше, чем я думала, Зейн. Я буду тебя поддерживать.

— Правильно, — сказал Зейн, отчего-то рассердившись. — Но Сатана хочет твоей смерти, я всего лишь препятствие на его пути. Через несколько дней мое ходатайство рассмотрят и твоя участь будет изменена. Как только ты сможешь беспрепятственно вернуться к жизни, я снова начну выполнять свои обязанности.

— Никак не пойму, отчего я столь важна, — промолвила Луна, поднявшись на ноги, едва лишь рана затянулась. Это был очень мощный камень исцеления! — Наверное, все устроил мой отец. Он даже саму Смерть заставил охранять меня...

— Ты того стоишь, — сказал Зейн. — А теперь я должен идти. Рядом со мной ты уже пострадала; не хочу, чтобы это повторилось. Я смогу лучше защитить тебя, если буду находиться вдали.

— Но Сатана может напасть снова! — возразила Луна. — Он это только что доказал!

— Пока я остаюсь на своем месте, Сатана этим ничего не добьется. Сперва ему нужно разделаться со мной.

Лежавший на полу громила застонал. Взглянув на него, Зейн застыл, а Луна ахнула.

Неудивительно, что парень так легко отказался от борьбы. Один его глаз был теперь сплошной кровавой массой, а другой...

— Похоже, я ему глаз выбил, — пробормотал Зейн. — И винить себя почему-то не...

Луна протянула ему камень исцеления. Зейн поднес талисман к вытекшему глазу, и тот мгновенно стал целым и чистым. Потом Зейн занялся вторым глазом. Этот был вырван и болтался на нерве, как шарик-попрыгунчик, но вскоре и он занял положенное место.

— Прости, — сказал парню Зейн. — Я как-то не подумал.

Парень осторожно ощупал свое лицо:

— Ты меня вылечил! Я снова вижу! И совсем не больно!

— Мне не следовало тебя калечить. Но я разозлился.

— Это скверно, когда ты злишься. — Парень поднялся на ноги. — Я отсюда уберусь, ладно? Никогда

больше не полезу в твои дела! — С этими словами он вывалился вон.

— Бедняга решил, что ты вылечил его из презрения. Теперь ты для него вдвойне страшен. Он ведь понятия не имеет, что ты с ним сделаешь в другой раз и возьмешься ли хоть что-нибудь исправлять.

Зейн покачал головой:

— Вот уж не знал, что во мне дремлет такая скотина! Выбить человеку глаза...

— Это потому, что он хотел убить тебя, занять твое место, а потом убить меня...

Зейн мрачновато улыбнулся:

— Наверное, я все-таки жестокий. Когда он в тебя выстрелил, во мне просто что-то сломалось. Все ограничения, созданные цивилизацией, все мои принципы улетучились, как дым из трубы, — он покачал головой. — А теперь я действительно ухожу. Неудивительно, что ты так ужаснулась.

Луна подошла и взяла его за руку:

— Зейн, ты сказал, что любишь меня, а я тебе не ответила. Я чувствую, что... что обязана тебе жизнью. Ты мне симпатичен — больше, чем кто-либо в мире, кроме отца, но сейчас...

— Я очень ценю твою искренность, — осторожно произнес Зейн. — Разумеется, ты сейчас не в состоянии...

— Я хотела сказать, что ты, конечно, спас меня от смерти, но любовь — это совсем другое. Все произошло слишком быстро. Я еще не оправилась после потери отца и просто не в силах...

— Я понимаю.

Зейн верил, что это так. Отец девушки, столь ею почитаемый и любимый, умер. Могла ли она позволить себе полюбить Зейна, за которым охотился Сатана? Еще и тогда, когда ее саму ждала преждевременная кончина?

— Береги себя! — Луна заплакала, обвила руками шею Зейна и поцеловала его.

Снаружи заржал Морт, предупреждая об опасности. Зейн поспешно разжал объятия Луны и выбежал на улицу.

— Проблемы? — спросил он, прикоснувшись к камню-транслятору.

— Следующая партия убийц, — сообщил конь. — От кого-то я могу уйти, от кого-то — нет. Но лучше все-таки двигаться — так есть шанс разобраться с ними поодиночке.

Зейн сел верхом, и Морт двинулся вниз по улице, совершенно бесшумно ступая по тротуару.

Зейн опять заметил, что совершенно не боится. Он вступил в битву, исхода которой не знал, и намеревался драться до конца, веря, что все преодолеет. Казалось, какое-то заклятие не позволяет страху овладеть им. На самом же деле здесь не было никакой магии — одна лишь твердая уверенность Зейна в своей правоте. Эта вера придавала ему сил, не мешая, впрочем, цинично размышлять о том, чем все это закончится. Он знал, что его положение неустойчиво, а может, и безнадежно, но отступить он не мог.

— А вся эта война против меня — насколько она законна? — спросил Зейн. — Если меня убьют, расследование будет?

— Сатана не признает законов, которые его не устраивают. Пока грязные делишки Лукавого не раскрыты, он будет гнуть свою линию. Справедливость идет по его следу, но ведь он — самое неуловимое существо во Вселенной.

Значит, Сатана опять соврал, и это опять сойдет ему с рук. В Вечности, как и на Земле, закон исполнялся лишь на девять десятых.

Зейн даже не рассердился. Идеализм — это хорошо, но с реальностью надо считаться. Он мог быть сто раз прав, однако без своей защитной магии он беспомощен.

И все же Зейну вспомнилось, что, когда за ним явились адские гончие, он действовал быстро и достаточно успешно. В нем самом теперь немало зла, но он обратит это зло во благо — против худшего зла прислужников Сатаны. Теперь, когда Зейну было за что бороться, в нем проявилось нечто новое, черта, чем-то роднившая его с Марсом. Он мог быть далек от Небес, и все же он не был так уж беспомощен.

Морт неожиданно свернулся.

— Вон там, впереди, один из них, — пояснил конь, перейдя на галоп и направившись в боковую аллею. — Ох! — вырвалось у него испуганное ржание.

Пока жеребец пытался увернуться, Зейн рассмотрел нового противника. Им преградил дорогу нищий оборванец и взмахнул рукой, будто что-то бросая.

Неожиданно Зейн поперхнулся. Он продолжал дышать, но задыхался, словно в воздухе не было кислорода.

Морт обернулся, пытаясь понять, в чем дело.

— Удушающее заклятие!

— Да! — прохрипел Зейн. Говорить он мог, а вот дышать...

— Коса, воспользуйся косой!

Ошарашенный, Зейн рванул из чехла косу, сквозь слезы разглядел маленькую дырочку в рукоятке косы и, припав к ней губами, глотнул наконец воздуха.

— Заклинание малого радиуса действия, — пояснил Морт. — Даже до моей головы не достает. Так что эта трубочка уже выходит за пределы его действия. Заклинание действует на тебя, если ты не можешь убежать. Но на расстоянии метра оно уже теряет силу. Через несколько минут оно рассеется — такие заклинания вообще недолговечны.

Зейн вполне мог понять, почему они недолговечны. Если бы у него не было лошади и косы...

Вскорости заклинание действительно развеялось, как и было сказано. Зейн смог отложить косу и вздохнуть полной грудью.

— А откуда в рукояти трубочка?

— Видимо, нечто подобное случалось и раньше, — ответил Морт. — Насколько мне известно, мой прежний хозяин как-то стрелял из нее дротиками.

Значит, это уже не первое покушение на Смерть? Час от часу не легче. Смерть, конечно, не самая привлекательная личность в Вечности. А у Сатаны, как всегда, свои планы. Вот кто-то из предшественников Зейна взял и сделал в рукояти дырочку. Ну и отлично. Но если Смерть и раньше бывала в осаде, то должна была как-то выкрутиться — иначе его предшественник просто не успел бы усовершенствовать рукоятку. А это определенно хороший знак... Нет, это могла

быть всего лишь соломинка для питья. Где бы еще поискать — тут столько нюансов! И от количества информации зависит, долго ли ты еще будешь занимать эту должность.

— Чем я еще располагаю?

— Мне мало что известно, — признался Морт. — Полагаю, возможностей гораздо больше, чем обычно требуется, хотя твой предшественник ими не пользовался.

Ну хоть что-то. Значит, кроме Сатаны, никто не пытался мешать Смерти или запугивать ее. В противном случае эта должность в скором времени вообще потеряла бы смысл. Какие же еще есть возможности, кроме магии? А кстати, раньше у Смерти бывали забастовки? Если да, то чем это все закончилось?

Морт захрапел:

— Приближается монстр. Боюсь, избежать стычки не удастся.

— И не пытайся, — ответил Зейн. — Это моя схватка, ты тут ни при чем. Когда он будет виден, я сойду.

— Ты храбр.

— Нет, просто делаю то, что должен. Меня приперли к стенке. Если бы у меня был выбор, я бы отсюда свалил и где-нибудь затерялся. Сам по себе я ничто.

— У тебя есть выбор — ты можешь отказаться от должности.

— Нет.

— Любое воплощение вправе уйти, никто осуждать не станет. Другие так меняют прислугу. Работа может надоест, от нее можно устать — тогда просто уступаешь место другому.

— И никто не осудит?

— Это всего лишь возврат к тому состоянию, в котором человек окончил свою жизнь. Для тебя — возврат к равновесию.

— Значит, для меня ничего не изменилось? Я словно бы никого не убил?

— Да. Конечно, после обряда посвящения соотношение Добра и Зла может измениться. И в случае твоей отставки все может обернуться иначе.

— Любопытно, — Зейн задумался. — Нет, я не могу уйти. Тот, кто придет после меня, заберет Луну — это победа для Сатаны. Я не допущу.

— Тогда ты действительно храбр. У тебя есть очень простой выход, однако ты не хочешь им воспользоваться.

— Нет, если бы у меня был приемлемый выход, я бы им воспользовался. Это не одно и то же.

Морт остановился на поле для гольфа.

— Сейчас появится чудовище. Со мной у тебя будет больше шансов победить его.

— Ты нужен следующему, кто займет эту должность. Я больше не стану втягивать тебя в свои разборки.

Зейн спешился, взял косу и шагнул вперед. Потом обернулся:

— Что это за зверюга?

— Богомол.

— Богомол? Они же маленькие!

— Это адский богомол. Такие не молятся, а охотятся. И они большие, поверь мне.

И тут он появился. Да, это был богомол... Пяти метров росту. Одной своей лапкой монстр мог легко раздавить человека.

Он нагнулся поближе к Зейну, примериваясь. Зейн смотрел на него снизу в совершенном ужасе. Какая там храбрость!.. Но если Луна умрет, Сатана завоюет Землю, промелькнуло в голове у Зейна, и он не двинулся с места.

— А теперь марш отсюда! — крикнул он Морту. — Бегом!

Конь исчез — и тут богомол напал. Он рванулся вперед, словно молния, работая лапами, как полагается всякому обычному богомолу. И промахнулся — ужасные клешни загребли пустоту... ну и немного конского волоса.

Все правильно — Морт двигался, а Зейн был неподвижен, поэтому на него богомол не обратил внимания. Случайность! Только быстрота и внезапность помогли лошади спастись. А монстр между тем показал невероятное проворство. Зейн понял, что шансов на спасение нет. Прежде чем он успеет взмахнуть

косой, чудовище его сцепает. Тут человеческие рефлексы никуда не годятся.

Крошечная треугольная головка наклонилась, высматривая добычу. Богомол снова встал на задние лапы, готовясь к следующей атаке.

Кроме передних, у него было еще две пары лап и две пары огромных крыльев, сложенных за спиной. Адский богомол выглядел неуклюжим, как бревно на ходулях, но Зейн знал теперь, какова эта тварь в деле — столь же «неуклюжа», как язык Сатаны!

Зейн уже имел некоторое представление о том, как пользоваться косой, однако сейчас это не имело смысла. Он, может быть, и достал бы до средней пары ног, но, прежде чем он это сделает, чудовище его раздавит. По сути Зейн не мог двинуться, не привлекая к себе внимания — это доказал ему Морт. Так что теперь?

И он стал ждать. Похоже, богомол нападал только на движущиеся цели. Возможно, для него неподвижный человек не был живым, а падалью он, как и драконы с Горячего Дыма, не питался. Если Зейн двинется, эта тварь поймет, что он живой, и поступит с ним соответственно.

Ну и что из того, не торчать же тут вечно!

Как перехитрить монстра, готового уничтожить тебя, едва ты двинешься? Можно стоять и размышлять о высоких материях, но того недостаточно: богомол будет сидеть и ждать. Если шевельнешься — проиграл, если нет — тоже. Что толку в мышлении, если в перспективе все равно тебя раздавят?

Возможно, он умрет, и его дух явится мстить богомолу... Неплохо, конечно, но в итоге Сатана все равно победил. Он должен стоять неподвижно и в то же время оставаться в живых, пока какой-нибудь несчастный призрак не уведет богомола... Вот чушь-то!

Чушь? Не обязательно. Он это уже проделал однажды, чтобы спуститься в Ад, почему не сделать еще раз, чтобы провести богомола?

Зейн попробовал — ничего не вышло. Сейчас рядом не было товарища, который помог бы ему. Видимо, и утрата магии свою роль сыграла. Душа прочно сидела в теле и выйдет из него только вместе с жизнью, а это несколько не то, что ему нужно.

Жаль, что он не может раздвоиться физически! Один стоял бы сейчас под неусыпным взглядом фасетчатых глаз, пока второй... Есть! Вот оно! То что надо!

Богомол реагирует на движение — быстрое или резкое. Так движется жертва, пытаясь спастись. Поэтому он напал на лошадь, а не на Зейна, хотя затем понял, что это не та добыча, и не погнался за Мортом. Добычей был Зейн, но богомол не воспринимал его, пока тот не двигался, как жертва. Вот в чем сложность использования животных для охоты на человека. Животное не в состоянии выйти за рамки чувств. Человеку совсем не трудно представить неподвижный объект в движении, глаза же богомола устроены так, что видят только движущуюся цель. А чтобы понять, что одним ударом можно расшевелить неподвижную жертву, на это им мозгов не хватает.

И Зейн начал двигаться — не так, как жертва. Сгорбившись, он вылез из своей обширной робы, снял туфли, сделал из них и рукояти косы нечто вроде треножника, на котором предстояло держаться плащу с капюшоном.

Занятие было не из легких — пришлось отогнуть лезвие косы, чтобы утвердить всю конструкцию, и очень нервное — ведь богомол, конечно, заметил активность. Но тварь осталась безразлична: эта активность была за рамками обычного поведения добычи. Ограниченнность мышления адского охотника снова играла Зейну на руку.

Убедившись, что пугало стоит довольно прочно, Зейн лег на землю и как гусеница пополз к богомолу. Его скорость и направление сбивали чудовище с толку — жертве полагается быстро убегать от преследователя, а не медленно приближаться к нему.

Треугольная голова осталась неподвижна, но Зейн чувствовал: тот глаз, что ближе к нему, внимательно за ним наблюдает. Но он, в черных брюках и черной рубашке, всего лишь медленно ползущее черное пятнышко... Хотя чуть-чуть ошибись — и поплатишься головой.

Что-то в этой мысли его беспокоило. Нет, умереть Зейн не боялся, он всего лишь не хотел своей смертью дать Сатане шанс на победу. Тут было еще что-то — в

самой возможности смерти, — что задевало его. Если бы только понять, что именно... Однако сейчас он не мог сосредоточиться на абстрактных рассуждениях, он изображал из себя улитку, двигаясь на локтях, дюйм за дюймом, к богомолу.

Он уже отполз от плаща на некоторое расстояние; тварь не нападала. Зейн перевел дух и попытался ускорить движение, но заметил, как монстр повернул голову, и снова пополз медленно. Он зашел слишком далеко, чтобы отступать.

Теперь движение стало просто изнурительной бесконечной работой. Зейн все полз и полз, нервы были на пределе. Через час начались галлюцинации. Он чувствовал себя капелькой патоки, которая медленно кудато плывет, а глаза богомола представлялись ему солнцем, иссушающим его своими безжалостными лучами. А порой он сам смотрел на патоку откуда-то сверху, размышая, скоро ли она начнет трескаться.

Зейн очнулся. Это, должно быть, его душа, выйдя из тела, смотрела вниз. Он так же легко мог умереть от перенапряжения, как от укуса чудовища! Оказывается, у Сатаны полно способов справиться с врагом.

Но пока он не умер, лишь немного отключился.

Зейн снова сосредоточился на своей непосредственной задаче и пополз вперед, набирая скорость. Богомол уже, видимо, перестал считать эту кляксу добычей и никак не отреагировал. Невдалеке замаячила левая средняя лапа богомола, и Зейн свернулся к ней, опасаясь, как бы она не двинулась, прежде чем он до нее доберется. Ценой немалых усилий ему удавалось сохранять один и тот же темп в течение нескольких минут.

Стопа богомола — зеленоватая, с гребнем наверху, толщиною не больше лодыжки — оставалась на месте. Сама лапа чудовища была не толще запястья Зейна, но всего один ее сегмент был длиннее, чем все тело Зейна. Другой сегмент, выше колена, расположенный горизонтально, был примерно той же длины, но больше в диаметре. Где-то под крыльями ноги соединялись с туловищем.

Наконец цель оказалась в пределах досягаемости. Зейн медленно вытянул обе руки, до тех пор, пока они

почти коснулись ноги чудовища. Тут он остановился, чтобы собраться с духом — начиналось самое неприятное!

И тут же сжал мертвой хваткой ногу чудовища.

Вот теперь богомол зашевелился. Вытянул ногу и попытался стяхнуть Зейна, однако тот сжался и обхватил конечность обеими ногами. Он сам подражал теперь поведению богомола и напал внезапно.

Разглядеть неподвижный предмет богомол не мог, хотя чувствовал что-то лишнее у себя на ноге, и попытался сбросить Зейна, скребя ногой по брюху. И снова с нулевым результатом: Зейн вцепился в его ногу и не отпускал.

Монстр опустил ногу на землю и стал ее разглядывать. Такого варианта атаки он понять не мог. Зейн висел на нем, радуясь, что избежал знакомства с клешнями: богомол вместе с Зейном отхватил бы себе ногу, а этого делать не следовало — к чему лишаться своего главного оружия!

Но это не победа — ведь уйти все равно не посмеешь. Все, что мы имеем, — тупик. А дальше?

Богомол выставил ногу вперед и опустил голову. Туловище у него, подумалось Зейну, наверняка более чувствительное.

Ой-ей! А вот челюстями он теперь вполне мог до-тянуться. Оставаться на месте становилось просто невозможно.

Тут возникла голова богомола — примерно на треть длиннее тела Зейна. Невероятных размеров глаза занимали, казалось, более четверти всей ее поверхности. Над двумя большими глазами росли длинные усики-антенны, а между ними располагались три совсем маленьких глаза — не больше, чем у Зейна. Раньше Зейн и представить себе не мог, насколько жизнь насекомых отличается от человеческой. Пять глаз двух размеров — вот это да! Маленькие глаза, понятно, были «пальцами», обследовавшими мир в целом, тогда как большие специально предназначались для охоты.

Но не усики, а жвалы приковали внимание Зейна, наполнив ужасом все его существо. Пасть чудовища с несколькими тонкими отростками вокруг нее была

похожа на клюв хищной птицы. Зейн представил, как эти жвалы смыкаются на его теле, и совсем потерял голову. Он рассчитывал сперва прыгнуть монстру на голову и размозжить кулаком эти прекрасные и хитроумные сооружения. Но теперь он был не в силах двигаться, застыв от ужаса и отвращения.

Его рассматривали. Огромные устройства со множеством граней напоминали глубокие сумрачные колодцы. А еще Зейну пришли на память драгоценные камни. Он смотрел на свое отражение, преломленное сотни раз в ближайших гранях, и пришел к выводу, что богомол видит его сейчас именно таким. «Пожалуй, — подумал Зейн, — он имеет обо мне более ясное представление, чем я о нем».

Голова шевельнулась — Зейн закричал и разжал руки. Упав на спину, он увидел, что голова стремительно приближается. Конец!..

Однако богомол не ударил. Передними клешнями он ухватил Зейна и понес ко рту. Жвалы, очевидно, заменявшие ему зубы, сжали тело жертвы с ужасной силой. Ну конечно же, он не стал убивать сразу, догадался Зейн. Богомолы ловят свою добычу и едят ее по кусочкам, пока она еще жива.

Вот теперь пропал! Ну и с чего же начнется трапеза — ему оторвут голову? А может, предпочитаете сочную ножку? Или, возможно, хотите, чтобы мясо подольше оставалось свежим? Ну тогда лучше пока не трогать голову — в таком случае жизнь будет теплиться чуть дольше. А если отгрызть сразу половину, из теплой крови выйдет отличный аперитив. Хрустнуть, прожевать хорошенъко и проглотить, а кровь вылизать; конечно, если у насекомых есть чем вылизывать — в этом Зейн сомневался.

Он ждал без надежды — казалось, прошла целая вечность. Мысли ходили по кругу — шизоидный тип мышления. Ему виделось, как разлетаются его кости, словно пули из пистолета, как, треща, рассыпается череп, выдавая напоследок еще одно лакомство. Настроение от подобных измышлений обычно не улучшается. Судьба Зейна была предрешена, и все, что он мог, — это принять ее спокойно.

И вдруг ход его мыслей изменился. Полученная фигура напоминала вспышку: ~~Х~~ — очевидно, тоже вариант творческого мышления.

— Ты не можешь меня убить! Вот почему ты ждешь!

Пылающие глаза богомола стали полупрозрачными.

— Ведь в чем парадокс, — Зейн торопливо развивал свою мысль, предчувствуя откровение. — Моя душа сейчас в равновесии. Так было, когда я занял эту должность, и оставалось, пока шел мой испытательный срок. Если я умру, Смерть должна лично забрать мою душу, а Смерть — это я. Выходит, я должен сам забрать свою душу — что бессмысленно.

Чудовище по-прежнему выжидало.

— Ты можешь только напугать меня, ведь я под защитой парадокса. Еще могло получиться с удушающим заклинанием, и если бы этот головорез пристрелил Луну — это тоже был бы выход. Даже не стеченье обстоятельств, а вполне продуманный обман. Но вывести из игры меня Лукавый не может. Он хотел, чтобы я поверил, будто он способен убить меня — так он получил бы власть надо мной. Он хотел меня запугать. Но его грязной игре я противопоставил свою — игру парадоксов.

Богомол медленно ослабил хватку, и Зейн соскользнул на землю. Однако он хотел убедиться до конца.

— Бей, урод! — закричал он, размахивая руками. — На, жри! — И ударил богомола по клешне.

Монстр попятился.

— Твой блеф раскрыт! И блеф Сатаны тоже. Невозможно убить Смерть, если ее душа в равновесии! — Он вдруг понял, что именно эта мысль ускользнула от него в прошлый раз.

Вернулся Морт, а Зейн все стоял и размышлял. Так и есть! В подобных случаях души забирает Смерть, то есть он, а сам он вряд ли сможет забрать свою собственную душу. У его предшественника такого равновесия не было, следовательно, он был уязвим. Когда закончится испытательный срок, его соотношение Добра и Зла может измениться — так или иначе, тогда Зейн тоже будет уязвим. Другие воплощения, конечно, знали об этом — и предали одну Смерть ради другой, более сильной.

Это еще не победа. Пока он сам в безопасности, он должен оберегать жизнь Луны. Иначе Сатана просто дождется удобного случая. Но передышка даст Зейну возможность дождаться рассмотрения его петиции. А этого вполне достаточно.

Зейн вскочил в седло.

— У нас неплохие шансы, Морт! — крикнул он.

Впрочем, можно было не сомневаться, что Сатана этого так не оставит.

Глава 13

Хоть силы ада преграждают путь...

Они остановились у дома Луны. Зейн доживет до слушания дела, а значит, Луна тоже доживет, и после этого...

Кругом стояла тишина. Грифоны куда-то делись. Зейн вошел в дом, охваченный неожиданно возникшим беспокойством.

Луна исчезла.

На столе лежала записка. Зейн поднял ее. Она была написана изящным почерком, чернилами красными, словно кровь.

«Дорогой мистер Смерть.

Прекрасная Луна находится в моей власти. Я не могу заставить ее умереть, однако могу сделать так, чтобы она захотела быть мертвой. Прекратите забастовку, заберите *вашего* следующего клиента и избавьте Луну от ее боли. Она отправится прямиком на Небеса, где вы сможете воссоединиться с ней, когда вам будет удобно. Ваш покорный слуга, Князь Зла».

Зейн смотрел на это послание, впитывая все оттенки смысла. Внезапно письмо вспыхнуло. Зейн выронил листок, но он исчез, не коснувшись пола.

Несомненно, письмо было написано Сатаной. Едва одна его хитрость провалилась, как Лукавый Повелитель Мух предпринял новую попытку. Теперь, когда Зейн был в безопасности и знал об этом, Сатана нанес

удар по женщине, которую Зейн любил — и в жизни и в смерти. Дьяволу нельзя доверять ни на йоту!

Блефует ли Сатана на этот раз? Зейн присел в мягкое кресло, стоящее перед телевизором, и попытался почетче оформить возникшие у него неясные сомнения. Была там какая-то зацепка...

Ага. Нашел.

— Сатана, ты забыл, что мой следующий клиент — именно Луна. Я пришел сюда, чтобы спасти ее из твоих когтей, а не для того, чтобы отправить ее в Вечность.

Зейн посмотрел на свои магические указующие камни. Они показывали на Луну, напоминая, что Смерти, прежде чем переключиться на других клиентов, придется забрать ее.

Сам по себе включился телевизор.

— Недоразумение окончено, Смерть, — сказал появившийся на экране Сатана. Похоже, Дьявол питал слабость к телевизорам. — Включай свои часы и настраивай их на следующего клиента.

Зейн на мгновение оживился.

— Луна помилована?

— Нет, просто ее дело отложено. Она уйдет сама, когда наступит время.

Когда наступит время... Это произойдет в то мгновение, когда Зейн закончит забастовку — если только он снова не воспрепятствует этому, отказавшись ее забирать. Чего Сатана намеревается достичь этим маневром?

— Она не может уйти сама, — сказал Зейн. — Ее баланс теперь уравновешен. Только я могу забрать ее — а я не стану этого делать.

— Ее баланс не останется уравновешенным, — сказал Сатана.

Подозрения Зейна разыгрались с новой силой.

— Что ты имеешь в виду?

— Мои ставленники в царстве живых заставят ее действовать — злым ли, добрым ли образом. Возможно, добрым, и тогда стрелка ее судьбы отклонится к Небесам. Таким образом, произойдет то, о чем я говорил в своем письме. Тебе не нужно постоянно нахо-

диться рядом с ней; просто возвращайся к исполнению своих обязанностей, и все решится само собой.

Происходящее нравилось Зейну все меньше и меньше.

— Ты будешь мучить ее — и сделаешь ее лучше, чем она есть сейчас? Я этого не понимаю.

— Обдумай на досуге, — посоветовал Сатана. — Только не думай слишком долго, уважаемый коллега. Мои ставленники на Земле очень грубы, и им давно уже — и вполне заслуженно — предназначено попасть в Ад, который любит мучения ради них самих.

На экране возникло изображение типичной земной комнаты. В комнате находилась Луна. Она была привязана к стулу, но глаза ее пылали праведным гневом. Рядом с ней стояли трое мужчин со внешностью убийц.

— Давайте, — прозвучал голос Сатаны. — Начинайте демонстрацию.

Он произнес последнее слово, подчеркнуто выделив слоги «де-мон».

Один из головорезов вынул из ножен сверкающий нож.

— Хорошо, босс, — ответил он и приблизился к Луне.

Зейна охватил внезапный приступ ярости и страха. Они действительно будут мучить Луну!.. Ему хотелось вскочить на Морта и помчаться на выручку, однако он не мог заставить себя отойти от экрана. Разве можно изменить баланс Луны подобными методами? И разве можно остановить этот кошмар, если его магия не работает? Пусть сам Зейн находится в безопасности; он физически не в состоянии преодолеть препятствия, которые возвели прислужники Сатаны, чтобы отдельить его от Луны. Сатана собрался надавить на него самым серьезным образом.

Громила взмахнул ножом перед лицом девушки.

— Моли Сатану о помощи! — воскликнул он.

— Сатана может сам молить о помощи! — дерзко ответила Луна.

Нож придвигнулся ближе.

— Одна просьба, обращенная к Сатане, избавит тебя от многих неприятных ощущений.

Луна побледнела — ей явно стало страшно.

— Что вам от меня нужно?

— Только твоя молитва, — сказал громила, злобно глядя на нее.

— От меня Сатана получит только проклятие!

Потом до нее дошла двусмысленность ситуации.

— Так вот чего вы хотите! Если я начну молиться Сатане, то буду обречена из-за этого пустяшного добавления. Если я прокляну его, то я точно так же буду благословлена. Так или иначе, моя душа выйдет из равновесия, и тогда я смогу умереть без помощи Смерти.

— Вот оно что! — воскликнул Зейн. — Ты пытаешься заставить Луну вообще выйти из моего списка! Когда моя забастовка закончится, ты тут же ее убьешь, а я уже не смогу тебе помешать!

— Верно, — согласился Сатана.

— У тебя ничего не выйдет! Луна разгадала твою хитрость!

— Посмотрим.

На экране громила взмахнул ножом, распоров блузку Луны. Следующим взмахом нож отхватил часть блузки, не коснувшись при этом кожи девушки. Через несколько секунд блузка была располовинена в клочки; руки Луны по-прежнему оставались привязаны.

Теперь громила отложил нож и принес черную коробку с циферблатом на одной из сторон и с парой проводов, заканчивающихся небольшими дисками. Он размотал провода и протянул их к обнаженной груди Луны.

— Мне любопытно, случалось ли тебе оценить достоинства боли, вызываемой электрошоком? — как бы между прочим сказал Сатана Зейну. — Никаких видимых физических повреждений, и интенсивность прекрасно регулируется. Сперва можно сделать так, чтобы она испытала слабое неудобство...

Электроды коснулись сосков Луны. Луна застонала и дернулась.

— Молись моему господину, Сатане, — сказал громила. — Или проклинай Его. Тогда я перестану.

— ...затем вызывать болезненные ощущения, — продолжил Сатана.

Электроды снова прикоснулись к груди. На этот раз Луна пронзительно закричала. Зейн видел, как ее тело оцепенело от боли, вызванной проходящим через грудь девушки током.

Когда пытка прекратилась, голова девушки упала на грудь. Лицо Луны покрыла испарина, а губы стали такими бледными, что почти слились с лицом. Дыхание ее было прерывистым.

— Ты способен избавить ее от этого, Смерть, — сказал Сатана. — Я знаю, ты не любишь причинять не нужные страдания.

Зейн поневоле почувствовал искушение уступить. Он не мог смотреть, как пытают любимую женщину. Куда там челюстям дракона! Здесь налицо обдуманная жестокость и никакой надежды на обморок или смерть. И если он не уступит...

— Поговори с ней, — вкрадчиво произнес Сатана. — Скажи ей, чтобы она прокляла меня и отправлялась на Небеса.

Зейн заколебался. Слишком многое лежало на чаще весов!

Громила вновь прикоснулся к груди Луны. На этот раз она попыталась сдержать крики, однако из горла ее вырвался сдавленный хрип — такой звук можно услышать от того, кто оказался под колесами грузовика. Все тело девушки покрылось испариной, глаза затаились...

— Луна! — крикнул Зейн. — Прокляни Сатану! Не позволяй так мучить себя!

Луна медленно повернула голову, ища, откуда до несся голос Зейна. Она услышала его. И Зейн понял, что он предал Луну — и весь мир.

Потом девушка заставила себя улыбнуться, хотя эта улыбка больше походила на гримасу.

— О нет, Отец Лжи! — выдохнула она. — Ты не одурачишь меня голосом Зейна! Я знаю: он никогда не стал бы призывать меня к предательству, что бы там ни было!

Зейн почувствовал себя так, словно чудовищные электроды прикоснулись к его собственной груди. Луна верила в него — а он оказался недостоин ее доверия. Первым сломался он, а не она.

Громила снова протянул электроды.

Зейн попытался закрыть глаза. Он видел страдания своей матери и помог ей освободиться от жизни, ставшей невыносимой ношней. Он освободил целую палату, полную страдающих стариков. Он пытался в каждом случае, когда смерть была необходима, обходиться без страданий. Вся созданная им философия смерти строилась на том, что это избавление от мук. На этот раз страдала Луна, страдала из-за него — и он не имел права избавить ее от этого.

Раздался сдавленный вскрик Луны. Зейн заставил себя не размыкать веки, но перед глазами у него плыли сверкающие пятна. Способы мышления — как какой-нибудь из них может помочь ему решить эту проблему?

Внезапно в сознании вспыхнули пять линий: — ||| —, символ интуитивного мышления. Сознание Зейна вцепилось в этот образ и сосредоточилось, совершая интуитивный прорыв...

— Смерть невозможно остановить! — крикнул Зейн.

Он вскочил с кресла, выбежал на улицу и одним прыжком оказался у коня на спине.

— Вперед, к Луне! — крикнул Зейн, показывая Морту ориентационные камни.

Конь бледный взмыл в небо, высоко над земным шаром. Потом они прибыли на место — на борт искусственного спутника, на котором при помощи магии была создана нормальная сила тяжести. Само собой, Сатана не мог оставить в стороне освоение космоса — ему надлежало быть уверенным, что люди не избегнут его власти, даже выбравшись с планеты Земля. Но если прислужники Сатаны возомнили, что смогут укрыться здесь от Смерти, то они серьезно ошибались.

Перед Зейном появился громила и задохнулся от изумления.

— Конь в космосе! — удивленно воскликнул он.

— И не только конь, — мрачно промолвил Зейн.

— Эй, ты не можешь здесь пройти! — возмутился громила. — Где твой пропуск от Ада?

Зейн взглянул ему в лицо:

— Смертный, посмотри на меня!

Лишил громила увидел Зейна в его рабочей ипостаси, и у него глаза полезли на лоб.

— Смерть!

— А теперь стой смирно, если не хочешь, чтобы я тебя коснулся, — сказал Зейн.

Но громила проявил некоторую твердость характера:

— Ты меня не убьешь. Ты сейчас бастуешь. А если ты заберешь мою душу, Сатана, мой господин, сможет убить твою женщину.

— Ты доверился не той силе, — сказал Зейн. Он протянул руку к громиле. Тот замер от страха, но не отступил: точь-в-точь трусливая обнаглевшая шавка.

Зейн схватил душу громилы и вырвал ее из тела. Тело рухнуло на пол. Однако человек еще не был мертв: его душа оставалась прикованной к своему обиталищу, точно так же, как душа той женщины в реанимации. Она отделилась от тела лишь на время.

Зейн отпустил душу, и та отлетела обратно к телу, словно мячик на резиночке. Громила открыл глаза и ошелошло уставился на возвышавшуюся над ним фигуру в плаще.

— Ступай и скажи своему господину, что Смерть пришла и не потерпит отказа.

Человек, пошатываясь, поднялся на ноги и поспешил заковылял по коридору. Зейн неторопливо последовал за ним. Вскоре навстречу выбежали еще трое громил и преградили ему путь.

— Морт! — окликнул Зейн.

Могучий конь бледный, который во время стычки Зейна с громилой держался позади, выступил вперед. Зейн вскочил в седло.

— Вперед! И топчи тех, кто не пожелает уступить дорогу, — холодно приказал Зейн. — Я их предупредил.

Скаакун двинулся вперед. Его могучие мышцы переливались под шкурой, стальные копыта сверкали. А сверху на громил смотрела жуткая маска Смерти. Ошарашенные прислужники Сатаны шарагнулись назад, точно кролики перед волком. Конь шагал вперед.

Один из громил выхватил из-под куртки автомат и навел дуло на Зейна.

— Ты лишился своей магии, Смерть! — воскликнул он. — Быть может, мы и не сумеем убить тебя, но мы можем изрешетить тебя пулями. Это тебя остановит!

— Ну попробуй, кретин! — сказал Зейн, не шелохнувшись в седле. Конь бледный все шагал вперед.

Ударила автоматная очередь.

Пули отлетели от плаща Смерти и рикошетом вонзились в стены и оборудование станции. Зейн остался невредим.

Громила изумленно уставился на него:

— Но...

Зейн вытянул правую руку и согнул палец. Душа громилы начала покидать его тело, словно ее тянули за веревочку.

— Не стоит верить всему, что говорит тебе Отец Лжи, — сказал Зейн. Он выпустил душу, и человек отшатнулся, задыхаясь и ловя воздух ртом.

Морт вышел в центральный зал. Всадник-Смерть величественно продвигался вперед. Он казался непобедимым.

Навстречу ему выскочили две адские гончие. Первая из них бросилась на Зейна, разинув огнедышащую пасть.

Морт вскинул переднюю ногу. Стальное копыто устремилось прямо в лоб чудовищу. Зверь с размаху налетел на копыто, и череп его раскололся. Убитый пес рухнул на пол.

Второй зашел сбоку. Зейн выставил левую руку. Огромные челюсти пса сомкнулись на перчатке. Зейн медленно протянул голову и взглянул в глаза чудовищу.

— Мне это начинает надоедать, — промолвил он и сомкнул пальцы внутри пасти зверя, сдавив ему язык. — Убирайся, пес, не то я рассержусь!

Зверь испуганно уставился на него — и медленно растворился в воздухе.

Зейн, целый и невредимый, окутанный облаком дыма, протягивал руку в пустоту. Его магия оказалась сильнее магии чудища.

В следующей комнате сидела Луна, все еще полуобнаженная, привязанная к креслу.

— Смерть! — воскликнула она. — Не забирай меня!

Зейн понял, что девушка сказала это отнюдь не из трусости. Она была готова жить в муках ради того, чтобы расстроить планы Сатаны.

Зейн спрыгнул с коня. Трое громил, мучивших Луну, обернулись и посмотрели на него.

— Я пришел, чтобы забрать тебя домой. Но прежде мне нужно разобраться с этими прислужниками Лукавого.

И он выхватил из притороченных к седлу ножен свою косу.

— Нет! — вскричала Луна. — Не смей никого убивать! Ты не должен...

— Не бойся. Я всего лишь причиню им боль, как они причиняли боль тебе, — сказал Зейн, раскрывая ужасное лезвие. — Я всего лишь обрежу им руки и ноги. Но они не умрут, не бойся. Нет, они не умрут! — повторил он с жестокой улыбкой.

Трое громил в ужасе попятались.

В это время в комнату вошел четвертый.

— Я тоже так думаю, — сказал он.

Зейн едва соизволил взглянуть в его сторону:

— Смерть не потерпит отказа!

Он вскинул косу и шагнул в сторону жавшихся к стенке громил.

— Смерть здесь не властна, — ответил незнакомец. Он указал пальцем в пол перед Зейном, и из этого места встал столб пламени.

Да, это, очевидно, был противник посерьезнее.

— Я спасу свою возлюбленную, пусть даже весь Ад заступит мне дорогу!

Зейн взмахнул косой, и пламя опало, словно куст бурьяна, и вскоре погасло совсем.

Незнакомец описал в воздухе круг рукой. Кусок пространства в круге выпал, словно вырезанная бумага, и оттуда дохнуло пламенем, будто из огромной печи.

— Ад заступил тебе дорогу! Не суйся в то, чего не понимаешь.

Зейн тоже описал круг левой рукой, закрыв проем своим плащом. Проем исчез.

— Какого дьявола! Кто ты, что смеешь соваться мне под ноги со своими дурацкими трюками? — Он

угрожающе вскинул косу. — Тебе не стоит вставать на пути у Смерти, будь ты даже сам Дьявол!

Лицо человека внезапно оплавилось, и из-под тающей плоти проступили огненные черты Князя Тьмы.

— Я и есть сам Дьявол, Смерть!

На миг Зейн устрашился и шагнул назад:

— Разве ты можешь покидать Ад?

— Я могу появляться везде, где захочу! — воскликнул Сатана, и по чертам его как бы пробежала волна пламени. — Ибо Зло изначально присутствует в любой человеческой деятельности. Склонись же предо мною, не смей противиться мне, ибо это бесполезно. Ты проиграл.

Зейна охватила неуверенность. Ему без труда удалось справиться с земными и адскими приспешниками Сатаны, но удастся ли выстоять перед самим Сатаной?.. Он оглянулся и увидел Луну, по-прежнему привязанную к стулу. Подле нее стояли трое громил. Один из них держал ящик с электродами, которыми ее пытали.

Зейна захлестнул новый прилив ярости.

— Тогда я расправлюсь с тобой тоже! — воскликнул Зейн, снова оборачиваясь к Сатане.

Князь Тьмы насмешливо ухмыльнулся:

— Со Мною? И как же ты собираешься это сделать? Твоя магия оставила тебя. Ты всего лишь человек.

— Оставила? Ты говорил так и раньше, но это было и осталось ложью. Я не получил подтверждения из Чистилища. Конь бледный при мне, мои волшебные камни и плащ — тоже. У тебя нет ничего, кроме лжи, о Отец Лжи! Ты хочешь сказать, что способен по своей прихоти лишить меня силы? — Зейн шагнул к Дьяволу. — Это не в твоей власти, Сатана! Смерть неприкосновенна, как и должно быть, чтобы ты и подобные тебе не могли ей помешать. Там, где правит Смерть, Повелителю Мух места нет.

Зейн снова шагнул вперед:

— Так что прочь с дороги, Сатана, и уведи своих подонков. Не препятствуй мне более в выполнении моей миссии, не то я обрушу на тебя всю свою мощь!

Сатана хмыкнул, и его рога засветились.

— Всего лишь месяц назад ты был одним из жалких людышек, живущих от получки до получки. Плащ и коса еще не делают ничтожество значительной фигурой. Ты много возомнил о себе — но я в два счета поставлю тебя на место! Ты блефуешь, смертный!

Вместо ответа Зейн взмахнул косой, целясь в ноги и хвост Сатане.

Князь Зла поспешил отскочил назад. Он щелкнул пальцами, и в лицо Зейну полетел шар, брызгущий искрами.

— Глупец! Познай же силу гнева Сатаны!

Зейн стоял неподвижно, даже не пытаясь увернуться от шара. Шар завис перед ним, ярко полыхая. Зейну показалось, будто он заглянул в самое сердце Ада, но жара он не ощутил.

Вскоре шар поблек и исчез, не причинив ему вреда. Мaska Смерти защищала надежно.

— Это ты блефуешь, Лукавый!

Сатана усмехнулся:

— Как отважно ты держишься, смертный! Размахиваешь волшебной косой, кутаешься в волшебный плащ и ездишь на волшебном коне!.. Но ведь это всего лишь орудия твоей должности! Без них ты ничто!

— И снова ты лжешь, — ответил Зейн. — Нет у тебя надо мной власти!

Он положил косу и снял свой плащ.

— Нет! — крикнула Луна из кресла. — Сатана обманывает тебя! Не позволяй ему лишить тебя магической силы, Зейн!

Теперь уже не ему, а ей недоставало веры. Зейн улыбнулся и швырнул плащ наземь, потом снял башмаки и сорвал с себя перчатки и камни.

— Ты воистину глупец! — насмешливо воскликнул Сатана.

— Что ж, проверить нетрудно! — ответил Зейн. — Подожди минутку, и ты убедишься в силе Смерти.

Он медленно поднял руку и указал пальцем на Дьявола.

Сатана отшатнулся:

— Что за глупости! Я могу уничтожить тебя, только глазом моргнув!

— Так сделай же это! — сказал Зейн. — Ибо я намерен вырвать твою душу одним движением своего пальца!

Он вскинул руку повыше.

Сатана отступил еще на шаг:

— Глупец! Я просто не хочу унижать твоего достоинства!

— Как любезно с твоей стороны, Лукавый!

И Зейн чуть наклонился вперед, указывая пальцем на живот Сатаны.

Дьявол исчез.

Зейн обернулся и увидел, как Князь Тьмы возник у него за спиной.

— Хочешь зайти сзади, Сатана? Думаешь, это улучшит твое положение? Что ж, Люцифер, бей! Не надо больше щадить мои чувства. Унизь меня. Убей Смерть, пока она уязвима. Я даже повернусь к тебе спиной, дабы облегчить твою задачу.

И он снова отвернулся.

Сатана вздохнул:

— Ты победил, Смерть. Ты догадался, что я обманываю тебя, и заставил меня сдаться. Ты наконец вполне осознал свою силу.

— Да? Надо же, какая новость, — сказал Зейн, поднимая плащ и вновь облачаясь.

— А нельзя ли спросить, — осведомился Сатана без малейшего сарказма, — как воплощению у воплощения — что именно подсказало тебе догадку?

— Пятый рисунок линий, — ответил Зейн.

— А, интуитивное мышление! — тут же сообразил Сатана. — Да, оно могло тебе помочь.

— Я осознал, что, если бы ты мог вмешаться в дела Смерти или помешать Смерти выполнять свои обязанности, ты давно бы это сделал. И никакой магический плащ не остановил бы тебя, воплощению Зла, олицетворение черной магии, чья колдовская сила пре-восходит силу всех прочих жителей Земли. Значит, это свойство самой моей должности, а не ее атрибутов. Смерть должна быть неуязвима, это же очевидно! Даже Бог, воплощение Добра, не мог ничего со мной поделать, когда я отказался выполнять свои обязанности. Делами Смерти правит лишь сама Смерть. А значит, ты не в силах справиться со мной. Я не могу

обосновать это логически; я просто знаю, что это так. Я верю в свою должность.

Сатана кивнул:

— Это действительно так. И с этой верой ничего не мог поделать даже я. Но если бы ты избрал другой путь, ты оказался бы бессилен предо Мной. Твоя сила уступает моей, ибо зло переживает смерть.

— Признаю, — кивнул Зейн. — Однако мы сошлись на моей территории — я имею в виду не материальное месторасположение. Так что тебе меня больше не обмануть.

— Ты был человеком, выполняющим должность, — сказал Сатана. — Теперь же ты сам стал этой должностью.

— Да.

— А кто поведал тебе о различных способах мышления?

— Природа, — ответил Зейн, лишь теперь осознав всю глубину ее двусмысленных советов.

— Ох уж эта Зеленая Мать! — с отвращением проговорчал Сатана. И испарился.

Зейн подошел к Луне.

— Убрайтесь, вы, ублюдки! — сказал он громилам. Те поспешили повиноваться.

— Но как тебе это удалось? — спросила Луна, когда Зейн отвязал девушку и набросил ей на плечи свой плащ, чтобы скрыть ее наготу. — Ведь сильнее Сатаны нет никого, кроме разве что самого Бога.

Зейн понял, что Луна не уловила всех подробностей его спора с Князем Тьмы. Она все еще считала его, Зейна, обычным человеком... Да он и был человеком, любящим женщину.

— Быть сильным не значит быть всемогущим, — объяснил Зейн. — Воплощений семь, а не пять, если включить в их число Добро и Зло — Бога и Дьявола. И нельзя сказать наверняка, что одно воплощение пре-восходит другое в целом, зато каждое из воплощений превосходит все прочие в своей епархии. Смерть не в силах влиять на то, как Сатана правит Адом, сколь бы порочно ни было это правление, но и Сатана не может влиять на деятельность Смерти. И ни одно из воплощений не способно напрямую причинить вред другому

воплощению, разве что само предоставит ему такую возможность — преднамеренно, по невежеству либо по небрежности. Стоило мне это осознать, по-настоящему в это поверить и понять, что из этого следует, — и Сатана утратил власть надо мной.

Зейн улыбнулся:

— И над тобой тоже. Теперь мы отправимся в Чистилище: надо удостовериться, что Сатана больше на тебя не претендует. А потом я снова возьмусь за работу.

— Ты гений, Зейн! — воскликнула Луна. — Стоило тебе уяснить ситуацию — и даже сам Сатана не смог противостоять тебе! Теперь я вижу, как мудро поступил мой отец, поручив меня тебе. Прости, что не верила в тебя так, как ты верил в меня!

Она и не знала, как слаба была его вера до того, как на него снизошло озарение!

— Да, я надеялся, что Сатана не сможет противостоять мне, — признался Зейн.

Луна уставилась на него:

— Надеялся? Ты хочешь сказать, что ты не был уверен?

— Разве можно быть уверенным в наитии? Ведь здесь нет прямой связи между вопросом и ответом. Удостовериться в верности ответа нельзя, не проверив его.

— Значит, ты добровольно отказался от всей своей магии и бросил вызов Сатане, не будучи уверен в победе?

— Да, так, — смущенно признался Зейн.

— Зейн! Но ведь это самый отважный поступок, о каком мне доводилось слышать!

— Я решился на это в отчаянии, когда понял, что в игру вступил Сатана собственной персоной. Если бы был другой выход...

— Я и раньше думала, что могу влюбиться в тебя, — промолвила Луна. — Теперь я ни капли не сомневаюсь.

— На самом деле в конечном счете я это сделал не из любви, — сказал Зейн. — Любовь советовала дать тебе умереть и отправиться на Небеса, чтобы ты больше не испытывала страданий. Но мне нужно было, чтобы ты осталась в живых — ради той роли, которую

тебе суждено сыграть в спасении человечества от Сатаны двадцать лет спустя.

— Да, — согласилась Луна. — Теперь я уверена, что никогда не поддамся Сатане. Я слишком хорошо его знаю.

Она помолчала, глядя в лицо Зейну.

— И еще одно...

Зейн смотрел на девушку. Пытки не сломили ее духа. Тело ее, несомненно, еще не оправилось, и все же Луна была ослепительно прекрасна.

— Да?

Луна обвила его шею руками и поцеловала его с неожиданной страстью.

— Эти двадцать лет, пока не наступит мой черед... — сказала она. — Мы с тобой...

— Жизнь и Смерть, — согласился Зейн.

И они вместе сели на Морта и очутились в Чистилище.

Они прибыли к Дому Смерти, и Зейн провел Луну внутрь. Она была смертной, но Зейн откуда-то знал, что теперь имеет право ввести ее к себе. Он может взять ее с собой куда угодно — живой. Теперь она — официально признанная Дева Смерти.

Они устроились на диване в гостиной и включили телевизор.

— Судебное разбирательство, начатое по ходатайству Смерти, отменено, — сообщил диктор с экрана. — Спорный вопрос был разрешен честным образом, — диктор усмехнулся. — Ходят слухи, что рога у Князя Тьмы до сих пор дымятся.

— Вот это я и хотел проверить, — сказал Зейн. — Да, Луна, ты действительно не умрешь раньше назначенного тебе срока. Теперь я могу вернуться к своей работе.

— Да, так будет лучше, — пробормотала Луна. — Ведь сейчас страдают тысячи людей. Им действительно нужна твоя помощь.

— Ничего, я попрошу Хроноса перенести меня в прошлое, чтобы вовремя избавить их от страданий. Смертные даже не заметят моего отсутствия.

— Сейчас многие строят предположения по поводу будущего статуса новой Смерти, — продолжал тем

временем диктор. — Он буквально поставил свою должность с ног на голову, что вызвало серьезные отголоски как на Небесах, так и в Аду. Мы спрашивали мнения Бога и Сатаны, но ни тот ни другой не соизволили ответить.

Зейн покачал головой со смешанным сожалением и восхищением:

— Однако же, проворные репортеры у нас в Чистилище! — По-моему, порой даже слишком проворные.

— Как интересно! — восхликала Луна. — А я и не подозревала, что ты такая важная фигура в глазах Вечности.

— Вовсе не такая важная. Просто программа новостей индивидуальна. Я уверен, что всем прочим воплощением тоже сообщают те новости, которые касаются их лично. Можно выключить, — сказал Зейн, встал и подошел к телевизору.

— Однако, — продолжал диктор, — нам удалось опросить нескольких свидетелей, мнение которых будет существенным в оценке того, как вела себя новая Смерть во время испытательного срока.

Рука Зейна застыла, не коснувшись кнопки.

— Каких еще свидетелей?

— Инкарнации требуют особого к себе отношения, — пояснил диктор. — Сила их столь велика, что обычные категории добра и зла к ним зачастую неприменимы. В данном случае четыре воплощения признали новую Смерть вполне соответствующей требованиям. Они свидетельствуют, что нынешний исполняющий обязанности был подвергнут допросу в неофициальной обстановке, и его ответы были признаны удовлетворительными. Воплощения согласны работать с ним в течение грядущего отрезка Вечности.

— О-о! — сказал Зейн. — Еще бы им не быть довольными! Сами ведь втянули меня во все это!

— Но не они и не мой отец избрали тебя на эту должность, — напомнила ему Луна. — Быть может, они сомневались, что ты окажешься хорошей Смертью.

— И, должно быть, не напрасно, — вздохнул Зейн.

— Не знаю, не знаю...

— Конечно, до тех пор пока не вынесена окончательная оценка, ничего утверждать нельзя, — вещал

диктор, — однако мы считаем уместным сообщить, что, по-видимому, решающее значение будет иметь рекомендация еще одного важного свидетеля.

— Кто бы это мог быть? — поинтересовалась Луна.

— Наверное, кто-то из моих клиентов... — неуверенно ответил Зейн.

— Вот он, главный свидетель, тот, кто заранее знает, куда тяготеет душа Смерти, вступающей в свою должность — к Небесам или к Аду, — продолжал диктор.

— Но кто же это?! — вскричал Зейн.

И в ответ в кадре появилась... морда коня бледного.

— Что скажете, свидетель? — спросил диктор.

Морт заржал.

— Да это просто розыгрыш! — воскликнула Луна.

— Не уверен, — возразил Зейн. — Морт — не обычный конь.

— Вот так-то, господа. Как говорится, устами лошади... Что? Ах да, перевод! Морт сказал, что его новый хозяин проявляет качество, довольно редко встречающееся у воплощений, и уже одно это обращает его ошибки в преимущества. Душа Зейна склоняется в сторону Небес, и он обещает стать одним из самых замечательных людей, когда-либо исполнявших эту должность.

Диктор сделал паузу. Зейн стоял совершенно ошарашенный.

— Поздравляем вас, Смерть! Мы, работники Чистилища, гордимся тем, что отныне вы с нами!

— Зейн! — воскликнула Луна. — Ты победил!

— Но я ведь всего лишь старался, чтобы людям было как можно легче умирать! — сказал Зейн. — Я несколько раз нарушил правила и вообще такого навалия...

А телекамера тем временем поднялась вверх, и в кадре возник небосвод, прекрасный купол земного неба. Мгновение — и день сменился ночью, на небе засверкали мириады звезд, и сонмы ангелов в сияющих нимбах явились в нем. Все они вежливо рукоплескали. Зейну почудилось, что он разглядел среди них свою мать, а другие ангелы были похожи на кое-кого из его клиентов.

Камера опустилась вниз, являя огни подземного мира с полчищами демонов, высывающих свои раздвоенные языки. Но за спинами демонов смутно виднелись души грешников, томящихся в Аду, и кое-кто из них тайком тоже приветствовал его, поднимая вверх большой палец.

Зейн улыбнулся. Радость его была глубока, словно Вечность.

— Спасибо, ребята! — сказал он и выключил телевизор. — Но мне хватило бы благодарности одного единственного человека...

Он обернулся к Луне.

— Всегда! Навеки! — согласилась она, целуя его.

— И все же хотел бы я знать, что это за качество во мне такое? — задумчиво спросил Зейн.

— Вот за это я тебя и люблю! — сказала Луна.

Зейн вернулся к своей обычной работе. Он увидел мать, охваченную горем; та укачивала на руках умирающее дитя. Зейн торопился разобраться с клиентами — их накопилось очень много за время его забастовки — и все же не мог допустить, чтобы скорбящая мать страдала больше, чем это необходимо.

Зейн явился перед ней.

— Признай меня, о женщина! — тихо молвил он.

Женщина подняла голову — и ахнула в ужасе.

— Не бойся меня, — сказал Зейн. — Твой младенец неисцелимо болен. Он страдает, и ему не избавиться от страданий, пока он жив. Лучше освободить его от бремени бытия.

Женщина протестующе зашевелила губами:

— Ты... Ты не стал бы так говорить, если бы должен был умереть кто-то из твоих родных!

— Стал бы, — искренне ответил Зейн. — Я отправил в Вечность свою мать, чтобы положить конец ее страданиям. Я понимаю твое горе, и оно вполне уместно. Но твое дитя — невинная жертва незаконного деяния...

Он не стал говорить о том, что она и так знала: ребенок родился в результате насильтственного инцеста и страдает врожденным сифилисом.

— Для него и для тебя куда лучше, что ему не придется терпеть всех ужасов подобной жизни.

Ее запавшие глаза обратились к нему. Женщина впервые начала воспринимать Смерть как друга, а не как неотвратимое возмездие.

— Так... так и в самом деле лучше?

— Лучше всего об этом сказал Сэмюэль Тейлор Колридж, — мягко ответил Всадник-Смерть, протягивая руку, чтобы забрать душу страдающего младенца. — «Тебя не тронула тень зла — явилась Смерть благая, и розу в Небо вознесла, цвети в чертогах рая».

С этими словами Зейн вынул крошечную душу из тела. Он заранее знал, что эта душа отправится на Небеса: теперь он лучше разбирался в таких вещах.

— А ты совсем не такой, как я думала, — сказала женщина. Когда все было кончено, она отчасти обрела душевное равновесие. — В тебе есть... — она замялась, подыскивая нужное слово, — сострадание.

Сострадание... И внезапно все встало на место. Так вот каким качеством обладал Зейн! Вот чего недоставало всем его предшественникам! Приятно было осознать, что все промедления и нарушения правил, которые он себе позволял, на самом деле — не проступки, а благие деяния. Его клиенты были ему небезразличны. Даже на этой ужасной должности Зейн пытался пробудить все лучшее, что в них было. Теперь ему не стыдно признаться в этом. Он знал, что получил назначение на должность по причинам, не имеющим никакого отношения к его личным достоинствам. Но он преодолел установленные рамки и сейчас понимал, что достоин своего места.

— «Явилась Смерть благая», — повторил Зейн, устанавливая часы на следующего клиента.

Эта мысль была ему приятна.

Послесловие

Всякая книга — приключение и для автора, и для читателя, но в некоторых это проявляется особенно ярко. Прошлое такое послесловие я написал к своему научно-фантастическому роману «Тягучий круг»; те, кому оно не понравилось, могут пропустить и это — они примерно одинаковые. Я считаю, что книга должна быть понятна без дополнительных объяснений; «Коня бледного» тоже можно читать без них.

По совпадению — если верить в совпадения — авторские экземпляры «Тягучего круга» пришли в то время, как я писал эти страницы. Я заглянул в послесловие и понял, что в нем отразились мои новые взгляды, вылившиеся, помимо всего прочего, в «Коня бледного». В 1980-м я перенес болезнь, которая смешала мне все планы. Я попал в больницу и поневоле вспомнил, что смертен. В итоге мне захотелось переключиться с фантастики на фэнтези, ужасы, романы о второй мировой войне, может быть, даже на обычную прозу — развить и расширить свое мастерство, пока это возможно. Иными словами, пока у меня есть здоровье, силы и воображение. Хотелось проверить, могу ли я написать что-то более стоящее.

Что из этого вышло? Я попытался и первым делом обнаружил, что издателей не интересует серьезный Энтони. Мою фантастику тоже поначалу никто не хотел брать; мне потребовалось восемь лет, чтобы пробиться. Теперь, похоже, предстояло потратить еще столько

же. Я не оставлял попыток, пробовавшись тем временем легкой фэнтези — она проста, забавна, пользуется успехом и хорошо оплачивается. Раз надо ждать, пока издатели оценят мои достоинства, я буду ждать безбедно. Таким образом в 1981-м я выдал на-гора почти полмиллиона слов и, похоже, закрепился в жанре фэнтези. Я буду и дальше писать серьезные вещи — я парень упрямый и надеюсь со временем доказать, что издатели не правы. Как видите, я не очень-то верю в их вкус.

Однако трудности, в том числе и с публикацией, заставляют искать новые пути. Пока я силялся протолкнуть в печать серьезные произведения, выяснилось: те же мысли можно вложить в НФ или фэнтези. Чтобы обличить голод или ядерное безумие, не обязательно выходить за пределы жанра — можно расширить его границы и захватить эти области. Раз моя фантастика продаётся, у нее есть читатель, значит, издатели не смогут мне возразить. Это меня окрылило. Например, «Конь бледный» — юмористическая фэнтези с занятным главным героем и, я надеюсь, в таком качестве понравится большинству. Беллетристика должна быть развлекательной! Однако на другом, более глубоком, уровне это довольно злая сатира на современное общество и в то же время серьезное исследование нашего отношения к смерти. Человек единственный на Земле сознает, что должен умереть, и разуму нелегко с этим смириться.

Следует объяснить, как я работаю над книгой. Дело в том, что тут я сильно отличаюсь от других писателей. Разумеется, все писатели разные, и каждый мнит себя по-своему уникальным. Я живу в южной Флориде, в лесной глухи, и мой кабинет — двенадцать на двадцать четыре фута — расположен на конском выгоне. Да, в окружении конского дерья! Сейчас — на третий год нашей жизни здесь — мне провели электричество, и я могу, когда захочу, печатать ночью. Но кабинет не отапливается! Летом я включаю вентилятор, потому что жара частенько доходит до 100 градусов *, а зимой напрягиваю кучу одежды, как будто собираюсь выйти

* Примерно 40° С.

в пургу. Днем земля промерзает редко, но 40—50 градусов* — не та температура, при которой хочется часами сидеть за машинкой. Даже в свитере, куртке, шарфе и шапке я медленно коченею, поскольку руки-то не спрячешь. Раньше я печатал двумя пальцами и мог работать в перчатках, теперь перешел на слепой метод и волей-неволей мерзну.

Поэтому зимой я стараюсь печатать как можно меньше. Я подгадываю так, чтобы первый вариант писать карандашом в блокноте — это я делаю дома, где есть печка, такая жаркая, что мои доченьки жалуются. В промежутках между литературными раздумьями я подбрасываю с трудом напиленные и наколотые дрова в пасть огнедышащего чудовища, поддерживая таким образом свой первобытный уют.

Не поймите превратно: я живу так, потому что люблю сельскую независимость, одиночество и не доверяю сложным машинам. Печка не просто дешевле, она — интереснее. Она же греет зимой воду посредством медного змеевика, помещенного в дымоход. (Летом это делает солнце.) Весной, как потеплеет, я перемещаюсь на выгон, печатаю второй, а затем и окончательный вариант. Каждый роман я переписываю трижды, вылавливаю блох. Но четырех холодных месяцев на книгу много; первый вариант отнимает два месяца, иногда меньше. Поэтому я стараюсь написать за зиму два романа, потом перепечатать оба.

Зимой 1981/82-го один из них был фантастический, другой — в жанре фэнтези. Каждый должен был стать первым в серии из пяти дерзких, энергичных, социально направленных книг. Фантастическая серия, «Биография космического тирана», по внешности — космическая опера, по сути — серьезный политический комментарий. Серию фэнтези я назвал «Воплощения бессмертия» с вежливым поклоном в сторону Уильяма Бордсвorta и его оды «Прозрения бессмертия по воспоминаниям раннего детства». Эта книга, в которой главный герой — Смерть, — первая в серии.

* 10—15° С.

Знаю, некоторые писатели садятся за машинку и с интересом следят, как будут развиваться события. Я почти все продумываю заранее. Я знаю, чем кончится книга, до того, как за нее возьмусь — а сейчас я не берусь за книгу, пока ее не продам. Понимаю, это выглядит обратной последовательностью, но все так и есть. Я кратко излагаю сюжет, и мой нью-йоркский литературный агент показывает его издателям; если мне предлагают договор, я сажусь и пишу. У меня есть много заявок, которые никому не приглянулись — эти книги навсегда остались замыслами. Иногда очень хочется писать, но я себя сдерживаю. Может быть, некоторые мои лучшие произведения так и не появились на свет. В начале карьеры я прежде писал, потом искал покупателя, и, естественно, меня радостно отфутболивали. В какой-то момент на мне повисли восемь отвергнутых книг — не лучший способ заработать на жизнь. Когда я сменил систему, мои доходы утроились, потом еще круче поползли вверх — я продавал все, что писал. Вернее, писал все, что продавал.

Так вышло, что в обеих сериях — «Воплощениях» и «Биографии» — много говорится о смерти — тема, которая меня страшно занимает. Не скажу, чтобы мне это нравилось: постоянная мысль о смерти не дает мне спокойно радоваться жизни. Все началось в отрочестве: умер мой двоюродный брат, с которым мы очень дружили (в этой книге он выведен под именем Тэд). Жизнь обещала ему куда больше, чем мне; я долго не мог отделаться от ощущения, что смерть ошиблась, забрала не того из нас. Теперь я отчетливо сознаю, что мой срок на земле ограничен; в загробную жизнь я не верю. Значит, все, что я хочу сделать, надо успеть в этот единственный раз. Может быть, отчасти поэтому я с таким остервенением пишу книги: таков мой способ, пока не поздно, высказать наболевшее. Хочется верить, что кому-то они будут полезны.

Думаю, мало кто из писателей пробовал, как я здесь, показать Смерть с хорошей стороны. Вот почему на эту книгу трудно было найти заказчика; многие издатели боятся всего нового. А если не удастся протащить

в печать Смерть, то что ждет моих дальнейших героев? В то время у меня уже созрел замысел серии, где должны были появиться столь же странные персонажи: Время, Судьба, Война, Природа. Все начиналось со смерти, и у меня она не столь неотвратима, как в жизни. Это довольно фантастическая мысль, не вполне отвечающая принятым взглядам на загробное существование; легко представить, что она заденет кого-то из читающей публики. Я, при своем упрямстве, не боюсь оскорбить одного или двух читателей; другое дело издатели, которые трепещут перед аудиторией и страшатся ее суда. Мои самые дерзкие выдумки частенько наталкиваются на отказ. Те, кто считает меня автором легкого чтива, просто не видели моих архивов.

Так что я перестраховался. Я послал личное письмо моему издателю фэнтези, Лестеру дель Рей из «Дель Рей Букс», где коротко описал свой замысел и спросил, не хотел бы он получить позднее более развернутую официальную заявку. Такое возможно, если хорошо знаком с издателем. В «Дель Рей» меня печатают давно, знают, чего от меня ждать, и даже по краткому изложению могут определить, соответствует ли книга их вкусам. Если мистеру дель Рей не понравится мой замысел или не захочется рисковать деньгами компании, он ответит частным порядком; ни мне, ни моему нью-йоркскому агенту не придется краснеть, читая официальный отказ.

А теперь, поскольку я люблю и умею держать читателя в напряжении, позвольте отвлечься.

Я собираю драгоценные камни. Многие слышали об алмазах, рубинах, сапфирах и изумрудах. Так вот, они у меня есть. Нет, я не купил два года назад бриллиантик в один карат за десять тысяч долларов и не смотрел, как он дешевеет. В данном случае разум мне заменила стесненность в средствах. Я купил необработанные алмазы у оптового торговца по десять долларов за карат. Они не играют гранями и больше всего похожи на простые булыжники. Тем не менее это алмазы, и я ими владею. Сходным образом я приобрел и другие симпатичные камешки, сравнительно недорого — от ста или чуть больше долларов до восьми

центов за карат. Самый дешевый — ограненный дымчатый кварц. И знаете, что? При слабом свете не так легко отличить кварц от алмаза, и он тоже царапает стекло.

Есть у меня еще топаз, аквамарин, гранат, турмалин, циркон, аметист, скаполит, андалузит и другие, и каждый по-своему замечателен. Можно собрать занятную коллекцию, потратив на нее много меньше, чем стоит самый крошечный бриллиант, а как вложение денег это даже более надежно. Во всяком случае, так было в последнее время: цветные камни росли в цене, алмазы дешевели.

Но тут есть свои ловушки. Дилетанта легко облапошить, особенно если он действует на свой страх и риск. Вообще-то у меня есть надежный поставщик, Торговый дом «Оникс», но я поддался на объявление в местной газете, где предлагали большой звездчатый сапфир.

Я пошел взглянуть на камень. Он оказался страшненьким (или, если выразиться помягче, очень своеобразным) и действительно с огромной звездой. К нам он попал из Северной Каролины, где добывают сапфиры. На солнце казалось, что звезда висит в восьми дюймах над камнем; если подвигать его, она шевелила лучами, словно паук. Это походило на волшебство. Я падок до всякой магии, поскольку в нее не верю, и, разумеется, купил камень.

Тут-то меня и взяли сомнения. Камень большой — сто четырнадцать карат; по десяти долларов за карат получилась довольно приличная сумма. Хороший сапфир стоит гораздо больше — но не попал ли я впросак? И вообще, сапфир ли это? Теперь, когда сделанного было не воротить, мне загорелось выяснить правду. Я позвонил Фреду Роу, владельцу Торгового дома «Оникс», — такое возможно, если вы хорошо знакомы, — и он любезно согласился оценить камень. Вообще-то он не берет на экспертизу чужие камни; он оказал мне личную услугу, примерно как мистер дель Рей, когда согласился частным образом оценить мою книгу. Полагаю, эти двое — самые занятые люди в мире, но не помню, чтобы они хоть раз мне

отказали. Часто самые занятые люди — самые любезные.

8 сентября 1981 года я получил с одной почтой два письма — от мистера Роу и от мистера дель Рея. Мистер Роу вернул мой камень со своим заключением: это корунд (и сапфир, и рубин — разновидности корунда), но низкого качества. Их привозят в Северную Каролину из Индии по пятьдесят центов за карат и продают доверчивым туристам под видом местных по пять—девять долларов за карат. Короче, меня надули. Полагаю, не продавец; он честно верил в ценность своего камня, как, полагаю, многие другие в подобных случаях. Так или иначе, я советую трижды подумать, прежде чем покупать камни в Северной Каролине.

Письмо мистера дель Рея оказалось более приятным. Да, ему понравилась идея «Коня бледного». Нет, посыпать официальную заявку через агента не надо. Он готов прямо сейчас заключить договор. Суммы он не упомянул, но я знал по опыту, что книга по меньшей мере в десять раз компенсирует потраченное на камень.

И это с одной почтой! Судьба совместила два таких разных события. Мистер дель Рей и мистер Роу встретились в моем почтовом ящике. (Мистер Роу, знакомьтесь, мистер дель Рей; Лестер, это Фред. Как я рад вам обоим. Скорее выбирайтесь из душного почтового ящика.) Кто я такой, чтобы перечить Судьбе? Так мой незадачливый сапфир оказался в книге. Они обречены были слиться.

И дело не только в этом. Я упрям во многих отношениях, в частности — не люблю делать ошибки, но они преследуют меня, как весточки из ада. Поэтому всякий опыт, положительный или отрицательный, я стараюсь обратить к выгоде, денежной либо интеллектуальной. Я сел в галошу, приобретая камень, но, если он войдет в книгу, опыт окупится. Мало того, таким образом я сделаю свой корунд уникальным. Может, как звездчатый сапфир он не выдерживает критики, но как камень, пленивший Пирса Энтони... Нет, скажем иначе: как камень, перенесший нового человека в рабочий кабинет Смерти, он вполне стоит потрачен-

ных денег. Разумеется, мой камень, в отличие от выдуманного, не волшебный, и, полагаю, любой покупатель это рано или поздно раскусит. С другой стороны, я не собирался его продавать. Я просто хотел исправить ошибку. Сами подумайте: если уловка сработает, никто не узнает, что я выставил себя дураком.

Еще я вывел в книге свои часы, списав с них таймер Смерти. Я купил их примерно тогда же. Мои — точно такие же, как в книге, только не отстают, а спешат, и не магические. У меня с часами свои отношения, я покупал их в больших количествах, от простых десяти-долларовых будильников до навороченных солнечных хронографов, и у всех было общее свойство — они через год ломались. Те, кто устанавливает гарантию на год, свое дело знают. Наконец я выкинул триста двадцать пять долларов на хьюэровские часы — водостойкие, противоударные, самозаводящиеся и страшные как смертный грех. Они весят добрую четверть фунта, и если тоже сломаются через год, я страшно обижусь. Время покажет.

Я сказал в начале, что каждая книга — это приключение. Однако о таких приключениях я не просил. Мои первые записи были не вымыслом, скорее уж дневником. Неприятности, помехи, случайные мысли (я думаю постоянно) включались в текст. Я записывал их в скобках [вот в таких]. Не слышал, чтобы кто-то из писателей работал подобным образом; впрочем, я не слышал и о писателях, которые не страдали бы от жуткой болезни, именуемой стопор. Возможно, хотя и маловероятно, они все-таки существуют. У меня стопора не бывает, поскольку мой текст включает и использует остановки. Когда я заканчиваю рукописный вариант, я читаю его и выбираю отмеченное скобками — там могут оказаться замыслы будущих романов, иногда они приходят в голову между делом. Хорошими сюжетами разбрасываться не стоит, их надо ловить в то мгновение, когда они мелькнули перед мысленным взором — не ровен час упорхнут к другому. Например, «Конь бледный» возник в скобках внутри предыдущего романа-фэнтези. Моим творческим идеям не приходится ждать в очереди — я рад им в любую минуту.

Как многие уже, наверное, поняли, эта книга — о смерти. Я не верю в сверхъестественное, однако слушаются странные совпадения. О самых печальных речь впереди. В сентябре, когда пришло время вплотную заняться «Конем», произошло два внешне не связанных события.

Одно из них — серия удачных забегов. У меня диабет, легкая форма, я лечусь тем, что не ем сахара и занимаюсь спортом, в частности три раза в неделю бегаю кросс. В хорошем состоянии я пробегаю три мили меньше чем за двадцать две минуты, потом еще полмили бегу трусцой, останавливаю, чтобы не подвергать организм слишком резким перепадам. Так вот, в сентябре я заканчивал пробежку с приличным, но отнюдь не выдающимся результатом, когда за спиной внезапно заурчала мусорная машина. (Она приезжает к нам раз в неделю.) Машина ехала лесом, и здесь наши пути совпадали. Я побежал быстрее. Удивительно, откуда силы берутся, когда полный мусора грузовик прет за тобой в гору! Я поставил рекорд: двадцать две минуты без двух секунд! Неплохо. В следующий раз я чуть поднапрягся: снова меньше двадцати двух минут. В третий раз я поднажал сильнее и показал совсем уже отличное время. Это меня раззадорило. Раньше мне не удавалось укладываться в двадцать две минуты больше трех раз подряд; может, удастся теперь? Да! И в четвертый, и в пятый, и в шестой, и наконец, с огромным трудом, под дождичком, в десятый раз! Вот это да! Теперь можно было бы расслабиться. Но успехи повторялись весь октябрь, как ни трудно было подгадать время для пробежек. Я удивлялся и радовался.

Другое событие было печальным. Моему тестю не-здоровилось все лето, в сентябре он слег.

[Здесь пришлось прерваться — помогал дочери осмотреть лошадиную ногу. Мы всегда смотрим копыта перед прогулкой, чтобы лошадь не охромела из-за застрявшего камешка или сучка, но это не всем нравится. Меня слушают лучше, чем дочку; мне ногу показали. Случись такое раньше, мой герой осматривал бы ногу Морта. В послесловие этого уже не вставишь. Ничего, использую в другой книге. Вот так, вживую, я показал, что замечаю в скобках.]

Тестя положили в больницу, подсоединили к искусственной почке и разрезали. Внутреннее кровоизлияние продолжалось. Его стали готовить к повторной операции, хотя и опасались, что он не выдержит ее так скоро после первой. Шансы были пятьдесят на пятьдесят; он мог умереть и от кровотечения, и под ножом. Теща от волнения не находила себе места. Естественно, моя жена поехала к ней в Тампу и пробыла там пол-октября. Вот почему так трудно было подобрать время для кросса; я не люблю бегать, когда никто не встречает меня дома. В лесу есть охотники, которые не всегда отличают человека от оленя, гремучие змеи, мусорные грузовики, а потом я бегу, не разбирая дороги, могу споткнуться о корень, упасть, разорвать связку; надо, чтобы было кому вызвать «скорую помощь». (Я, кажется, упоминал, что склонен думать о смерти.) Однако мы справились: две мои дочери, четырнадцати и одиннадцати лет, помогали вести хозяйство и кормили животных, когда они (дочери, не животные) приходили из школы. Пенни, старшая [с ней мы недавно встречались в скобках], готовила ужин, я мыл посуду. Тестя понемногу выкарабкивался.

В ноябре—декабре стало полегче. Я вплотную работал над черновиком — и продолжал бегать. Тестя выписали после Дня Благодарения, правда, сильно сдавшего. У него оказался синдром Вегенера — редкое и прежде смертельное заболевание, которое современная медицина научилась лечить. Все-таки мы живем в по-своему счастливое время.

Я закончил первый вариант «Коня» и временно переключился на «Биографию».

Удачные забеги продолжались — сорок, пятьдесят, шестьдесят кряду. Мало того, порой я несколько дней подряд укладывался в двадцать одну минуту тридцать секунд, потом в двадцать одну. Меньше семи минут миля! Что удивительно, это достижение удалось продержать целых десять дней, пока в марте жаркая флоридская весна не положила конец рекордам. Но я по-прежнему не выходил из двадцати двух минут. Семьдесят раз, восемьдесят... когда же это кончится?

Мою тещу, вероятно, подкосила болезнь мужа; она тоже попала в больницу. Хуже того, у нее нашли рак поджелудочной железы. Мы мало знали про эту болезнь и надеялись на полгода-год. Однако всего через шесть недель, когда я перепечатывал «Коня», она умерла.

Я сказал, что эта книга о смерти. Пока я писал ее, рядом тяжело болели и умирали. Это выбивало меня из колеи. Мне жестоко напомнили, что такая смерть для родственников и близких.

Оставалось одно — продолжать: книгу, пробежки, жизнь. Но все стало много печальнее. Смерть не забавна. Может быть, это естественный конец, но мне он не по душе. Совсем не по душе!

Я держал свой рекорд, несмотря на подавленное состояние и растущую жару. Восемьдесят первый удачный забег, восемьдесят второй, восемьдесят третий... может, удастся дотянуть до ста? Я терпеть не могу суеверий, но внезапно поймал себя на том, что считаю забеги, как годы своей жизни. Выходило, что мне отпущено по меньшей мере восемьдесят три. Сколько еще? Чепуха, конечно, но все же...

В апреле 82-го я заканчивал второй вариант и уже видел, что книга выходит короткой. Как правило, окончательный текст получается процентов на пятнадцать длиннее: где-то украсишь, оставишь пустые страницы в конце глав, вставишь то, что писал на полях предыдущего варианта. Надо было набрать достаточный объем, чтобы конечный вариант потянул на сто тысяч слов, указанных в договоре. Обычно я размахиваю книгу, приходится ужиматься; но в этот раз посторонние заметки в скобках заняли много места, и я просчитался с длиной.

Писатели очень следят за количеством слов, поскольку многих издавателей больше волнует объем, чем качество. Они с порога отметают книги, не отвечающие их узким меркам, или безжалостно их кромсают. Не так давно меня заставили выстричь двадцать тысяч слов из романа «Немой». Как всякий писатель, я возмущаюсь подобным варварством, тем более что книга выходит корявой или невразумительной. Так недолго потерять репутацию и даже работу. Лестер дель

Рей никогда так со мной не поступал, но лучше не искушать судьбу.

В данном случае у меня был материал, который я поначалу хотел включить, а потом передумал, поскольку книгу с высоким эмоциональным накалом вообще трудно выстроить. По счастью, все заметки были под рукой, в скобках. Несколько показательных случаев смерти — можно было разбить шестую главу на две, поместить эти сцены в первую часть. Таким образом, глав получалось всего тринадцать — подходящее число для книги о смерти. И вот, печатая второй вариант, я одновременно вернулся к черновику. О да, писатели так работают; плавное законченное повествование, которое вы читаете, порой мучительно составлялось из кусочков.

Пришла хорошая весть о моем фантастическом романе «Голубой адепт»: издание в мягкой обложке вышло — по разным рейтингам — на третье—пятое место. Это большое достижение для легкой фэнтези и первый мой подобный успех. Значит, «Голубой адепт» стал бестселлером, хотя и не попал в список «Нью-Йорк Таймс». Ради таких новостей и живет писатель!

Телефонная компания неизвестно зачем прислала своего человека, и он переключил линии: теперь, когда звонили соседям, попадали к нам, и наоборот. Мой нью-йоркский агент трижды пытался прозвониться по поводу договора на «Биографию космического тирана», самого моего большого на то время проекта, и всякий раз беседовал с соседским мальчиком. Равноценная замена! Одному дьяволу известно, что за контракт бы я получил, если б не узнал про это и не перезвонил. Может быть, дьявол и прислал служащего телефонной компании! Из таких-то мелочей и складывается жизнь писателя.

В понедельник я в восемьдесят четвертый раз успешно пробежал дистанцию. Ха! Я доживу до восьмидесяти четырех лет! Во вторник, шестого апреля, я не бегал — через день я делаю японские отжимания. Довольно трудно объяснить, что это такое. В каратэ их используют для разминки, и они сложнее обычных отжиманий. У меня от них появились мускулы на плечах и груди, теперь я не выгляжу таким тощим. Я добился

того, что отжимаюсь семьдесят пять раз за пять минут — по Часам Смерти. Без времени выходило сто раз, но последние двадцать пять давались таким трудом, что я сделал себе послабление. Зачем я отжимаюсь? Ну, бег укрепляет все тело, за исключением рук, так что я подтягиваюсь и отжимаюсь, чтобы восполнить этот недостаток.

Когда я был вдвое моложе, в 1957-м, я служил в американской армии и очень плохо отжимался. Я не мог оторвать себя от земли десять раз подряд, и капрал говорил мне: «Сходи в казарму и приведи вместо себя мужчину». Только в армии степень мужественности определяется числом отжиманий, и в этом одна из ее бед; однако теперь капрал мне бы такого не сказал.

Я ненавижу отжиматься, но мне нравится быть сильным, поэтому я стискиваю зубы и отжимаюсь. В тот день я ненависти не испытывал и добился потрясающего успеха — семьдесят пять раз за четыре минуты и семь секунд. Каков результат!

Изрядно перетрудив руки — я отжимаюсь на кончиках пальцев, а это больно, — я сел за ленч. Пришла почта, и я ее читал, когда у меня закололо в левом боку. Расстройство желудка? Ладно, пройдет.

Не прошло. Боль усиливалась. С час я терпел, ложился, вставал, два раза бегал к раковине блевать и наконец попросил жену отвезти меня к доктору. Да, к тому самому, что два года назад лечил меня после кошачьей царапины (см. предыдущее послесловие). К этому времени я был в холодном поту и дергался всем телом. Дорога казалась нескончаемой. Каждые тридцать минут я смотрел на часы и обнаруживал, что стрелка сдвинулась всего на пять. «Знаешь, — выговорил я, — смерть, конечно, пугает, но, если остаток жизни будет таким, лучше умереть сразу!» Я говорил искренне. Боль открывает новые горизонты, и эти горизонты отражены в романе.

В приемной у доктора от меня отводили глаза. Я скрючился и дышал часто и мелко — только так удавалось терпеть боль. К тому же я был встрепанный, в майке, шортах, сандалиях и с грязными ногами — в нормальном рабочем виде. Я не записывался, но доктор любезно принял меня без очереди. Думаю, никто

не обиделся. Меня вкатили в кабинет. Я терял сознание. От движения делалось еще хуже. От всего делалось хуже! Но довольно скоро мы разобрались. В моей моче обнаружились следы крови. Симптомы указывали на почечную колику, вероятно, вызванную камнем в почке.

Кончилось тем, что я оказался в больнице. Мне вкололи демерол — синтетический морфий, сильное болеутоляющее. Боль он не утолил, зато оглушил мозг, и это помогло. Жена говорит, я нес ахинею, что-то про мууху на оконном стекле и шаги по кабинету. Я ничего не помню. Будь я в состоянии писать, я бы оставил заметки в скобках и сейчас бы сказал точно, что имел в виду. Муха? Интересно, не Повелитель Мух ли?.. Помню, я приходил в себя, спрашивал: «Я понятно говорю?» Жена, как все хорошие жены трудных мужей, уверяла, что вполне. Я снова отключался; боль не уходила, но, по крайней мере, я большую часть времени был без сознания. Через шесть часов мне чуть-чуть полегчало, еще через час все прошло. Не могу сказать, что в жизни не испытывал таких ужасных страданий, хотя, если верить нашему медицинскому справочнику, камень в почке действительно доставляет человеку едва ли не худшие муки. Мне кажется, сильно ударить палец на ноге — больнее, но палец болит минуту, а это продолжалось шесть часов. Безжалостная нескончаемость — вот что доканывает. Подозреваю, что даже слабая боль становится невыносимой, если длится достаточно долго. Думаю, в этом секрет китайской пытки водой.

На следующий день мне сделали серию рентгеновских снимков — урографию. Для этого в кровь вводят краску, чтобы было видно, как работают разные каналы. Оказалось, левый мочеточник, который соединяет почку с мочевым пузырем, расширен — заблокирован почечным камнем. Вероятно, я с такой силой отжимался, что он покинул свое место и отправился в нелегкий путь. Прошел час, прежде чем он натолкнулся на узкое место, и тогда... бррр! Ничего страшного — крохотный камешек, не больше песчинки; если повезет, он выйдет сам собой. Моча проходит, опасаться нечего. Единственное, что мне велели, — пропускать мочу

через воронку с ситечком, чтобы поймать камень, когда тот соберется выйти. Тогда его можно будет проанализировать.

Я охотно согласился. Если это маленький камень, не хотелось бы встретиться с большим! Однако мне поставили капельницу — полагаю, это делают во всех больницах, чтобы пациент не сбежал, прежде чем расплатится по счету. Чтобы пойти в уборную, приходилось тащить за собой всю стойку. Забудешь — игла выскочит из руки и будет море крови. Наверное, с рассеянными пациентами такое случается. И еще на меня надели больничный халат — знаете, который то и дело распахивается сзади. В больнице все подкрадываются к тебе с тыла! Пытались ли вы когда-нибудь, как здесь говорят, «опорожниться» через воронку с ситечком в пластиковую бутыль, когда из руки торчит трубка, норовящая попасть между вами и тем, что вы делаете? Когда халат старается с вас свалиться? Обычно их носят задом наперед, и к моему никто не потрудился пришить завязки. Если я слишком высоко поднимал руку, пытаясь исправить дело, кровь затекала в трубку. Я обнаружил, что, к тому времени как все остальное готово, зов Природы начисто пропадает. Кажется, это называется «стыдливая почка».

В больничной жизни есть и другие маленькие прелести. Раз ночью у меня заболела голова. Я попросил у сестры таблетку, но она сообщила, что в моей карте указан только демерол. Синтетический морфий от головной боли? Все равно что стрелять из пушки по воробьям! Пришлось мучиться до прихода врача. И потом, пища. Я — вегетарианец и диабетик, не ем мясного и сахара, не пью кофе и чая. Естественно, на завтрак принесли кофе с двумя пакетиками сахара, сладкое желе (желатин получают из коровьих костей) и кусок булки с толстым слоем сахарной глазури. К счастью, были еще каша, бобы и картофельное пюре, так что с голоду я не умер. Пришла жена, принесла воды (до тех пор никто не удосужился налить мне воды в графин). В общем, я остался в живых. Можно было и вовсе не есть, поскольку сладкая водичка поступала мне прямо в вену.

Когда я поел, то надумал сходить в уборную, и обнаружил, что столик над кроватью легче уронить, чем откинуть в сторону. Думаю, если б медики чаще болели и сталкивались с подобными мелочами, многое бы скоро исправилось. Я мягко объяснил сестре насчет еды, она привела диетолога, который помнил меня по позапрошлому году. Мы договорились, что мне не будут давать мясного, сахара и кофе — как раз перед выпиской.

Еще была Полосатая Конфетка — так называют школьниц, которые приносят пациентам воду, сок и тому подобное, а заодно узнают, как работает больница. Они носят премиленькие полосатые бело-розовые халатики и такие же шапочки. Моя пришла в четыре на второй день. У нее были золотистые волосы до пояса. Она не только наполнила мне графин, но и привела семью — они все сидели в моей палате, ели пиццу и болтали. Она позволила мне заплести ей косу, как у настоящего медработника. Похоже, она считала, что это в порядке вещей.

Ой, кажется, я забыл сказать, что этой Полосатой Конфеткой была Пенни Джекоб — моя дочь по плоти. Пенни — Полосатая Конфетка, сладкая монетка. На этот раз я оказался в полной ее власти. Слышал, некоторые отцы уделяют мало внимания детям — наверное, их дети не такие настойчивые.

Уролог прописал мне галлон мочи в день. Нет, не пить, просто потреблять столько воды, чтоб вырабатывать целый галлон жидкости. Знаете, сколько для этого надо выпить? Цель в данном случае — разбавить мочу, чтоб не образовались новые камни. Похоже, что почечные камни — удел среднего возраста и что я живу в камнеобразующей местности; в нашей воде много кальция (хотя врачи и не уверены, что причина в этом), а от жары тело обезвоживается, моча становится более концентрированной, вот и получаются камни. Значит, до конца жизни я обречен пропускать сквозь себя воду. Никогда мне больше не спать всю ночь до утра, придется раз или два бегать в одно местечко. Но если это спасет от камней — пусты.

В первую ночь дома я встал в полтретьего ночи, воспользовался воронкой — и не смог снова заснуть.

Зажигать свет и читать я не стал, боялся потревожить жену. Она и так хлебнула за последнее время — болезнь отца, смерть матери, тут еще я со своей почкой. Неприятности рвались вокруг нас, как осколочные снаряды, а это утомляет. Поэтому я оделся и пошел в кабинет на выгон — попечатать «Коня бледного», работу над которым прервал из-за больницы. Естественно, лошади решили, что я пришел их кормить, и Блу постучала мне в дверь копытом. Я вышел и объяснил ей, что сейчас — три, кормить ее будут в шесть, но едва сел за стол, как она постучала снова. Я испугался, что она разнесет дверь, вышел со шваброй и огrel ее по крупу. Она удалилась, но на рассвете отказалась со мной разговаривать, и я почувствовал себя сволочью. Такова жизнь после камня в почке.

В больнице я не терял времени даром — читал книги, в том числе «Создателей грез» Чарльза Платта, о других писателях-фантастах. Вот ведь чудики, почти как я! Меня обещали включить во второй том, так что не буду критиковать. Блокнот я тоже прихватил с собой. Как вы помните, я переписывал шестую главу, добавлял сцены. Так что в больнице я писал про атеиста — наши взгляды примерно совпадают, с одним фундаментальным отличием: я считаю, что в этой жизни надо делать добро, по мере сил менять мир к лучшему. Тут могут быть разные способы — пожалеть животное, писать книгу в больнице. Для моей трудно было бы сыскать более подходящую обстановку. Правда, если б меня застукали, могли бы и не выпустить. Как оказалось, одна из сестер — моя почитательница, но она меня не узнала — я ведь печатаюсь под псевдонимом, — а потом было уже поздно. Правда, моя дочь Полосатая Конфетка пригласила ее через месяц в гости, так что бедняжка утешилась.

Я вернулся к обычному распорядку. Мои победки остановились на восемьдесят четвертой, я накачивал себя водой, но жизнь продолжалась. Соседям (тем самым, чей сын вел телефонные переговоры о моей книге) пришлось уехать, потому что у одного из родителей нашли серьезную болезнь поджелудочной железы. Мы по своему горькому опыту знали, что это — приговор. Смерть всегда рядом. Пока они были в отъезде, их

призовой кобыле, Навахо, пришел срок жеребиться. Близко не оказалось никого, кто бы мог помочь. Роды были трудные: жеребенок почти час висел, выставив одно копыто; мы боялись, что он умрет. Наконец пришел другой сосед, потянул и вытащил жеребенка — живехонького! Какая радость! Малыш оказался здоровым и скоро уже бегал. Все, как велит Природа: одни умирают, другие рождаются.

В течение месяца камень так и не оказался на си-тешке, и мне сделали повторную урографию. Для начала пришлось выпить волшебную настойку сенны. Жуткая гадость, как все подобные лекарства, но я проглотил. Никакого эффекта. Часов через восемь, посреди ночи — ФУУУУМ! Безумий!

Мне уже делали урографию, но в этот раз некоторые мелочи отличались. Мне дали халат с тремя дырками для рук; неужели здесь лечат трехруких пришельцев? Впрыснули в вену краску — мне стало нехорошо, я поплыл, потом чихнул несколько раз подряд. Мне сказали, это обычное дело, хотя прошлый раз ничего подобного не было. В промежутках между рентгеном я лежал на спине и читал фантастический роман, на который собирался писать отзыв. Зачем даром терять время?

Мы отнесли снимки урологу. Почечного камня не обнаружилось, видимо, он вышел раньше, и мы его не поймали. Жалко, лучше было бы знать состав. Вместо него новые снимки показали затемнение на мочевом пузыре. Ох-ох-ох, неужели опухоль? Доктор решил посмотреть своими глазами и назначил цистоскопию.

Четыре дня ожидания дались нелегко. После всего, что случилось по ходу этой книги, вполне вероятно, что обнаружится именно... а может, там ничего особенного. Например, старый рубец. Я знаю, читатели любят истории с определенным концом, поэтому отложил послесловие на два дня, до окончательного вердикта.

Цистоскопия обставлена пугающе. Я сидел в кабинете, прикрыв полотенцем дрожащие чресла, и смотрел на разложенные орудия пытки: черный ящичек с проводками, капельницу с прозрачной жидкостью, жуткие серые трубки и две чудовищные девятидюймовые

иглы. Ух! Доктор пришел через пять минут — знаю, нарочно, чтобы я успел как следует все рассмотреть. Типичная психологическая пытка!

Доктор впрыснул в канал анестезирующую жидкость — мне показалось, что она сейчас польется обратно. Потом через уретру ввел в мочевой пузырь трубку большого диаметра. К несчастью, у мужчин этот конкретный канал от природы изогнут. Знаете, как вводят прямую трубку в кривой мочеиспускательный канал? Выпрямляют его! Чик — было кривое, стало прямое! Нет, это не больно, скорее неуютно, и физически, и психологически.

Затем доктор вставил в большую иголку маленькую с зеркальцем и лампочкой, чтобы заглянуть внутрь. С помощью капельницы пузырь наполнили прозрачной жидкостью; как я понимаю, это улучшает видимость. Я пытался представить, как фонарик освещает складки, опухоли, камни, валуны, булыжники и какой еще мусор успел там накопиться. Наконец доктор закончил экзекцию, вытащил инструменты и позволил моему изгибу вернуться в исходное состояние.

Вердикт? Ничего. Ровным счетом ничего. Ни камней, ни опухоли, ни мусора. Видимо, ошибка рентгенограммы. Еще весточка от Сатаны. Отпечаток пальца, предположила дочь. Буду считать так.

Ах да — после цистоскопии у меня немного саднило, вышло несколько капель крови. Но ничего плохого не обнаружилось, и дело того стоило. На этом окончился инцидент с почечным камнем.

Итак, я рассказал, как по ходу книги мне снова и снова напоминали о смерти. Хорошо ли это? Надеюсь, да. Индивидуумы должны выживать, поэтому Природа наделила их инстинктом самосохранения и способностью чувствовать боль. Они должны умирать, уступая дорогу новому — иначе на земле и сейчас царили бы динозавры. (Есть новая теория насчет динозавров: при определенной температуре некоторые рептилии дают только мужское или только женское потомство. Представляете, климат меняется, и остаются гигантские пресмыкающиеся лишь одного пола?) Однако смерть приходит сама собой, поэтому вовсе не нужно ее любить. Когда нечто зависит от нашей свободной

воли, как, например, размножение. Природа заботится, чтобы это было приятным — для самцов. В своем равнодушии она не сделала удовольствие самки условием продолжения рода. У многих видов насилие невозможно; иное дело мы. Природа — поистине Зеленая Мать.

Поэтому нам остается бояться смерти, ненавидеть ее, сознавая свое бессилие. Возможно, прав мой герой: если бы мы видели всю картину, лучше понимали роль смерти в жизни, мы бы страдали меньше. Моя книга старается укрепить подобный взгляд. Если хотя бы это мне удалось, то жизнь прожита не зря.

Так что теперь я стараюсь радоваться жизни, пока не поздно. Я смотрю, как дочка скакет на лошади, и думаю, что красивее зрелища не найти. Я здороваюсь с диким серым кроликом, который приходит в темноте подбирать рассыпанный лошадями корм. Я зову его/ее Метка из-за отметины на его/ее левом ухе. Я вижу, как редкий хохлатый дятел долбит мертвое дерево — это самый большой дятел в стране, он будет жить, пока есть мертвые деревья. Я вижу диких оленей, больших коробчатых черепах и надеюсь встретить броненосца. Я вижу мириады паутин в утренней росе. Цветущие кактусы, похожие на желтые розы. И вредного краснобрюхого дятла, который залетает к нам в курятник, долбит аккуратные дырочки в яйцах; теперь наша задача — опередить пернатого лакомку.

Есть и другие радости. Мои книги продаются все лучше. Мне нравится, что я борюсь с громкими новинками за место в списке бестселлеров. Я отвечаю своим поклонникам, как минимум на письмо в день; это отнимает время, которым я дорожу, но мне нравится общаться с теми, кого тронули мои книги. Я знаю, что в общем и целом это счастливая жизнь и лучше думать о ней, чем о неизбежной смерти. Достаточно ли этого, чтобы жить? Не знаю. Я чувствую некоторую вину за то, что не могу разрешить все мировые проблемы, но надеюсь, что смог, пусть в малой мере, облегчить одну из них.

Думаю, главное, что мне открылось: жизнь меняется от часа к часу, от минуты к минуте, как река. Сегодня я не тот, что вчера, чуточку иной телесно или

духовно. Завтра я еще немного изменюсь, с годами — куда сильнее. Цепляться за какой-то отрезок жизни, хотя бы нынешний — бессмысленно, потому что невозможно, а раз невозможно, значит — не стоит усилий. Перемены — самая сущность жизни; смерть — последняя из перемен. Мы не можем удержать даже одного дня, как же удержать целую жизнь? Может, самое чувство индивидуальности, своего «я» — иллюзорно. Если так, лучше не цепляться за иллюзию, а просто прожить жизнь так, чтобы не стыдно было в конце. Жизнь имеет смысл, только если живешь осмысленно.

*Пирс Энтони Дилингем Джекоб
17 мая 1982 г.*

Пирс Энтони

Трудно назвать малоизвестным фантаста, написавшего около сотни романов. А между тем к Пирсу Энтони можно применить именно это определение, и не только в нашей стране. Чем еще объяснить, что писатель, имеющий десятки тысяч горячих поклонников, не получил ни одной из высших литературных премий в фантастике?

Да и вообще — странный он человек. Живет в невероятной по американским меркам глупи — в болотах Флориды. Не выезжает на съезды фантастов и конвенции, отговариваясь занятостью и семейными проблемами (а как не быть проблемам у человека, имеющего двоих взрослых дочерей?) Бравирует собственным вегетарианством и очень заботится о здоровье (сам Энтони называет себя «самым здоровым из всех фантастов» — возможно, что он прав). На гонорары скапивает земли вокруг своего дома, оберегая их от застройки, а сам живет в лачуге. И работает. Не отрываясь на телефонные звонки, но отвечая на каждое письмо читателей, у которых хватило терпения выяснить его адрес. Просто работает.

Так много, как Пирс Энтони, не пишет ни один из американских фантастов. Из-под его пера выходит три-четыре романа в год, и почти каждый становится бестселлером. Сам Энтони к такой популярности относится скептически и замечает, что «доходы, как всем известно, обратно пропорциональны достоинствам, так что худшие мои книги приносят больше денег, чем

лучшие». А между тем клубы его поклонников-фэнов растут, как грибы, по всему миру.

И несмотря на это — ни одной премии.

Впрочем, это не совсем точно. В 1977 году он получил премию, но не американскую, а английскую — Британскую Премию Фэнтези за роман «Заклинание для хамелеона». Но этим дело и ограничилось. Возможно виной тому дурная репутация. Пирс Энтони не любит издателей, считая их неисправимыми и прожженными жуликами (и у него есть на то основания). Издатели вносят Пирса Энтони в «черные списки», считая его склочником. А возможно дело в том, что Пирс Энтони давно не пытается ублажать искушенного читателя. Он пишет *просто* — а этим искусством дано овладеть не каждому, и лавров оно не приносит. Наоборот, критики не устают лепить на широкую спину великана-людоеда (именно так — *Ogre* — именует себя Энтони; даже автобиография его озаглавлена «Bio of an Ogre») ярлыки «легковесный», «слабый», «неглубокий». А зря. Даже поверхностное знакомство с его творчеством опровергает такую точку зрения.

Писать фантастику Энтони (тогда еще Пирс Энтони Диллингем Джейкоб — таково полное имя фантаста) начал в 1963 году. А его дебютный роман «Хтон», опубликованный в 1967 году, был бы необычно сильным даже для более опытного писателя. Осторожно педалируя садомазохистские тенденции, автор создает мир, основные черты психологии жителей которого настолько чужды нам, что ощущение необычайности не оставляет читателя. Хотя продолжение — «Фтор», — написанное восемь лет спустя, и пытается разрешить оставленные в первом романе проблемы, но выглядит оно скорее довеском.

Сюжет следующего романа — весьма популярного до сих пор «Макроскопа» — связан с устройством, позволяющим проводить наблюдения независимо от расстояния, уничтожая уединение, но одновременно открывая человечеству Галактику.

На грани 60-х и 70-х Энтони разразился несколькими интересными романами. «Вседное» вместе с тройкой главных героев, на отношениях которых строится сюжет, создает еще одно убедительно-чуждое

общество. Следующие за ним романы «Орн» и «Бык», продолжают линию первого романа, но могут читаться и отдельно. Другая трилогия — «Боевой круг», включающая романы «Сос-Веревка», «Вар-Палка» и «Нек-Меч», — описывает пост-апокалиптический мир, жители которого к имени добавляют название избранного ими оружия; в ней есть и разработанный кодекс межличностных отношений, и увлекательная фабула.

Особое место занимает написанный в тот же период роман-коллаж «Дантист с плюсом» — блестательный пример великолепного юмора Пирса Энтони, который с течением времени начал занимать все большее место в его творчестве. Отрывок из этого романа — рассказ «Не кто иной, как я» — относится к немногим произведениям писателя, публиковавшимся на русском языке.

А в 1977 году Энтони начал две серии радикально изменившие его роль в фантастике. Первая, менее значительная, открылась романом «Скопление». В этой межзвездной мелодраме проявилась любовь Энтони к Таро и аурам Кирлиан, породившая не только продолжения — «Сковыvая госпожу», «Поиск по Кирлиан», «Тысячезвездие» и «Тягучий круг», но и отдельную серию «Таро». Смесь мистицизма с жесткой НФ придала этим книгам популярность, несмотря на тенденцию к самоповторам, проявившуюся в последних томах.

Но куда большую роль для Энтони сыграло «Заклинание для Хамелеона» — первый роман из всемирно известной серии «Ксант». Как отдельный роман он отличается исключительной силой. Энтони создает оригинальную систему магии, убедительный мир фэнтези, приятных персонажей и завлекательный сюжет, разбавляя все это юмором. «Источник магии» и «Замок Ругна» только поддержали уровень, заданный первой книгой. А затем... затем новые книги потекли рекой. Число томов «Ксанта» уже перевалило за два десятка, а роли главных героев играют уже внуки персонажей первой книги...

Чуть позже Энтони начал еще одну серию — «Ученик адепта». Действие ее происходит в двух переплетенных мирах, в одном из которых действует технология, в другом — магия. При определенных условиях

персонажи (в том числе колдуны и роботы) могут переходить из мира в мир. «Расколотая бесконечность» и ее продолжения «Голубой адепт» и «Наложение» остаются среди самых удачных работ Энтони. Следующие книги читаются с не меньшим удовольствием, но аромат новизны — увы — теряется. Энтони явно устал от серии и ищет новых идей.

Одна из них — пятитомник «Биография космического тирана». Наложение современных стран и режимов на планеты Солнечной системы намеренно прозрачно, и социальная философия гуманиста и либерала Энтони в этой серии проявляется особенно явно.

В конце 80-х Энтони опробовал свои силы в литературе сверхъестественного, вначале в «Тени дерева», а потом в «Светлячке». «Виртуальная мода» открывает новую серию фэнтези — «Мода», о множестве альтернативных миров. И это лишь верхушка айсберга. Остались неупомянутыми еще немало циклов и отдельных романов...

А вот рассказов Пирс Энтони написал сравнительно мало. Почти все их можно найти в сборнике «Энтонология». Но чего стоят одни названия — «В амбаре», «Пятидесятиножка», «Жизнь полоски», «О пользе пыток»...

Ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. Коммерческий успех «Ксанта» и других сериалов несколько сузили область его интересов. Однако в последние годы писатель вновь расширяет рамки своего творчества. И кто знает — может быть будущие его работы окажутся настолько же необычными для начала нового века, каким был для 70-х годов «Ксант», а для 80-х — «Воплощения бессмертия»...

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
На коне бледном, роман, перевод Р. Шитфара	9
Послесловие	356
<i>Д. Смушкович Пирс Энтони</i>	377

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ
Собрание фантастических произведений
НА КОНЕ БЛЕДНОМ

Составитель *Д. Смушкович*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *Г. Трифсик*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

Т. Ярославцева

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление шмидтитолов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 9.10.97. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

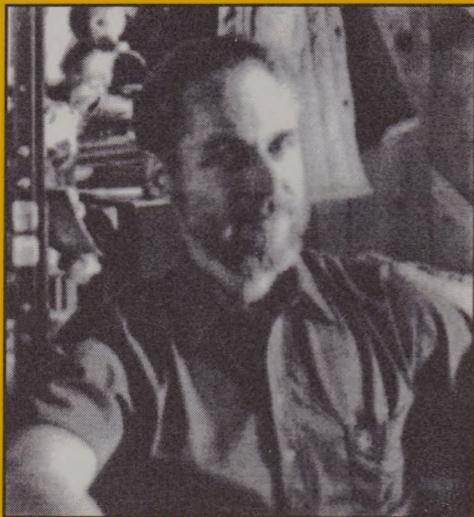
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 1477.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

НА КОНЕ БЛЕДНОМ

В мире, так похожем на наш, ковры-самолеты конкурируют с автомобилями, магия — с технологией, а Сатана разворачивает рекламную кампанию по привлечению человеческих душ в Ад. Ему противостоят пять Воплощений Бессмертия, вселенских сил, правящих Землей. И первая из них — Смерть, скачущая на бледном коне...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ **на коне бледном**